

Спасибо, что скачали книгу в [Библиотеке скептика](#)
[Другие книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Ричард Докинз Бог как иллюзия

Ричард Докинз Бог как иллюзия

Посвящается памяти Дугласа Адамса (1952–2001)

*Неужели недостаточно, что сад очарователен;
неужели нужно шарить по его задворкам в поисках фей?*

Предисловие

В детстве моя жена ненавидела свою школу и изо всех сил мечтала перейти в другую. Много лет спустя, уже двадцатилетней девушкой, она с грустью призналась в этом родителям, глубоко шокировав мать: «Доченька, почему же ты нам тогда прямо не сказала?» Ответ Лаллы я хочу сегодня вынести на обсуждение: «Я не знала, что это мне можно».

Она не знала, что «это ей можно».

Подозреваю — нет, уверен, — что в мире существует огромное количество людей, воспитанных в лоне той или иной религии, и при этом они либо не чувствуют с ней гармонии, либо не верят в ее бога, либо их тревожит совершаемое во имя религии зло. В таких людях живет смутное желание отказаться от веры родителей, их тянет это сделать, но они не сознают, что отказ является реальной возможностью. Если вы принадлежите к числу подобных людей, эта книга — для вас. Ее задача — привлечь внимание к тому, что атеизм — действенное мировоззрение, выбор отважных, замечательных людей. Ничто не мешает человеку, будучи атеистом, быть счастливым, уравновешенным, глубоко интеллигентным и высокоморальным. Это первое, в чем я хочу вас убедить. Также хочу обратить ваше внимание еще на три фактора, но о них чуть позже.

В январе 2006 года я представлял на четвертом канале английского телевидения двухсерийный документальный фильм под названием «*Корень всех зол?*». Сразу хочу заметить, что название мне не понравилось. Религия — вовсе не корень всех зол, потому что ничто не может быть корнем всех зол. Но меня растрогала размещенная четвертым каналом в национальных газетах реклама передачи. Поверх силуэта башен близнецов на Манхэттене — надпись: «Представьте мир без религии». Какой здесь намек?

Вместе с Джоном Ленноном представьте мир без религии». Представьте: не было террористов-самоубийц, взрывов 11 сентября в Нью-Йорке, взрывов 7 июля в Лондоне, Крестовых походов, охоты на ведьм, «порохового заговора», раздела Индии, израильско-палестинских войн, истребления сербов, хорватов, мусульман; преследования евреев за «христоубийство», североирландского «конфликта», «убийств чести», нет

облаченных в сверкающие костюмы, трясущих гривами телевизионных евангелистов, опустошающих карманы доверчивых простаков («Отдайте все до нитки в угоду Господу»). Представьте: не было взрывающих древние статуи талибов, публичного отрубания голов богохульникам, кнутов, полосующих женскую плоть за то, что узкая ее полоска приоткрылась чужому взгляду. Между прочим, мой коллега Дезмонд Моррис рассказал, что замечательную песню Джона Леннона в Америке иногда исполняют, всячески коверкая фразу «нет никаких религий». А в одном варианте ее совсем уж нагло заменили на «есть лишь одна религия».

Но, может быть, вы полагаете, что атеизм не менее догматичен, чем вера, и более разумной позицией является агностицизм? В таком случае надеюсь переубедить вас главой 2, где утверждается, что принятая в качестве научной гипотезы о Вселенной гипотеза бога должна подвергаться такому же беспристрастному анализу, как и любые другие гипотезы. Возможно, вас уверили, что философы и теологи выдвинули достаточно убедительные доводы в защиту религии... В этом случае отсылаю вас к главе 3 — «Доказательства существования бога»; на проверку обнаруживается, что аргументы эти не ахти как сильны. Может, вы верите, что бог есть, потому что иначе откуда бы все взялось? Откуда появилась жизнь во всем ее богатстве и многообразии, где каждый вид выглядит так, словно его специально сотворили по плану? Если вы думаете именно так, надеюсь, вам удастся найти ответы в главе 4 — «Почему бога почти наверняка нет». Не прибегающая к идее создателя, теория естественного отбора Дарвина гораздо экономичней, она с неподражаемой элегантностью рассеивает иллюзию сотворения живых существ. И хотя теория естественного отбора не может разгадать все загадки биосферы, благодаря ей мы активнее продолжаем поиск сходных естественно-научных объяснений, способных в конце концов привести нас к пониманию природы Вселенной. Действенность естественно-научных объяснений, таких как теория естественного отбора, — это второй фактор, на который я хочу обратить внимание читателя.

Может, вы считаете, что бог, или боги, — это что-то неизбежное, потому что, если судить по работам антропологов и историков, верования составляли непреложную часть культур всех народов? Если вы находите этот довод убедительным, пожалуйста, прочитайте главу 5 «Корни религии», объясняющую причины повсеместного распространения верований. А может, вы полагаете, что религиозные убеждения необходимы для сохранения у людей твердых моральных устоев? Бог нужен, чтобы люди стремились к добру? Пожалуйста, ознакомьтесь с главами 6 и 7, где приводятся доводы, объясняющие, почему это не так. Может быть, отойдя от религии, лично вы продолжаете в глубине души считать, что вера в бога полезна для мира в целом? Глава 8 заставит вас задуматься, почему присутствие религии в мире, по сути, оказывается не таким уж благоприятным.

Если вы чувствуете, что увязли в религии, в которой вас воспитали, стоит задать себе вопрос, как это произошло. Скорее всего, веру внушили вам в детстве. Если вы религиозны, то более чем вероятно, что ваша вера совпадает с верой родителей. Если, родившись в Арканзасе, вы считаете, что христианство — истинная религия, а ислам — ложная, и если при этом вы сознаете, что, родись вы в Афганистане, ваши убеждения были бы прямо противоположными, то вы — жертва внушения. *Mutatis mutandis* — если вы родились в Афганистане.

Вопрос влияния религии на детей рассматривается в главе 9; там же речь идет о третьем факторе, на который я хочу обратить ваше внимание. Подобно тому как феминистки морщатся, когда слышат «он» вместо «он или она», у каждого, на мой взгляд, должно возникать неловкое чувство от таких словосочетаний, как «ребенок-католик» или «ребенок-мусульманин». Можно, если вам угодно, говорить о «ребенке родителей

католиков», но если при вас упомянут «ребенка-католика», пожалуйста, остановите говорящего и укажите, что дети слишком малы, чтобы занимать осознанную политическую, экономическую или этическую позицию. Поскольку в мою задачу входит привлечь к данному вопросу как можно больше внимания, я не стану приносить извинений за то, что обращаюсь к нему дважды — здесь, в предисловии, и еще раз в главе 9. Это нужно повторять вновь и вновь. И я повторяю еще раз. Не «ребенок-мусульманин», а «ребенок родителей-мусульман». Ребенок слишком мал, чтобы понять, мусульманин он или нет.

«Ребенка-мусульманина» в природе не существует. Так же, как не существует «ребенка-христианина».

Начинают и завершают книгу главы 1 и 10, каждая по-своему демонстрирует, как путем осознания гармонии природы можно выполнять, не превращая в культ, благородную задачу духовного облагораживания людей; задачу, которую исторически — но так неудачно — узурпировала религия.

Четвертый фактор, требующий внимания, — это гордость своими атеистическими убеждениями. Атеизм не повод для извинений. Напротив, им нужно гордиться, высоко держать голову, потому что атеизм практически всегда свидетельствует о независимом, здравом рассудке, или даже о здоровом рассудке. Существует множество людей, сознающих в глубине души, что они — атеисты, но не решающихся признаться в этом своим семьям, а порой и самим себе. Отчасти это происходит потому, что само слово «атеист» упорно использовалось в качестве жуткого, пугающего ярлыка. В главе 9 приводится трагикомическая история о том, как родители актрисы Джулии Суини узнали из газет о том, что она стала атеисткой. Неверие в бога они еще могли бы снести, но атеизм! **АТЕИЗМ!** (Голос матери срывается на крик.)

Хочу кое-что добавить, в особенности для американских читателей, потому что уровень религиозности в Америке нынче поистине ошеломляет. Юрист Уэнди Каминер заметила, не слишком преувеличивая, что шутить над религией сейчас почти так же опасно, как жечь национальный флаг в штабквартире организации Американского легиона.¹ Положение атеистов в современной Америке можно сравнить с положением гомосексуалистов 50 лет назад. В настоящее время благодаря усилиям движения «Гордость геев» гомосексуалистам удастся, хотя и с трудом, избираться на общественные должности. В ходе опроса общественного мнения, проведенного в 1999 году группой «Галлап», американцам задавали вопрос, проголосуют ли они за вполне достойного кандидата, если этот кандидат — женщина (утвердительно ответили 95 процентов), католик (утвердительно ответили 94 процента), еврей (утвердительно ответили 92 процента), чернокожий (утвердительно ответили 92 процента), мормон (утвердительно ответили 79 процентов), гомосексуалист (утвердительно ответили 79 процентов) или атеист (утвердительно ответили 49 процентов). Как видите, работы еще непочатый край. Но атеистов гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд, особенно среди образованной элиты. Так было уже в XIX веке, что позволило Джону Стюарту Миллю заявить: «Мир изумился бы, если бы узнал, как много самых блестящих личностей, самых выдающихся, даже в глазах рассудительных и благочестивых обывателей, людей проявляют полный скептицизм по отношению к религии».

В наше время это еще более верно, доказательства чему я привожу в главе 3. Атеистов часто не замечают, потому что многие из нас стесняются признаваться в своем атеизме вслух. Очень хочется надеяться, что моя книга поможет таким людям заявить о себе. Аналогично тому, как случилось в гейдвижении, чем больше людей громко заявят о своих

взглядах, тем легче будет это сделать другим. Для начала цепной реакции нужна критическая масса.

Согласно американским опросам, количество атеистов и агностиков в стране значительно превышает количество религиозных евреев и даже количество членов большинства других религиозных групп. Однако, в отличие от евреев, которые, как широко известно, являются в США одной из самых эффективно действующих политических кулуарных группировок, и, в отличие от евангельских христиан, обладающих еще большей политической властью, атеисты и агностики не организованы и поэтому практически не имеют реального голоса. Усилия по организации атеистов сравнивают с попытками согнать в стаю кошек — потому что и те и другие привыкли мыслить самостоятельно и не приспосабливаться к воле вышестоящих. Тем не менее было бы хорошо для начала создать критическую массу явных атеистов, к которой смогут присоединиться остальные. Даже если кошек невозможно согнать в стаю, они, когда их много, способны наделать немало шума, и игнорировать их будет не так-то легко.

Вынесенное в заголовок книги слово «иллюзия» отсылает к термину «навязчивая иллюзия», что вызвало возражения некоторых психиатров, использующих его в работе и не желающих видеть в другом контексте. Я получил три письма, в которых врачи предлагали мне для обозначения религиозной иллюзии специальный научный термин «реллюзия».² Может, он и войдет в обиход, не знаю. Но пока, поскольку я намереваюсь использовать слово «иллюзия» именно в таком смысле, этому выбору нужно дать объяснение. В словаре английского языка издательства «Пингвин» «навязчивой иллюзией» называется «ложная вера или впечатление». Интересно, что пример выбран из книги Филипа Э. Джонсона: «Дарвинизм — это история освобождения человечества от навязчивой иллюзии, будто его судьбу решает превосходящая его сила». Неужели это тот же самый Филип Э. Джонсон, который сегодня возглавляет в Америке выступления креационистов против Дарвина? Да, тот самый, а цитата, как можно догадаться, вырвана из контекста. Надеюсь, упоминание мною этого факта заметят мои оппоненты, поскольку сами они частенько отказывают мне в подобной любезности, намеренно цитируя в креационистской литературе бессмысленно вырванные из моих работ куски. С какой бы целью ни писал Джонсон эту фразу изначально, я готов под ней подписаться в том виде, в каком она представлена. Встроенный в программу Microsoft Word словарь определяет «навязчивую иллюзию» как «упорное верование вопреки убедительным доказательствам противного, особенно — симптом психического расстройства». Первая часть определения вполне применима к религии. Что же касается психического расстройства, то я склонен согласиться с Робертом М. Пирсигом, автором книги «Дзен и искусство починки мотоциклов», заявившим: «Когда навязчивые иллюзии появляются у одного человека, это сумасшествие. Когда они появляются сразу у многих, это религия».

Если бы моя книга сработала так, как мне хочется, то верующие читатели, дочитав ее до конца, закрывали бы ее уже атеистами. Какой наивный оптимизм! Закоснелые верующие не воспринимают доводы разума; иммунитет к сомнениям вырабатывался у них с детских лет при помощи внушений, мастерски отточенных (эволюцией ли, волей ли создателей) за века. Одним из наиболее действенных иммунных средств является нежелание даже открывать подобные книги, которые, несомненно, являются делом рук дьявола. Но хочется верить, что, помимо них, существует немало восприимчивых людей, тех, кого в детстве, возможно, обрабатывали не так настойчиво; либо не ушедших с головой в религию по какой-то другой причине; либо от природы достаточно смывленных, чтобы преодолеть насаждаемые извне доктрины. Таким свободолюбивым умам требуется лишь небольшой

толчок, чтобы они целиком порвали с религиозным дурманом. Ну и наконец, надеюсь, что по крайней мере никто из читателей данной книги в будущем не посетует: «А я не знал, что это можно».

В работе над книгой мне помогали многие друзья и коллеги. Не могу упомянуть всех, но в их числе — прочитавшие ее с чутким вниманием и посодействовавшие мне как критикой, так и советом: мой литературный агент Джон Брокман, редакторы Салли Гаминара (издательство «Трансворлд») и Имон Долан (издательство «Хугтон Миффлин»). Их сердечная, полная энтузиазма вера в мой труд стала для меня огромной поддержкой. Джиллиан Самерскейлз выполнила, внося конструктивные предложения и необходимые поправки, замечательную редакторскую работу. Также я очень благодарен за поправки, внесенные на разных стадиях Джерри Койном, Дж. Андерсоном Томсоном, Р. Элизабет Корнуэлл, Урсолой Гуденоу, Латой Менон и, особенно, *невероятно одаренным* критиком — Карен Оуэнс, изучившей — не хуже меня самого, до последней запятой — каждый из черновых вариантов.

Появлению этой книги немало способствовал (как и книга — его созданию) упомянутый мной двухсерийный документальный фильм «*Корень всех зол?*», показанный по четвертому каналу английского телевидения в январе 2006 года. Я благодарен всем принявшим участие в его подготовке, включая Дебору Кидд, Рассела Барнса, Тима Крэгга, Адама Прескода, Алана Клеменса и Хамиша Микуру. Выражаю благодарность компаниям IWC Media и «Четвертый канал» за разрешение использовать цитаты из него. В Великобритании фильм «*Корень всех зол?*» прошел с большим успехом; его также транслировала Австралийская корпорация телевидения. Остается только ждать, осмелится ли его показать какой-либо из американских телевизионных каналов.³

Книга зрела у меня в уме в течение нескольких лет. Безусловно, за это время часть идей попадала в лекции, например в мои выступления на Тэннеровских чтениях в Гарварде, в газетные и журнальные статьи. В частности, читателям моей постоянной рубрики в «*Свободной мысли*» некоторые фрагменты могут показаться довольно знакомыми. Не могу не выразить признательность Тому Флинну, редактору этого замечательного журнала, за тот стимул, который я приобрел, получив регулярную рубрику. Закончив эту книгу, надеюсь ее продолжить после короткого перерыва и тогда, несомненно, смогу ответить на поступающие от читателей комментарии.

По целому ряду причин я также хочу сказать спасибо Дэну Деннету, Марку Хаузеру, Майклу Стиррату, Сэму Харрису, Хелен Фишер, Маргарет Доуни, Ибн Варраку, Георгию Абросимову, Гермione Ли, Джулии Суини, Дэну Баркеру, Джозефине Велш, Иану Бейду и особенно Джорджу Скейлзу. В наше время подобная книга не может считаться завершенной, если вокруг нее не возникнет активного веб-сайта, содержащего дополнительные материалы, отклики, дискуссии, вопросы и ответы, — кто знает, что день грядущий нам готовит? Надеюсь, что сайт www.richarddawkins.net/ окажется именно таким; и хочется поблагодарить Джошу Тимоонена за профессионализм, творческий подход и огромный труд по его созданию.

И наконец, хочу сказать спасибо моей жене Лалле Бард, которая помогла мне преодолеть сомнения и колебания и не только поддерживала морально, снабжала остроумными предложениями и находками, но вдвоём дважды за время работы над книгой прочла мне ее вслух, чтобы я мог оценить, как будет воздействовать текст на потенциального читателя. Рекомендую всем авторам использовать этот прием, хотя хочу предупредить, что

лучше всего внимать профессиональной актрисе с ухом и голосом, тонко настроенными на музыку языка.

Глава первая. Глубоко религиозный безбожник

*Я не пытаюсь вообразить Бога как личность;
мне достаточно изумительной структуры мироздания,
насколько наши несовершенные органы чувств
могут ее воспринять.*
Альберт Эйнштейн

Заслуженное уважение

На траве, опустив подбородок на сложенные руки, растянулся мальчишка. В переплетении стеблей и корней ему неожиданно открылись удивительные миниатюрные джунгли, населенные муравьями, жуками и даже — хотя в то время он еще этого не знал — миллиардами почвенных бактерий, беззвучно и незаметно питающих экономику микромира. Любознательный ум мальчика силился постигнуть сущность скрытого в траве крошечного леса, растущего, казалось, на глазах, готового сравняться со Вселенной. Это переживание пробудило в ребенке религиозные чувства, и со временем он стал священником. Получив сан в англиканской церкви, он работал капелланом в моей школе и был одним из моих любимых учителей. И если сегодня никто не может сказать, что меня насильно пичкали религией, то это благодаря таким, как он, просвещенным, либеральным священникам.⁴

В другое время и в другом месте я сам был таким же мальчишкой: меня потрясло созерцание Ориона, Кассиопеи и Большой Медведицы, до слез трогала беззвучная музыка Млечного Пути, кружили голову ароматы африканских плю-марий и бьюмонтий. Трудно сказать, почему одни и те же эмоции увлекли нашего школьного капеллана в одну сторону, а меня — совершенно в другую. Среди ученых и рационалистов нередко встречаешь полумистические чувства по отношению к природе и Вселенной, но они никоим образом не связаны с верованиями в сверхъестественное. Думаю, что в детстве нашему капеллану (так же, как и мне) не были известны заключительные строки «*Происхождения видов*» — знаменитый фрагмент о «густо заросшем берегу, покрытом многочисленными, разнообразными растениями», «с поющими в кустах птицами, порхающими вокруг насекомыми и копошащимися в мокрой земле червями». Попадись они ему на глаза, непременно запали бы в душу, и, возможно, вместо библейских объяснений, мальчик вслед за Дарвином убедился бы в том, что все возникло «благодаря господствующим вокруг законам»:

Так вот, из происходящей в природе борьбы, из голода и смерти, непосредственно возникает величайший результат, какой ум в состоянии представить: появление высших животных. Какое величие в этом взгляде на жизнь, которая во всем своем многообразии первоначально затеплилась в одной или нескольких формах; между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.

В книге «Голубое пятнышко» Карл Саган писал:

Как получилось, что ни в одной из популярных религий ее последователи,

попристальней присмотревшись к науке, не заметили: «Так все, оказывается, гораздо лучше, чем мы думали! Вселенная намного больше, чем утверждали наши пророки, — величественнее, элегантнее, сложнее»? Вместо этого они бубнят: «Нет, нет и нет! Пусть мой бог и невелик — меня он и таким устраивает». Религия — неважно, старая или новая, — прославляющая открытое современной наукой величие Вселенной, вызвала бы восторг и почтение, которое и не снилось традиционным культам.

Все труды Сагана — о монополизированном религией в течение последних столетий чувстве удивления. Я в своих книгах пытаюсь добиться того же. И по этой причине меня часто называют глубоко религиозным человеком. Я получил письмо от одной американской студентки, спросившей своего профессора, что он обо мне думает. Тот ответил: «Его позитивистская наука с религией несовместима, но он самозабвенно поет дифирамбы природе и Вселенной. Я считаю, что это — религия!» Однако прав ли он? Вряд ли. Нобелевский лауреат, физик (и атеист) Стивен Вайнберг в книге *«Мечты об окончательной теории»* высказался об этом как нельзя лучше:

Некоторые используют слово «бог» настолько широко и щедро, что неизбежно находят бога везде, куда бы ни взглянули. Нередко слышишь фразы: «Бог — совокупность всего», «Бог — лучшая часть человеческой природы», «Бог — это Вселенная». Безусловно, слову «бог», как и всякому другому, можно придать любое желаемое значение. Если вам угодно провозгласить, что бог — это энергия, вы найдете бога и в куске угля.

Разумеется, Вайнберг прав, и, чтобы слово «бог» не утратило полностью своего значения, необходимо использовать его лишь в том смысле, в каком люди обычно его понимают: для обозначения сверхъестественного создателя, которого «можно превозносить».

К сожалению, возникает много недоразумений, когда веру в сверхъестественное существо путают с тем, что можно определить, как «эйнштейновская» религия. Эйнштейн время от времени говорил о боге (и он не единственный из ученых-атеистов, кто делал это); его высказывания подвергаются неверному толкованию сторонниками сверхъестественного, жаждущими принять желаемое за действительное и залучить в свой лагерь такого выдающегося мыслителя. Широко известно ложное толкование торжественной (или лукавой?) заключительной фразы из книги Стивена Хокинга *«Краткая история времени»*: «И тогда мы прочтем мысли бога». Некоторые — ошибочно, конечно, — поверили, что Хокинг верит в бога. Биолог Урсула Гуденоу в книге *«Священные загадки природы»* использует еще более религиозные метафоры, чем Хокинг или Эйнштейн. Ей импонируют церкви, мечети, храмы, и многие цитаты из ее книги, использованные вне контекста, легко могут быть взяты на вооружение адептами веры в сверхъестественное. Гуденоу даже называет себя «верующим натуралистом». Однако при внимательном прочтении книги выясняется, что она не менее убежденный атеист, чем я сам.

«Натуралист» — понятие расплывчатое. У меня оно вызывает в памяти любимого детского героя доктора Дулитла из книжки Хью Лофтинга (который, кстати, имеет довольно много общего с «философствующим» натуралистом, который путешествует на корабле ее величества *«Бигль»*⁵). В восемнадцатом и девятнадцатом столетиях слово «натуралист» означало то же, что оно означает для нас и сегодня: человек, изучающий естественные науки. Такими натуралистами, начиная с Гилберта Уайта и далее, часто были служители религии. И сам Дарвин в молодости собирался стать священником, полагая, что необременительная жизнь сельского пастора позволит ему беспрепятственно предаться страсти к изучению

жуков. Философы, однако, используют термин «натуралист» в совершенно ином смысле, а именно — как противоположность «стороннику сверхъестественного». Джулиан Баггини в книге «Атеизм. Краткое введение» так объясняет склонность атеистов к натурализму: «Большинство атеистов полагает, что, хотя во Вселенной присутствует только одна имеющая физическую природу субстанция, она порождает мысли, чувство прекрасного, эмоции, моральные ценности — в общем, всю сумму обогащающих человеческую жизнь явлений».

Мысли и эмоции людей *возникают* из невероятно сложных взаимодействий физических элементов мозга. По философскому определению атеист — это человек, считающий, что за границами естественного, физического мира ничего не существует; за кулисами обозреваемой Вселенной нет никакого *сверхъестественного* разумного творца, душа не переживает тело, и чудеса — помимо еще не объясненных природных явлений — не происходят сами собой. Если случается событие, выходящее, казалось бы, в нашем теперешнем, ограниченном понимании мира за рамки естественного, мы надеемся со временем найти разгадку и включить его в ряд природных явлений. Радуга не теряет своей прелести от того, что мы научаемся разделять ее на цвета спектра.⁶

Великие ученые нашего времени, верующие на первый взгляд, оказываются, как правило, далеко не религиозными, стоит пристальней рассмотреть их убеждения. Это, без сомнения, можно сказать об Эйнштейне и Хокинге. Нынешний Королевский астроном и президент Королевского общества Мартин Риз сказал мне, что ходит в церковь как «неверующий англиканец... чтобы не отрываться от общества». В бога он не верит, но, подобно многим ученым, исповедует уже упоминавшийся мною поэтический натурализм. Недавно во время телевизионных дебатов я призвал своего друга, почтенного представителя британского еврейства, гинеколога Роберта Уинстона признать, что его иудаизм носит именно такой характер и что на самом деле он не верит ни во что сверхъестественное. Он почти сознался, но увернулся в последний момент (честно говоря, это он должен был интервьюировать меня, а не наоборот⁷). Я продолжал настаивать, и он сказал, что иудаизм помогает ему дисциплинировать себя, организовывать распорядок жизни и стремиться к добру. Может быть и так, но это, конечно, никоим образом не оправдывает религиозные заявления сверхъестественного плана. В мире есть множество интеллектуалов-атеистов, продолжающих гордо именовать себя иудеями и соблюдать иудейские обычаи; некоторые делают это из уважения к древним традициям, некоторые — в память о погибших предках, а многие с готовностью называют «религией» испытываемый ими — вспомним известнейший пример Альберта Эйнштейна — пантеистический восторг, и это серьезно запутывает ситуацию. Они не верят в бога, но, говоря словами Дэна Деннета, «верят в веру».⁸

Наиболее часто цитируют следующую фразу Эйнштейна: «Наука без религии хрома, религия без науки слепа». Но Эйнштейн также сказал:

То, что вы читали о моих религиозных убеждениях, — это, конечно, ложь; ложь, которая навязчиво повторяется. Я не верю в персонифицированное божество и никогда этого не отрицал, а всегда ясно об этом говорил. Если во мне и есть что-то, что можно назвать религиозным, то это — безграничное восхищение структурой мироздания, насколько наша наука может ее постичь.

Не кажется ли вам, что Эйнштейн противоречит себе? Что из его высказываний можно надергать цитат в поддержку обеих сторон дискуссии? Нет. Под «религией» Эйнштейн

подразумевал не совсем то, что обычно обозначается этим словом. И если продолжить мои пояснения относительно различий между сверхъестественными религиями с одной стороны и эйнштейновской религией с другой, то, пожалуйста, имейте в виду, что я считаю заблуждением только сверхъестественных богов.

Приведу еще несколько цитат из Эйнштейна, чтобы лучше показать, в чем заключается его религия:

Я — глубоко религиозный безбожник. Можно сказать, что это своего рода новая религия.

Я никогда не приписывал Природе никакой цели, преднамеренного стремления или чего-либо, чему можно дать антропоморфическое толкование. Природа — величественное здание, которое мы в состоянии постичь очень неполно и которое возбуждает в душе мыслящего человека чувство скромного смирения. Это поистине благоговейное чувство с мистицизмом ничего общего не имеет.

Идея персонифицированного божества никогда не была мне близка и кажется довольно наивной.

После смерти Эйнштейна апологеты религии по понятным причинам пытаются залучить его в свой лагерь. Однако верующие современники воспринимали его совсем по-другому. В 1940 году Эйнштейн опубликовал знаменитую статью, в которой разъяснял свое заявление: «Я не верю в персонифицированное божество». Это и аналогичные утверждения вызвали шквал писем от сторонников традиционных верований, многие из которых вызвали к еврейскому происхождению Эйнштейна. Приводимые ниже цитаты взяты из книги Макса Джаммера «Эйнштейн и религия» (по которой я также в основном цитирую слова самого Эйнштейна, отражающие его взгляды на религию).

Католический епископ из Канзаса заявляет: «Очень грустно видеть, как человек, принадлежащий к народу Ветхого Завета и его учений, отрицает великую традицию своей нации». Его поддерживает другой католический священник: «Нет никакого другого бога, кроме персонифицированного бога... Эйнштейн не понимает того, о чем говорит. Он целиком и полностью заблуждается. Некоторые думают, что, достигнув ученых высот в какой-либо науке, они получают право высказывать мнение по всем вопросам». Здесь нужно рассмотреть, действительно ли религия является такой сферой, в которой можно претендовать на обладание экспертным мнением. Ведь данный священник вряд ли стал бы считаться с мнением ученого-«фейолога» — специалиста по точной форме и цвету крылышек фей. И он и епископ решили, что, поскольку Эйнштейн не получил богословского образования, он неверно понял природу бога; но Эйнштейн, наоборот, отлично сознавал, что именно он отрицает.

Представляющий некий экуменический союз американский юрист-католик написал Эйнштейну:

Мы глубоко сожалеем, что Вы сделали подобное заявление... высмеивающее идею персонифицированного бога. За последние десять лет не появилось ничего более изощренного, чем Ваше заявление, убеждающее людей в том, что у Гитлера имелись определенные причины высылать евреев из Германии. Даже принимая во внимание Ваше право на свободу слова, я тем не менее утверждаю, что Ваше заявление делает Вас одним из самых серьезных источников раздоров в Америке.

Нью-йоркский рабби сказал: «Безусловно, Эйнштейн является великим ученым, но его взгляды диаметрально противоположны иудаизму».

«Но»? Почему «но»? Почему не «и»?

Президент Исторического общества Нью-Джерси написал письмо, настолько очевидно обнаруживающее слабость религиозного ума, что его стоит перечитать дважды:

Мы уважаем Ваши познания, д-р Эйнштейн, однако Вы, по-видимому, не постигли одного, а именно, что Бог — это дух, и его так же невозможно обнаружить при помощи телескопа или микроскопа, как невозможно, анализируя мозг, найти человеческие мысли или эмоции. Широко известно, что религия основана на Вере, а не на знаниях. Возможно, у каждого думающего человека возникают порой минутные сомнения в существовании Бога. Моя собственная вера смущалась не однажды. Но я никогда, никому не рассказывал о своих духовных колебаниях по двум причинам: 1) я боялся, что, возможно, самим фактом высказывания своих сомнений я нарушу и погублю жизнь и надежды другого человеческого существа; 2) потому что я согласен с писателем, который сказал: «В человеке, разрушающем веру другого, есть что-то злое»... Я надеюсь, д-р Эйнштейн, что Вас просто неправильно процитировали и что Вы скажете что-либо более приятное огромному количеству горячо почитающих Вас американцев.

Как откровенно разоблачает себя здесь автор! Каждая фраза пропитана интеллектуальной и моральной трусостью.

Менее жалким, но более шокирующим было письмо основателя Ассоциации молельного дома Голгофы из Оклахомы:

Профессор Эйнштейн, я верю, что каждый американский христианин ответит Вам: «Мы не откажемся от своей веры в нашего Бога и Сына Его Иисуса Христа, а если Вы не разделяете вероисповедание народа этой страны, то можете убраться, откуда приехали». Я делал все возможное, восхваляя Израиль, а тут появились Вы и одной-единственной фразой из своих богохульных уст сумели свести на нет все попытки любящих Израиль христиан избавиться в нашей стране от антисемитизма. Профессор Эйнштейн, каждый американский христианин немедленно ответит Вам: «Либо отправляйтесь вместе со своей идиотской, лживой теорией эволюции обратно в Германию, откуда Вы приехали, либо прекратите попытки лишить веры людей, приютивших Вас, когда Вам пришлось бежать из родной страны».

Все эти религиозные критики верно поняли одну вещь: Эйнштейн не был одним из них. Он неоднократно возмущался, когда его зачисляли в теисты. Может, он был деистом, как Вольтер и Дидро? Или пантеистом, как Спиноза, философией которого он восхищался: «Я верю в бога Спинозы, проявляющего себя в упорядоченной гармонии окружающего мира, а не в бога, занимающегося судьбами и делами отдельных людей»?

Уточним еще раз терминологию. Теист верит в сверхъестественный разум, который, помимо своей главной работы по первоначальному творению Вселенной, продолжает находиться в ней, чтобы наблюдать за дальнейшей судьбой своего творения и оказывать на нее воздействие. Во многих теистических системах божество глубоко вовлечено в людские деяния. Оно отвечает на молитвы, прощает или наказывает грехи, совершая чудеса, вмешивается в ход событий, печется о хороших и дурных деяниях и знает, когда мы их совершаем (или даже *помышляем* совершить). Деист также верит в сверхъестественный разум, но деятельность этого разума ограничена созданием законов, определяющих развитие

и работу Вселенной. Далее деистический бог в ход мироздания не вмешивается, и уж конечно он не заинтересован в делах людей. Пантеисты совсем не верят в сверхъестественного бога; они используют термин «бог» в качестве не имеющего сверхъестественной нагрузки синонима природы, или Вселенной, или проявляющейся в ее работе гармонии. Деисты отличаются от теистов тем, что их бог не отвечает на молитвы, не интересуется грехами и исповедями, не читает наши мысли и не вмешивается в жизнь, совершая по своему усмотрению чудеса. Деисты отличаются от пантеистов тем, что деистический бог представляет собой своего рода космический разум, а не метафорический или поэтический синоним вселенской гармонии. Пантеизм — это приукрашенный атеизм. Деизм — сильно разжиженный теизм.

Имеются все основания считать, что знаменитые изречения Эйнштейна типа «Бог изощрен, но не зловреден», или «Бог не играет в кости», или «Был ли у бога выбор, когда он создавал Вселенную?» являются пантеистическими, а не деистическими и уж никак не теистическими. «Бог не играет в кости» нужно понимать как: «Сущность мироздания не базируется на случайности». «Был ли у бога выбор, когда он создавал Вселенную?» подразумевает: «Могла ли Вселенная образоваться каким-либо другим путем?» Эйнштейн использовал термин «бог» чисто в метафорическом, поэтическом смысле. Так же, как Стивен Хокинг и большая часть других физиков, время от времени прибегающих к языку религиозных метафор. Книга Пола Дэвиса «Рассудок бога» обитает где-то посередине между пантеизмом Эйнштейна и сложной формой деизма — и за нее он получил премию Темплтона (очень крупный денежный приз, ежегодно присуждаемый Фондом Темплтона ученому, готовому, как правило, сказать что-нибудь приятное о религии).

Давайте подведем итог эйнштейновской религии еще одной цитатой из самого Эйнштейна: «Способность воспринимать то непостижимое для нашего разума, что скрыто под непосредственными переживаниями, чьи красота и совершенство доходят до нас лишь в виде отраженного слабого отзвука, — это и есть религиозность. В этом смысле я религиозен». В этом смысле я тоже религиозен, с той поправкой, что «непостижимое» не означает «закрытое для постижения». Но я предпочитаю не называть себя религиозным, ибо это приводит к неправильному пониманию. Такое неверное понимание вредно, ибо для большинства людей «религия» означает веру в сверхъестественное. Об этом хорошо сказал Карл Саган: «...если под «богом» подразумеваются физические законы Вселенной, то, безусловно, такой бог есть. Этот бог не удовлетворяет человеческие эмоциональные потребности... молиться закону всемирного тяготения глупо».

Интересно, что последнее замечание Сагана в 1940 году предвосхитил профессор Американского католического университета его преподобие доктор Фултон Дж. Шин в своих яростных нападках на Эйнштейна за его отказ от персонифицированного бога. Шин саркастически вопрошал, найдутся ли желающие отдать жизнь за Млечный Путь. По-видимому, он полагал, что приводит аргумент против позиции Эйнштейна, а не в ее поддержку, поскольку далее следует: «В его космической религии есть одна ошибка — попавшая в название лишняя буква «с». Трудно найти в убеждениях Эйнштейна комическое, однако мне хотелось бы, чтобы физики перестали использовать термин «бог» в метафорическом смысле. Метафорический или пантеистический бог физиков колоссально далек от вездесущего, чудотворного, читающего мысли, наказывающего за грехи и внимающего молитвам бога Библии, священников, мулл, рабби и простых прихожан. По-моему, смешение этих двух понятий аналогично интеллектуальной измене.

Незаслуженное уважение

В названии книги — «Бог как иллюзия» — я не имею в виду бога Эйнштейна и бога

других упомянутых в предыдущем разделе выдающихся ученых. Именно поэтому нужно было поговорить об эйнштейновской религии в первую очередь, чтобы дальше ее не касаться: известно, что этот вопрос частенько запутывает дискуссии. В следующих главах я буду говорить только о сверхъестественных богах, из которых большинству моих читателей наиболее известен Яхве, бог Ветхого Завета. Мы поговорим о нем подробнее чуть ниже. Но, прежде чем закончить вступительную главу, необходимо коснуться еще одного вопроса, без обсуждения которого может спутаться идея всей книги. На этот раз я говорю о хороших манерах. Возможно, религиозных читателей обидят мои высказывания; возможно, им покажется, что я испытываю недостаточно уважения к их личным верованиям (либо к верованиям других). Было бы жаль, если бы такая обида помешала им дочитать книгу до конца, поэтому я хочу обсудить этот вопрос здесь, в самом начале.

Широко бытует принятое в нашем обществе почти всеми, включая неверующих людей, мнение, что религиозные верования особенно легко оскорбить и поэтому их нужно окружать исключительно деликатным обращением, на порядок превышающим традиционное уважение, которое любой человек Должен выказывать окружающим. Незадолго до смерти Дуглас Адаме так хорошо сказал об этом в импровизированном выступлении,⁹ что не могу удержаться, чтобы не повторить здесь его:

«Сущность религии... заключается в наборе идей, называемых священными, заветными и тому подобное». При этом имеют в виду следующее: «Вот идея или мнение, и про них нельзя говорить ничего плохого — нельзя, и точка». — «Почему нельзя?» — «Потому что!» Если кто-то голосует за партию, с платформой которой вы не согласны, вы можете спорить об этом сколько душе угодно; каждый из вас будет отстаивать свою точку зрения, но никто при этом не обидится. Если кто-то считает, что нужно увеличить или уменьшить налоги, это можно сделать предметом дискуссии. С другой стороны, когда кто-то заявляет: «Мне нельзя по субботам нажимать на выключатель», мы говорим: «Конечно-конечно, я понимаю».

Почему мы имеем полное право поддерживать лейбористов или консерваторов, республиканцев или демократов, ту или иную экономическую модель, «Макинтош» или «Виндоуз» — но иметь собственное мнение о возникновении Вселенной, о том, кто ее создал... нельзя, это священо?.. У нас уже вошло в привычку не бросать вызов религиозным идеям, но смотрите, какой поднялся переполох, когда Ричард это сделал! Все просто разъярились, потому что такие вещи говорить не положено. Но, глядя на вещи трезво, нет иных причин не делать этого, кроме устоявшейся привычки не обсуждать эти идеи так же открыто, как и все остальные.

Вот вам конкретный пример чрезмерного почтения, проявляемого обществом в отношении религиозных верований. В военное время самым простым способом отказаться от исполнения воинской повинности по убеждениям является ссылка на религиозные убеждения. Будь вы выдающийся философ-моралист, напиши блестящую докторскую об ужасах войны, вам придется-таки попотеть, убеждая призывную комиссию, что вы не можете держать в руках оружие по этическим соображениям. Но стоит заикнуться о том, что один или оба ваши родителя были квакерами, — и все сойдет без сучка без задоринки, как бы косноязычны и неграмотны вы ни были в теории пацифизма или даже того же квакерства.

На противоположном от пацифизма конце спектра находится малодушное нежелание давать религиозные обозначения враждующим сторонам. В Северной Ирландии католиков и протестантов именуют вместо этого соответственно националистами и лоялистами. Термин

«религии» заменили малозначащим «группировки», как, например, в выражении «война между группировками». В результате англо-американского вторжения в Ирак в 2003 году разгорелась межрелигиозная гражданская война между сторонниками суннитской и шиитской ветвей мусульманства. Налицо бесспорно религиозный конфликт, однако в редакционной статье (и ее заголовке) газеты «Индепендент» от 10 мая 2006 года он описан как «этническая чистка». «Этнический» в данном контексте — очередное сглаживание. То, что происходит в Ираке, — это религиозная чистка. Первоначальное употребление выражения «этническая чистка» в бывшей Югославии также можно считать эвфемизмом религиозного конфликта между православными сербами, католиками-хорватами и мусульманами-боснийцами.¹⁰

Я уже раньше говорил о привилегиях, предоставляемых религии во время общественных обсуждений этических вопросов в средствах массовой информации и в правительстве.¹¹ Когда начинается дискуссия по спорным с моральной точки зрения сексуальным или репродуктивным вопросам, можете не сомневаться, что в состав влиятельных комитетов, в дискуссионные панели радио- и телепередач непременно будут включены несколько религиозных лидеров различных вероисповеданий. Я не предлагаю подвергать взгляды этих людей цензуре. Но почему в нашем обществе принято обращаться именно к ним, будто они обладают специальными познаниями в этих вопросах, сравнимыми, например, с профессиональными знаниями философа-моралиста, юриста по семейным вопросам или врача?

Вот еще один пример странного потакания религии. 21 февраля 2006 года Верховный суд США постановил освободить церковь в штате Нью-Мексико от закона, распространяющегося на всех остальных, который запрещает употребление галлюциногенных наркотиков.¹² Ревностные последователи церкви *Centro Espirita Beneficiente Uniao do Vegetal* верят, что могут общаться с богом, только употребляя чай под названием оаска, содержащий запрещенный галлюциногенный наркотик диметилтриптамин. Обратите внимание: достаточно того, что они *верят* тому, что наркотик помогает им стать ближе к богу. Они не обязаны представлять доказательства. С другой стороны, имеется множество доказательств того, что марихуана уменьшает тошноту и негативные симптомы, испытываемые раковыми больными во время курса химиотерапии. Тем не менее Верховный суд в 2005 году постановил, что любой пациент, использующий марихуану в медицинских целях, может подвергнуться преследованию со стороны федеральных властей (даже в тех нескольких штатах, где специфическое использование марихуаны разрешено). Как всегда, религия является козырной картой. Представьте себе общество любителей искусства, которое обращается в суд с заявлением о своей «вере» в то, что для лучшего понимания картин импрессионистов или сюрреалистов им необходимы галлюциногенные наркотики. Когда же церковь делает подобный запрос, ее поддерживает Верховный суд страны. Таким почтением окружены культовые проявления.

Семнадцать лет назад журнал «Новый политик» попросил меня выступить совместно с другими 36 писателями и художниками в поддержку выдающегося писателя Салмана Рушди,¹³ которому в то время был вынесен смертный приговор за написание романа. Возмущившись «симпатией», выказываемой христианскими лидерами и даже некоторыми светскими законодателями умов по поводу «обиды» и «оскорбления», нанесенных мусульманам, я провел следующую параллель:

10

11

12

13

Если бы сторонники расовой сегрегации были поумнее, они бы, заявили — насколько мне известно, не кривя при этом душой, — что смешение рас противоречит их религии. Большая часть оппозиции тут же почтительно удалилась бы на цыпочках. И не нужно заявлять, что это несправедливое сравнение, потому что и у расовой сегрегации нет рационального обоснования. Аналогично этому главным постулатом религиозной веры, силой ее и вящей славой служит то, что от нее не требуется рационального обоснования. Остальным нам приходится отстаивать свои убеждения. Но попроси верующего обосновать его веру — и тебя обвинят в посягательстве на «свободу совести».

Тогда я не знал, что очень сходное событие случится уже в XXI веке. В газете «Лос-Анджелес тайме» (10 апреля 2006 года) рассказывалось, что в студенческих городках США многочисленные христианские группы подают в суд на свои университеты за то, что те внедряют правила, запрещающие дискриминацию, в том числе оскорбление и нападение на представителей сексуальных меньшинств. Вот типичный пример: в 2004 году Джеймс Никсон, двенадцатилетний подросток из штата Огайо, выиграл в суде право носить в школу футболку с надписью «Гомосексуализм — грех, ислам — ложь, аборт — убийство. Двух мнений быть не может».¹⁴ Школьные власти запретили ему появляться в классе в этой футболке, и родители подали на школу в суд. Позицию родителей еще можно было бы как-то понять, если бы она основывалась на Первой поправке к Конституции, гарантирующей свободу слова. Но нет! Хотя это бы и не прошло, потому что свобода слова исключает «пропаганду ненависти». Однако стоит доказать, что ненависть носит *религиозный* характер, и она уже не рассматривается как ненависть. Поэтому вместо свободы слова юристы Никсона взывали к конституционному праву на *свободу совести*. При поддержке Объединенного фонда защиты Аризоны, задачей которого является «юридическая битва за свободу религии», они выиграли процесс.

Поддерживая волну аналогичных христианских судебных процессов, затеянных с целью утверждения религии в качестве легального оправдания дискриминации против гомосексуалистов и других групп, преподобный Рик Скарборо назвал их борьбой за гражданские права XXI века: «Христиане выступают за право быть христианами».¹⁵ Повторю еще раз: если бы эти люди выступали за свободу слова, можно было бы, пусть и с оговорками, им симпатизировать. Но речь не о том. Встречный судебный процесс в защиту дискриминации гомосексуалистов ведется якобы против нарушения религиозных прав! И очевидно, что закон с этим согласен. Вам не позволят заявить: «Запрещая мне оскорблять гомосексуалистов, вы ущемляете мои права». Но вы выиграете, если скажете: «Вы ущемляете мою свободу вероисповедания». А в чем, если задуматься, разница? Опять религия берет верх.

Я закончу главу рассмотрением конкретного примера, наглядно демонстрирующего преувеличенное, вплоть до попирания обычного уважения к человеку, почтение общества к религии. Это случилось в феврале 2006 года — глупейший эпизод, попеременно превращающийся то в комедию, то в трагедию. В сентябре 2005 года датская газета «Юлландс постен» напечатала двенадцать карикатур, изображающих пророка Мухаммеда. В течение трех следующих месяцев небольшая группа проживающих в Дании мусульман, возглавляемая двумя получившими там убежище имамами, настойчиво и умело разжигала негодование в странах мусульманского мира.¹⁶ В конце года злонамеренные изгнанники отправились из Дании в Египет с папкой, содержание которой скопировали и

14

15

16

распространили в мусульманских странах, включая, что немаловажно, Индонезию. В папке были фальсифицированные документы о якобы несправедливом обращении с мусульманами в Дании и намеренная ложь о том, что «Юлландс постен» является рупором правительства. В ней также было двенадцать карикатур, к которым — отметим важную деталь — имамы присоединили еще три изображения неизвестного происхождения, не имеющих абсолютно никакого отношения к Дании. В отличие от первых двенадцати, эти добавочные картинки были действительно оскорбительными — или были бы, если бы на них, как утверждали рьяные агитаторы, изображался пророк Мухаммед. Самой отвратительной из трех была даже не карикатура, а ксерокопия фотографии бородатого мужчины с карнавальным свиным пятачком. Впоследствии выяснилось, что на этой сделанной агентством Ассошиэйтед Пресс фотографии изображался француз — участник состязания по пороссячьему визгу на одной из деревенских ярмарок во Франции.¹⁷ Никакого отношения ни к пророку Мухаммеду, ни к исламу, ни к Дании фотография не имела. Но, предпринимая пропагандистскую поездку в Египет, мусульманские активисты представили документы так, чтобы намекнуть на все указанные связи... с легко предсказуемыми результатами.

Через пять месяцев после публикации двенадцати карикатур тщательно спланированная «обида» и «оскорбление» вызвали взрыв ярости. Демонстранты в Пакистане и Индонезии жгли датские флаги (интересно, где они их взяли?), раздавались истеричные требования извинений от датского правительства. (Извинений за что? Датчане не рисовали карикатур и не публиковали их. Просто они живут в стране со свободной прессой, и, возможно, гражданам многих мусульманских стран трудно это понять.) Норвежские, немецкие, французские и даже американские (но, заметьте, не английские) газеты перепечатали карикатуры в знак солидарности с «Юлландс постен», что только подлило масла в огонь. Начались погромы посольств и представительств, бойкот датских товаров, угрозы физической расправы с гражданами Дании и представителями Запада в целом; в Пакистане жгли христианские церкви, не имеющие никаких связей с Данией или Европой. Во время нападения и поджога ливийскими демонстрантами итальянского консульства в Бенгази было убито девять человек. Как писала Джермейн Грир, больше всего эта публика любит заварушки и знает в них толк.¹⁸

За голову «датского карикатуриста» пакистанский имам назначил цену в 1 миллион долларов США — по-видимому, он не знал, что карикатуры рисовали двенадцать разных художников, и уж наверняка не подозревал, что три самых оскорбительных изображения вообще не печатались в Дании (а, кстати, откуда бы поступил этот миллион?). В Нигерии мусульманские участники протеста против датских карикатур сожгли ряд христианских церквей и изрубили на улицах ножами нескольких христиан (чернокожих нигерийцев). Одного из них затолкали в резиновую шину, облили бензином и подожгли. В Великобритании демонстранты несли плакаты с надписями «Смерть оскорбителям ислама», «Зарубим насмешников над исламом», «Европа, ты умрешь: гроза близится» и — по-видимому, без намеренной иронии — «Обезглавим считающих ислам религией насилия».

После описанных событий журналист Эндрю Мюллер взял интервью у ведущего «умеренного» британского мусульманина, сэра Икбала Сакрани.¹⁹ Возможно, по меркам современного ислама он и является умеренным, но в репортаже Эндрю Мюллера тем не менее поражает замечание, сделанное Сакрани по поводу вынесенного Салману Рушди за написание книги смертного приговора: «Пожалуй, смерть для него — слишком легкое наказание». Эта фраза постыдным образом отличает позицию говорящего от твердых

17

18

19

взглядов его мужественного предшественника на посту «самого влиятельного британского мусульманина», покойного доктора Заки Бадави, предложившего Салману Рушди убежище в своем доме. Сакрани сказал Мюллеру, что очень обеспокоен датскими карикатурами. Мюллер тоже был обеспокоен, но по другой причине: «Меня беспокоит то, что непристойная, выходящая за рамки разумного реакция на несмешные рисунки в неизвестной скандинавской газете заставит людей поверить, что... ислам и Запад разделяет непреодолимая пропасть». Сакрани же выражал свое одобрение британским газетам, не перепечатавшим карикатуры, на что Мюллер осторожно выразил разделяемое всей нацией подозрение, что это было сделано «не столько из уважения к чувствам мусульман, сколько из желания уберечь оконные стекла».

Сакрани объяснил, что «личность пророка, да будет мир ему, почитается в мусульманском мире исключительно высоко; любовь и почтение к нему трудно выразить словами. Они превышают любовь к родителям, к супругам, к детям. Это часть веры. Также в исламе существует запрет на изображение пророка». Но это, по замечанию Мюллера, подразумевает, что:

Ценности ислама должны главенствовать над ценностями остальных — и последователи ислама именно так и полагают, аналогично тому, как сторонники любой другой религии верят, что только им известен истинный путь, свет и правда. Если людям хочется любить жившего в VII веке проповедника больше, чем собственные семьи, это их дело, но другим вовсе не обязательно принимать это всерьез...

Беда только в том, что, если вы не принимаете это всерьез и не ведете себя соответствующим образом, вам угрожают физической расправой в масштабе, которого ни одна из религий не знала со времен Средневековья. Остается удивляться, зачем нужно подобное насилие, учитывая, как пишет Мюллер, что «если ваши клоуны хоть в чем-то правы, карикатуристы все равно попадут в ад — разве этого не достаточно? А тем временем, если вы так печетесь о вреде, наносимом репутации мусульман, почитайте отчеты «Международной амнистии» о Сирии и Саудовской Аравии».

Многие заметили контраст между истерической «обидой», выказанной мусульманами, и готовностью, с какой арабские средства массовой информации печатают стереотипные антиеврейские карикатуры. На проводимой в Пакистане демонстрации против датских рисунков было сделано фото женщины в черной парандже, несущей плакат с надписью «Боже, благослови Гитлера».

В ответ на весь этот нелепый скандал порядочные либеральные газеты осудили насилие, сделали дежурные заявления о свободе слова и в то же время выразили «уважение» и «симпатию» глубокой «обиде» и «страданиям», причиненным мусульманам. Эти «обида» и «страдания», не забывая, не были болью или насилием, причиненными какому-либо человеку; всего лишь несколько капель чернил в газете, о которой никто за пределами Дании и не услышал бы, если бы не преднамеренная кампания подстрекательства к насилию.

Я не сторонник оскорбления или причинения страданий ради страданий. Но меня поражает и удивляет непропорционально привилегированное положение религии в наших, во всех других отношениях светских, обществах. Политикам всех мастей приходится мириться с неуважительными изображениями собственных физиономий, и никто не устраивает по этому поводу погромов. Так что же особенное заключено в религии, что мы отдаем ей такое необычно почтительное уважение? Как сказал Г. Л. Менкен: «Мы должны уважать религию ближнего, но только таким же образом и настолько же, насколько мы уважаем его мнение о том, что его жена — красавица, а его дети — вундеркинды».

Продemonстрировав, как религиям достается непомерное, заранее обеспеченное уважение, я хочу в этой связи пообещать следующее касательно моей книги. Я не буду стараться никого намеренно оскорбить, но и не собираюсь надевать белые перчатки и выказывать более почтения религии, чем сделал бы это в отношении любых других предметов исследования.

Глава вторая. Гипотеза бога

*Религия одного века —
это художественная литература другого.*
Ральф Уолдо Эмерсон

Ветхозаветный бог является, возможно, самым неприятным персонажем всей художественной литературы: гордящийся своей ревностью ревнивец; мелочный, несправедливый, злопамятный деспот; мстительный, кровожадный убийца-шовинист; нетерпимый к гомосексуалистам, женоненавистник, расист, убийца детей, народов, братьев, жестокий мегаломан, садомазохист, капризный, злобный обидчик. У тех из нас, кто познакомился с ним в раннем детстве, восприимчивость к его ужасным деяниям притупилась. Но новичок, особенно не утративший свежести впечатлений, способен увидеть картину во всех подробностях. Каким-то образом получилось, что сын Уинстона Черчилля Рэндольф сумел остаться в неведении о содержании Священного Писания до тех пор, пока оказавшиеся вместе с ним в военном лагере Ивлин Во и другой однополчанин, тщетно пытаясь как-то от него отделаться, не поспорили с молодым Черчиллем, что он не сможет одолеть Библию за пару недель. «К сожалению, результат оказался не таким, как мы ожидали. Он никогда раньше не видел ни строчки из Библии и пришел в ужасное возбуждение — непрерывно зачитывал нам вслух цитаты, восклицая: «Могу поспорить, вы и не подозревали, что в Библии такое может быть!» Или просто хлопал себя по бокам и фыркал: «Боже, какое же дерьмо этот бог!». ²⁰Томас Джефферсон, будучи гораздо лучше начитанным, придерживался аналогичного мнения: «Христианский бог — ужасно неприятное создание: жестокий, мстительный, капризный и несправедливый».

Но нечестно нападать на такую легкую жертву. Правомерность гипотезы бога не стоит оценивать на основе качеств ни ее самого неприятного воплощения — Яхве, ни его пресной противоположности — «доброго, кроткого и безропотного Иисуса». (По справедливости нужно признать, что этот бесхарактерный образ обязан своим существованием больше викторианским христианам, нежели самому Христу. Что может быть тошнотворнее, чем стишок г-жи С. Ф. Александер: «Деткам нужно Иисуса любить, / Как он, послушными, добрыми быть»?) Я не собираюсь нападать на личные качества Яхве, или Иисуса, или Аллаха, или любого другого отдельного божества, такого как Ваал, Зевс или Один. Вместо этого дадим гипотезе бога более четкое определение: *«Существует сверхчеловеческий, сверхъестественный разум, который намеренно задумал и сотворил Вселенную и все, что в ней находится, включая нас».* В данной книге я отстаиваю другую точку зрения: *«Любой творческий разум, достаточно сложный, чтобы что-либо замыслить, может появиться только в результате длительного процесса постепенной эволюции».* Творческие мыслящие существа, будучи продуктами эволюции, неизбежно появляются во Вселенной на более позднем этапе и, следовательно, не могут быть ее создателями. Согласно данному определению, бог — это иллюзия, и, как станет ясно из последующих глав, довольно пагубная.

Поскольку гипотеза бога проистекает из местных традиций или личных откровений, неудивительно, что существует огромное количество ее разновидностей. Историки религий описывают ее развитие от примитивного родового анимизма к многобожию греков, римлян и скандинавов, а также единобожию иудеев и его производных — христианству и исламу.

Многобожие

Трудно сказать, почему переход от многобожия к единобожию сам по себе считается прогрессивным, позитивным событием. Но это широко распространенное мнение, о котором Ибн Варрак (автор книги «Почему я не мусульманин») остроумно заметил, что следующим этапом на пути развития единобожия будет отказ еще от одного бога и переход к атеизму. Католическая энциклопедия отмечает многобожие и атеизм одним беззаботным взмахом руки: «Формальный догматический атеизм является самоопровержимым и никогда не привлекал *de facto* значительного числа логически мыслящих сторонников. И, как ни велико может оказаться влияние многобожия на воображение масс, разум философа оно удовлетворить не в состоянии».²¹

До недавнего времени превосходство единобожия в ущерб многобожеским религиям было официально закреплено в законодательстве о благотворительности Англии и Шотландии: пожертвования, нацеленные на пропаганду едино-божеской религии, освобождались от налогообложения, что позволяло весьма легко распоряжаться этими суммами по сравнению с пожертвованиями светским благотворительным учреждениям, вынужденным по закону подвергаться тщательным проверкам. Я до сих пор лелею надежду убедить членов почтенной индуистской общины Великобритании выступить с гражданским иском и бросить вызов высокомерной дискриминации многобожия.

Куда как лучше, конечно, было бы совсем запретить пропаганду религии в качестве повода для благотворительности. Общество бы от этого получило огромную пользу, особенно в Соединенных Штатах, где поглощаемые церквями, умащающие головы и без того достаточно умасленных телевизионных проповедников суммы не облагаемых налогами пожертвований достигают поистине бессовестных размеров. Однажды некто с уместным именем Орал Роберте заявил телезрителям, что господь умертвит его, если они — паства — не пожертвуют ему 8 миллионов долларов. Невероятно, но они пожертвовали. И это доход без вычета налогов! Роберте по-прежнему процветает и основал Университет Орала Робертса в городе Тулса, штат Оклахома. Заказчиком зданий, оцениваемых в 250 миллионов долларов, оказался сам господь, выразивший свое пожелание в следующих словах: «Воспитавай студентов, чтобы они слышали мой глас и шли туда, где тускл мой свет, где слаб мой голос, где неизвестна моя целительная сила, — даже на край Земли. Их труды превзойдут твои, и этим я возрадуюсь».

С другой стороны, мой воображаемый индуистский истец мог бы поступить согласно поговорке: «С волками жить — по-волчьи выть». Его многобожие можно классифицировать как завуалированное единобожие. Есть только один бог — а господь Брахма-создатель, господь Вишну-хранитель, господь Шива-разрушитель, госпожи Сарасвати, Лакшми и Парвати (жены Брахмы, Шивы и Вишну), господь Ганеша со слоновьей головой и сотни других являются лишь различными проявлениями и воплощениями одного бога.

Христиане, скорее всего, примут такую софистику тепло. Во время дебатов о таинстве Троицы и при подавлении ереси ариан пролились реки средневековых чернил, не говоря уже

о крови. В IV веке нашей эры Арий Александрийский отрицал, что Иисус был *единосущностным* (то есть имел единую сущность, или суть) с богом. Вы, возможно, спросите, о чем, собственно, идет речь. Сущность? Что такое «сущность»? И что подразумевается под «сутью»? Пожалуй, единственным вразумительным ответом будет: не так уж много. Однако эта полемика расколола христианство пополам на целое столетие, и по приказу императора Константина все книги Ария были сожжены. Видимо, в попытках докопаться до сути теологии вечно суждено подкапываться под основы христианства.

Так что же мы имеем — одного бога в трех частях или трех богов в одной? Вопрос проясняется следующим шедевром богословского логического рассуждения из Католической энциклопедии:

В единстве божественной сущности заключены три лица, Отец, Сын и Дух Святой, — отличные друг от друга божественные существа. То есть, как сказано в Афанасьевом символе веры: «Отец есть Бог, Сын есть Бог, и Святой Дух есть Бог. Хотя они являются не тремя Богами, но одним Богом».

И если вышесказанное для вас недостаточно ясно, Энциклопедия приводит цитату из трудов богослова III века святого Григория Чудотворца:

Посему нет в Троице ничего ни сотворенного, ни служебного, ни привнесенного, как бы прежде не бывшего, потом же превзошедшего; ибо ни Отец никогда не был без Сына, ни Сын без Духа, но непреложна и неизменна — всегда та же Троица.

Какими бы чудесами ни заработал Григорий Чудотворец свое прозвище, чудо ясности изложения мыслей в их число не входит. Его речь служит образчиком характерно невнятного, малоразборчивого богословия, не продвинувшегося, в отличие от науки и большинства других областей человеческой эрудиции, за последние 18 столетий ни на шаг. И еще раз прав был Томас Джефферсон, заявляя: «Бессмысленные высказывания нужно высмеивать. Прежде чем за дело может взяться ум, мысль необходимо четко сформулировать; но ни у кого никогда не было четкого определения Троицы. Это просто абракадабра шарлатанов, именующих себя священниками Иисусовыми.»

И не могу не отметить поразительную самоуверенность, с которой верующие предлагают вниманию точнейшие подробности, относительно которых у них нет и не может быть никаких доказательств. Вероятно, именно факт отсутствия доказательств в поддержку богословских мнений служит причиной характерной враждебной нетерпимости, проявляемой к сторонникам даже слегка отличных взглядов, особенно, как повелось, в вопросе о триединстве.

Джефферсон высмеял положение о, как он выразился, «трех богах» в своей критике кальвинизма. Посмотрим теперь, как непрекращающееся заигрывание с идеей многобожества приводит римско-католическую ветвь христианства к безудержной инфляции. К Троице присоединяется Мария, «царица небесная», — богиня во всем, кроме наименования, которая по количеству обращаемых к ней молитв уступает только самому богу. Затем пантеон пополняется армией святых, заступническая сила которых делает их если и не полубогами, то кандидатами на это звание в областях их специализации. На форуме католического сообщества услужливо перечислены 5120 святых²² — экспертов по разным вопросам¹⁸, включая боли в животе, помощь жертвам нападений, потерю аппетита, продажу оружия, кузнечное дело, переломы костей, изготовление бомб, нарушения работы

кишечника — и все это только до буквы В латинского алфавита. Кроме того, нельзя забывать три триады ангельской иерархии, разделенные на девять чинов: серафимов, херувимов, престолы, господства, силы, власти, начала, архангелов (начальников над ангелами) и старых добрых ангелов, включая наших близких знакомцев, вечно оберегающих нас ангелов-хранителей. Что меня поражает в католической мифологии, так это не только безвкусный китч, но больше всего — равнодушная беспечность, с которой они изобретают подробности по ходу дела. Просто бессовестно выдумывают.

Папа Иоанн Павел II причислил к лику святых и блаженных больше людей, чем все его предшественники за предыдущие несколько столетий; особенно он почитал Деву Марию. Его многобожеские симпатии ярко проявились в 1981 году, когда после произошедшего в Риме покушения на его жизнь он приписал свое спасение вмешательству Фатимской богородицы: «Рука Божьей Матери отвела пулю». Невольно возникает вопрос, почему она не отвела пулю совсем. Кому-то может показаться, что команда хирургов, оперировавшая папу в течение шести часов, также заслуживает толику признания, хотя, может, и их руками водила божья мать. Но что интересно, так это убеждение папы, что пулю отвела не просто богородица, а именно Фатимская богородица. Видимо, Лурдская, Гвадалупская, Междугорская, Акитская, Зейтунская, Гарабандальская и Нокская богоматери были заняты в то время другими делами.

Как справлялись с многобожескими головоломками греки, римляне и викинги? Венера — это одно из имен Афродиты или это совершенно другая богиня любви? Тор с молотом — воплощение Вотана или отдельное божество? Какая разница? Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на отделение одного порождения фантазии от другого. Бегло коснувшись, чтобы не подвергаться упрекам в небрежности, многобожия, я не буду о нем больше говорить. Для краткости я буду называть все божества — как моно-, так и политеистические — просто «богом». Также, поскольку известно, что бог Авраама является агрессивно (мягко выражаясь) мужским началом, местоимения, исходя из этого, будут употребляться в мужском роде. Более изощренные богословы провозглашают бесполое начало бога, а некоторые женщины-богословы — сторонницы феминизма, пытаясь побороть историческую несправедливость, объявляют бога женщи-ной. Но, в конце концов, какая разница между несуществующим лицом мужского или женского пола? Возможно, однако, что в странной сфере переплетения богословия и феминизма реальность объекта становится менее существенной, чем его пол.

Хорошо понимаю, что критиков религии можно упрекнуть в неуважении к богатому разнообразию так называемых религиозных традиций и теорий мироустройства. Поразительная феноменология суеверий и ритуалов блестяще отражена в таких антропологически достоверных книгах, как «Золотая ветвь» Джеймса Фрейзера, «Объяснение религии» Паскаля Бойера или «Веруем в богов» Скотта Атрана. Читайте их, чтобы изумиться, насколько велика человеческая доверчивость.

Но эта книга — о другом. Я порицаю веру в сверхъестественное во всех ее проявлениях и самым эффективным способом критики полагаю сосредоточить внимание на наиболее знакомой читателям и наиболее опасной для общества ее форме. Большинство моих читателей выросли в лоне одной из трех современных «великих» религий (четырех, если считать мормонство), ведущих начало от легендарного патриарха Авраама, поэтому в данной книге стоит прежде всего говорить об этой группе традиций.

Пожалуй, нужно сразу сделать одно отступление, чтобы ответить на возражение, которое непременно — как день непременно сменяет ночь — возникнет в рецензиях на книгу: «Я тоже не верю в того бога, про которого пишет Докинз. Я не верю в живущего на

небе белобородого старика».

Этот старик — просто надоевший камуфляж, завешивающий длинной бородой далеко не безобидную проблему. Своей вопиющей нелепостью этот знакомый образ отвлекает внимание от того, что настоящие убеждения говорящего не намного разумнее. Конечно, я знаю, что вы не верите в сидящего в облаках старика, давайте не будем тратить на это больше времени. Я не нападаю на определенный тип бога или богов. Моя мишень — бог, все боги, все сверхъестественное, где бы оно ни было или ни будет изобретено.

Единобожие

Единобожие — это огромное, замалчиваемое, таящееся в центре нашей культуры зло. Из варварского текста под названием Ветхий Завет эпохи бронзового века возникли три античеловеческие религии — иудаизм, христианство и ислам. Это религии небесного божества. Они в буквальном смысле патриархальны: бог является сущим отцом — и отсюда проистекает двухтысячелетнее презрение к женщинам в тех странах, где правит небесное божество и его земные представители мужского рода.

Гор Видал

Самой старой из трех авраамовых религий и, несомненно, прародительницей двух остальных является иудаизм, зародившийся как племенной культ одного очень неприятного бога, патологически озабоченного сексуальными запретами, запахом жженой плоти, собственным превосходством над другими богами и исключительностью избранного им кочевого племени. Во время оккупации римлянами Палестины Павел из Тарса основал христианство в качестве менее строго единобожеской и менее замкнутой версии иудаизма, обращенной не только к евреям, но и ко всему остальному миру. Несколько веков спустя Мухаммед и его сторонники, возвратившись к первоначальному безусловному единобожию иудаизма, но отбросив идею исключительности, учредили на основе новой священной книги, Корана, ислам, добавив в него выигрышную идею распространения новой религии путем военных побед. Христианство также распространялось посредством меча; сначала, вслед за возвышением его императором Константином из странного культа до официальной религии — руками римлян, потом — крестоносцами, а позднее — конкистадорами и другими европейскими колонизаторами и захватчиками, сопровождаемыми миссионерами. Для своих целей я буду рассматривать все три Авраамовы религии вместе, без различия. В отсутствие специальных оговорок условимся, что, кдк правило, я имею в виду христианство, но только потому, что я знаком с этой версией больше, чем с другими. Для предмета моего обсуждения сходство между данными религиями важнее, чем различие. Также я не буду касаться таких религий, как буддизм или конфуцианство. Их, пожалуй, легко можно считать даже не религиями, а системами этики или жизненной философией.

Для более полного описания Авраамова творца упрощенное определение гипотезы бога, с которого я начал главу, нужно развить. Авраамов бог не только создал Вселенную; он — обитающий в ней или за ее пределами (что бы это ни означало) персонифицированный бог с набором уже упомянутых выше неприятных человеческих черт характера.

Деистскому богу Вольтера или Томаса Пейна человеческие черты — приятные или

неприятные — не свойственны вообще. По сравнению с неумным психопатом из Ветхого Завета деистский бог xviii века, эпохи Просвещения, представляет собой гораздо более возвышенное существо, достойное своего космического детища, не обращающее в своем величии внимания на людские заботы, высокомерно отрешенное от наших мыслей и чаяний и безразличное к постыдным грешкам и запутанным оправданиям. Деистский бог — присный и во веки веков физик, альфа и омега математики, апофеоз творческого гения; Верховный Инженер, установивший и отладивший с филигранной точностью законы и константы Вселенной, устроивший то, что мы называем нынче «Горячим Большим Взрывом», а затем удалившийся на покой и больше никогда о себе не заявлявший.

В более религиозные эпохи деисты подвергались таким же преследованиям, как и атеисты. В книге «Вольнодумцы» Сьюзен Джакоби приводит перечень обрушиваемых на голову бедного Томаса Пейна эпитетов: «Иуда, змея, свинья, бешеный пес, вошь, пропойца, чудовище, тварь, лжец и, конечно, безбожник». Пейн умер в нужде, покинутый всеми бывшими соратниками по политической борьбе (за исключением благородного Джефферсона), которых смущало его антихристианское мировоззрение. Нынче ситуация изменилась настолько, что деистов чаще противопоставляют атеистам и объединяют в один лагерь с верующими. В конце концов, они же верят в создавший Вселенную верховный разум.

Секуляризация, «отцы-основатели» и религия Америки

Бытует мнение о том, что американские «отцы-основатели» были деистами. Это, безусловно, так, хотя некоторые полагают, что самые знаменитые из них могли быть атеистами. Их высказывания тех лет о религии убеждают меня в том, что в наше время большинство из них придерживалось бы атеистического мировоззрения. Но, каковы бы ни были их убеждения в то время, все они без исключения являлись антиклерикалами, и именно об этом я хочу поговорить в данном разделе, начав его, возможно неожиданно, словами сенатора Барри Голдуо-тера, произнесенными в 1981 году и ярко демонстрирующими, как упорно этот кандидат на пост президента и яростный поборник американского консерватизма защищал антиклерикальные традиции, заложенные в основу республики:

Ни в чем люди не упорствуют так сильно, как в вопросе религиозных верований. В любом споре не найти единомышленника надежнее, чем Иисус Христос, бог, Аллах или кто угодно еще, кого считают верховным судьей. Но, подобно любому другому мощному оружию, имя бога в своих интересах нужно использовать с оглядкой. Возникающие в нашей стране многочисленные религиозные группировки неразумно расточают духовный запал, пытаясь принудить правительство безоговорочно разделить их позицию. Стоит выразить несогласие с этими религиозными группировками в определенных вопросах морали, они начинают жаловаться, угрожать отказом дать деньги или свои голоса — или то и другое.

Честно скажу, меня тошнит от этих расплодившихся по всей стране политизированных проповедников, твердящих, что, если я хочу быть добропорядочным гражданином, я должен верить в А, Б, В и Г. Кто они такие, чтобы мне указывать? Почему они считают, что имеют право навязывать мне свои моральные убеждения? И еще больше меня как законодателя злят угрозы разных религиозных групп, считающих, что у них есть богоданное право при каждом голосовании в сенате контролировать мой голос. Сегодня я хочу прямо их предостеречь: если под маской консерватизма они станут навязывать свои моральные убеждения всем американцам, я буду беспощадно с ними сражаться.²³

Религиозные убеждения «отцов-основателей» сильно интересуют современных американских пропагандистов правого толка, пытающихся протолкнуть свою версию истории. Но, вопреки их взглядам, тот факт, что Соединенные Штаты не были основаны как христианская нация, был записан в условия составленного во время президентства Джорджа Вашингтона, в 1796 году, договора с Триполи, подписанного Джоном Адамсом в 1797 году:

Поскольку правительство Соединенных Штатов Америки ни в каком смысле не основано на базе христианской религии, — и поскольку оно не имеет никакой враждебности по отношению к законам, религии или общественному спокойствию мусульман — и поскольку указанные выше (Соединенные) Штаты никогда не участвовали в войне или во враждебных актах против какой-либо магометанской нации, ниже участниками договора заявляется, что никакой повод, проистекающий из (различных) религиозных воззрений, не вызовет когда-либо перерыва в гармонии, существующей между двумя странами.

Начало этой цитаты вызвало бы бурный протест нынешней вашингтонской верхушки. Однако Эд Бакнер убедительно доказал, что в свое время оно не вызвало возмущения²⁰ ни среди членов правительства, ни среди населения.²⁴

Давно уже отмечена странность того, что основанные как светское государство Соединенные Штаты в настоящее время являются самой религиозной страной христианского мира, в то время как Великобритания с устоявшейся, возглавляемой конституционным монархом церковью — одна из наименее религиозных. Меня постоянно спрашивают, почему это так, но я не знаю. Возможно, Англия просто устала от религии после нескольких столетий ужасных религиозных распрей, в течение которых протестанты и католики попеременно брали верх и истребляли оппонентов. Другим объяснением может оказаться то, что Америка — это нация иммигрантов. Как полагает мой коллега, европейские переселенцы, покинув стабильность и уют родного очага, тянулись на чужой земле к церкви как к суррогатной семье. Возможно, эту идею стоит исследовать подробнее. Не вызывает сомнения, что для многих американцев принадлежность к местной церкви является важным элементом отождествления, действительно напоминающим родственные связи.

Согласно другой гипотезе, религиозность американцев проистекает, как это ни странно, из антиклерикализма конституции. Именно потому, что в юридическом отношении Америка является светским государством, религия превратилась в своего рода частное предпринимательство. Конкурирующие церкви стараются переманить друг у друга паству — вместе с толстыми кошельками; при этом в ход пускается весь арсенал агрессивных рыночных уловок. Приемы рекламы стирального порошка помогают рекламировать и бога; в результате налицо почти маниакальная религиозность среди слабообразованных классов. В Англии же, наоборот, под сенью прочно укоренившейся церкви религия превратилась в почти полностью утратившее религиозные признаки времяпрепровождение в приятной компании — не более того. Эту английскую традицию замечательно выразил в газетной статье («Гардиан») Джайлс Фрейзер, англиканский священник, попутно — преподаватель философии в Оксфорде. Подзаголовок статьи звучал так: «Англиканская церковь изъела бога из религии, но в более энергичном подходе к вопросам веры кроется опасность»:

Было время, когда сельский священник составлял неперемнную, яркую принадлежность английской сцены. Вежливый, чудаковатый любитель чая с мягкими манерами, в начищенных ботинках, он представлял собой религиозный тип, в присутствии которого атеисты не чувствовали себя неловко. Он не впадал в экзальтацию, не прижимал собеседника к стене, допытываясь, уверен ли тот в своем спасении, а уж тем более не

обрушивал с кафедры громы на головы иноверцев и не закладывал на дорогах мины во славу всевышнего .²⁵

(И опять мелькает тень героя-авиатора из стихотворения Бет-джемена «Наш падре», процитированного в 1 главе.) Далее Фрейзер пишет, что «по сути дела, добрый деревенский священник послужил огромным массам англичан прививкой от христианства». В конце статьи автор с сожалением говорит о недавно возникшей в англиканской церкви тенденции вновь серьезно заниматься религиозными вопросами и в последней фразе предупреждает: «Меня беспокоит, как бы мы не выпустили джинна английского религиозного фанатизма из сосуда установившихся воззрений, в котором он дремал в течение последних столетий».

Буйство джинна религиозного фанатизма в современной Америке ужаснуло бы «отцов-основателей». Верно или нет парадоксальное утверждение, осуждающее светский характер составленной ими конституции, но сами они почти наверняка были антиклерикалами, убежденными в необходимости разделения религии и политики, и этого достаточно, чтобы записать их в сторонники, например, тех, кто протестует против вывешивания Десяти заповедей в правительственных общественных зданиях. Но хочется разобраться как следует: не продвинулись ли хотя бы некоторые из «основателей» далее деизма. Может, они были агностиками или даже настоящими атеистами? Нижеследующее утверждение Джефферсона неотлично от того, что мы ныне называем агностицизмом:

Разговор о нематериальном существовании — это разговор ни о чем. Говорить, что человеческая душа, ангелы, бог — нематериальны, то же самое, что признавать, что они — ничто, что нет ни бога, ни ангелов, ни души. Я не могу мыслить по-другому... не погрязая в бездне беспочвенных мечтаний и фантазий. Меня достаточно устраивает и занимает реальность, чтобы мучиться и беспокоиться по поводу вещей, которые, может, и существуют, но о существовании которых у меня нет сведений.

Кристофер Хитченс в биографической книге «Томас Джефферсон — творец Америки» высказывает предположение, что Джефферсон, вероятно, был атеистом даже в то время, когда быть атеистом было гораздо труднее:

Что касается того, был ли он атеистом, думаю, лучше не торопиться с выводами хотя бы потому, что в силу своего общественного положения ему приходилось проявлять осмотрительность. Но еще в 1787 году в письме к племяннику Питеру Карру он утверждал, что в поисках истины человеку не должно бояться последствий. «Если Вы придете к выводу, что Бога нет, то побуждением к добродетели будут для Вас сопряженные с добродетельными поступками радость и удовольствие, а также любовь людей, которой они Вам ответят».

И очень трогательно звучит следующий совет Джефферсона из другого письма Питеру Карру:

Страхните с себя все страхи и угодливые предрассудки, перед которыми по-рабски пресмыкаются слабые умы. Пусть руководит Вами разум,веряйте ему каждый факт, каждую мысль. Не бойтесь поставить под сомнение само существование Бога, ибо если Он есть, то ему более придется по душе свет разума, нежели слепой страх.

Такие замечания Джефферсона, как «христианство — самая извращенная система из всех, с которыми сталкивалось человечество», могут звучать из уст как деиста, так и атеиста.

То же самое можно сказать и о непререкаемом антиклерикализме Джеймса Мэдисона: «Мы имели возможность пристально рассматривать юридические институты христианства в течение пятнадцати веков. И каковы их плоды? Повсюду, почти без исключения, служители церкви высокомерны и праздны, паства — невежественна и раболепна; и те и другие полны предрассудков, ханжества и ненависти к инакомыслящим». Аналогично высказывались Бенджамин Франклин («Маяки полезнее церквей») и Джон Адаме («Как хорошо было бы в мире без религии»). Адаме в особенности прославился замечательными тирадами против христианства: «Насколько я понимаю христианство, оно было и остается откровением. Но почему в результате смешения мириадов басен, мифов и легенд с иудейскими и христианскими откровениями возникла самая кровавая из когда-либо существовавших религий?» И в другом письме, на этот раз Джефферсону, автор едва не с содроганием упоминает самый трагичный в истории пример надругания над страданиями — крест. Только представьте, сколько мучений причинил этот инструмент!

Кем бы ни были Джефферсон и его коллеги — теистами, деистами, агностиками или атеистами, — они оставались убежденными антиклерикалами, твердо верящими, что религиозные убеждения президента или отсутствие таковых — это личное дело президента. Вне зависимости от собственных верований все «отцы-основатели» пришли бы в ужас, прочитав ответ Джорджа Буша-старшего, данный в интервью журналисту Роберту Шерману, когда тот спросил, признает ли он равные гражданские права и патриотизм тех из американцев, кто является атеистом: «Нет, я не считаю, что атеистов нужно считать гражданами, также их нельзя считать и патриотами. Наша нация объединена Богом».²⁶ Полагаясь на верность цитирования Шермана (к сожалению, он не записывал это интервью на диктофон, а в других газетах оно не было опубликовано), попытайтесь заменить «атеисты» в заявлении президента на «иудеи», «мусульмане» или «чернокожие». Становится очевидным уровень дискриминации и предубеждений, которым подвергаются в наше время американские атеисты. Напечатанная в газете «Нью-Йорк тайме» статья Натали Энгьер «Исповедь одинокого атеиста» — грустный и трогательный рассказ о чувстве разобщенности, которое испытывают атеисты в современной Америке.²⁷ Однако это обманчивое одиночество, и его усердно усугубляют предубеждения. В Америке гораздо больше атеистов, чем кажется на первый взгляд. Как я уже говорил в предисловии, количество атеистов далеко превосходит количество религиозных евреев, и тем не менее известно, что еврейское лобби в Вашингтоне исключительно влиятельно. Представьте тогда, чего могли бы добиться при соответствующей организации атеисты!²⁸

В своей замечательной книге «Атеистическая Вселенная» Дэвид Миллз приводит историю, которую, не будь она правдивой, можно было бы отнести к числу анекдотов про ханжество полиции. В городок, где жил Миллз, ежегодно приезжал христианский целитель и устраивал «крестовый поход с чудесами». Помимо прочих советов, он призывал диабетиков выбросить инсулин, а раковых больных — отказаться от химиотерапии и вместо этого молиться о чуде. Миллз по понятным причинам захотел предостеречь людей и с этой целью организовать мирную демонстрацию. Его ошибкой было решение сообщить о своем намерении в полицию и попросить защиты на случай возможных нападений со стороны приверженцев целителя. Первый же полицейский, к которому он обратился, осведомился: «Ты, это, за нево протестовать будешь или против нево?» И когда Миллз сказал «против», полицейский заявил, что он сам идет слушать целителя и, проходя мимо демонстрации Миллза, обязательно плюнет тому в лицо.

Миллз решил попытать счастья у другого полицейского. Тот заверил, что в случае нападения сторонников целителя он арестует Миллза за «попытки помешать божьему делу». Вернувшись домой, Миллз начал звонить в полицейский участок, надеясь найти понимание у старших чинов. В конце концов его соединили с сержантом, который сказал: «Иди к черту, парень. Ни один полицейский не будет защищать сраного атеиста. Чтоб те рожу в кровь разбили». У полиции наряду с нехваткой навыков владения литературным языком очевиден явный недостаток обычного человеческого сочувствия и готовности выполнять служебный долг. Миллз сообщает, что разговаривал в тот день с семьей или восьмью полицейскими; ни один из них не выразил готовности помочь, и большинство грозило ему физической расправой.

Имеются сведения об огромном количестве подобных случаев дискриминации атеистов; член Общества свободомыслия Филадельфии Маргарет Доуни ведет их учет.²⁹ В ее картотеке — примеры дискриминации в общественной жизни, в школе, на работе, в средствах массовой информации, со стороны семьи и правительства, примеры оскорблений, увольнений, изгнаний из ложа семьи и даже убийств.³⁰ Собранные Доуни свидетельства непонимания атеистов и ненависти к ним могут создать впечатление, что честному атеисту в Америке практически невозможно победить на выборах. В палате представителей — 435 членов, в сенате — 100. Естественно предположить, что большинство из этих 535 лиц хорошо образованы, а значит статистически невозможно, чтобы среди них не было значительного числа атеистов. Очевидно, ради победы на выборах они лгали или скрывали свои истинные убеждения. И зная отдающих им голоса избирателей, трудно их в этом винить. Каждому доподлинно известно, что признание в атеизме для любого кандидата на пост президента равнозначно мгновенному политическому самоубийству.

Эти реалии современной американской политической ситуации и их последствия потрясли бы Джефферсона, Вашингтона, Мэдисона, Адамса и их соратников. Кем бы они ни были — атеистами, агностиками, деистами или христианами, они бы в ужасе отшатнулись от вашингтонских теократов XXI века. Их бы скорее привлекла светская позиция «отцов-основателей» постколониальной Индии, особенно верующего Ганди («Я — индуист, я — мусульманин, я — иудей, я — христианин, я — буддист!») и атеиста Неру:

То, что зовется религией, или по крайней мере организованной религией в Индии и повсеместно, приводит меня в негодование, я осуждаю это явление и желаю бы, чтобы от него не осталось и следа. Почти всегда ему сопутствуют слепая вера и реакционизм, догматизм и ханжество, предрассудки, эксплуатация и защита личных выгод,

Данное Неру определение светской Индии, о которой мечтал Ганди (если бы только этому определению довелось стать реальностью, в то время как реальностью стал раздел охваченной кровавыми религиозными схватками страны), вполне мог бы начертать дух самого Джефферсона:

Мы говорим о светском устройстве Индии... Некоторые думают, что под этим подразумевается оппозиция религии. Это, конечно, не так. Мы имеем в виду государство, одинаково почитающее и одинаково признающее все религии; в Индии издавна терпимо относятся к разным вероисповеданиям... В такой стране, как Индия, где уживаются разные религии и верования, кроме как на светской основе создать настоящий национализм нельзя.³¹

29

30

31

Деистский бог, безусловно, гораздо предпочтительней библейского чудовища. К сожалению, вероятность того, что он существует или существовал в прошлом, не намного больше. В любом ее виде гипотеза бога не является непременным условием мироздания. Гипотеза бога также почти стопроцентно отрицается на основании положений теории вероятности. Я вернусь к этому в главе 4, после того как мы рассмотрим в главе 3 так называемые доказательства существования бога. А сейчас поговорим об агностицизме и ошибочном мнении, что существование или несуществование бога является неприкосновенной темой, навсегда исключенной из ведения науки.

Как сказал Лаплас, когда Наполеон поинтересовался, каким образом знаменитый математик сумел написать целую книгу, ни разу не упомянув бога: «Сир, эта гипотеза мне не потребовалась».

Нищета агностицизма

Крепкого сложения христианин, проповедовавший с кафедры в моей старой воскресной школе, признавался, что испытывает безотчетное уважение к атеистам. По крайней мере, у них достает мужества, чтобы упорствовать в своем заблуждении. Кого он не терпел, так это малодушных и нерешительных агностиков: ни то — ни се, ни нашим — ни вашим, предпочитающие слабый чаек хилые бесцветные соглашатели. В его словах была доля истины, но вовсе не той истины, которую он отстаивал. По словам Квинтина де ла Бедойера, католический историк Хью Росс Уильямсон по той же причине «уважал твердо верующего и убежденного атеиста. Но презирал не имеющих мнения, болтающихся посередке бесхребетных людей».³²

В позиции агностика нет ничего постыдного, если ни у той, ни у другой стороны не имеется доказательств. Тогда такое положение вполне разумно. Отвечая на вопрос, есть ли, по его мнению, жизнь где-то еще во Вселенной, Карл Саган с достоинством заявил, что он — агностик. Не получив прямого ответа, собеседник попытался нажать на него и спросил, что он «чувствует нутром», на что Саган дал незабываемый ответ: «Я стараюсь нутром не думать. Полагаю, лучше всего не делать выводов, пока для этого нет оснований».³³ Вопрос о внеземной жизни остается открытым. Существуют убедительные доводы как за, так и против, но пока у нас недостаточно доказательств, чтобы сделать хоть сколько-нибудь убедительные выводы. Агностицизм является разумной позицией во многих научных вопросах, таких, например, как следующий: что привело к массовому, самому крупному, согласно данным ископаемой летописи, вымиранию организмов в конце пермского периода? Причиной могло послужить падение метеорита, аналогичное вызвавшему более позднее вымирание динозавров, о чем мы можем утверждать с большей долей вероятности. Либо это могло произойти по другой причине или даже набору причин. Говоря о причинах двух этих вымираний, агностиком быть разумно. А как же с вопросом о боге? Может, здесь также лучше быть агностиком? Многие твердо дают положительный ответ, часто с убеждением, одобренным толикой протеста. Может, они правы?

Хочу начать с выделения двух форм агностицизма. Первая — временный практический агностицизм (ВПА): законно неопределенная позиция в вопросах, на которые должен существовать четкий положительный или отрицательный ответ, но, чтобы прийти к правильному решению, у нас еще не хватает доказательств (или времени, чтобы их рассмотреть, или знаний, чтобы их правильно оценить). Например, в вопросе о причине

пермского вымирания ВПА является разумной позицией. Хотя мы сейчас и не знаем ответа, в будущем мы надеемся его узнать.

Однако, помимо вышеописанного, существует иной вид нерешительности, который я называю ППА (постоянный принципиальный агностицизм). Данный вид агностицизма уместен в вопросах, на которые ответа дать нельзя, сколько бы доказательств мы ни получили, потому что метод использования доказательств здесь неприменим. Вопрос сформулирован в другой плоскости или в другом измерении, вне достижимости для доказательств. Примером может служить известный философский орешек — вопрос о том, видите ли вы красный цвет так же, как его вижу я. Не исключено, что ваш красный цвет для меня — зеленый или совершенно отличный от любого цвета, который я способен вообразить. Философы приводят этот вопрос как пример вопроса, на который невозможно получить ответ, сколько бы новых доказательств ни появилось в будущем. Некоторые ученые и мыслители соглашались — на мой взгляд, слишком охотно, — что вопрос существования бога также относится к категории навечно неразрешимых вопросов ППА. Из этого, как мы увидим, они часто делают нелогичный вывод о том, что гипотеза присутствия бога и гипотеза его отсутствия имеют абсолютно равную вероятность оказаться правильными. Я же утверждаю обратное: агностицизм в вопросе существования бога бесспорно является временно неразрешимым вопросом ВГТА. Либо бог существует, либо нет. Это — научный вопрос; в один прекрасный день мы можем узнать на него ответ, а пока допустимо высказать веское мнение о его вероятном содержании.

В истории развития идей имеются примеры появления ответов на вопросы, которые раньше считались принципиально не разрешимыми наукой. В 1835 году знаменитый французский философ Огюст Конт писал о звездах: «Мы никогда и никоим способом не сможем изучить их химический состав и минералогическую структуру». Однако еще до того, как Конт высказал свое сожаление, Фраунгофер уже начал при помощи спектроскопа анализировать химический состав Солнца. В наше время спектродологи ежедневно опровергают убеждение Конта, выявляя точный химический состав самых далеких звезд.³⁴ Каково бы ни было происхождение астрономического агностицизма Конта, эта история должна по крайней мере служить уроком, предостерегающим от слишком поспешного провозглашения проблемы навечно неразрешимой. Однако, когда дело доходит до бога, огромное количество философов и ученых с радостью делают именно это — начиная с самого изобретателя термина «агностицизм» — Томаса Генри Гексли.³⁵

Гексли объяснил происхождение слова, отвечая на личные нападки, последовавшие за введением нового термина. Директор Лондонского королевского колледжа преподобный доктор Вейс обрушился на «трусливый агностицизм» Гексли:

Может, он и предпочитает называться агностиком, но для него есть более знакомое название — неверный, то есть, проще говоря, неверующий. Слово «неверный», возможно, имеет неприятный оттенок. Но, возможно, так и должно быть. Человеку неприятно, и должно быть неприятно, заявлять вслух, что он не верит в Иисуса Христа.

Гексли был не из тех, кто оставляет подобные провокации без ответа, и в 1889 году ответил со свойственной ему свирепостью (хотя и не преступая ни на дюйм границ учтивости; зубы этого «бульдога Дарвина» были отточены в городских перепалках Викторианской эпохи). В конце, разорвав доктора Вейса в клочья и похоронив останки, Гексли вернулся к значению термина «агностик» и объяснил, как он впервые пришел ему в

голову. Некоторые, по его словам,

...были вполне убеждены, что добились определенного «гнозиса» и, худо ли бедно ли, решили проблему существования; я же вполне уверен, что со мной этого не случилось, и, вообще, имею сильное подозрение, что у этой загадки решения нет. И, имея на своей стороне Канта и Хьюма, я не полагаю слишком самонадеянным продолжать придерживаться этого мнения... Поразмыслив, я придумал соответствующее название — агностик.

Далее Гексли объясняет, что агностицизм — это не вера и даже не отсутствие веры.

Агностицизм по своей сути — это не вера, а метод, в основе которого лежит неукоснительное выполнение одного принципа... Предписываемые им действия можно сформулировать следующим образом: в размышлениях, невзирая на все прочее, следуй разуму так далеко, как сможешь. И воздерживайся считать бесспорными выводы из размышлений, не получивших или не могущих получить наглядное подтверждение. В этом я полагаю символ веры агностика, и если человек придерживается его твердо и неукоснительно, то ему не должно стыдиться встречаться с мирозданием лицом к лицу, что бы ни было уготовано для него в будущем.

Благородные слова в устах ученого, и подвергнуть Т. Г. Гексли критике нелегко. Однако в своей попытке подтверждения абсолютной невозможности доказательства или опровержения существования бога Гексли, похоже, упустил из виду возможность обсуждения *вероятностей*. Невозможность с абсолютной полнотой доказать существование чего-либо не уравнивает шансы наличия или отсутствия рассматриваемого объекта. Не думаю, что Гексли оспаривал бы это положение, и даже полагаю, что там, где он, на первый взгляд, пытается это сделать, им руководит скорее желание уступить в одном вопросе, чтобы продвинуться в другом. Любой ведет себя так время от времени, не правда ли?

В отличие от Гексли, я предлагаю рассматривать существование бога как научную гипотезу, такую же, как и любые другие. Несмотря на трудность проведения практической проверки, ее можно отнести к той же категории ВПА (временного практического агностицизма), что и полемику относительно вымираний пермского и мелового периодов. Наличие или отсутствие бога является частью знания о Вселенной, доступного для постижения если не практически, то по крайней мере в принципе. Если бог существует и поймет желание обнародовать данный факт, он в силах сделать это самым очевидным и недвусмысленным образом. Но даже если наличие или отсутствие бога никогда не будет доказано с абсолютной полнотой, вероятность того или другого варианта на основе имеющихся доказательств и выводов может оказаться далеко не равной.

Поэтому я предлагаю подробнее рассмотреть спектр вероятностей и расположить мнения людей о существовании бога между двумя полярными абсолютными убеждениями. Этот спектр непрерывен, но его можно условно разделить на семь категорий.

1. Убежденный теист. Стопроцентно верит в бога. Как говорил К. Г. Юнг: «Я не верю, я *знаю*».

2. Вероятность существования очень высокая, но не стопроцентная. Теист по существу. «Я не могу знать абсолютно точно, но глубоко верю и строю жизнь на основе того, что бог *есть*».

3. Вероятность выше 50 процентов, но ненамного. Фактический агностик со склонностью к теизму. «Не могу сказать, что убежден, но склонен полагать, что бог *существует*».

4. Вероятность равна 50 процентам. Абсолютно непредвзятый агностик. «Наличие и отсутствие бога одинаково вероятны».

5. Меньше 50 процентов, но ненамного. Фактический агностик со склонностью к атеизму. «Не знаю, существует ли бог, но у меня есть сомнения».

6. Очень низкая вероятность, но не абсолютное отрицание. По существу атеист. «Я не могу знать с абсолютной точностью, но я полагаю, что вероятность существования бога очень мала, и я живу, полагая, что его нет».

7. Убежденный атеист. «Я знаю, что бога нет, аналогично тому, как Юнг знает, что он есть».

Не думаю, что количество людей, принадлежащих к седьмой категории, велико, но я включил ее для симметрии с густонаселенной первой категорией. Способность верить, подобно Юнгу, во что-то без соответствующего подтверждения доводами разума является одним из атрибутов веры (Юнг также верил, что некоторые его книги могут с громким треском сами собой взрываться на полке). Атеистам вера не свойственна, а путем одних лишь умозаключений прийти к полному убеждению, что что-то не существует, невозможно. Именно поэтому седьмая категория гораздо малочисленнее, чем противоположная ей, наполненная непоколебимыми приверженцами первая категория. Себя я отношу к категории шесть и склоняюсь к седьмой — я агностик в той же мере, в какой я агностик в вопросе существования фей.

Данный спектр вероятностей хорошо применим для ВПА (временного практического агностицизма). Возникает желание разместить ППА (постоянный принципиальный агностицизм) посередине спектра, присвоив вероятности существования бога значение 50 процентов, однако здесь кроется ошибка. Агностики типа ППА утверждают, что по поводу наличия или отсутствия бога сказать ничего нельзя; по их мнению, ответа на данный вопрос в принципе быть не может, и, строго говоря, им вообще следует отказаться от указания собственного места в спектре вероятностей. Если мне неизвестно, является ли ваш красный цвет моим зеленым, это не означает, что вероятность подобного совпадения составляет 50 процентов. Предположение, о котором идет речь, является слишком неопределенным для количественной оценки его вероятности. Однако это широко распространенная ошибка, с которой мы будем сталкиваться снова и снова: когда исходя из принципиальной невозможности ответа на вопрос о существовании бога делается заключение о том, что оба ответа одинаково вероятны.

Данную ошибку также можно выявить, рассматривая необходимость подкрепления доводов доказательствами, и это, используя аллегорию небесного чайника, элегантно продемонстрировал Бертран Рассел.³⁶

Многие верующие ведут себя так, словно не догматам надлежит доказывать заявленные ими постулаты, а наоборот — скептики обязаны их опровергать. Это, безусловно, не так. Если бы я принялся утверждать, что между Землей и Марсом вокруг Солнца по эллиптической орбите вращается фарфоровый чайник, никто не смог бы опровергнуть мои утверждения, добавь я заранее, что малые размеры чайника не позволяют обнаружить его даже при помощи самых мощных телескопов. Однако, заяви я далее, что, поскольку мое утверждение невозможно опровергнуть, разумное человечество не имеет права сомневаться в его истинности, мне справедливо указали бы, что я несу чушь. Но если бы существование такого чайника подтверждалось древними текстами, о его подлинности твердили по воскресеньям с амвона и мысль эту вдолбляли с детства в головы школьников, то неверие в его реальность казалась бы странным, а сомневающимся

передавали бы в просвещенный век на попечение психиатров, а в Средневековье — в опытные руки инквизиции.

Поскольку, как мне известно, никто еще не молится чайникам,³⁷ не будем терять время на его отрицание; однако при первой же необходимости мы не преминем однозначно заявить, что небесного чайника, безусловно, не существует. Хотя, строго говоря, нам следует придерживаться позиции чайных агностиков: мы же не можем стопроцентно доказать отсутствие небесного чайника (на практике же, соскользнув с позиции чайного агностицизма, мы оказались *от-чайными* безбожниками).

Мой друг, воспитанный в иудейской вере и продолжающий соблюдать из уважения к предкам субботний день отдохновения и другие иудейские обычаи, называет себя «кофейным агностиком»: вероятность существования бога, по его мнению, аналогична вероятности существования фей. Обе эти гипотезы одинаково неправдоподобны, но и опровергнуть их на 100 процентов тоже нельзя. Он так же глубоко не верит в бога, как и в фей, сохраняя в обоих вопросах крошечную долю агностицизма.

Безусловно, чайник Рассела — это лишь один пример из бесчисленного количества вещей, существование которых легко вообразить, а отсутствие — невозможно доказать. Знаменитый американский юрист Кларенс Дарроу сказал: «Я так же не верю в бога, как я не верю в Матушку Гусыню». А журналист Эндрю Мюллер считает, что посвящение себя какой-либо религии «не менее странно, чем твердая вера в то, что Земля имеет форму ромба, летящего сквозь Вселенную в клешнях двух гигантских зеленых омаров по имени Эсмеральда и Кейт.³⁸ Излюбленным философским упражнением остается доказательство небытия невидимого, неосязаемого, неслышимого единорога — такую попытку ежегодно производят дети в американском лагере «Поиск». ³⁹ В настоящее время наиболее популярным — и таким же недоказуемым, как Яхве и другие, — божеством в Интернете является Летающее Макаронное Чудище; многие уверяют, что их коснулось его вермишельное щупальце. ⁴⁰ Рад заявить, что «Евангелие от Летающего Макаронного Чудища» выпущено уже отдельной книгой⁴¹ и получило широкое признание. Сам я его еще не читал, да и зачем читать, если и так знаешь, что все в нем — чистая правда? Кстати, как и должно было случиться, не удалось избежать великого раскола, и в настоящее время появилась реформаторская церковь Летающего Макаронного Чудища.⁴²

Я сделал эти отступления, чтобы показать: несмотря на то что по поводу существования или отсутствия названных объектов нельзя сделать бесспорного вывода, никому и в голову не придет считать возможность их существования равновероятной возможности их вымысла. По идее Рассела, ответственность за приведение доказательств несут верующие, а не скептики. Я же хочу добавить, что вероятность существования чайника (Макаронного Чудища/Эсмеральды и Кейта/единорога и т. п.) отнюдь не равняется вероятности их отсутствия.

Ни один здравомыслящий человек не допустит, чтобы факт недоказуемости вымысла летающих чайников и фей послужил решающим доводом в важном споре. Мы не считаем себя обязанными тратить время на опровержение мириад вымыслов, порожденных

37

38

39

40

41

42

богатством фантазии. Когда меня спрашивают о моих атеистических убеждениях, я всегда с удовольствием отвечаю, что собеседник сам является атеистом в отношении Зевса, Аполлона, Амона Ра, Митры, Ваала, Тора, Одина, Золотого тельца и Летающего Макаронного Чудища. Просто я добавил в этот список еще одного бога.

Все мы склонны проявлять скептицизм, или, попросту, неверие, но в отношении единорогов, фей, греческих, римских, египетских и варяжских богов в наши дни это уже и не нужно. А в отношении бога Авраама — нужно, потому что большое количество наших соседей по планете продолжают глубоко верить в его существование. Из примера с чайником Рассела очевидно, что распространенность веры в бога по сравнению с верой в небесные чайники не снимает ответственности за приведение логических доказательств, хотя иногда, для удобства, ее пытаются переадресовать. В невозможности абсолютного доказательства отсутствия бога нет ничего странного и необычного хотя бы потому, что невозможно с полной вероятностью доказать отсутствие чего угодно. Важнее не то, можно ли доказать отсутствие бога (нельзя), а то, насколько велика вероятность его бытия. Это совершенно другой вопрос. Одни недоказанные вещи гораздо менее вероятны с рациональной точки зрения, чем другие. Почему бы не проанализировать вероятность существования бога? Несомненно, факт невозможности доказательства присутствия или отсутствия бога не делает эти варианты равновероятными. Совсем, как мы увидим, наоборот.

NOMA

Подобно тому как Томас Гексли из кожи вон лез, стараясь угодить в категорию беспристрастных агностиков, расположенную посередине приведенной семиступенчатой шкалы, теисты предпринимают аналогичный маневр с аналогичными намерениями, но двигаясь с другой стороны. Теолог Алистер Макграт в книге «Бог Докинза: гены, мемы и происхождение жизни» постарался добиться именно этого. Похоже, что вслед за замечательно точным описанием моей научной деятельности единственным его возражением был бесспорно справедливый, но позорно слабый аргумент о том, что стопроцентно доказать отсутствие бога нельзя. Читая Мак-грата, я испещрил пометкой «чайник» поля многих страниц. Снова вспоминая Гексли, Макграт утверждает: «Утомившись безнадежно категоричными, не имеющими достаточных фактических оснований высказываниями как теистов, так и атеистов, Гексли провозгласил, что вопрос о боге решить научными методами невозможно».

Далее Макграт аналогичным образом цитирует Стивена Джея Гулда: «Хочу повторить своим коллегам, в стомиллионный раз (будь то студенческие споры или ученые трактаты): наука просто не в состоянии (основываясь на принятых методах) вынести решение о том, возможно ли, что бог управляет природой. Мы не подтверждаем и не отрицаем этого: как ученые, мы просто не можем высказывать об этом мнение». Несмотря на уверенный, почти нравоучительный, тон заявления Гулда, какие аргументы он приводит в его подтверждение? Почему мы, ученые, не можем высказывать мнение о боге? И почему чайник Рассела или Летающее Макаронное Чудище не защищены от нашей критики подобным же образом? Ниже я собираюсь продемонстрировать, что Вселенная под управлением творца сильно отличалась бы от Вселенной без такого попечителя. Почему же этот вопрос не является научным?

Гулд умеет выходить сухим из воды с неподражаемым искусством, что и продемонстрировал в одной из своих наименее удачных книг «Скалы вечные». В ней он ввел в оборот термин NOMA (от «nonoverlapping magisteria» — «разносуществующие круги»):

Магистериум, или сфера влияния, науки охватывает эмпирическую область: из чего состоит Вселенная (факт) и почему она устроена таким образом (теория). В область

религии входят вопросы всеобщего смысла и моральных ценностей. Эти области не перекрываются и не охватывают все возможные темы исследований (например, есть еще область искусства и смысл красоты). Обращаясь к известному изречению, наука определяет век (возраст) скал, а религия — скалы веков; наука изучает строение горных высей, а религия — дорогу к ним.

Звучит здорово, пока не начнешь размышлять поглубже. Что это, например, за вопросы всеобщего смысла, господствовать над которыми приглашают религию, а науке советуют почтительно снять шляпу и удалиться?

Замечательный кембриджский астроном Мартин Риз, которого я уже упоминал, начинает свою книгу «Наша космическая обитель» двумя вопросами — кандидатами в категорию всеобщего смысла и дает НОМА-ответ. «Наиглавнейшая загадка — почему все вообще существует. Что вдохнуло жизнь в уравнения и организовало на их основе Вселенную? Однако эти вопросы выходят за рамки научных: они принадлежат сфере философии и теологии». Я бы поправил, что если они выходят за рамки науки, то и теологам тут точно делать нечего (не думаю, что философы поблагодарят Мартина Риза за сваливание их в одну кучу с теологами). Рассуждая дальше, я бы задал вопрос: а в каком смысле теологи вообще имеют свою сферу влияния? До сих пор не могу не улыбнуться, вспоминая реплику директора моего оксфордского колледжа. Молодой теолог подал заявление на исследовательскую стипендию, и, просматривая его докторские тезисы по христианской теологии, директор не преминул заметить: «У меня есть серьезные сомнения, существует ли этот *предмет* вообще».

Какие специальные знания, недоступные ученым, могут теологи привнести в решение сложных космологических вопросов? В другой своей книге я приводил слова оксфордского астронома, который, когда я задал ему один из этих сложных вопросов, ответил: «А-а, здесь мы выходим за рамки науки. Позвольте передать вас в руки моего старого доброго друга-священника». У меня не хватило остроумия тогда парировать и ответить, как я написал позднее: «Но почему священник? Почему не садовник, не повар? Почему ученые с таким робким почтением относятся к притязаниям теологов на экспертное знание по вопросам, в которых теологи безусловно имеют не больше квалификации, чем сами ученые?»

Часто повторяют избитую фразу (и, в отличие от многих избитых фраз, она неверна) о том, что наука отвечает на вопрос как, но только теология может ответить на вопрос почему. Но что же такое этот вопрос почему? Не каждое начинающееся с почему предложение в английском языке является правомерным вопросом. Почему единорог пустой? На некоторые вопросы отвечать бессмысленно. Какого цвета абстракция? Чем пахнет надежда? Не каждый грамматически правильно составленный вопрос имеет смысл и заслуживает серьезного внимания. И даже если вопрос — настоящий и наука не может на него ответить, это не означает, что религия сможет это сделать.

Вероятно, некоторые глубокие, значимые вопросы действительно абсолютно недоступны науке; возможно, квантовая теория уже стучится в двери непостижимого. Но если наука не в состоянии прояснить какие-то важные проблемы, почему мы должны считать, что религии это удастся? Подозреваю, что ни кембриджский, ни оксфордский астрономы не верили всерьез, что теологи действительно обладают уникальным знанием, дающим им основу для решения слишком сложных для науки вопросов. Думаю, что и в этом случае астрономы просто изо всех сил старались проявить вежливость: раз уж теологи не могут сказать ничего стоящего о других проблемах, бросим им кость: пусть корпят над вопросами, на которые никто не может ответить, а возможно, и никогда не сможет. Но, в

отличие от моих друзей-астрономов, я считаю, что и кость им бросать незачем. Я до сих пор не вижу причины считать теологию (в отличие от библейской истории, литературы и т. п.) полноценным предметом.

Конечно, трудно не согласиться, что авторитет науки в вопросах морали, мягко говоря, легковесен. Но неужели Гулд действительно хочет уступить религии право учить нас, что такое хорошо и что такое плохо? Отсутствие *другого претендента* на источник человеческой мудрости вовсе не означает, что религия имеет право узурпировать роль моралиста. Да и какая именно религия? Та, в которой нас воспитали? Тогда какой главе какой из книг Библии мы должны отдать предпочтение — потому что они далеко не единодушны, а некоторые — в глазах любого порядочного человека — довольно гнусны? Все ли сторонники буквального толкования Библии достаточно ее читали и знают, что за супружескую измену, сбор хвороста в субботу и непослушание родителям полагается смертная казнь? Если мы (вслед за большинством просвещенных современных приверженцев) откажемся от Второзакония и Левита, то на основе каких критериев нам следует решать, каких моральных законов придерживаться? Или нужно покопаться в обилии мировых религий и выбрать ту, мораль которой нас устраивает? Тогда, опять же, на основе каких критериев делать выбор? И если у нас уже имеется собственный независимый критерий для оценки моральных достоинств различных религий, может быть, стоит обойтись без посредника и самостоятельно заняться рассмотрением моральных проблем? Я вернусь к этим вопросам в главе 7.

Я просто не верю, что многое из сказанного Гулдом в «Скалах вечных» утверждается им всерьез. Как я уже говорил, нам всем приходилось в жизни из кожи вон лезть, чтобы оказаться приятными недостойному, но влиятельному собеседнику, и, мне думается, Гулд повинен именно в этом. Могу предположить, что чересчур далеко идущее заявление о неспособности науки ничего сказать о существовании бога он включил намеренно: «Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть; мы, как ученые, просто не можем высказываться по этому вопросу». Звучит как самый постоянный, неизменный агностицизм — ППА. Данное заявление предполагает, что наука не в силах даже оценить вероятность того или иного ответа на поставленный вопрос. Это широко распространенная ошибка, непрестанно повторяемая многими, но, подозреваю, продуманная до конца лишь единицами; в ней явно проявляется то, что я называю «нищетой агностицизма». Гулд, кстати, по убеждениям — агностик, и не беспристрастный, а фактически склоняющийся к атеизму. На основе чего он придерживается таких взглядов, если о существовании бога сказать ничего нельзя? Согласно гипотезе бога, в нашей реальности помимо нас обитает сверхъестественное существо, сотворившее Вселенную и — по крайней мере во многих вариантах гипотезы — продолжающее ее поддерживать и даже вмешивающееся в ее работу посредством совершения чудес, которые являются временным нарушением его собственных, абсолютно непреложных для других, законов природы. Один из ведущих английских теологов, Ричард Суинберн, очень четко высказался по этому поводу в своей книге «Есть ли бог?»:

Теисты считают, что бог имеет силу создавать, поддерживать или уничтожать все что угодно — большое или малое. Он также может двигать объекты или совершать другие действия... Он может заставить планеты двигаться так, как они движутся согласно законам Кеплера, или заставить порох взрываться, когда мы подносим к нему спичку; либо он может заставить планеты двигаться совершенно по-другому и химические вещества взрываться или не взрываться при условиях, совершенно отличных от тех, что определяют их поведение в настоящее время. Бог не ограничен законами природы; он создает их и, если захочет, может их изменить или временно отменить.

Как просто, не правда ли? Что бы это ни было, это никак не NOMA. И что бы ни

говорили ученые, соглашающиеся с идеей «разносуществующих кругов», нельзя не признать, что Вселенная, в которой присутствует сверхъестественный мыслящий создатель, очень сильно отличается от Вселенной, в которой его нет. Принципиальное различие между двумя гипотетическими Вселенными исключительно велико, даже если его и нелегко проверить на практике. И оно разрушает убаюкивающе-соглашательскую позицию о том, что наука не должна высказываться по поводу претензий религии на основные вопросы бытия. Наличие или отсутствие мыслящего сверхъестественного творца однозначно является научным вопросом, даже если практически на него нет — или пока еще нет — ответа. И это также касается подлинности или ложности всех историй о чудесах, при помощи которых религии поражают воображение верующих толп.

Был ли у Иисуса реальный отец, или его мать во время его рождения была девственницей? Вне зависимости от того, сохранилось ли для решения этого вопроса достаточно доказательств, он тем не менее продолжает быть строго научным вопросом, на который теоретически можно дать однозначный ответ: да или нет. Поднял ли Иисус Лазаря из гроба? Ожил ли он сам через три дня после распятия? На каждый из этих вопросов имеется ответ, и вне зависимости от того, можем ли мы в настоящее время его получить на практике, это ответ строго научный. Методы доказательства, которые мы бы использовали, получи мы вдруг (что, конечно, маловероятно) неоспоримые факты, были бы совершенно и полностью научными. Хочу пояснить свою точку зрения следующим образом: представьте, что благодаря какому-то необычному стечению обстоятельств медицинские археологи заполучили образец ДНК, подтверждающий, что у Иисуса действительно не было биологического отца. Насколько вероятно, что защитники веры, пожав плечами, заявят что-нибудь вроде: «Ну и что? Научные доказательства не имеют ничего общего с теологическими проблемами. Другой магистериум! Мы занимаемся только вопросами общего порядка и моральными ценностями. Ни ДНК, ни любые другие научные доказательства никоим образом не могут повлиять на окончательные выводы наших дискуссий».

Сама мысль о такой реакции кажется смешной. Можно поспорить на что угодно, что, появившись подобные научные доказательства, они будут подхвачены и превознесены до небес. Гипотеза NOMA популярна только потому, что доказательств в пользу гипотезы бога не существует. Стоит обнаружиться малейшей крупице доказательств, подтверждающих религиозные верования, сторонники веры незамедлительно отшвырнут гипотезу NOMA. Если исключить изошренных теологов (да и они не упускают случая для привлечения паствы, чтобы попотчевать неискушенных историями о чудесах), подозреваю, что у многих людей так называемые чудеса служат основной причиной религиозности; а чудеса, по определению, нарушают научные принципы.

С одной стороны, римско-католическая церковь пытается иногда придерживаться гипотезы NOMA, но, с другой стороны, совершение чуда является необходимым требованием причисления к лику святых. Покойный король Бельгии может удостоиться святости благодаря упорному противодействию абортам. В настоящее время ведутся тщательные поиски доказательств того, что молитвы, обращенные к нему после его кончины, вызвали чудесное исцеление. Я не шучу. Это именно так, и его история типична для многих святых. Думаю, что представителей более искушенных церковных кругов такие занятия вгоняют в краску. Однако вопрос, почему круги, достойные эпитета искушенных, продолжают оставаться в лоне церкви, является таинством не менее глубоким, чем многие другие вопросы, над которыми кропотливо трудятся теологи.

Столкнувшись с историями о чудесах, Гулд, по-видимому, парировал бы их следующим образом. Гипотеза NOMA, видите ли, — это двусторонняя сделка. Как только

религия пересекает границу и, расположившись на поле науки, начинает разглагольствовать о чудесах, она теряет покровительство Гулда, и *amicabilis concordia* — дружеское согласие — нарушается. Заметьте, однако, что опекаемую Гулдом, лишенную чудес религию не признает большая часть занимающей церковные скамьи или моленные коврики паствы. Их такая религия порядком разочарует. Перефразируем размышления Алисы, заглянувшей в книгу сестры, до того как она попала в Зазеркалье: «Зачем нужен бог, если он не делает чудес и не отвечает на молитвы?» Вспомните остроумное определение глагола «молиться», данное Амброзом Бирсом: «Просить отмены законов Вселенной в пользу одного признающегося в своей ничтожности просителя». Некоторые верующие спортсмены считают, что бог помог им одержать верх над соперниками, не менее достойными, казалось бы, его покровительства. Некоторые водители верят, что бог придержал для них парковочное место, очевидно обидев при этом кого-то другого. Такого рода теизм распространен досадно широко, и вряд ли его сторонники пожелают прислушиваться к логическим (поверхностно) доводам гипотезы NOMA.

Тем не менее давайте последуем за Гулдом и сведем религию до безынициативного минимума: исключим из нее чудеса, личные переговоры с богом, фокусничанье с законами физики, покушения на территорию науки. У нас остается лишь уверенность деистов в том, что было вмешательство в начальное устройство Вселенной, из которого со временем появились во всем своем многообразии звезды, химические элементы, планеты и возникла жизнь. Уж теперь-то мы сможем аккуратно разделить науку и религию? С такой, более скромной и непритязательной, религией гипотеза NOMA ужиться в состоянии?

Возможно, вы полагаете, что это так. Я же считаю, что даже такой не вмешивающийся в ход событий бог, безусловно менее жестокий и нелепый, чем бог Авраама, продолжает, если к нему хорошенько присмотреться, подпадать под определение научной гипотезы. Хочу повторить: Вселенная, в которой мы — единственные, не считая других существ, медленно эволюционирующих к разумности, очень сильно отличается от Вселенной, изначально созданной по проекту разумным творцом, ответственным за само ее существование. Согласен, что на практике может оказаться нелегко выявить различие между этими двумя Вселенными. Тем не менее между гипотезой разумного создателя и единственной известной альтернативой — постепенной эволюцией в широком смысле — имеются чрезвычайно специфические, уникальные для каждой гипотезы различия. Они делают данные гипотезы практически несовместимыми. Эволюция, как никакая другая теория, объясняет существование организмов, вероятность появления которых иначе была бы настолько ничтожной, что ею можно пренебречь. И данное заключение, как я покажу в главе 4, практически уничтожает гипотезу бога.

Великий молельный эксперимент

Забавным, хоть и немного жалким, исследованием в области чудоведения является великий молельный эксперимент: помогают ли молитвы за пациентов их выздоровлению? Верующие повсеместно — как поодиночке, так и в храмах — молятся за больных. Впервые научный анализ эффективности воздействия молитвы на людей был проведен двоюродным братом Дарвина Фрэнсисом Гальтоном. Он отметил, что каждое воскресенье во всех английских церквях все прихожане возносят совместную молитву за здоровье королевской семьи. Уж они-то наверняка должны иметь необычайно крепкое здоровье по сравнению с нами — простыми смертными, за которых перед богом просят только наши родные и близкие.⁴³ Рассмотрев факты, Гальтон не обнаружил этому никаких статистических подтверждений. В любом случае подозреваю, что он проводил свое исследование в шутку,

так же, как и когда молился на разных случайно выбранных участках поля, чтобы проверить, ускорится ли на них рост травы (не ускорился).

Совсем недавно физик Рассел Станнارد (один из трех наиболее известных верящих в бога английских ученых) поддержал проведение эксперимента, финансируемого, конечно же, Фондом Темплтона и имеющего целью проверить предположение, что молитва о болящих способствует их выздоровлению.⁴⁴

Подобные эксперименты — для обеспечения полной беспристрастности — должны проводиться вслепую (со случайным распределением участников), и это условие строго соблюдалось. Пациенты в абсолютно случайном порядке были разбиты на экспериментальную (субъекты молитвы) и контрольную (отсутствие молитвы) группы. Ни пациенты, ни их доктора и медсестры, ни проводящие эксперимент сотрудники не знали, о каком пациенте воздаются молитвы, а о каком — нет. Возносящим молитвы верующим было нужно знать имена тех, о ком они молились: иначе как можно было бы утверждать, что они молятся именно за них, а не за кого-либо другого? Но им сообщили только имя и первую букву фамилии пациента. Чтобы не перепутать больничную койку, богу, очевидно, достаточно и этого.

Сама идея проведения подобного эксперимента довольно смехотворна, и, конечно, проект не замедлил получить изрядную долю насмешек. Комик Боб Ньюхарт, насколько я знаю, не включил его в свои пародии, но представляю, что бы он из него сделал:

Что ты вещаешь, Господи? Не можешь исцелить меня, потому что я — в контрольной группе?.. Значит, молитв моей тетушки не хватает. Но, Господи, а г-н Эванс с соседней койки... что ты сказал, Господи, не расслышал?.. Г-н Эванс получает тысячу молитв в день? Но, Господи, у г-на Эванса и столько знакомых-то нет... А, они называют его просто Джон Э. Но, Господи, откуда ты знаешь, что они не имеют в виду Джона Элсворти?.. А-а, ты выяснил, о каком Джоне Э. идет речь, ты ведь всезнающий. Но, Господи...

Героически перенося насмешки, группа исследователей продолжала доблестно осваивать 2,4 миллиона американских долларов, полученных от Фонда Темплтона, руководил ими доктор Герберт Бенсон, кардиолог из расположенного под Бостоном Медицинского института духа и тела (Mind/Body Medical Institute). Ранее, в коммюнике издательства «Темплтон», доктор Бенсон заявил: «Количество доказательств эффективности молитв о помощи в медицинской практике все увеличивается». Ну что ж, можно не сомневаться, что эксперимент — в надежных руках и вряд ли провалится из-за скептицизма экспериментатора. Доктор Бенсон и его группа обследовали в шести больницах 1802 пациента, перенесших операцию коронарного шунтирования. Больных разделили на три группы. За больных 1-й группы возносились молитвы, но они об этом не знали. За больных 2-й группы (контрольной) молитвы не возносились, и они также об этом не знали. За больных 3-й группы молились с их ведома. По результатам состояния больных 1-й и 2-й групп определялась эффективность молитвы о помощи. Состояние больных 3-й группы свидетельствовало о возможных психосоматических воздействиях на пациентов знания о том, что за них молятся.

Моление проводилось паствой трех церквей: в Миннесоте, Массачусетсе и Миссури; все три церкви — на значительном расстоянии от трех больниц. Как уже говорилось, молящиеся знали только имя и первую букву фамилии того пациента, за которого они

молились. Научные эксперименты принято проводить с максимально возможной степенью стандартизации, поэтому всех молящихся попросили включить в молитву фразу «об успешной операции и быстром выздоровлении без осложнений».

Опубликованные в апреле 2006 года в «Американском кардиологическом журнале» результаты не оставляют сомнений. Состояние больных, за которых возносились молитвы, ничем не отличалось от состояния больных, за которых молитвы не возносились. Какой сюрприз! Имелось различие в состоянии тех, кто знал, что о них молятся, и пациентов из обеих групп, которые об этом не знали, — но и оно оказалось обратным ожиданию. У больных, знающих, что о них возносят молитвы, обнаружилось значительно больше осложнений, чем у тех, кто об этом не знал. Уж не проявление ли это кары господя, обиженного такой идиотской затеей? Более вероятно, что пациенты — субъекты молитв оказались подвержены, в силу осведомленности, дополнительному стрессу — «актерскому беспокойству», как называют его исследователи. Один из ученых, доктор Чарльз Бетя, объяснил: «Возможно, они тревожились: неужели я настолько болен, что нужно вызывать команду молельщиков?» Кого удивит, если страдающие послеоперационными осложнениями по вине экспериментальных молитв пациенты, возвращенные в современном сутяжном обществе, подадут на Фонд Темплтона в суд с требованием компенсации?

Как и ожидалось, вышеописанное исследование вызвало нарекания теологов, обеспокоенных, скорее всего, возможностью насмешек, которые оно вызовет. Комментируя после провала эксперимента его результаты, оксфордский теолог Ричард Суинберн объявил его неправомерным на основе того, что бог отвечает только на молитвы, возносимые по важному поводу.⁴⁵ Молитва о человеке, возносимая только потому, что на него случайно пал выбор в проводимом вслепую эксперименте, не считается важным поводом. Бог сумел это раскусить. Что ж, я именно это имел в виду в приписанной Бобу Ньюхарту юмореске, и Суинберн имеет полное право использовать аналогичный аргумент. Но другие мысли из статьи Суинберна таковы, что сатира тут становится неуместной. Не впервые пытается он оправдать страдания в мире, где господствует бог:

Страдание позволяет мне проявить мужество и терпение. Вам оно дает возможность продемонстрировать благожелательность, облегчить мои муки. А общество имеет шанс выбрать, куда лучше инвестировать деньги для облегчения того или иного страдания... Хотя добрый Господь скорбит о наших мученьях, его более всего заботит, чтобы мы научились проявлять терпение, сострадание и щедрость и таким образом приблизились к святому идеалу. Некоторым людям просто необходимо заболеть — для их же собственного блага, а некоторым нужно болеть, чтобы другие могли сделать важный выбор. Только таким образом некоторых можно заставить сделать серьезный выбор касательно собственной личности. Для других болезней может оказаться не настолько важной.

Такая извращенная и порочная аргументация, присущая теологическому рассудку, вызывает в памяти одну телевизионную дискуссию, в которой я участвовал вместе с Суинберном и еще одним оксфордским коллегой — профессором Питером Аткинсом. В какой-то момент Суинберн пытался оправдать геноцид евреев тем, что они получили замечательную возможность продемонстрировать мужество и благородство. Питер Аткинс яростно прорывал: «Чтоб ты сгнил в аду».⁴⁶

Ниже в статье Суинберна находим другой типичный пример теологических

рассуждений. Он справедливо полагает, что, если бы бог захотел продемонстрировать свое существование, он нашел бы для этого способ получше, чем небольшое изменение статистических данных между результатами экспериментальной и контрольной групп кардиологических пациентов. Если бог есть, то, пожелай он нас в этом убедить, он «наполнил бы мир сверхчудесами». И тут следует перл: «Но уже и так имеется довольно большое количество доказательств существования бога, а их избыток может пойти нам во вред». *Может пойти нам во вред!* Только подумайте. Слишком большое количество доказательств может пойти нам во вред. Ричард Суинберн — недавно вышедший на пенсию представитель одной из самых престижных теологических кафедр в Англии, член совета Британской академии. Если вам нужен теолог, то вряд ли найдете лучше. Если вам нужен теолог.

После провала эксперимента его осудил не только Суинберн. Преподобному Реймонду Дж. Лоренсу в «Нью-Йорк тайме» щедро предоставили место рядом с редакционной статьей, чтобы он объяснил, почему уважаемые религиозные деятели «вздыхнут с облегчением, поскольку свидетельств эффективности молитвы о помощи обнаружено не было». ⁴⁷Интересно, изменил бы он свое мнение, если бы эксперимент Бенсона доказал обратное? Может быть, и нет, но уверяю вас, что множество пасторов и теологов изменили бы. Из статьи преподобного Лоренса запомнилось, главным образом, одно откровение: «Недавно коллега рассказал мне о набожной, хорошо образованной женщине, обвиняющей врача своего мужа в профессиональной некомпетентности. В последние дни жизни мужа, заявила она, врач не потрудился молиться о нем».

Другие теологи присоединились к хору скептиков с позиции NOMA-гипотезы, уверяя, что изучение молитв подобными методами — пустая трата денег, потому что сверхъестественные влияния, по определению, научным исследованиям не поддаются. Но, как правильно отметил, выделяя средства на эксперимент, Фонд Темплтона, предполагаемый эффект молитвы о помощи, по крайней мере в принципе, попадает в сферу исследований науки. Строгий эксперимент провести было можно, и он состоялся. Результат мог оказаться положительным. Но допускаете ли вы мысль, что кто-нибудь из приверженцев религии отказался бы признавать выводы на том основании, что научные результаты не имеют ничего общего с вопросами религии? Конечно, нет.

Без слов ясно: отрицательные результаты не пошатнут убеждений правоверных. Боб Барт, духовный глава молельной миссии Миссури, откуда исходила часть экспериментальных молитв, заявил: «Верующий скажет вам, что, хотя это исследование и представляет интерес, мы молимся уже давно, и мы видели, что молитвы приносят плоды, мы знаем, что они работают и что изучение молитв и духовного опыта еще только начинается». Ну да, конечно: мы знаем, что, согласно нашей вере, молитва приносит плоды, так что, если доказательств получить не удастся, будем корпеть дальше, пока не удастся добиться желаемого.

Эволюционная школа имени Невилла Чемберлена

Возможно, для ученых, поддерживающих гипотезу NOMA — о неуязвимости гипотезы бога перед лицом науки, — косвенным побуждением является особенность американского политического климата с нависшей угрозой популярного креационизма. В некоторых областях Соединенных Штатов наука подвергается нападкам умело организованной, обладающей крепкими политическими связями и, главное, щедро финансируемой оппозиции; в такой ситуации преподавание эволюции находится на переднем крае борьбы.

Опасения ученых здесь вполне понятны — финансирование исследований по большей мере осуществляется правительством, поэтому избранным на руководящие должности чиновникам приходится давать разъяснения не только информированным, но зачастую предубежденным и невежественным местным избирателям. В ответ на угрозы возник союз разных групп по защите эволюции, наиболее заметным участником которого стал Национальный центр научного образования (НЦНО) во главе с неустоимым борцом за науку Юджином Скоттом, недавно выпустившим книгу «Эволюция против креационизма». Одной из главных политических задач НЦНО является привлечение внимания к проблеме и работа с теми верующими, которые придерживаются более «разумных» религиозных убеждений и считают, что эволюция не противоречит их взглядам (а порой даже каким-то странным образом подтверждает их). Союз защиты эволюции пытается вести диалог именно с этими, довольно широкими, кругами церковных деятелей, теологов и неортодоксальных верующих, недовольных креационизмом, который, по их мнению, подрывает репутацию религии. И чтобы такой диалог состоялся, они изо всех сил цепляются за гипотезу NOMA и убеждают своих религиозных партнеров, что наука совершенно безопасна для них, потому что она не имеет никакого отношения к утверждениям религии.

Еще одним светочем направления, которое мы по праву можем назвать «Эволюционной школой имени Невилла Чемберлена», является философ Майкл Руз. Руз яростно сражался против креационизма,⁴⁸ как на бумаге, так и в судах. Он считает себя атеистом, но в напечатанной в «Плейбое» статье заявляет:

Почитателям науки нужно признать, что враги наших врагов — наши друзья.

Частенько сторонники эволюции не жалеют сил, бичуя потенциальных союзников. Особенно это относится к неверующим эволюционистам. Атеисты тратят больше усилий на схватки с симпатизирующими им христианами, чем с креационистами. Когда папа Иоанн Павел II опубликовал письмо, признающее правильность дарвинизма, Ричард Докинз в ответ просто-напросто заявил, что папа — ханжа, что он не может высказать свое искреннее мнение о науке и что он, Докинз, предпочитает иметь дело с честными фанатиками.

Я понимаю, насколько удобно и привлекательно для Руза с чисто тактической точки зрения поверхностное сравнение с борьбой против Гитлера: «Уинстону Черчиллю и Франклину Рузвельту не нравились Сталин и коммунизм, но, сражаясь против Гитлера, они понимали, что им придется сотрудничать с Советским Союзом. И сторонникам эволюции также нужно объединить усилия в борьбе с креационизмом». Однако я скорее встану на сторону моего чикагского коллеги, генетика Джерри Койна, заметившего, что Руз

...упустил из виду сущность разногласия. Это не просто борьба эволюционизма против креационизма. Для таких ученых, как Докинз и Уилсон (Э. О. Уилсон, знаменитый гарвардский биолог. — Р. Д.), настоящая схватка идет между рационализмом и суевериями. Наука — это одна из форм рационализма, а религия — наиболее распространенная форма предрассудков. Креационизм для них — лишь одна из личин более опасного врага: религии. Религию без креационизма можно представить, а креационизм без религии не существует

⁴⁹

Меня с креационистами объединяет то, что, в отличие от «Школы имени Чемберлена», я, как и они, терпеть не могу уверток, свойственных гипотезе NOMA с ее разделением

интересов. Креационистами при этом движет отнюдь не уважение к зеленым просторам науки, для них нет большего удовольствия, чем потоптаться на них своими грязными сапожищами. И подлых приемов им не занимать. В ходе проводимых в американском захолустье судебных разбирательств представляющие креационистов юристы специально выискивают эволюционистов, не скрывающих своих атеистических убеждений. По собственному опыту знаю, что мое имя использовали подобным образом. Это очень действенный прием, потому что среди выбранных наугад присяжных весьма вероятно присутствуют господа, которым с детства внушали, что атеисты — демоны во плоти, мало отличающиеся от педофилов и «террористов» (современная разновидность ведьм Салема или «комми» эпохи Мак-карти). Любопытствующий креационистов юрист, вызвав меня для дачи показаний, одним махом завоевал бы симпатии присяжных, задав мне один-единственный вопрос: «Повлияло ли знакомство с теорией эволюции на ваше решение стать атеистом?» Мне придется ответить утвердительно, и присяжные тут же от меня отвернутся. С юридической же точки зрения правильным ответом для неверующего является следующий: «Мои религиозные убеждения или отсутствие таковых — это мое личное дело; они никоим образом не связаны с данным судебным процессом и с моей научной работой». Но я не мог бы так ответить, не кривя при этом душой, а почему — объясню в главе 4.

Журналистка из газеты «Гардиан» Мадлен Бантинг написала статью, озаглавленную «Почему сторонники «разумного замысла» благодарят бога за Ричарда Докинза». ⁵⁰ Похоже, она не обсуждала содержание ни с кем, кроме Майкла Руза, — статья вполне могла бы выйти из-под его пера. ⁵¹ В ответ Дэн Ден-нет удачно процитировал дядюшку Римуса:

Мне показалось забавным, что два англичанина — Мадлен Бантинг и Майкл Руз — попались на одну из самых широкоизвестных в американском фольклоре уловок («Почему сторонники «разумного замысла» благодарят бога за Ричарда Докинза», 19 марта). Когда Братцу Лису удастся наконец поймать Братца Кролика, тот начинает умолять: «Пожалуйста, ну пожалуйста, делай со мной что хочешь, только не бросай меня в этот терновый куст!» — где он и оказывается через минуту в полной безопасности благодаря глупости Лиса. Когда американский математик и теолог Уильям Дембски колко поздравляет Ричарда Докинза с успешной работой на пользу теории «разумного замысла», Бантинг и Руз принимают это за чистую монету! «Ох, дорогой Братец Лис, твое справедливое утверждение — о том, что эволюционная биология отвергает идею творца, — мешает преподаванию биологии в школах, потому что это нарушит принцип разделения религии и государства». Что ж, пожалуй, нужно заодно пересмотреть и физиологию, отрицающую возможность непорочного зачатия». ⁵²

Данный вопрос, включая еще одну, независимо проведенную аналогию с попавшим в терновый куст Братцем Кроликом, подробно рассматривается биологом П. З. Майерсом на страницах его остроумного блога «Фарингула». ⁵³

Я не обвиняю коллег из миротворческого лагеря огульно в нечестности. Возможно, они искренне верят в гипотезу NOMA, хотя у меня и закрадывается сомнение в том, что они тщательно ее рассмотрели и что им удалось разрешить присущие ей внутренние противоречия. В данный момент не стоит углубляться дальше, но желающим понять всю подоплеку появляющихся в печати высказываний ученых по религиозным вопросам необходимо учитывать политическую обстановку — бушующие в современной Америке, с

50

51

52

53

трудом поддающиеся воображению культурологические битвы. Далее в этой книге я еще коснусь миротворчества — аналогичного НОМА-гипотезе. А сейчас хочу вернуться к агностицизму и попытке сократить область неведомого, значительно сократить долю неуверенности в вопросе присутствия/отсутствия бога.

Зеленые человечки

Представим, что в притче Бертрانا Рассела говорится не о небесном чайнике, а о существовании во Вселенной иной жизни — если вы помните, Саган отказался об этой проблеме «думать нутром». Опять же, мы не можем стопроцентно доказать отсутствие такой жизни, и единственно разумной позицией в этом вопросе остается агностицизм. Но в данном случае нет оснований отбрасывать гипотезу в сторону как пустую. На основе имеющихся неполных данных можно провести интересную дискуссию, составить перечень доказательств, увеличивающих нашу уверенность в том или ином выводе. Если бы правительство потратило огромные средства на сооружение дорогих телескопов с единственной целью поиска небесных чайников, мы бы немедленно возмутились. Однако ни у кого не вызывают возмущения расходы в рамках программы SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence⁵⁴) на сканирование космоса радиотелескопами в надежде обнаружить посланный разумными инопланетянами сигнал.

Хочу выразить солидарность с позицией Карла Сагана, отвергающего «нутряное чутье» в вопросе о существовании внеземной жизни. Однако трезвое определение (данное Саганом) условий, необходимых для оценки вероятности такого события, вполне осуществимо. Вначале у нас в руках может оказаться всего лишь перечень неразрешенных вопросов, как в знаменитом уравнении Дрейка, которое, по словам Пола Дейвиса, есть просто совокупность вероятностей. Согласно данному уравнению, для того чтобы оценить количество независимо возникших цивилизаций, существующих во Вселенной, нужно перемножить семь величин. В их число входит количество звезд, количество у каждой звезды планет с похожими на земные условиями и вероятности разнообразных событий, которые я не буду здесь описывать подробно, потому что только хочу отметить, что значение всех этих величин неизвестно или оценивается с приближениями огромного порядка. Произведение такого количества неизвестных или почти неизвестных величин — предполагаемое число внеземных цивилизаций — имеет такую колоссальную погрешность, что в данном вопросе представляется разумным или даже необходимым занять позицию агностицизма.

Некоторые величины уравнения Дрейка сейчас уже известны точнее, чем в 1961 году, когда уравнение появилось. В то время нам была известна только наша Солнечная система с вращающимися вокруг центральной звезды планетами, включая близкие аналогичные спутниковые системы Юпитера и Сатурна. Лучшие оценки количества планетных систем во Вселенной базировались на теоретических моделях и на неформальном «принципе заурядности» (памяти о горьких исторических уроках Коперника, Хаббла и других): из того, что мы обитаем на планете, вовсе не следует, что она является чем-то необычайным. К сожалению, «принцип заурядности» в свою очередь выхолащивается «антропным принципом» (см. главу 4): если наша Солнечная система действительно единственная в своем роде во Вселенной, то нам, как осмысливающим данный вопрос существам, пришлось бы жить именно в ней. Сам факт нашего существования задним числом может подтверждать, что мы обитаем в очень незаурядном мире.

Современный постулат о многочисленности солнечных систем базируется уже не на принципе заурядности, а на полученных опытным путем данных. Спектроскоп — карающая

длань, разрушившая позитивизм Конта, — помог нам и здесь. Наши телескопы недостаточно сильны, чтобы непосредственно наблюдать вращающиеся вокруг звезд планеты. Однако положение звезд меняется под воздействием гравитационного притяжения вращающихся вокруг них планет, и при помощи спектроскопа возможно зафиксировать доплеровское смещение спектра звезды, по крайней мере когда вокруг нее вращается планета крупного размера. На время написания этой книги при помощи данного метода вне Солнечной системы обнаружено 170 планет, вращающихся вокруг 147 звезд,⁵⁵ но это число, несомненно, увеличится к тому дню, когда моя книга попадет к вам в руки. Пока удастся обнаруживать только крупные «юпитеры», потому что только «юпитеры» имеют массу, достаточную для смещения звезд в пределах, фиксируемых современными спектроскопами.

Нам удалось улучшить количественную оценку по крайней мере одной, ранее таинственной, величины уравнения Дрейка. Это позволяет, пусть ненамного, но тем не менее реально снизить агностицизм в отношении окончательного решения уравнения. Нам по-прежнему приходится быть агностиками в вопросе существования жизни на других планетах, но уже чуть в меньшей степени, потому что нам удалось немного понизить долю невежества. Наука в состоянии понемногу разъедать агностицизм, опровергая мнение Гексли, который из кожи вон лез, чтобы обосновать непроверяемость гипотезы бога. Я же хочу заявить, что, несмотря на вежливое невмешательство Гексли, Гулда и многих других, вопрос существования бога не исключен, принципиально и навеки, из компетенции науки. Подобно вопросу о природе звезд (вопреки мнению Конта) или о присутствии жизни на вращающихся вокруг них планетах, наука в состоянии проложить на территории агностицизма по крайней мере вероятностные ходы.

Мое определение гипотезы бога включает термины «сверхчеловеческий» и «сверхъестественный». Чтобы понять различие между ними, представьте, что радиотелескоп SETI вдруг обнаружил космический сигнал, бесспорно доказывающий, что мы не одни. Кстати, каким, интересно, должен быть сигнал, чтобы убедить нас в том, что он послан разумными существами? Целесообразно подойти к этому вопросу с другой стороны. Какого рода разумный сигнал должны были бы послать мы, чтобы оповестить внеземных слушателей о своем существовании? Ритмическое пульсирование не подойдет. Радиоастроном Джоселин Белл Бурнелль, впервые обнаружившая пульсары в 1967 году, была настолько поражена периодичностью их пульсирования в 1,33 секунды, что в шутку назвала ее LGM-пульсацией (от «Little Green Men» маленькие зеленые человечки). Позднее, в другой точке неба, она нашла еще один пульсар с иной периодичностью, и гипотеза зеленых человечков была забыта. Метроно-мические ритмы могут производить многие не обладающие разумом объекты — раскачивающаяся ветка, капающая вода, временные задержки в саморегулирующихся контурах обратной связи, вращающиеся небесные тела. В нашей Галактике уже обнаружено больше тысячи пульсаров, и считается, что каждый из них представляет собой быстро вращающуюся нейтронную звезду, излучающую поток радиоволн, подобный лучу проблескового маяка. Трудно представить звезду, оборачивающуюся вокруг оси за считанные секунды (вообразите, что наш день продолжается вместо 24 часов 1,33 секунды), но почти все, что мы знаем о нейтронных звездах, поражает воображение. Суть в том, что объяснение феномена пульсаров уже получено из области обычной физики, а не космического разума.

Таким образом, простыми пульсирующими сигналами объявить ожидающей Вселенной о нашем присутствии не удастся. Часто с этой целью предлагают использовать простые числа, потому что трудно вообразить чисто физический процесс, в результате которого получается ряд простых чисел. Теперь представьте, что, либо обнаружив такой ряд, либо

каким-нибудь другим путем, SETI получит неоспоримое доказательство наличия внеземного разума, вслед за чем, возможно, последует колоссальная передача знаний и опыта, примерно как описано в романе Хойла «Андромеда» или Карла Сагана — «Контакт». Как мы на этоотреагируем? Преклонение перед этим разумом будет весьма объяснимо, потому что любая способная послать сигнал на такое колоссальное расстояние цивилизация, скорее всего, значительно превосходит нашу. Даже если в момент отправки сигнала их цивилизация и не обгоняла по развитию нашу, то, приняв во внимание огромное разделяющее нас расстояние, придется заключить, что ко времени получения нами послания они обогнали нас на тысячелетия (если только раньше не вымерли, что тоже вполне возможно).

Вне зависимости от того, узнаем мы о них или нет, есть реальная вероятность существования внеземных цивилизаций — более сверхчеловеческих, чем любые фантазии теологов. Их технические достижения могут казаться нам настолько же сверхъестественными, насколько наши собственные показались бы чудом перенесенному в XXI век средневековому крестьянину. Представьте его реакцию на ноутбук, мобильный телефон, водородную бомбу или реактивный лайнер. Артур Ч. Кларк так сформулировал свой Третий постулат: «Любая достаточно развитая технология неотличима от волшебства». Ставшие реальностью благодаря современным технологиям чудеса показались бы древним не менее поразительными, чем разделяющий воды Моисей или идущий по ним Иисус. Обнаруженные программой SETI инопланетяне показались бы нам богами, подобно тому как получали божественные почести (и использовали незаслуженное преклонение на всю катушку) миссионеры, появлявшиеся среди народов каменного века со своими оружием, телескопами, спичками и таблицами, позволявшими предсказывать наступление затмений с точностью до секунды.

Чем же тогда эти сверхразумные инопланетяне будут отличаться от богов? Почему их достижения можно назвать сверхчеловеческими, но не сверхъестественными? По очень важной причине, которая и является основной темой этой книги. Главное различие между богами и богоподобными пришельцами заключается не в их возможностях, а в их происхождении. Достаточно сложные, чтобы обладать разумом, объекты являются продуктом эволюционного процесса. Какими бы богоравными они ни показались нам при встрече, они не были такими с самого начала. Авторы фантастических романов, например Дэниел Ф. Галой в книге «Поддельный мир», предполагают даже, что мы населяем компьютерную модель, разработанную сверхсверхразумной цивилизацией (и я не могу изобрести этому опровержения). Однако сами экспериментаторы тоже должны были откуда-то произойти. Согласно законам вероятности, они не могли просто появиться в один прекрасный миг, не имея за спиной поколений более примитивных предков. Возможно, они возникли в результате другой (незнакомой нам) формы дарвиновской эволюции: пользуясь терминологией Дэниела Деннета,⁵⁶какого-то иного «ступенчато-кумулятивного крана», но никак не «небесного крючка». «Небесные крючки» — это магические заклинания богов, неважно каких. Они ничего не объясняют *bona fide*,⁵⁷и в результате требуется даже больше объяснений, чем без них. «Краны» — это объяснительные механизмы, которые действительно объясняют. Самым главным в истории «краном» является естественный отбор. С его помощью жизнь от первобытных примитивных организмов вознеслась до поражающих.

нынче наше воображение головокружительных высот сложности, красоты и кажущегося запланированным устройства. Тема главы 4 — «Почему бога почти наверняка нет». Но вначале, прежде чем изложить главную причину, заставляющую меня твердо верить в отсутствие бога, я обязан парировать появлявшиеся в ходе истории позитивные доводы в

пользу веры.

Глава третья. Доказательства существования бога

Профессору теологии в нашем заведении не место.
Томас Джефферсон

Теологи и их помощники, включая любителей все порассуждать о «здравом смысле», веками систематизировали доводы, подтверждающие существование бога.

«Доказательства» Фомы Аквинского

Пять «доказательств», предложенных в XIII веке Фомой Аквинским, ничего не доказывают, их бессодержательность легко обнаружить — хоть и неудобно так говорить о знаменитом мыслителе. Первые три представляют один и тот же, изложенный разными словами аргумент, и их целесообразно рассмотреть вместе. Каждый из них приводит к бесконечной последовательности вопросов — то есть ответ на вопрос вызывает новый вопрос, и так далее, *ad Infinitum*.⁵⁸

1. *Недвижимый движитель* . Ничто не может начать движение само по себе, для этого необходим первоначальный источник движения. Двигаясь по цепи источников, мы доходим до первопричины, которой может быть только бог. Что-то произвело первое движение, и этим чем-то может быть только бог.

2. *Беспричинная причина* . Ничто не является собственной причиной. Каждому следствию предшествует причина, и опять мы двигаемся по цепочке причин. Должна существовать первая причина, ее и называют богом.

3. *Космологическое доказательство* . Должно было быть такое время, когда физических объектов не существовало. Но, поскольку в настоящее время они существуют, должна быть некая нефизическая сущность, вызвавшая их существование; эта сущность и есть бог.

Эти три аргумента основаны на идее бесконечной последовательности, бог здесь прекращает движение цепочки в бесконечность. Делается абсолютно недоказанная предпосылка о том, что бог сам по себе не может быть частью последовательности. Даже если, дав себе сомнительную поблажку, мы предположим существо, завершающее процесс бесконечного восхождения по цепочке причин (только потому, что оно нам необходимо), и дадим ему имя, непонятно, почему это существо должно обладать другими, обычно приписываемыми богу качествами: всемогуществом, всеведением, благодатью, возможностью творения — не говоря уже о таких чисто человеческих качествах, как выслушивание молитв, прощение грехов и распознавание тайных помыслов. Кстати, логики уже заметили, что всеведение и всемогущество являются взаимоисключающими качествами. Если бог всезнающ, то он уже знает о том, что он вмешается в историю и, используя всемогущество, изменит ее ход. Но из этого следует, что он не может передумать и не вмешиваться, а значит, он не всемогущ. По поводу этого остроумного парадокса Карен Оуэне сложила не менее забавный куплет:

Как бы всезнающий бог, Прозревший грядущее, смог Быть еще и всевластным и передумать То, о чем завтра был должен подумать?

Что же касается бесконечного восхождения и тщетности привлечения бога для его прекращения, то более изящным решением представляется изобретение, скажем, «сингулярности Большого Взрыва» или еще какой-нибудь, доселе неизвестной физической концепции. Именование ее богом в лучшем случае не имеет смысла, а в худшем приводит к опасным заблуждениям. В одном из своих абсурдных рецептов — рецепте «вкусочных котлеток» — Эдвард Лир советует: «Возьмите немного говядины и, искрошив ее как можно мельче, раскромсайте каждый кусочек еще на восемь или даже девять частей». Некоторые последовательности имеют естественный предел. Раньше ученые задумывались: что произойдет, если разрезать, скажем, золотой слиток на самые маленькие кусочки? Разве самый маленький из получившихся кусочков нельзя вновь разделить пополам, чтобы получить еще меньшую крупинку? В данном случае пределом членения, очевидно, является атом. Самым маленьким возможным кусочком золота будет атомное ядро, содержащее ровно 79 протонов и чуть больше нейтронов, окруженное облаком из 79 электронов. Стоит «разрезать» этот атом золота, и полученный результат уже не будет золотом. Естественным пределом членения типа «вкусочных котлеток» служит атом. Но то, что бог служит естественным пределом членений, рассматриваемых Фомой Аквинским, далеко не однозначно. И это, как мы увидим дальше, еще мягко выражаясь. Однако перейдем к следующим доказательствам Фомы Аквинского.

4. *Доказательство от степени совершенства*. Мы замечаем, что все в мире различно. Существуют различные степени, скажем, благодати или совершенства. Мы судим о степенях, только сравнивая их с абсолютным максимумом. Человеческой природе свойственно как хорошее, так и плохое, поэтому человек не может обладать абсолютной благодатью. Поэтому в качестве образца совершенства должен существовать другой абсолютный максимум благодати — мы называем этот максимум богом.

Это называется доказательством? Почему бы тогда не сказать, что все люди пахнут с разной силой, но сравнить степень источаемого ими аромата можно только по отношению к совершенному образцу, обладающему абсолютной пахучестью. Поэтому должен существовать несравненный, превосходящий все известное вонючка, и мы называем его богом. Приглашаю вас заменить мое сравнение на любое другое и получить не менее бессмысленное заключение.

5. *Телеологический аргумент, или доказательство от божественного замысла (от целесообразности)*. Существующие в мире объекты, и особенно живые организмы, производят впечатление созданных с определенной целью. Ничто нам известное не выглядит намеренно сотворенным, если оно не сотворено. Следовательно, существует творец, и имя ему — бог.⁵⁹ Сам Фома Аквинский использовал аналогию с летящей к цели стрелой, сейчас для такого сравнения может больше подойти современная зенитная ракета с тепловым самонаведением.

Из этих аргументов в настоящее время продолжает широко использоваться только доказательство от целесообразности; для многих оно по-прежнему звучит с непрекращаемой убедительностью. В свое время оно поразило молодого Дарвина — кембриджского студента, ознакомившегося с ним в книге Уильяма Палее «Естественная теология». К несчастью для Палее, Дарвин, повзрослев, вывел его на чистую воду. Пожалуй, никогда еще общепринятые суждения не терпели столь сокрушительного поражения под напором блестяще сформулированных аргументов, как при развенчании Чарльзом Дарвином доказательства от целесообразности. И это случилось совсем неожиданно. Благодаря Дарвину утверждение о том, что ничто нам.

Не могу не привести незабываемую дедуктивную уловку, втиснутую в евклидовское доказательство моим школьным товарищем во время совместного изучения геометрии: «Треугольник ABC производит впечатление равнобедренного. Следовательно..» известное не выглядит сотворенным, пока его не сотворят, не является больше справедливым. Эволюция, происходящая под влиянием естественного отбора, создавая творения головокружительной сложности и изящества, очень убедительно производит впечатление присутствия разумного творца. Одним из примеров псевдозамысла служат нервные системы: даже наименее сложные из них порождают целенаправленное поведение, которое и у самой мелкой букашки больше сродни самонаводящейся ракете, чем просто летящей к мишени стреле. Мы еще вернемся к доказательству от целесообразности в главе 4.

Онтологический аргумент и другие аргументы a priori

Доказательства существования Бога можно разделить на две главные категории: a priori и a posteriori. Пять доказательств Фомы Аквинского являются аргументами a posteriori — они основаны на изучении мира. Самым знаменитым из рассчитанных на диванные умозаключения аргументов a priori является онтологический аргумент, выдвинутый в 1078 году святым Ансельмом Кентерберийским и повторенный с тех пор бесчисленным количеством других философов. Аргумент святого Ансельма обладает одной странностью, а именно — первоначально он в форме молитвы был адресован не людям, а самому богу (хотя, казалось бы, способную выслушивать молитвы сущность не нужно убеждать в том, что она существует).

В нашем уме есть понятие, рассуждает Ансельм, о существе всесовершенном. Даже атеист способен представить такое абсолютно совершенное существо, хотя и будет отрицать его присутствие в реальном мире. Но, продолжает автор, если существо не присутствует в реальном мире, то по этой самой причине оно не абсолютно совершенно. Возникает противоречие, из чего можно сделать вывод, что бог существует!

Предлагаю вам перевод этого младенческого аргумента на самый уместный для него язык — детсадовский.

Спорим, я докажу, что бог есть.

Спорим, что не докажешь.

Ну ладно, представь себе самое, самое-самое совершенное существо, какое только может быть.

Ну представил, дальше что?

Смотри, это самое-самое-самое совершенное существо — оно реально? Существует оно на самом деле?

Нет, я только придумал его.

Но если бы оно было на самом деле, то оно было бы еще более совершенно, потому что самое, самое, самое совершенное существо должно быть лучше, чем какая-то глупая выдумка. Вот я и доказал, что бог есть. Хи-хи, хи-хи, атеисты — дураки.

Я намеренно вложил в уста маленького всезнайки слово «дураки». Ансельм сам цитирует первую строку псалма 13 «Сказал глупец в сердце своем, нет Бога», и дальше у него хватило самоуверенности называть гипотетического атеиста не иначе как «глупцом» (по латыни — *insipiens*):

Итак, даже и означенный глупец принужден признать, что хотя бы в разуме есть нечто, более чего нельзя ничего помыслить; ведь, слыша эти слова, он их разумеет, а то, что разумеет, есть в разуме. Но то, более чего нельзя ничего помыслить, никак не может

иметь бытие в одном только разуме. Ведь если оно имеет бытие в одном только разуме, можно помыслить, что оно имеет бытие также и на деле; а это уже больше, чем иметь бытие только в разуме.

Сама мысль о том, что из таких уверток логического махизма делаются грандиозные выводы, оскорбляет мои эстетические чувства, и приходится самому сдерживаться от употребления таких эпитетов, как «безумцы» или «глупцы». Бертран Рассел (далеко не глупец) сделал интересное замечание: «Гораздо проще увериться в том, что [онтологический аргумент] должен быть ошибочным, чем обнаружить, в чем именно заключается ошибка». В молодые годы Рассел сам какое-то время был убежден в его правоте:

Хорошо помню тот день в 1894 году и момент — я как раз шел по Тринити-лейн, — когда я внезапно понял (или так мне показалось), что онтологический аргумент справедлив. Я ходил в магазин, чтобы купить жестянку табака; по дороге домой я неожиданно подбросил ее в воздух и, поймав, воскликнул: «Елки-палки, онтологический аргумент довольно состоятелен».

Может, ему лучше было бы воскликнуть: «Елки-палки, возможно, онтологический аргумент достоверен. Но не подозрительно ли, что великую правду о природе мироздания можно вывести из простой игры слов? Засучу-ка я рукава и проверю, не является ли этот аргумент таким же парадоксом, как парадокс Зенона.⁶⁰ Грекам пришлось немало потрудиться над «доказательством» Зенона, в котором утверждалось, что Ахиллес никогда не догонит черепаху». Но у них хватило здравого смысла не делать из загадки вывода о том, что Ахиллесу действительно не удастся поймать черепаху. Вместо этого они назвали «доказательство» парадоксом и оставили поиск решения следующим поколениям математиков (оказывается, решение предлагает теория сходящихся рядов). Сам Рассел, конечно, понимал не хуже других, почему не стоит отмечать неудачу Ахиллеса в погоне за черепахой подбрасыванием в воздух жестянки с табаком. Почему же он не проявил аналогичную осмотрительность в случае святого Ансельма? Подозреваю, что он был чрезвычайно честным атеистом, всегда готовым изменить свои взгляды, если ему казалось, что этого требует логика.⁶¹ А может, ответ стоит искать в отрывке, написанном самим Расселом в 1946 году, спустя много времени после того, как он раскусил онтологический аргумент:

На самом деле вопрос стоит так: имеется ли что-либо, о чем мы можем помыслить, что в силу того, что оно присутствует в нашем разуме, безусловно существует вне нашего разума? Каждому философу хочется ответить утвердительно, потому что задача философа — узнавать о мире методом размышления, а не наблюдения. Если правильный ответ — положительный, то между помыслами и реальным миром существует мост. Если нет — то нет.

У меня лично, напротив, автоматически вызвали бы глубокие подозрения любые аргументы, приводящие к такому наиважнейшему выводу и не использующие ни единой крупинки информации о реальном мире. Возможно, это просто говорит о том, что я ученый, а не философ. И действительно, на протяжении столетий философы — как разделяющие, так и отрицающие онтологический аргумент — относились к нему с большой долей серьезности. Очень ясное его обсуждение приводится в книге философа-атеиста Дж. Л. Маки «Чудо теизма». Говоря, что философов почти можно определить как людей, не признающих очевидное за ответ, я отдаю им тем самым дань уважения.

60

61

Наиболее полное развенчание онтологического аргумента обычно приписывают философам Дэвиду Хьюму (1711–1776) и Эммануилу Канту (1724–1804). Кант заметил, что Ансельм схитрил, как бы вскользь утверждая, что «бытие» является более «совершенным», чем небытие. Американский философ Норман Малколм говорит об этом так: «Утверждение, что бытие является совершенством, исключительно странно. Заявление о том, что мой будущий дом будет лучше с утеплением, чем без него, — разумно и справедливо; но какой смысл имеет утверждение, что он будет лучше, если он будет существовать, чем если его не будет?»⁶² Другой философ, австралиец Дуглас Гаскин, в шутку разработал «доказательство» того, что бога нет (аналогичное построение было предложено современником Ансельма — Гаунило).

1. *Сотворение мира — самое замечательное достижение, какое можно представить.*
2. *Степень величия достижения зависит от (а) качества самого достижения и (б) возможностей творца.*
3. *Чем больше ограниченность (и меньше возможности) творца, тем чудеснее выглядит выдающийся результат.*
4. *Творец обладает наименьшими возможностями, если он не существует.*
5. *Следовательно, если предположить, что Вселенная — творение существующего творца, мы можем представить в разуме еще более совершенное создание — а именно сотворившего все несуществующего творца.*
6. *Таким образом, существующий бог не будет существом, совершеннее которого невозможно представить, потому что несуществующий бог будет еще более совершенным и могущественным.*
- Ergo:
7. *Бога нет.*

Бесспорно, Гаскин на самом деле не доказал, что бога нет. Но аналогичным образом и Ансельм не доказал, что он есть. Единственное различие между ними: Гаскин разработал доводы в шутку, потому что понимал, что наличие или отсутствие бога — это слишком сложный вопрос и «диалектическим жонглированием» его не разрешить. И я не считаю, что самым слабым звеном аргумента является небрежное использование существования как показателя совершенства. Сейчас уже не припомню всех деталей, но как-то я долго досаждал группе теологов и философов, доказывая при помощи онтологического аргумента, что свиньи могут летать. Для доказательства обратного им пришлось прибегнуть к модальной логике.

Онтологический аргумент, как и все аргументы *a priori* в пользу существования бога, приводит мне на память старика из романа Олдоса Хаксли «Контрапункт», нашедшего математическое доказательство существования бога:

*Знаешь формулу: t , деленное на нуль, равно бесконечности, если t — любая положительная величина? Так вот, почему бы не привести это равенство к более простому виду, умножив обе его части на нуль? Тогда мы получим: t равно нулю, умноженному на бесконечность. Следовательно, любая положительная величина есть произведение нуля и бесконечности. Разве это не доказывает, что Вселенная была создана бесконечной силой из ничего? Разве не так?*⁶³

Или еще имела место в XVIII веке при дворе Екатерины Великой такая знаменитая

дискуссия о существовании бога между швейцарским математиком Эйлером и знаменитым энциклопедистом Дени Дидро. Нападая на атеиста Дидро, набожный Эйлер самым убедительным тоном бросил следующий вызов: «Мсье, $(a+bn)/n=x$, следовательно, Бог существует. Ваша очередь!» Ошеломленный Дидро был вынужден ретироваться и, согласно одной из версий, без оглядки бежал до самой Франции.

Эйлер использовал прием, который можно назвать «аргумент затуманивания наукой» (в приведенном примере — математикой). В книге «Атеистическая Вселенная» Дэвид Миллз приводит отрывок из своего радиоинтервью, которое у него брал ведущий религиозной программы, сделавший идиотски нелепую попытку запутать собеседника научными данными и вспомнивший к случаю закон сохранения массы и энергии: «Поскольку мы все состоим из материи и энергии, разве этот научный принцип не утверждает веру в вечную жизнь?» Миллз ответил корректнее и снисходительнее, чем это удалось бы мне, потому что, говоря простым языком, ведущий утверждал: «После смерти составляющие наше тело атомы (и энергия) не пропадают. Следовательно, мы бессмертны».

Даже меня, несмотря на многолетний опыт, обезоружило такое наивное принятие желаемого за действительное. А я-то видел много удивительных «доказательств», собранных на <http://www.godlessgeeks.com/LINKS/GodProof.htm>, где имеется забавный перечень «Более трехсот доказательств существования бога». Привожу шесть из них начиная с доказательства номер 36.

36. *Доказательство от неполного уничтожения* . В авиакатастрофе погибли 143 пассажира и весь экипаж. Однако один ребенок выжил, получив лишь ожоги третьей степени. Следовательно, бог есть.

37. *Доказательство от возможных миров* . Если бы все было по-другому, все оказалось бы не так. Это было бы плохо. Следовательно, бог есть.

38. *Доказательство от волеизъявления* . Я верю в бога! Я верю в бога! Верю, верю, верю. Я верю в бога! Следовательно, бог есть.

39. *Доказательство от неверия* . Большая часть населения земного шара — не христиане. Именно это и планировал Сатана. Следовательно, бог есть.

40. *Доказательство от загробного опыта* . Некто скончался атеистом. Теперь он понял свою ошибку. Следовательно, бог есть.

41. *Доказательство от эмоционального шантажа* . Бог тебя любит. Неужели ты такой бессердечный, что не поверишь в него? Следовательно, бог есть.

Доказательство от красоты

Другой герой уже упоминавшейся повести Олдоса Хаксли доказывал существование бога, проигрывая на граммофоне Струнный квартет Бетховена № 15 ля минор («Heiliger Dankgesang»⁶⁴). Несмотря на кажущуюся неубедительность, этот аргумент очень широко распространен. Я потерял счет случаям, когда мне задавали колкие вопросы типа: «А как вы тогда объясните Шекспира?» (заменяемого, в зависимости от вкусов собеседника, Шубертом, Микеланджело и т. п.). Данный аргумент слишком известен и не нуждается в комментариях. Тем не менее редко кто пытается анализировать его логический смысл, и чем больше над ним размышляешь, тем более очевидной становится его бессодержательность. Поздние квартеты Бетховена, несомненно, изумительны. Так же, как и сонеты Шекспира. Они изумительны вне зависимости от того, существует бог или нет. Они доказывают существование Бетховена и Шекспира, а не существование бога. Одному знаменитому дирижеру приписывают следующую фразу: «Зачем вам бог, если вы можете слушать музыку

Моцарта?»

Как-то раз меня пригласили в качестве одного из гостей участвовать в английской радиопередаче «Пластинки на необитаемом острове». Гостю предлагалось выбрать восемь дисков, которые ему хотелось бы иметь под рукой, попади он в кораблекрушение и окажись в одиночестве на острове. Я назвал среди прочего «Mache dich mein Herze rein»⁶⁵ из баховских «Страстей по Матфею». Ведущий не мог уразуметь, почему я, неверующий, назвал религиозную музыку. Но никто же не спрашивает: как вы можете восхищаться «Грозным перевалом», вы же знаете, что Кэти и Хитклифа никогда на самом деле не было?

Хочу здесь кое-что добавить, о чем нужно упоминать каждый раз, когда величие Сикстинской капеллы или «Благовещения» Рафаэля относят на счет религии. Зарабатывать на хлеб приходится всем, даже великим художникам, и они берут заказы у тех, кто их предлагает. Я не сомневаюсь, что и Рафаэль и Микеланджело были христианами — в их эпоху другого выбора у них не было, — но это, в общем, не так важно. Церковь с ее неисчислимыми богатствами была главной покровительницей искусств. Сложись история иначе и получи Микеланджело заказ на роспись потолка в гигантском Музее науки, разве из-под его кисти не вышла бы работа, по крайней мере не менее великолепная, чем фрески Сикстинской капеллы? Жаль, что нам не доведется услышать «Мезозойскую симфонию» Бетховена или оперу Моцарта «Расширение Вселенной». И, хотя «Эволюционная оратория» Гайдна никогда не увидела свет, это не мешает нам наслаждаться его «Сотворением мира». Подойдем к аргументу с другой стороны: а что, если, как, пожившись, предположила моя жена, Шекспиру пришлось бы всю жизнь выполнять церковные заказы? Тогда мы точно не узнали бы «Гамлета», «Короля Лира», «Макбета». Думаете, вы получили бы взамен что-либо, созданное «из того же материала, что сны»? И не мечтайте.

Если логическое доказательство присутствия бога посредством выдающихся произведений искусства и существует, никто из его сторонников еще не дал ему четкой формулировки. Его считают самоочевидным, но это далеко не так.

Может, этот аргумент представляет собой новую разновидность доказательства от целесообразности: появление музыкального гения Шуберта еще более невероятно, чем появление глаза у позвоночных. А может, это своеобразное, не очень благородное проявление зависти к гению? Почему кто-то другой может создавать такую прекрасную музыку/поэзию/живопись, а я не могу? Наверняка здесь не обошлось без воли божьей.

Доказательство от личного «опыта»

Один мой глубоко верующий сокурсник, превосходящий многих и умом, и зрелостью, отправился как-то в былые годы в турпоездку на Шетландские острова. В середине ночи их с подругой разбудило раздавшееся снаружи палатки завывание нечистой силы — таким в полном смысле слова дьявольским голосом, несомненно, мог вопить лишь сам Сатана. Жуткая какофония, о которой он, несмотря на все усилия, не мог забыть, послужила со временем одной из причин того, что он стал священнослужителем. Эта история произвела на меня, молодого студента, глубокое впечатление, и я не преминул пересказать ее группе поселившихся в оксфордской гостинице «Роза и корона» зоологов. Присутствовавшие среди них двое орнитологов покатались со смеху. «Обыкновенный буревестник!» — радостно воскликнули они хором. Потом один из них объяснил, что благодаря производимому сатанинскому визгу и хохоту представители этого вида во многих частях света и на многих языках заслужили прозвище «птица-дьявол».

Многие верят в бога, будучи убеждены, что они сами, собственными глазами, видели либо его, либо ангела, либо богоматерь в голубых одеждах. Иные слышат в голове своей увещевания. Доказательство от личного опыта наиболее убедительно для тех, кто уверен, что с ним это происходило. Однако для других оно не настолько сильно, особенно если человек обладает знаниями в области психологии.

Говорите, вы сами видели бога? Встречаются люди, готовые поклясться, что видели розового слона, но вряд ли вас это убедит. Присужденный к пожизненному заключению йоркширский потрошитель Питер Сатклифф отчетливо слышал в голове голос Иисуса, велевший ему убивать женщин. Джордж Буш заявляет, что бог повелел ему захватить Ирак (жаль, что бог не соблаговолил также послать ему откровение об отсутствии там средств массового уничтожения). Обитатели психиатрических лечебниц считают себя Наполеонами, Чарли Чаплинами, уверены, что весь мир строит против них козни, что они могут телепатически передавать свои мысли другим. Их не пытаются разубедить, но и не принимают основанные на персональных откровениях верования всерьез, главным образом потому, что число сторонников таких верований невелико. Отличие религий состоит только в гораздо большем количестве последователей. Позиция Сэма Харриса в книге «Конец веры» не так уж цинична, когда он пишет:

Людей, верования которых не имеют рационального обоснования, называют по-разному. Если их верования широко распространены, мы называем таких людей религиозными; если нет — как правило, именуем сумасшедшими, психопатами или тронувшимися... Вот уж поистине — большинство всегда право (с ума поодиночке сходят). Но по сути дела — чистая случайность, что в нашем обществе считается нормальным убеждение в способности Творца Вселенной читать наши мысли, тогда как уверенность в том, что барабаниющий в окно дождь передает вам азбукой Морзе его волю, рассматривается как проявление безумия. И хотя, в строгом смысле слова, религиозные люди — не сумасшедшие, суть их верований, без сомнения, сродни безумию.

Мы вернемся к рассмотрению галлюцинаций в главе 10.

В человеческом мозге работают первоклассные моделирующие программы. Наши глаза не передают в мозг точную фотографию окружающего или беспристрастную киноленту временных событий. В мозге происходит построение постоянно обновляемой модели, которая, хотя и обновляется на основе поступающих по оптическому нерву закодированных импульсов, строится тем не менее мозгом. Убедительным свидетельством этому служат оптические иллюзии.⁶⁶ Иллюзии одного из основных типов, примером которых может служить куб Неккера, возникают потому, что получаемая мозгом от органов чувств информация соответствует двум различным моделям реальности. Не имея данных, на основе которых можно сделать выбор, мозг перескакивает от одной модели к другой, и мы видим их поочередно. На глазах одна картинка почти буквально превращается в другую.

Моделирующая программа мозга особенно хорошо настроена на выискивание лиц и голосов. У меня на подоконнике стоит пластмассовая маска Эйнштейна. Если смотреть на нее прямо, она, естественно, выглядит как выпуклое лицо. Но, что интересно, с обратной, вогнутой, стороны она тоже выглядит как выпуклое лицо, и тут можно наблюдать странную иллюзию. Если двигаться в обход маски, кажется, что она поворачивается за вами, и не так неубедительно, как, говорят, следуют за зрителем глаза Моны Лизы. Выпуклая маска на самом деле выглядит так, словно она движется. Тем, кто раньше не видел этой иллюзии,

трудно сдержать возглас удивления. Что еще более удивительно: если поместить маску на медленно вращающийся помост, то, пока смотришь на выпуклую сторону, направление движения читается правильно, а когда выпуклая сторона сменяется вогнутой, кажется, что маска начинает двигаться в обратном направлении. В результате при смене сторон создается впечатление, что появляющаяся сторона «съедает» исчезающую. Это замечательная иллюзия, несомненно стоящая затраченных на ее устройство трудов. Иногда, даже подойдя почти вплотную к вогнутой стороне, трудно воспринять ее как «действительно» вогнутую. А когда это в конце концов удастся, переключение происходит скачкообразно, и иногда впоследствии может случиться обратное переключение.

Почему так происходит? В конструкции маски нет никакого секрета. Для эксперимента подойдет любая вогнутая маска. Секрет кроется в мозге наблюдателя. Наша внутренняя моделирующая программа получает информацию о присутствии лица — возможно, просто об обнаруженных в приблизительно правильных местах глазах, носе и рте. Вооруженный этими неполными данными, мозг довершает работу. В ход идет программа моделирования лиц, строящая выпуклую модель лица, несмотря на то что на самом деле перед нашими глазами — вогнутая маска. Иллюзия вращения в другом направлении появляется потому, что (с этим немного сложнее, но, вдумавшись поглубже, понимаешь, что это так) обратное вращение — единственный способ логического объяснения оптической информации, поступающей при вращении вогнутой маски, если мозг воспринимает ее как выпуклое лицо.⁶⁷ Это как иллюзия встречающейся иногда в аэропортах вращающейся радиолокационной антенны. Пока в мозге не утвердится верная модель антенны, кажется, что она крутится в обратном направлении, но как-то не совсем правильно.

Все это я рассказал, чтобы продемонстрировать поразительные моделирующие способности мозга. Ему ничего не стоит создать «видения» или «посещения», почти не отличающиеся от реальности. Для программы такой сложности смоделировать ангела или Деву Марию — пара пустяков. То же относится и к слуховым ощущениям. Услышанный нами звук не передается по слуховому нерву в мозг неискаженным, как в аппаратуре «Бэнг энд Олуфсен». Как и в случае зрительных ощущений, мозг строит звуковую модель на основе постоянно обновляемой, поступающей от слухового нерва информации. Именно поэтому мы воспринимаем звук трубы как единый тон, а не как сумму создающих «медный голос» обертонов. Из-за разницы в балансе обертонов играющий этот же тон кларнет звучит более «деревянно», а гобой — более пронзительно. Если аккуратно настроить звуковой синтезатор — так, чтобы обертоны включались один за другим, то в течение короткого времени мозг будет воспринимать их по отдельности, пока не «вмешается» моделирующая программа и мы опять не начнем слышать только единый тон трубы, или гобоя, или какого-то другого инструмента. Аналогичным образом мозг распознает речевые гласные и согласные звуки и, уровнем выше, фонемы более высокого порядка, а также слова.

Однажды, будучи ребенком, я услышал привидение: мужской голос бормотал то ли стихи, то ли молитву. Еще чуть-чуть — и мне удалось бы разобрать слова, звучавшие сурово и торжественно. Зная истории о тайных каморках католических священников в старинных домах,⁶⁸ я немного испугался, но потом выбрался из кровати и начал красться к источнику звука. Чем ближе я подступал, тем громче он звучал, и вдруг неожиданно в голове «щелкнуло». На таком близком расстоянии я смог распознать, что же это на самом деле было. Дующий в замочную скважину ветер издавал звуки, из которых моделирующая программа соорудила в моей голове модель сурово звучащего мужского голоса. Будь я более впечатлительным мальчиком, возможно, мне послышалось бы не только невнятное

67

68

бормотанье, но и отдельные слова, а то и фразы. А окажись я вдобавок еще и верующим, можно вообразить, что я разобрал бы в завываниях непогоды.

В другой раз, примерно в том же возрасте, я увидел, как из окна ничем не примечательного дома в приморской деревушке на меня с ужасной злобой пялится гигантская круглая рожа. С замиранием сердца я медленно шел, пока не приблизился настолько, чтобы разглядеть, что это было на самом деле: отдаленно напоминающая лицо игра теней, образованная прихотливо упавшей шторой. Мое пугливое детское сознание создало из нее злобно оскалившуюся рожу, и сентября 2001 года в поднимающемся от башен-близнецов дыму благочестивым гражданам увиделся лик Сатаны; позднее в Интернете появилась и быстро распространилась подтверждающая это суеверие фотография.

Человеческий мозг поразительно ловко строит модели. Если это происходит во время сна, мы называем их сновидениями; во время бодрствования — воображением либо, если оно разыграется слишком сильно, — галлюцинациями. В главе ю мы увидим, что придумывающие себе воображаемых друзей дети иногда видят их очень подробно, как если бы они действительно были рядом с ними. Самые наивные из нас принимают галлюцинации и сонные грезы за чистую монету и уверяют, что видели или слышали привидение, или ангела, или бога, или — особенно если речь идет о молодых девушках-католичках — Деву Марию. Такие знамения и посещения вряд ли являются убедительными свидетельствами реального существования привидений, ангелов, богов и дев.

Массовые видения, такие как свидетельство в 1917 году уо тысяч пилигримов в португальском городе Фатиме о том, как «солнце сорвалось с небес и упало на землю»,⁶⁹ на первый взгляд, опровергнуть трудно. Объяснить, каким образом семьдесят тысяч человек оказались подвержены одинаковой галлюцинации, нелегко. Но еще труднее согласиться с тем, что описываемые ими события имели место и никто, кроме находящихся в Фатиме, этого не заметил — и не только не заметил, но и не почувствовал катастрофического разрушения Солнечной системы, сопровождаемого силами ускорения, достаточными для рассеивания всех жителей Земли по космическому пространству. Как не вспомнить тест Дэвида Хьюма на чудеса: «Никакое свидетельское показание не может служить доказательством чуда, за исключением ситуации, когда ложность свидетельства представляется еще более невероятной, чем тот факт, который оно должно подтвердить».

Одновременное заблуждение, или сговор, уо тысяч человек представляются неправдоподобными. Так же трудно рассматривать заявление семидесятитысячной толпы о солнечных прыжках как ошибку в исторических записях. Или предположить, что все они одновременно увидели мираж (долгое разглядывание солнца наверняка не принесло пользы их зрению). Но любое из этих маловероятных событий куда как вероятнее альтернативного сценария, а именно что Земля неожиданно соскочила с орбиты, Солнечная система разрушилась, но никто за пределами Фатимы этого даже не заметил. В конце концов, Португалия расположена не так уж далеко.⁷⁰

Думаю, больше не стоит говорить о личных «встречах» с богом и других религиозных откровениях. Если вы испытали подобную встречу, возможно, вы твердо убеждены в ее реальности. Но, пожалуйста, не ожидайте, что все остальные, особенно люди, знакомые с удивительными возможностями мозга, поверят вам на слово.

Доказательство от Священного Писания

До сих пор имеются люди, верящие в Божана основе утверждений Священного Писания. Часто при этом используется следующий аргумент, якобы принадлежащий, помимо прочих, К. С. Льюису (кому и знать, как не ему): поскольку Иисус сообщил, что он сын божий, то он был либо прав, либо безумен, либо лгал. «Безумец, бог или лжец». Либо, более поэтически: «Тронутый, трюкач или Творец». Исторических доказательств претензий Иисуса на божественное происхождение почти не имеется. Но даже если бы их было в избытке, предлагаемый тройственный выбор является далеко не исчерпывающим. Например, четвертой очевидной возможностью было то, что Иисус искренне заблуждался. Многие в жизни заблуждаются. В любом случае, как я уже сказал, надежных исторических доказательств тому, что он когда-либо считал себя божеством, не существует.

Наличие письменного источника служит убедительным доказательством для людей, не привыкших задавать вопросы типа: «Кто и когда это написал?», «Откуда они получили информацию?», «Правильно ли мы, в наше время, понимаем, что они тогда имели в виду?», «Имеем ли мы дело с беспристрастными наблюдателями, или у них были предвзятые, влияющие на повествование, взгляды?». Уже в XIX веке ученые-теологи с исчерпывающей полнотой продемонстрировали, что Евангелия не являются надежным источником знаний о реальных исторических событиях. Все они были написаны много позже смерти Иисуса и после апостольских посланий Павла, в которых не упоминается почти ни один из так называемых фактов о жизни Иисусовой. Затем, как в игре в «испорченный телефон», их многократно копировали нерадивые переписчики, имеющие к тому же собственные интересы.

Хорошим примером перестановки акцентов под влиянием религиозных интересов служит трогательная история о рождении Иисуса в Вифлееме и о последовавшем за этим избиении младенцев царем Иродом. Евангелия писались через много лет после смерти Иисуса, и никто тогда не знал, где он родился. Но, согласно ветхозаветному пророчеству (Мих. 5:2), евреи ожидали, что долгожданный мессия родится в Вифлееме. В Евангелии от Иоанна по поводу этого пророчества даже особо отмечается, что его последователей удивляло, что он не родился в Вифлееме: «Другие говорили, это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова из Вифлеема, того места, откуда был Давид?»

Матфей и Лука нашли выход, решив, что Иисус все-таки должен был родиться в Вифлееме. Но его появление там они объясняют по-разному. Согласно Матфею, Иосиф и Мария все время жили в Вифлееме и переехали в Назарет долгое время спустя после рождения Иисуса, по возвращении из Египта, куда они бежали, спасаясь от устроенного Иродом избиения младенцев. Лука же, напротив, считает, что во время рождения Иисуса Иосиф и Мария уже жили в Назарете. Как же тогда устроить их присутствие в Вифлееме в нужный момент? Лука объясняет, что во время наместничества в Сирии Квириния цезарь Август объявил перепись населения в целях налогообложения, и «пошли все записываться, каждый в свой город» (Лк. 2:3). Иосиф был «из дома и рода Давидова», поэтому он пошел «в город Давидов, называемый Вифлеем». Похоже, удалось все правдоподобно объяснить. Только с исторической точки зрения это полная ерунда, как наряду с другими авторами указывают Эндрю Норманн Уилсон в книге «Иисус» и Робин Лейн Фокс в книге «Неподлинная версия». Давид, если он существовал, жил почти на тысячу лет раньше Иосифа и Марии. С чего бы римлянам взбрело в голову посылать Иосифа в город, где один из его отдаленных предков жил тысячу лет назад? Это аналогично тому, как если бы мне пришлось на бланке переписи населения указать местом регистрации Эшби-де-ла-Зуш только потому, что моим предком оказался сеньор де Докейн, обосновавшийся там после вторжения в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем.

Более того, Лука совершает оплошность, самонадеянно упоминая события, доступные независимой проверке историков. Во время правления легата Квинтия действительно проводилась перепись — не общая имперская перепись по приказу императора Августа, а местная, — но она состоялась гораздо позже, в 6 году н. э., много позже смерти Ирода. Лейн Фокс заключает, что «повествование Луки исторически невозможно и внутренне противоречиво»; тем не менее он симпатизирует стараниям Луки привести историю в соответствие с пророчеством Михея.

В декабре 2004 года редактор замечательного журнала «Свободная мысль» Том Флинн напечатал в нем подборку статей, выявляющих противоречия и несообразности в любимой рождественской истории. Флинн и сам обнаружил много несоответствий между версиями Матфея и Луки — единственных евангелистов, описывающих рождение Иисуса.⁷¹ Роберт Гил-лули показал, что все ключевые детали легенды об Иисусе — включая звезду на востоке, непорочное зачатие, поклонение волхвов младенцу, чудеса, казнь, воскресение и вознесение — все до одной заимствованы из других, уже существовавших в Средиземноморье и на Ближнем Востоке религий. Флинн полагает, что желание Матфея в угоду еврейским читателям точно исполнить мессианское пророчество (происхождение из рода Давида, рождение в Вифлееме) столкнулось с желанием Луки приспособить христианство для неиудеев, для чего он ввел в повествование знакомые эллинистическим язычникам религиозные символы (непорочное зачатие, поклонение волхвов и т. п.). Противоречия между двумя версиями налицо, но верующим успешно удается не обращать на них внимания.

Искушенные христиане не нуждаются в объяснениях Джорджа Гершвина, что «Все, что, дружище, / Ты в Писании отыщешь, / Не факт, что все именно так». Но в мире много неискушенных христиан, считающих, что все должно быть именно так, и всерьез убежденных, что Библия является буквальным и точным изложением исторических событий и как таковая документально подтверждает их верования. Так неужели же эти люди никогда сами не заглядывают в книгу, которую считают непреложной истиной? Неужели не замечают вопиющих противоречий? Разве сторонников буквального прочтения не должен волновать тот факт, что, описывая родословную Иосифа от царя Давида, Матфей упоминает двадцать восемь промежуточных поколений, а Лука — сорок одно? Более того, в обоих перечнях практически не встречается одинаковых имен! И вообще, если Иисус действительно родился в результате непорочного зачатия, то родословная Иосифа тут ни при чем и ее нельзя использовать как подтверждение того, что в лице Иисуса исполнилось ветхозаветное пророчество о грядущем происхождении мессии из колена Давида.

Американский исследователь Библии Барт Эрман в книге с подзаголовком «Кто и зачем изменил Новый Завет» пишет о том, насколько неопределенны и туманны новозаветные тексты.⁷² В предисловии профессор Эрман трогательно описывает собственное прозрение и переход от полной убежденности в правоте Библии к рассудительному скептицизму, а подвигло его к этому обнаружение в Писании огромного количества погрешностей. Интересно, что по мере продвижения вверх в иерархии американских университетов, начиная с заурядного Библейского института Муди с остановкой в колледже Уитон (рангом повыше, но выпестовавшем тем не менее Билли Грэма) на пути в один из самых престижных в мире — Принстон, его на каждом шагу предостерегали, что ему нелегко будет сохранять фанатичные христианские убеждения, сталкиваясь с опасными прогрессивными идеями. Так оно и оказалось, и мы, читатель, от этого в выигрыше. Среди других критически анализирующих Библию книг — уже

упоминавшаяся работа Робина Лейна Фокса «Неподлинная версия» и труд Жака Берлинерблау «Нерелигиозная Библия, или Почему неверующим нужно серьезно относиться к религии». Включенные в канон Священного Писания книги были более или менее произвольно выбраны из большого количества других, в том числе Евангелия от Фомы, Петра, Нико-дима, Филиппа, Варфоломея и Марии Магдалины.⁷³ Именно эти дополнительные Евангелия упоминает Томас Джефферсон в письме к своему племяннику:

Говоря о Новом Завете, забыл добавить, что тебе стоит прочитать все жизнеописания Христа — и тех, кого Вселенский собор признал евангелистами, и так называемых псевдоевангелистов. Потому что псевдоевангелисты также заявляют о боговдохновении, и я хочу, чтобы ты судил о них собственным разумом, а не умом соборных церковников.

Не получившие признания Евангелия, возможно, были отвергнуты церковниками по причине еще большей неправдоподобности их историй по сравнению с каноническими. Например, Евангелие от Фомы изобилует рассказами о шалостях Иисуса, совершающего чудеса, как капризный волшебник: он превращает друзей в ягнят, грязь — в воробьев или помогает отцу плотничать, волшебным образом удлиняя кусок доски.⁷⁴ В наши дни мало кто верит в выдумки, подобные приведенным в Евангелии от Фомы. Но и канонические Евангелия достоверны ровно настолько же. По сути, это легенды, имеющие под собой не больше фактических данных, чем истории о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Основная часть присутствующей во всех четырех Евангелиях информации поступила из общего источника — либо из Евангелия от Марка, либо из другого, утерянного текста, наиболее близким дошедшим до нас пересказом которого является это Евангелие. Личности четырех евангелистов нам неизвестны, но можно сказать почти наверняка, что сами они с Иисусом никогда не встречались. Значительную часть написанного ими никак нельзя назвать попыткой честного описания исторических событий, по большей мере это просто перекраивание Ветхого Завета, потому что евангелисты были абсолютно убеждены, что жизнь Иисуса должна исполнить ветхозаветные пророчества. Можно даже выдвинуть серьезные, хотя и не получившие широкой поддержки доводы о том, что Иисуса вообще не было, как это, помимо прочих, сделал в ряде книг, включая «Был ли Иисус?» профессор Лондонского университета Г. А. Уэллс.

Хотя Иисус, возможно, является исторической фигурой, авторитетные исследователи Библии в целом не считают Новый Завет (и тем более Ветхий Завет) надежным историческим источником. Я тоже не буду рассматривать Библию в качестве доказательства существования божества любого рода. В письме своему предшественнику Джону Адамсу Томас Джефферсон однажды сделал дальновидное замечание: «Наступит время, когда таинственное зарождение Иисуса от сверхъестественного существа в чреве девственницы будет восприниматься в одном ряду с мифом о зарождении Минервы в голове Юпитера».

Роман Дэна Брауна «Код да Винчи» и одноименный фильм вызвали в церковных кругах широкую полемику. Христиан призывали бойкотировать фильм и преграждать доступ в кинотеатры, где его показывают. Эта книга действительно от начала и до конца является выдумкой, литературным произведением. В этом отношении она ничем не отличается от Евангелий. Единственное различие между ними состоит в том, что Евангелия — древние литературные произведения, а «Код да Винчи» — современная проза.

Доказательство от авторитетных религиозных ученых

Подавляющее большинство выдающихся ученых не верят в христианскую религию, но не заявляют об этом публично из опасения потерять источник дохода.

Бертран Рассел

«Ньютон верил в Бога. Ты что, считаешь себя умнее Ньютона, Галилея, Кеплера и т. д. и т. п.? Если они не возражали против бога, то чем ты лучше? Пожалуй, не самый сильный аргумент, хотя некоторые защитники веры добавляют в этот перечень даже Дарвина, слухи об обращении которого на смертном одре, подобно дурному запаху,⁷⁵ не перестают циркулировать с того самого времени, как они были намеренно пущены некоей «леди Хоуп» (Lady Hope, что означает «госпожа Надежда»), сложившей трогательную сказочку об утопающем в подушках, озаряемом закатными лучами Дарвине, листающем Новый Завет и провозглашающем ложность эволюционной теории. В этом разделе я хочу поговорить об ученых, потому что — по вполне понятным причинам — те, кто любит приводить примеры о верящих в бога выдающихся людях, очень часто в первую очередь называют ученых.

Ньютон действительно говорил о своей вере в бога. Так же, как говорили почти все остальные вплоть до XIX века с его ослаблением социальных и законодательных требований к проявлению религиозности и ростом числа научных аргументов в пользу отказа от нее. Безусловно, у этого правила есть исключения как в ту, так и в другую сторону. Даже до Дарвина далеко не все были верующими, как показал Джеймс Хот в книге «2000 лет неверия: знаменитые люди, отважившиеся сомневаться». А некоторые уважаемые ученые продолжают верить в бога и после Дарвина. Не приходится сомневаться в искренности христианских убеждений Майкла Фарадея даже после того, как он узнал о работах Дарвина. Он принадлежал к сандиманианской секте, члены которой интерпретировали Библию буквально (говорю в прошедшем времени, потому что сейчас их практически не осталось), ритуально омывали ноги новопринятым братьям и сестрам и узнавали божью волю, бросая жребий. Фарадей стал старейшиной в 1860 году — через год после опубликования книги Дарвина «Происхождение видов», а в 1867 году он умер, оставаясь сандиманианином. Коллега экспериментатора Фарадея, физик-теоретик Джеймс Клерк Максвелл, тоже был набожным христианином. Это же можно сказать и еще об одном гиганте английской физики XIX века — Уильяме Томсоне, лорде Кельвине, который пытался доказать, что эволюция не могла иметь место в силу недостаточного для ее осуществления возраста Земли. Великий термодинамик ошибся в сроках по причине неверного заключения о том, что Солнце представляет собой огненный шар и составляющее его топливо должно полностью сгореть за десятки, а не тысячи миллионов лет. Безусловно, Кельвин не мог знать о ядерной энергии. Примечательно, что на собрании Британской ассоциации по распространению научных знаний в 1903 году объявить об открытии радия, сделанном Кюри, и опровергнуть расчеты живого еще Кельвина выпало сэру Джорджу Дарвину, второму сыну Чарльза, отомстившему таким образом за своего не произведенного в рыцари отца.

В течение XX века отыскать открыто провозглашающих веру выдающихся ученых становится все труднее, и тем не менее они еще не очень редки. Подозреваю, что большинство современных верующих ученых религиозны только в том же смысле, что и Эйнштейн, а это, как я уже объяснял в главе 1, — неправильное использование термина. И все же имеются образчики достойных ученых, верующих в бога в полном, традиционном понимании этого слова. Из английских собратьев в этом контексте, подобно диккенсовским добродетельным партнерам-юристам, постоянно упоминается одна и та же тройка имен:

Пикок, Станнارد и Полкинхорн. Все трое либо уже получили премию Темплтона, либо входят в состав попечительского совета Фонда. Проведя с ними немало дружеских дискуссий, как частных, так и открытых, я продолжаю удивляться не столько их вере в космического законодателя того или иного сорта, сколько вере в детали христианской религии: воскрешение, искупление грехов и все прочее.

Аналогичные примеры есть и в США: например, Фрэнсис Коллинз, глава административного отдела американского отделения официального проекта «Геном человека».⁷⁶ Но, как и в Великобритании, они выделяются своей необычностью и являются предметом добродушного недоумения собратьев по профессии. В 1996 году я задал ряд вопросов своему другу Джеймсу Уотсону — одному из гениальных основателей проекта «Геном человека» — в саду кембриджского колледжа Клэр, где он раньше учился. Я в то время готовил телепередачу для Би-би-си о Грегоре Менделе — другом гениальном основателе, на сей раз — генетики. Мендель, конечно, был религиозным человеком, монахом-августинцем, но он жил в XIX веке, когда пострижение в монахи было для молодого Менделя лучшим способом обеспечить себе время для занятий наукой. Это решение было эквивалентно получению в наше время стипендии. Я спросил Уотсона, много ли религиозных ученых он знает нынче. «Почти никого, — ответил он. — Иногда я встречаю кого-нибудь, но чувствую себя не совсем уютно, — смеется, — потому что, знаешь, трудно поверить, что кто-то может принимать за правду информацию, полученную в форме откровения».

Фрэнсис Крик, коллега Уотсона, с которым они вместе совершили революцию в молекулярной генетике, отказался от членства в совете колледжа Черчилля из-за решения колледжа построить часовню (по требованию благотворителя). Во время моего интервью с Уотсоном в 1996 году в Клэр (Кембридж) я выразил мнение о том, что, в отличие от него и Крика, некоторые люди не признают существования конфликта между наукой и религией, потому что, по их мнению, наука объясняет, как мир работает, а религия — зачем он существует. Уотсон возразил: «Но я не думаю, что мы существуем зачем-то. Мы — продукт эволюции. Мне могут возразить: «Раз вы не видите перед собой цели, ваша жизнь, должно быть, довольно уныла». Но у меня, как правило, есть цель, например сейчас — хорошо пообедать». Что нам и правда удалось сделать.

Попытки непоколебимых сторонников религии найти действительно выдающихся, современных, верящих в бога ученых граничат с отчаянием и тщетой своей напоминают гулкие звуки, доносящиеся при выскребании остатков со дна бочки. Единственный обнаруженный мною веб-сайт, перечисляющий «ученых-христиан, получивших Нобелевскую премию», приводит шесть фамилий из нескольких сотен лауреатов. Но оказалось, что из этих шести четверо премии не получали, а по крайней мере один, насколько мне известно, не является верующим и ходит в церковь только по причинам социального характера. В результате проведенного Бенджамином Бейт-Халлами более систематического изучения этого вопроса «выяснилось, что среди лауреатов Нобелевской премии по всем наукам, а также литературе, отмечается поразительно высокая степень нерелигиозности по сравнению с населением стран их проживания».⁷⁷

Опубликованное Ларсоном и Уитхемом в 1998 году в ведущем журнале «Природа» исследование показало, что из американских ученых, достаточно высоко ценимых коллегами, чтобы быть выбранными в Национальную академию наук (степень, аналогичная членству в совете Королевского научного общества в Великобритании), только около 7

процентов верят в персонифицированного бога»,⁷⁸ такое преобладание атеистов почти зеркально противоположно картине в американском обществе в целом, где более 90 процентов населения верят в сверхъестественное существо какого-либо рода. Для менее известных ученых, не являющихся членами Национальной академии наук, отмечаются промежуточные данные. Как и в случае их более маститых коллег, верующие составляют меньшинство, но гораздо большее в процентном отношении — около 40 процентов. В соответствии с ожиданиями американские ученые оказываются менее религиозными, чем население в целом, а самые выдающиеся ученые являются самыми нерелигиозными из всех. Наиболее поразительный вывод данного исследования — полярная противоположность между религиозностью американских масс и атеизмом интеллектуальной элиты.⁷⁹

Довольно забавно, что это исследование Ларсона и Уитхема цитируется на одном из ведущих веб-сайтов креационистов «Ответы Бытия» (*Answers in Genesis*), но не в качестве доказательства несостоятельности религии, а как оружие во внутрипартийной борьбе с теми из верующих, кто утверждает, что эволюция совместима с религией. Под заголовком «Национальная академия наук безбожна до основания»⁸⁰ «Ответы Бытия» приводят заключительный абзац письма Ларсона и Уитхема редактору «Природы»:

После того как мы подвели итоги исследования, НАН (Национальная академия наук) выпустила брошюру, призывающую преподавать эволюцию в государственных школах — этот вопрос вызывает в США постоянные трения между научным сообществом и некоторыми консервативными христианами. Брошюра заверяет читателя: «Наука не призвана решать, существует бог или нет». Президент НАН Брюс Альберте заявил: «Многие выдающиеся члены Академии являются очень религиозными людьми, многие из них — биологи, которые также верят в эволюцию». Результаты нашей работы доказывают обратное.

Создается впечатление, что Альберте обратился к НОМА-гипотезе по причинам, рассмотренным в разделе «Эволюционная школа имени Невилла Чемберлена» (см. главу 1). Перед «Ответами Бытия» задачи стояли совершенно другие.

В Великобритании (а также в других странах Содружества, включая Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Индию, Пакистан, англоязычные страны Африки и т. п.) организацией, эквивалентной американской Национальной академии наук, является Королевское научное общество. Во время публикации этой книги мои коллеги Р. Элизабет Корнуэлл и Майкл Стиррат готовят к печати результаты аналогичного, но более тщательного исследования религиозных взглядов членов совета Королевского научного общества. Выводы авторов будут опубликованы в полной форме позднее, однако они любезно позволили мне привести предварительные данные. Для количественной оценки мнений использовался стандартный метод — семибалльная шкала Лайкерта. Анкета была разослана по электронной почте всем 1074 членам совета Королевского научного общества, имеющим электронный адрес (подавляющее большинство), на нее откликнулись 23 процента опрошенных (хороший результат в такого рода исследовании). В анкете предлагалось оценить ряд утверждений, например: «Я верю в персонифицированного бога, который следит за жизнью человека, выслушивает молитвы и отвечает на них, печется о грехах и проступках и судит нас». Участникам предлагалось оценить каждое утверждение по шкале от 1 (категорически не согласен) до 7 (абсолютно согласен). Провести сравнение с результатами исследования Ларсона и Уитхема немного сложно, потому что они предлагали

78

79

80

ученым делать выбор по трехбалльной, а не семибалльной шкале, но в целом полученные результаты очень сходны. Подавляющее большинство членов совета Королевского научного общества, аналогично подавляющему большинству членов американской НАН, являются атеистами. Только 3,3 процента членов совета полностью согласились с утверждением о существовании персонифицированного бога (выбрали значение 7), в то время как 78,8 процента категорически с этим не согласились (выбрали значение 1). Если назвать «верующими» участников, выбравших 6 или 7, а «неверующими» — выбравших 1 или 2, то количество неверующих составило 213 против всего лишь 12 верующих. Аналогично Ларсону и Уитхему, а также в соответствии с выводами Бейт-Халлами и Аргайла, Корнуэлл и Стир-рата выявили небольшую, но значимую тенденцию к большему проявлению атеизма среди ученых-биологов по сравнению с физиками. Подробности данного исследования и другие интересные выводы авторов см. в их собственной, готовой вскоре появиться работе.⁸¹

Оставив теперь лучшие умы Национальной академии и Королевского общества, зададимся вопросом: имеются ли основания утверждать, что процент атеистов в целом выше среди более образованных и умных людей? Статистическая зависимость между религиозностью и уровнем образования, а также религиозностью и коэффициентом умственных способностей (IQ) рассматривалась в нескольких исследованиях. В книге «Как мы верим. Богоискательство в научный век» Майкл Шермер описывает проведенный им совместно с коллегой Фрэнком Салловеем крупномасштабный опрос случайно выбранных американцев. Наряду со многими другими интересными выводами они установили, что религиозность действительно негативно соотносится с уровнем образования (чем лучше образован человек, тем меньше вероятность, что он окажется религиозным). Религиозность также отрицательно коррелирует с интересом к науке и политическим либерализмом (сильная отрицательная зависимость). Неудивительные результаты — так же, как и положительная зависимость между религиозностью детей и их родителей. Изучающие взгляды английских детей социологи выяснили, что только один ребенок из двенадцати меняет религиозные взгляды, которые ему привили в детстве.

Как и следует ожидать, различные исследователи измеряют разные показатели, поэтому сравнивать результаты работ зачастую нелегко. Метаанализ — это способ сравнения, при котором исследователь собирает все опубликованные по определенной теме научные работы, подсчитывает количество пришедших к одному заключению и сравнивает его с количеством, сделавшим другой вывод. Единственный известный мне метаанализ работ о связи религии и коэффициента умственных способностей (IQ) был опубликован Полом Беллом в 2002 году в журнале *Mensa Magazine* (*Mensa* — это общество, членами которого являются люди с высоким коэффициентом умственных способностей, поэтому неудивительно, что их журнал публикует статьи на близкую им тему⁸²). Белл пришел к следующему заключению: «С 1927 года было проведено 43 исследования соотношений между религиозностью и уровнем образованности/коэффициентом умственного развития; все, кроме четырех, выявили обратную зависимость. То есть чем выше умственное развитие или уровень образования человека, тем менее вероятно, что он окажется религиозным или будет придерживаться верований любого толка».

Метаанализ всегда дает менее конкретные (более обобщенные) результаты, чем любое из включенных в него исследований. Было бы интересно получить результаты новых выполненных в этом направлении работ, а также новых опросов, проведенных среди членов элитных организаций, таких как национальные академии, среди лауреатов главных премий и

медалей, например Нобелевской, премии Крейфурда, ученых, получивших медаль Филдса, медаль «Космос», премию Киото и другие. Надеюсь, что результаты подобных исследований войдут в последующие издания этой книги. А на основе имеющихся работ можно сделать резонное заключение: апологетам религии стоило бы в своих же собственных интересах попридержать язык насчет массовой приверженности мировых светил религиозным взглядам, по крайней мере, когда речь идет об ученых.

Пари Паскаля

Великий французский математик Блез Паскаль полагал, что каким бы невероятным ни казалось существование бога, тем не менее проигрыш в случае «неверного ответа» чересчур велик. Выгоднее верить в бога, потому что, если он есть, вы получаете вечное блаженство, а если его нет, то вы при этом ничего не теряете. С другой стороны, если вы не верите в бога, а оказывается, что он существует, вы прокляты навечно; если же вы правы и его нет, то для вас ничего не меняется. Выбор на первый взгляд очевиден: верьте в бога.

Тем не менее есть в этом аргументе что-то странное. Невозможно верить или не верить во что-то по выбору. Я, по крайней мере, не могу верить только потому, что так решил. Я могу на основании своего решения ходить в церковь, читать никейский Символ веры, даже клясться на стопке Библий, что я верю каждому написанному в них слову. Но все это не делает меня верующим, если я на самом деле не верю. Пари Паскаля может быть лишь аргументом в пользу того, что выгодно *притворяться* верующим. И пусть вам повезет и бог, в которого вы якобы верите, не окажется всеведущим, потому что иначе ему ничего не стоит раскусить ваши уловки. Дурацкая идея о том, что можно верить по выбору, замечательно высмеяна в книге Дугласа Адамса «Детективное агентство Дирка Джентли», где читатель встречается с роботом по имени Электрический Монах — бытовым прибором, в обязанности которого входит «верить за вас и таким образом освобождать вас от этой обременительной необходимости». В рекламе усовершенствованной модели сообщалось, что она может «верить в такие вещи, в которые с трудом поверили бы даже жители Солт-Лейк-Сити».

Но в любом случае почему мы с такой готовностью верим в то, что самый лучший способ угодить богу — это *верить* в него? Разве не может оказаться, что бог столь же охотно вознаградит доброту, щедрость или скромность? Или искренность? А что, если бог — ученый, который выше всего ценит целеустремленный поиск истины? В конце концов, разве творец Вселенной не *обязан* быть ученым? Бертрانا Рассела как-то спросили, что бы он сказал, если, умерев, оказался бы лицом к лицу с всевышним, вопрошающим, почему он в него не верил. «Слишком мало доказательств, Господи, слишком мало доказательств», — был (чуть не сказал бессмертный) ответ Рассела. Разве бог не проявил бы больше уважения к мужественному скептицизму Рассела (не говоря о его мужественном пацифизме, из-за которого он оказался во время Первой мировой войны в тюрьме), чем к трусливым расчетам Паскаля? Несмотря на то что нам не дано знать, куда поворотил бы Господь, для доказательства несостоятельности пари Паскаля этого и не требуется. Не забывайте, речь идет о пари с исключительно неравными, по собственному утверждению Паскаля, шансами. А вы *побились* бы об заклад, что бог предпочитает неискреннюю веру (или даже искреннюю веру), а не честный скептицизм?

Или представьте, что, умерев, вы сталкиваетесь не с кем иным, как с Ваалом, не менее ревнивым, как утверждают, чем его старый конкурент Яхве. Может, Паскалю было бы выгоднее совсем не верить, чем верить в неправильно выбранного бога? Да и само по себе количество богов и богинь, на которых можно делать ставки, разве не опровергает логику Паскаля аргумента? Паскаль, скорее всего, рассуждал об этом пари в шутку, так же как и я опровергаю его ради смеха. Но мне приходилось встречать людей, например подходивших

ко мне с вопросами после лекций, которые всерьез приводили пари Паскаля в качестве аргумента в пользу веры, поэтому я и решил вкратце остановиться на нем.

И наконец, можно ли предложить какое-либо антипаскалево пари? Представьте, что реально есть какой-то шанс, что бог существует. И тем не менее утверждаю, что вы проживете свою жизнь гораздо лучше и полнее, если сделаете ставку на его отсутствие, а не присутствие, — вам не нужно будет тратить драгоценное время на поклонение, принесение жертв, сражения за него, гибель за него и т. д. Не хочу углубляться здесь в этот вопрос, но в следующих главах читатели сами смогут убедиться в пагубных последствиях религиозности и религиозных ритуалов.

Доказательство от Байеса

Самым странным доказательством существования бога, с каким мне приходилось сталкиваться, является, по-моему, доказательство от Байеса, недавно выдвинутое Стивеном Анвином в книге «Вероятность бога». Я не сразу решил включать его сюда по причине его слабой убедительности, да и отсутствие вековой замшелости не добавляет ему авторитета. Но сразу по выходе в 2003 году книга Анвина привлекла внимание многих журналистов; на ее примере нам представляется возможность связать воедино некоторые нити умозаключений. В данном случае я симпатизирую намерению автора, потому что, как уже было сказано в главе 2, полагаю: существование бога, по крайней мере в принципе, можно исследовать как научную гипотезу. Да и сама донкихотская попытка Анвина дать численное выражение подобной вероятности, бесспорно, забавна.

Похоже, что подзаголовок «Простой расчет, подтверждающий основу основ» был позднее добавлен издателем, потому что в самой работе Анвина такого самонадеянного заявления найти не удастся. Эту книгу точнее было бы охарактеризовать как руководство для пользователя — типа «Теорема Байеса для чайников», и исследование существования бога приводится в ней в качестве остроумного примера. Анвин с таким же успехом мог использовать для объяснения теоремы Байеса гипотетический случай убийства. Следовательно рассматривает доказательства. Отпечатки пальцев на револьвере уличают г-жу Пикокк. Степень этого подозрения можно выразить, прицепив к нему количественную оценку. Но у профессора Плама есть мотив навести на г-жу Пикокк подозрение. Уменьшим степень подозрения г-жи Пикокк на соответствующую величину. По результатам судебной экспертизы с 70-процентной вероятностью можно заключить, что выстрел из револьвера был сделан с большого расстояния с замечательной точностью, что заставляет предположить, что убийца — не новичок в обращении с оружием. Выразим количественно степень возникшего подозрения в отношении генерала Мастарда. А самые сильные мотивы для убийства имеются у преподобного отца Грина.⁸³ Увеличим количественную оценку вероятности его вины. Однако длинный белый волос на пиджаке убитого, несомненно, принадлежит госпоже Скарлетт... и так далее. В голове сыщика сплелись в клубок более или менее субъективно оцененные степени вероятной вины участников события. Предполагается, что теорема Байеса поможет ему отыскать правильное решение. Она представляет собой математический инструмент, объединяющий ряд приблизительных вероятностных оценок и позволяющий в результате получить окончательный вывод и количественную оценку его вероятности. Но, безусловно, качество окончательного вывода не может быть выше качества использованных для его получения исходных данных. А эти данные, как правило, являются результатом субъективной оценки со всеми неизбежно вытекающими отсюда недостатками. Налицо явное проявление принципа «мусор на входе — мусор на выходе» (*GIGO — Garbage In, Garbage Out*). В отношении примера Анвина с богом «приложимость принципа GIGO» —

это чересчур мягко сказано.

По профессии Анвин — консультант по оценке рисков, предпочитающий байесовские заключения другим методам статистики. И демонстрирует он теорему Байеса не с помощью детективной истории, а на примере самой крупной проблемы — вероятности существования бога. В качестве исходной позиции принимается полная неопределенность, которую в количественном выражении он оценивает так: 50 процентов — вероятность существования бога и 50 процентов — вероятность его отсутствия. Далее он приводит шесть факторов, влияющих на данные вероятности, количественно взвешивает каждый из них, закладывает значения в математический аппарат теоремы Байеса и смотрит, что тот выдаст. Проблема (подчеркиваю еще раз) заключается в том, что шесть исходных взвешенных значений являются не измеренными количественными данными, а просто личными оценками Стивена Анвина, выраженными, чтобы их можно было использовать, в цифрах. Вот эти шесть факторов.

1. *Мы осознаем добро.*
2. *Люди совершают зло (Гитлер, Сталин, Саддам Хусейн).*
3. *В природе существует зло (землетрясения, цунами, ураганы).*
4. *Возможно существование малых чудес (я потерял ключи и вновь их нашел).*
5. *Возможно существование великих чудес (Иисус мог восстать из мертвых).*
6. *Люди испытывают религиозные переживания.*

Сколько бы в этом ни было смысла (на мой взгляд — нет нисколько), в результате этой байесовской свистопляски бог сначала вырывается вперед, потом сильно отстает, потом, собравшись с силами, опять дотягивает до начальной 50-процентной отметки и, наконец, по мнению Анвина, добивается 67-процентного шанса на существование. Но тут Анвин решает, что 67 процентов недостаточно, и он делает странный маневр: вводит в игру аварийный резерв — «веру», что позволяет богу воспарить до 95 процентов. Все описанное похоже на шутку, но именно так оно представлено в книге. Хотелось бы понять, как автор обосновывает все это, но об этом в книге больше ничего не говорится. Мне уже приходилось раньше сталкиваться с подобного рода бессмыслицей, когда я просил разумных во всех других отношениях религиозных ученых обосновать их веру, учитывая, что никаких доказательств в ее пользу не существует: «Согласен, доказательств нет. Именно поэтому она и называется «вера» (последняя фраза выдается почти язвительно, без какого-либо смущения или дискомфорта).

Удивительно, но в шестерку факторов Анвина не попали ни аргумент от целесообразности, ни остальные «доказательства» Фомы Аквинского, ни какой-либо из других разнообразных онтологических аргументов. Они его не устраивают и не добавляют ни крупицы к количественной оценке вероятности бога. Будучи хорошим статистиком, автор обсуждает их и отбрасывает как непригодные. Хочу его с этим поздравить, хотя мы отвергаем эти доказательства по разным причинам. Но, по моему мнению, аргументы, попавшие с его попустительства в машину Байеса, не менее слабы. Например, я бы дал им совсем другую субъективную оценку и, соответственно, иное, чем он, весовое выражение; да и кого волнуют субъективные оценки? Он полагает, что факт осознания нами добра и зла служит веским доказательством присутствия бога, тогда как я не вижу, каким образом данный факт вообще может изменить вероятность этого присутствия по сравнению с изначально принятым значением. В главах 6 и 7 я надеюсь показать, что наличие у нас способности отличать хорошее от дурного никак не связано с существованием сверхъестественного божества. Так же, как и наша способность наслаждаться исполнением бетховеновского квартета, наше осознание добра и зла (из которого мы вовсе не обязательно делаем правильные выводы) остается таковым вне зависимости от того, существует бог или

нет.

С другой стороны, Анвин полагает, что существование зла, особенно таких стихийных бедствий, как землетрясения и цунами, увеличивает вероятность отсутствия бога. И здесь опять мнение Анвина противоположно моему, однако идет рука об руку с рассуждениями многих совестливых теологов. «Богооправдание» (отстаивание божественного провидения перед лицом присутствия в мире зла) уже не одно столетие мешает спать теологам. Влиятельный «Оксфордский справочник по философии» называет проблему зла «наиболее сильным возражением, с которым приходится сталкиваться традиционному теизму». Но этот аргумент можно использовать только против существования хорошего бога. «Хорошество» не является необходимым условием гипотезы бога, а только — желаемой добавкой.

Нужно признать, что многие лица с теологическим уклоном зачастую хронически не способны отличать желаемое от действительного. Но для более искушенных индивидуумов, верующих в некое сверхъестественное существо, разрешить проблему зла до смешного легко. Просто нужно постулировать зловредного бога — вроде того, что населяет страницы Ветхого Завета. Или, если вас это не устраивает, изобретите отдельного злого бога, назовите его Сатаной и сваливайте происходящее в мире зло на его мировую битву с добрым богом. Либо — более изощренное решение — постулируйте, что у бога есть дела поважнее, чем заниматься мелкими человеческими проблемами. Либо что бог видит страдания, но рассматривает их как цену, которую человечество должно платить за свободу воли и поступков в упорядоченном, управляемом законами космосе. Существуют теологи, поддерживающие каждое из вышеприведенных утверждений.

Поэтому, доведись мне, подобно Анвину, применять теорему Байеса, ни проблема зла, ни все моральные вопросы вместе не заставили бы меня изменить вероятность бога (заданные Анвином 5 о процентов) ни в ту, ни в другую сторону. Но я не собираюсь больше об этом рассуждать, потому что в любом случае я не в восторге от использования субъективных оценок, кому бы они ни принадлежали.

Имеется гораздо более сильный аргумент, не зависящий от субъективных мнений отдельных лиц, — аргумент от невероятности. И он-то уводит нас очень далеко от половинчатого агностицизма, по мнению теологов — в сторону теизма, по моему мнению — в сторону полного атеизма. Я уже несколько раз обращался к этому аргументу; его целиком можно свести к известному вопросу: «Кто создал бога?», к которому большинство думающих людей рано или поздно приходят. Бога-творца использовать для объяснения сложно организованной Вселенной нельзя, потому что любой бог, способный что-либо сотворить, сам должен быть достаточно сложным; и тогда возникает аналогичный вопрос о его появлении. Встает неразрешимая проблема бесконечного членения бога. При помощи данного аргумента я попытаюсь в следующей главе продемонстрировать, что, хотя доказать отсутствие бога с абсолютной точностью невозможно, вероятность его существования очень и очень мала.

Глава четвертая Почему бога почти наверняка нет

*Подобно тому как ведьм приводят в ужас первые
признаки рассвета, священники различных сект
страшались достижений науки, злобно косясь на роковую
обличительницу, сулящую крах кормивших их
хитроумных уловок.*

Томас Джефферсон

«Боинг-747» к полету готов

Доказательство от невероятности выглядит довольно убедительно. В своем традиционном виде — как и доказательство от целесообразности — сегодня это, пожалуй, самый распространенный аргумент в пользу существования бога, и огромное множество теистов убеждено в его абсолютной неопровержимости. Согласен, это очень сильный и, похоже, действительно неопровержимый аргумент, но только доказывает он полностью противоположное тому, что утверждают теисты. Корректно применяя доказательство от невероятности, отсутствие бога можно доказать почти стопроцентно. Аргумент, демонстрирующий отсутствие бога с точки зрения статистики, я называю «сборка готового к полету «Боинга-747»».

Поводом для названия послужила остроумная выдумка Фреда Хойла про свалку и «Боинг-747»- У меня были сомнения относительно авторства, но его подтверждает коллега Хойла Чандра Викрамасингх.⁸⁴ По мнению Хойла, вероятность зарождения жизни на Земле не превышает вероятности того, что пролетающий над свалкой ураган случайно соберет из валяющихся в беспорядке деталей готовый к полету «Боинг-747»-Эту метафору часто цитируют, проводя аналогию между «Боингом» и появившимися в результате эволюции сложными живыми организмами. И действительно, вероятность возникновения в результате случайной группировки отдельных частей жизнеспособных лошади, жука или страуса вполне сопоставима с вероятностью появления «боинга». В этом-то, вкратце, и заключается любимый аргумент креационистов — но придумать его могли только люди, абсолютно не разбирающиеся в механизме естественного отбора; люди, полагающие, что естественный отбор — это своего рода рулетка, тогда как на самом деле это — при правильном понимании термина «случайность» — нечто совершенно противоположное.

Сущность доказательства от невероятности в изложении креационистов никогда не меняется, даже когда они решают нацепить политически выгодную маску «разумного замысла».⁸⁵ Берется явление природы — живой организм, его отдельный сложный орган или еще что-нибудь — от молекулы до самой Вселенной — и абсолютно справедливо объявляется о статистической невероятности его появления. Иногда при этом используется терминология теории информации: дарвинистам предлагают объяснить источник всей содержащейся в живых организмах информации; понятие «содержание информации» применяется в данном контексте как оценка невероятности появления, или «оценка чуда». Либо вспоминают избитое изречение экономистов: бесплатный сыр бывает только в мышеловке — и обвиняют дарвинистов в попытке заполучить что-то «даром». В этой главе я собираюсь показать, почему дарвиновский естественный отбор — это единственное известное решение загадки появления информации, которую по-другому объяснить нельзя. Показать, что это гипотеза бога пытается получить вещи задаром. Это бог желает лакомиться бесплатным сыром, сидя снаружи мышеловки, и вдобавок одновременно быть этим сыром. Какой бы статистически невероятный объект мы ни пытались объяснить при помощи «разумного творца», сам «творец» при этом будет, как минимум, настолько же невероятным. Бог и есть тот самый «Боинг-747».

Согласно доказательству от невероятности, сложные объекты не могут появляться случайно. Но многие полагают, что выражение «появиться случайно» означает «появиться без преднамеренного сознательного планирования». Поэтому неудивительно, что невероятность случайного появления они принимают за доказательство наличия «разумного замысла». Дарвиновский естественный отбор демонстрирует ложность подобного

заклучения в отношении биологических невероятностей. И хотя дарвинизм, по-видимому, не может быть применен непосредственно к неживой природе, например к космологии, он стимулирует мысль и в других областях знания, находящихся за пределами его исконной биологической «территории».

Глубокое понимание дарвинизма учит нас с осторожностью относиться к поверхностному заключению о том, что «разумный замысел» — это единственная альтернатива случаю; оно позволяет находить пути, по которым шел постепенный, медленный рост сложности. Такие философы, как Хьюм, еще до Дарвина понимали, что невероятность жизни не означает непрямого наличия ее творца, но им не удалось найти альтернативного объяснения. После Дарвина мы должны с глубоким, на уровне костного мозга, подозрением относиться к самой идее «разумного замысла». Люди провели немало времени в ловушке иллюзии «разумного замысла»; Дарвин защитил нас от нее, открыв нам глаза и пробудив наше сознание. И очень жаль, что это помогло не всем.

Естественный отбор пробуждает сознание

В одном научно-фантастическом романе астронавты тоскуют по родине: «Подумать только, на Земле сейчас весна!» Возможно, вы не сразу заметили, что в этой фразе не так, и неудивительно — превосходство Северного полушария бессознательно подразумевается большей частью его обитателей и даже некоторыми жителями другой половины земного шара. И происходит это именно «бессознательно». В такой ситуации сознание нужно будить. В Австралии и Новой Зеландии выпускаются — и вовсе не ради забавы — карты, на которых Южный полюс расположен наверху. Представьте, как такие развешанные в классных комнатах карты стимулировали бы новый взгляд на мир у школьников Северного полушария, служили бы им ежедневным напоминанием того, что «север» — это произвольно выбранное, не имеющее бесспорного права находиться наверху направление. Поражая воображение, эти карты заставляли бы детей задумываться о мире. Придя домой, дети рассказывали бы о них родителям — не будем забывать, что одним из главнейших даров учителя ученикам является обретаемая детьми возможность изумить родителей.

Кроющееся в пробуждении нового мышления могущество я осознал на опыте феминисток. Безусловно, попытки ввести в обиход термин «herstory» не свидетельствуют о блестящем уме, хотя бы потому, что «his» в слове «history»⁸⁶(«история») этимологически никак не связана с местоимением мужского рода «his». Это предложение так же нелепо, как и увольнение в 1999 году вашингтонского чиновника за якобы расистское употребление прилагательного «niggardly». ⁸⁷Но даже такие несуразные примеры, как «herstory» или «niggardly», умудряются направить мысль в новое русло. Отсмеявшись, подивившись филологическим шероховатостям, начинаешь понимать, что «herstory» представляла бы исторические события совсем в другом свете. В настоящее время, как широко известно, в рамках пробуждения нового мышления не утихает борьба за равноправное использование родовых местоимений. Он или она должен или должна подумать, позволяет ли ему или ей чувство стиля писать подобные фразы. Однако, оставив в стороне досадную проблему косноязычности, мы оказываемся лицом к лицу с ущемленными чувствами половины рода человеческого. Man (мужчина, человек), mankind (человечество), the Rights of Man (права человека), all men are created equal (все люди созданы равными), one man one vote (один человек — один голос)⁸⁸ — в английском языке женщины игнорируются слишком часто. В молодости мне никогда не приходило в голову, что женщин может обидеть такое выражение,

86

87

88

как «the future of man» («будущее человечества»). Но в последующие десятилетия мы научились думать по-другому. Даже лица, продолжающие использовать слово «мужчина» («man») в качестве синонима слову «человек», частично осознают свою неправоту, а порой делают это в пику, борясь за языковую традицию или намеренно желая бросить вызов феминисткам. Все участники этой актуальной дискуссии уже не могут мыслить по-старому, даже если они с удвоенным жаром отрицают новые идеи.

Итак, позаимствовав у феминисток действенную тактику пробуждения сознания, мне хочется применить ее, говоря о естественном отборе. Естественный отбор не только объясняет существование жизни; он также позволяет по-новому оценить способность науки демонстрировать, как из примитивных начальных структур, без какого-либо сознательного управления, может развиваться организованная сложность. Глубоко осознав природу естественного отбора, мы можем увереннее продвигаться в других областях науки. Приобретенное знание позволяет легче выявлять в них ложные альтернативы, подобные тем, что в додарвиновское время смущали биологов. Ну кто до Дарвина мог представить, что настолько очевидно спроектированный объект, как крыло стрекозы или орлиный глаз, является на самом деле продуктом долгой цепочки не случайных, но абсолютно естественных событий?

Доказательством способности дарвинизма пробуждать новое мышление служит трогательный и забавный рассказ Дугласа Адамса о его собственном преображении в радикального атеиста — на «радикальном» он настаивал сам, чтобы его не приняли по ошибке за агностика. Надеюсь, мне простят невольную саморекламу, если я процитирую ниже его слова. В качестве оправдания скажу, что обращение Дугласа, вызванное чтением моих ранних книг (которые не преследовали цели обратить кого-либо), навело меня на мысль посвятить эту призванную обращать книгу его памяти. В перепечатанном после его смерти в книге «Лосось сомнения» интервью журналист спрашивал, как он стал атеистом. Начав ответ с рассказа о том, почему он стал агностиком, Дуглас далее сказал:

И я все думал, думал, думал. Но мне не хватало фактов, так что я ни до чего не додумался. Идея бога представлялась мне крайне сомнительной, но, чтобы построить убедительную рабочую модель, объясняющую, скажем, жизнь, Вселенную и все, что в ней есть, мне не хватало знаний. Но я не сдавался и все продолжал читать и думать. И вот, когда мне было лет тридцать, я натолкнулся на эволюционную биологию, особенно помню книжки Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» и потом еще «Слепой часовщик»; и неожиданно (по-моему, когда я второй раз перечитывал «Эгоистичный ген») все встало на свои места. Передо мной была концепция, поражающая своей простотой, но одновременно естественным образом объясняющая всю бескрайнюю, обескураживающую сложность жизни. По сравнению с испытанным мною в тот момент трепетом описываемый верующими людьми благоговейный трепет религиозных откровений кажется, честно говоря, глуповатым. Если выбирать, я, без сомнения, предпочту трепету невежества трепет познания .89

Поражающая простотой концепция, о которой говорит Дуглас, ко мне, конечно, отношения не имеет. Он ведет речь о дарвиновской теории эволюции путем естественного отбора — замечательном научном инструменте пробуждения сознания. Мне так не хватает тебя, Дуглас. Ты — мой самый умный, веселый, отзывчивый, остроумный, высокий и, возможно, единственный — обращенный. Думаю, многое в этой книге тебя рассмешило бы, хотя и не так сильно, как тебе, бывало, удавалось рассмешить меня.

Философ-естествовед с научным складом ума Дэниел Деннет заметил, что теория эволюции отрицает одно из самых древних человеческих убеждений: «Убеждение, что изготовить сложную штуку может только еще более сложная и хитрая штука. Я называю эту идею нисходящей теорией творения. Копье не может создать оружейника. Подкова не может создать кузнеца. Горшок не может создать гончара».⁹⁰ Исключительная революционность вклада Дарвина в человеческое познание мира состоит в открытии механизма, работающего вопреки общепринятому интуитивному убеждению; именно этим объясняется способность его теории менять мировоззрение.

Как это ни удивительно, но даже блестящим ученым в отличных от биологии областях бывает необходимо пробудить свое сознание подобным образом. Фред Хойл был блестящим физиком и специалистом в области космологии, но допущенные им биологические ошибки, вроде аналогии «Боинга-747» или отрицания подлинности ископаемого археоптерикса, возможно, свидетельствуют о нехватке более глубокого знакомства с механизмом естественного отбора. В общих чертах, думаю, он его понимал. Но, вероятно, чтобы полностью осознать возможности естественного отбора, нужно «повариться» в нем, погрузиться в него с головой, целиком отдаться его течению.

Другие науки также расширяют горизонты нашего мышления. Специальность Фреда Хойла — астрономия — в прямом и переносном смысле ставит нас на место, сбивая спесь до уровня, подобающего крошечной сцене, на которой разворачиваются наши жизни, — пылинке среди мириад других обломков космического взрыва. Геология напоминает о краткости нашего существования — как личного, так и видового. Она перевернула мировосприятие Джона Рёскина и в 1851 году вырвала из его уст памятную жалобу: «Ах, как хорошо бы мне жилось, оставь меня в покое эти геологи со своими ужасными молотками! Их стук раздается в конце каждого библейского стиха». Аналогичное влияние на наше восприятие времени оказывает эволюция, и неудивительно: ее работа отмеряется по геологической временной шкале. Но дарвиновская эволюция, и особенно естественный отбор, делают еще кое-что, а именно: устраняют иллюзию замысла в области биологии и учат нас с подозрением относиться к любым гипотезам «разумного замысла» в таких науках, как физика и космология. Думаю, что физик Леонард Сасскинд именно это имел в виду, когда написал: «Я не историк, но тем не менее хочу заявить следующее: современная космология началась с Дарвина и Уоллеса. В отличие от своих предшественников они сумели объяснить наше существование, не прибегая к помощи сверхъестественных сил... Дарвин и Уоллес установили планку не только в области естествознания, но также и космологии».⁹¹ Другими физиками, не нуждающимися в лекциях относительно ценности вклада дарвинизма, являются Виктор Стенгер, книгу которого «Нашла ли наука бога?» (ответ: не нашла) я рекомендую вниманию читателя, а также Питер Аткинс. Работа последнего «Еще раз о сотворении» стала моим любимым произведением в жанре научной поэзии в прозе.

Не устаю поражаться тем из теистов, чье сознание отнюдь не пробудилось в том смысле, о котором я говорю, и которые вместо этого восхваляют нынче естественный отбор как «божье орудие Творения». Эволюция методом естественного отбора — это простой и удобный способ заполнить мир живыми организмами, заявляют они. Богу не нужно трудиться до седьмого пота! Питер Аткинс, введя в вышеупомянутой книге гипотезу ленивого бога, который пытается, затратив минимум усилий, создать наполненную жизнью Вселенную, доводит эту цепочку рассуждений до логического, безбожного заключения. Ленивый бог Аткинса превосходит бездеятельностью даже деист-ского бога просвещенного

90

91

XVIII века: *deus otiosus* — буквально бог в отпуске, безработный, бездельник, излишний и ненужный. Шаг за шагом Аткинс сводит работу ленивого бога на нет, пока тому совсем ничего не остается: в общем-то, и существовать ему совершенно незачем. В голове крутится памятное остроумное нытье Вуди Аллена: «Если окажется, что бог есть, вряд ли он злодей. Но, как ни крути, приходится признать, что он, в общем-то, двоечник».

Нечленимая сложность

Масштаб решенной Дарвином и Уоллесом проблемы трудно переоценить. Можно упомянуть в качестве примеров анатомию, строение клетки, биохимию и поведение буквально любого живого организма. Но наиболее яркие образчики якобы «разумного замысла» выбирают по понятным причинам авторы-креационисты; поэтому я решил, не без иронии, позаимствовать примеры для обсуждения из креационистского текста. Автор книги «Жизнь — откуда она взялась?» на обложке не указан, но напечатана она «Обществом Сторожевой башни» на 16 языках тиражом в 11 миллионов экземпляров и, видимо, является любимым чтивом многих, потому что из этих 11 миллионов экземпляров доброжелатели прислали мне из разных стран в качестве непрошеного подарка целых шесть штук.

Открыв наугад это анонимное и щедро распространяемое издание, наталкиваемся на губку, известную под названием «корзинка Венеры» (*Euplectella*), а под ней — слова не кого-нибудь, а сэра Дэвида Аттенборо: «Никакой фантазии не под силу вообразить сплетенный из кремниевых игл скелет такой сложности, какой мы встречаем у этой губки, «корзинки Венеры». Каким образом малозависимые друг от друга микроскопические клетки могут, работая совместно, произвести миллионы стекловидных игл и соорудить прихотливое, прекрасное кружево? Мы не знаем». Авторы из «Сторожевой башни», не теряя времени, вворачивают свою реплику: «Но мы знаем наверняка: вряд ли это произошло благодаря случаю». Конечно, вряд ли это произошло благодаря случаю. С этим никто и не спорит. Именно такую загадку — статистическую невероятность возникновения скелета, подобного скелету *Euplectella*, — обязана решить любая теория жизни. Чем ниже статистическая вероятность, тем меньше надежды, что решением проблемы окажется случай; в этом и есть сущность невероятного. Ошибочно предполагают, что решением загадки может быть либо «разумный замысел», либо случай. Однако это не так. Решением загадки может быть либо «разумный замысел», либо естественный отбор. Принимая во внимание исключительно низкую вероятность, которую мы наблюдаем в живых организмах, случай решением быть не может, и ни один здравомыслящий биолог никогда этого не заявлял. «Разумный замысел», как мы увидим позднее, также не может служить настоящим решением; однако сейчас я хочу вернуться к описанию задачи, которую обязана решить любая теория жизни, а именно — как избавиться от случайности.

Листая страницы книги, напечатанной «Сторожевой башней», находим замечательное растение, известное под названием «трубка датчанина» (*Aristolochia trilobata*, кирказон трехлопастной). Кажется, что все его части специально спроектированы для пленения и окутывания пылью насекомых, прежде чем те направятся к другой «трубке». Изошренная элегантность цветка вызывает у «Сторожевой башни» вопрос: «Разве такое могло возникнуть случайно? Разве перед нами не работа «разумного творца»?» Повторим еще раз: нет, конечно, это не могло возникнуть случайно. И еще раз: «разумный замысел» не является реальной альтернативой случайности. Естественный отбор — это не только правдоподобное, элегантное, экономичное решение; это единственная рабочая, действенная альтернатива случайности из всех когда-либо предложенных. По поводу «разумного замысла» можно выдвинуть то же самое возражение, как и по поводу случайного возникновения.

Данное решение не избавляет нас от статистической невероятности. А чем ниже

уровень вероятности, тем менее вероятен и сам «разумный замысел». Стоит взглянуть непредвзято — и становится очевидно, что «разумный замысел» только усугубляет проблему. Это, повторю еще раз, происходит потому, что, как только мы прибегаем к идее создателя (создательницы), так немедленно, в первую очередь, приходится объяснять загадку его (ее) собственного появления. Любое существо, достаточно разумное, чтобы сотворить такой маловероятный объект, как «трубка датчанина» (или Вселенная), является еще более невероятным, чем сама «трубка датчанина». Вместо того чтобы оборвать злополучную цепочку вопросов, бог мстительно усугубляет путаницу.

Перевернем еще несколько страниц книги «Сторожевой башни». В глаза бросается поэтическое описание секвойи (*Sequoiadendron giganteum*, секвойядендрон гигантский). У меня к этому дереву особая слабость, потому что в моем саду растет один экземпляр — совсем еще малыш, чуть больше сотни лет от роду, но это уже самое высокое дерево в округе. «Прислонившийся к секвойе, глядя ввысь на уходящий в небо исполинский ствол, тщедушный человечек не может не испытывать благоговейного трепета. Разве можно сомневаться в том, что и этот могучий гигант, и крошечное семечко, из которого он появился на свет, созданы творцом?» Опять же, если вы считаете, что единственной альтернативой случайному появлению является «разумный замысел», то, конечно, сомневаться нельзя. Но авторы опять забывают упомянуть реальную альтернативу — естественный отбор. Либо они просто не понимают, как он работает, либо не хотят понимать.

Процесс, благодаря которому растения — будь то крошечные полевые гвоздики или гигантские секвойи — получают необходимую для роста энергию, называется фотосинтезом. Снова «Сторожевая башня»: «Процесс фотосинтеза включает в себя около семидесяти различных химических реакций, — сказал один биолог. — Это поистине чудесный процесс». Зеленые растения называют «фабриками природы» — прекрасными, бесшумными, не отравляющими окружающую среду, производящими кислород и пищу для всего живого. Разве они — случайность? Можно ли в это поверить?» Нет, в это поверить нельзя; однако, перечисляя примеры, мы далеко не уедем. «Логика» креационистов не меняется. Берется какой-нибудь статистически невероятный естественный феномен — слишком сложный, слишком прекрасный, слишком поразительный, чтобы поверить в его случайное появление. Единственной доступной воображению авторов альтернативой его случайному возникновению является «разумный замысел». Поэтому все объявляется делом рук творца. Ответ науки на такие псевдологические выводы также остается неизменным. «Разумный замысел» не единственная альтернатива случайному появлению. Естественный отбор представляет гораздо лучшее объяснение. На самом деле «разумный замысел» вообще не является объяснением, так как в результате его использования на руках остается еще более сложная проблема: кто создал создателя? Ни случайному появлению, ни «разумному замыслу» не удастся решить загадку статистической невероятности, потому что первое объяснение само и является решаемой проблемой, а второе только отодвигает ее решение и снова приводит к ней. Настоящим решением является только естественный отбор — единственное известное нам работающее и, кроме того, удивительно элегантное и могущественное объяснение.

Так каким же образом естественному отбору удастся решить проблему невероятности, перед которой уже на старте пасуют и случайное появление, и «разумный замысел»? Ответ заключается в том, что естественный отбор — накопительный (кумулятивный) процесс, разделяющий проблему невероятности на множество мелких фрагментов. На долю каждого из этих фрагментов приходится некоторая часть суммарной невероятности — но не слишком большая, чтобы сделать абсолютно невероятным сам этот фрагмент. Если сложить множество этих маловероятных событий вместе, конечный результат накопленных событий действительно окажется весьма и весьма маловероятным — слишком маловероятным для

случайного появления. В своих утомительно повторяющихся аргументах креационисты говорят именно о таких конечных результатах. Рассуждения креациониста совершенно ошибочны, потому что он (думаю, на этот раз на меня не обидятся за пропуск местоимения женского рода) рассматривает появление статистически невероятного объекта как одиночное, единовременное событие. Возможности постепенного накопления им не учитываются.

В своей книге «Поднимаясь на пик невероятного» я попытался показать это наглядно. Представьте себе, что одна сторона горы — неприступный обрыв, а другая — ведущий на вершину пологий склон. На вершине — сложное устройство, скажем, глаз или жгутиковый двигатель бактерии. Нелепое предположение возможности спонтанного возникновения такого сложного объекта аналогично попытке одним прыжком взлететь от подножия горы до ее вершины. Эволюция же минует отвесный склон и шаг за шагом поднимается вверх с удобной стороны — как просто Преимущество медленного карабка по склону по сравнению с попытками допрыгнуть до вершины настолько очевидно, что иногда поражаешься — почему никто до Дарвина не сумел разгадать загадку? Дарвин разгадал ее спустя три века после ньютоновского *annus mirabilis*,⁹² хотя загадки, решенные Ньютоном, были, как представляется, более трудными.

Другой излюбленной метафорой исключительно низкой вероятности является цифровой замок банковских сейфов. Теоретически вору может повезти, и он наткнется на правильную комбинацию случайно. На практике же в конструкции замка предусмотрена достаточная доля невероятности, чтобы подобное событие стало почти невозможным — примерно как «Боинг-747» Фреда Хойла. Теперь представьте плохо спроектированный замок, выдающий в процессе разгадывания намеки на степень успешности попытки — как «холодно — горячо» в известной детской игре «найди тапочку». Представьте, что с приближением каждого круга к правильной цифре дверь сейфа приоткрывается, каждый раз — чуть-чуть, и из нее выпадает несколько купюр. В этом случае вор доберется до денег в мгновение ока.

Пытаясь использовать в своих целях доказательство от невероятности, креационисты всегда полагают, что биологическая адаптация работает по принципу «все или ничего». Другое название заблуждения «все или ничего» — «нечленимая сложность» (*irreducible complexity*), IC). Глаз либо видит, либо нет. Крыло либо позволяет летать, либо нет. По мнению креационистов, полезных промежуточных состояний быть не может. Но это просто-напросто неверно. Такие промежуточные состояния окружают нас повсюду, как и должно быть согласно теории. Цифровой замок жизни является именно таким устройством из игры «найди тапочку», сообщающим «теплее, холоднее, опять теплее». И пока креационисты в своем ослеплении не хотят замечать ничего, кроме неприступного обрыва, реальная жизнь потихоньку взбирается по пологому склону с другой стороны горы.

В «Происхождении видов» Дарвин посвятил целую главу «трудностям теории происхождения посредством модификации», и, думаю, не ошибусь, утверждая, что в этой небольшой главе он предусмотрел и объяснил все выдвинутые вплоть до сегодняшнего дня так называемые трудности. Самой большой проблемой было, по словам Дарвина, происхождение «органов крайней степени совершенства и сложности», или, как их иногда неверно называют, органов «нечленимой сложности». В качестве примера, представляющего особенно сложную загадку, Дарвин выбрал глаз: «В высшей степени абсурдным, откровенно говоря, может показаться предположение, что путем естественного отбора мог образоваться глаз со всеми его неподражаемыми приспособлениями для настройки фокусного расстояния,

для регулирования количества проникающего света, для поправки на сферическую и хроматическую аберрацию». Восхищенные креационисты не устают цитировать эту фразу. Без слов ясно, что последующее объяснение в их трудах опускается. «Самообличительное признание» Дарвина на самом деле представляет собой риторический прием. Он подпускает оппонентов поближе, чтобы не растратить ни толики сокрушительной силы надвигающегося удара. Ударом, конечно же, служит исчерпывающее объяснение Дарвином истории постепенной, поэтапной эволюции глаза. И, хотя Дарвин не использует термины «нечленимая сложность» и «медленный подъем на пик невероятности», он, безусловно, согласен с их сутью.

Аргументы типа «какая польза в половине глаза? » или «зачем нужны полкрыла?» являются частными случаями доказательства от «нечленимой сложности». Функционирующую единицу объявляют нечленимо сложной, если удаление одной из ее частей полностью выводит ее из строя. Подразумевается, что глаз и крыло относятся к категории таких объектов. Но, если задуматься над этим утверждением, сразу становится очевидна его несостоятельность. Страдающий катарактой и перенесший операцию по удалению хрусталика пациент не видит без очков четкие контуры предметов, но его зрения хватает, чтобы не натолкнуться на дерево или не упасть с обрыва. Безусловно, полкрыла хуже, чем целое крыло, но лучше, чем полное отсутствие крыльев. Половина крыла может спасти жизнь во время падения с дерева определенной высоты. А 51-процентное крыло спасет жизнь при падении с чуть более высокого дерева. Какого бы размера ни было крыло, оно поможет спасти жизнь хозяина при падении с высоты, где крыло меньшего размера оказалось бы бесполезным. Мысленный эксперимент, рассматривающий падение с деревьев различной высоты, — это один из способов теоретически понять, что существует плавная кривая преимущества наличия крыла, от 0 процента до 100. В лесах же обитает огромное количество планирующих и прыгающих животных, наглядно, на практике, иллюстрирующих каждый шаг вверх по этому конкретному склону горы к пику невероятностей.

Аналогично рассуждению о деревьях различной высоты легко представить ситуации, в которых обладание 49 процентами глаза окажется недостаточным, а 50 процентами — спасет жизнь животного. Плавные переходы в данном случае возникают в силу разной освещенности, разного расстояния, на котором удастся разглядеть добычу или хищника. И, подобно примеру с крылом, возможные промежуточные варианты глаза не являются лишь продуктами нашего воображения — они повсеместно встречаются в животном мире. Глаз плоского червя, по любым меркам, не дотягивает и до половины возможностей человеческого глаза. Глаз наутилуса (и, возможно, его вымерших близких родственников аммонитов, изобиловавших в морях палеозоя и мезозоя) по качеству занимает промежуточное положение между глазом плоского червя и человека. В отличие от глаза плоского червя, способного различать свет и тень, но не образы, глаз наутилуса устроен по принципу камеры-обскуры и видит изображения, хотя по сравнению с нашими они туманны и расплывчаты. Строгую количественную оценку качества зрения в данном случае трудно осуществить, но никакой здравомыслящий наблюдатель не может отрицать преимущество того, что у беспозвоночных животных есть подобные глаза, как и глаза у многих других моделей, по сравнению с полным их отсутствием. Все они занимают свое место на пути, который медленно и непрерывно ведет к вершине пика невероятностей; наши глаза находятся неподалеку от вершины — не на самой вершине, но близко от нее. В книге «Поднимаясь на пик невероятного» я посвятил глазу и крылу целую главу, показывая, насколько просто они могли возникнуть путем постепенного накопления небольших изменений в ходе медленной (а может, и не такой уж медленной) эволюции; поэтому здесь мы этот вопрос дальше обсуждать не будем.

Таким образом, мы видим, что глаза и крылья не являются нечленимо сложными

объектами; однако еще более интересен полученный из этих конкретных примеров урок. Тот факт, что многие люди жестоко заблуждались в отношении таких очевидных примеров, должен предостеречь нас от поспешных выводов в менее очевидных случаях, например относящихся к области биологии клетки или биохимии, о которых трубят в настоящее время, прикрываясь политически выгодным эвфемизмом, теоретики «разумного замысла» — креационисты.

Давайте не будем забывать: не стоит впопыхах объявлять вещи нечленимо сложными; вполне может оказаться, что вы упустили из виду какие-то детали или не продумали их достаточно глубоко. С другой стороны, нам, ученым, также не следует слишком легко успокаиваться и останавливаться на достигнутом. Возможно, в природе действительно существует что-то, что своей реальной нечленимой сложностью исключает возможность медленного, постепенного покорения пика невероятного. Креационисты правы в том, что, найдись реальный объект, нечленимую сложность которого можно убедительно продемонстрировать, он разобьет теорию Дарвина в пух и прах. Дарвин сам это сказал: «Если бы возможно было показать, что существует сложный орган, который не мог образоваться путем многочисленных последовательных слабых модификаций, моя теория потерпела бы полное крушение. Но я не могу найти такого случая». Дарвину не удалось найти такого случая; так же, как и никому другому с того времени, несмотря на усердные, можно сказать отчаянные, попытки. На престижное место «святого грааля» креационизма предлагалось немало кандидатов. Но ни один из них не выдержал проверки.

И еще — даже если когда-нибудь найдется реальный объект нечленимой сложности, который разрушит теорию Дарвина, где гарантия, что он не разрушит также теорию «разумного замысла»? Строго говоря, он ее уже *разрушил*, потому что, как я говорил раньше и повторяю еще раз, как мало мы ни знаем о боге, бесспорно одно — он должен бы быть очень, очень сложным и, по всей вероятности, нечленимым!

Поклонение «белым пятнам»

Выискивание примеров нечленимой сложности является довольно ненаучным способом поиска истины: это один из частных случаев аргументации на основе еще не изученного. И здесь используется ошибочная, осужденная теологом Дитрихом Бонхоффером логика бога «белых пятен». Креационисты усердно выискивают в современном знании и понимании мира «белые пятна». Если находится явный пробел, то автоматически полагается, что перед нами — дело рук божьих. Однако добросовестных теологов, подобных Бонхофферу, беспокоит, что по мере развития науки и уменьшения количества «белых пятен» загнанному в угол богу в конце концов совсем нечего будет делать и негде прятаться. Ученых же волнует другое. Признание своего невежества в определенных вопросах является необходимой частью научного процесса; более того, отсутствие знания воспринимается как призыв к будущим победам. По словам моего друга Мэтта Ридли, «большинству ученых скучно заниматься тем, что уже известно. Неизвестное же воспринимается ими как вызов». Мистики обожают тайны и во что бы то ни стало стараются их сохранить. Ученые их любят по другой причине: тайны открывают для них поле деятельности. Обобщая сказанное — но я еще коснусь этого в главе 8, — отмечу: одним из самых пагубных действий религии является пропаганда идеи о том, что отказ от познания является добродетелью.

Настоящая наука нуждается в признании своего невежества, в существовании пока еще не разгаданных тайн. Поэтому, мягко говоря, печально, что главной стратегией апологетов креационизма стали выискивание пробелов в научном знании и претензия на заполнение их по умолчанию «разумным замыслом». Вот, например, гипотетическая, но очень типичная ситуация. Креационист: «Локтевой сустав малой пятнистой скользкой лягушки устроен

нечленимо сложно. Ни одна из его частей не смогла бы работать в отсутствие других. Могу поспорить, что вам не удастся объяснить, как локоть малой пятнистой скользкой лягушки мог возникнуть посредством цепочки медленных постепенных изменений». Если ученый не сумеет мгновенно дать исчерпывающее объяснение, креационист по умолчанию делает вывод: «Ага, альтернативная теория «разумного замысла» победила по умолчанию». Заметьте, как подтасована логика: если теория А не в состоянии чего-либо объяснить, то теория В, без сомнения, верна. Излишне добавлять, что менять теории местами в данном аргументе не разрешается. Нас призывают признать теорию правильной по умолчанию, даже прежде чем мы рассмотрим, лучше ли она объясняет вопрос, который оказался не по силам предыдущей теории. «Разумный замысел» получает карт-бланш, а заодно — и полную свободу от предъявляемых к эволюции жестких требований.

Еще раз хочется подчеркнуть: происки креационистов угрожают естественному, даже необходимому, состоянию ученых — получать удовольствие от (временного) незнания. В нашу эпоху у ученого, по чисто тактическим соображениям, могут возникнуть сомнения в целесообразности, скажем, подобного заявления: «Действительно, интересный вопрос. Как же все-таки у предков скользкой лягушки появился локтевой сустав? Я не специалист по скользким лягушкам, придется сходить в университетскую библиотеку и проверить. Может, посоветую кому-нибудь из выпускников взять эту тему в качестве дипломной работы». Не успеет подобное рассуждение слететь с уст ученого и задолго до того, как студент примется за диплом, в брошюре креационистов появится заголовок со сделанным по умолчанию выводом: «Скользкие лягушки, без сомнения, дело рук божьих».

Таким образом, к сожалению, между методологической потребностью науки выискивать пробелы в знании с целью организации будущих исследований и потребностью креационистов выискивать пробелы в знании для объявления о своей победе существует перехлест. Именно потому, что теория «разумного замысла» не имеет собственных доказательств, а, подобно сорнякам, пускает корни в «белых пятнах» научного знания, она вынуждена цепляться за необходимое науке, чтобы бросить силы на их заполнение, признание существующих пробелов. В этом отношении наука оказывается в одном лагере с такими теологами-интеллектуалами, как Бонхоффер, и совместно с ними борется с общим врагом — наивной, апеллирующей к массам и любимой креационистами теологией «белых пятен».

Иллюстрацией теологии «белых пятен» служит увлечение креационистов пробелами в палеонтологической летописи. Однажды я начал главу о так называемом кембрийском взрыве следующей фразой: «Возникает впечатление, что ископаемые были помещены сюда без всякой эволюционной истории». Целью предложения было заинтриговать читателя, пробудить в нем любопытство к следующему далее исчерпывающему объяснению. Теперь, наученный горьким опытом, я удивляюсь, что вовремя не догадался, как часто эту фразу будут едко цитировать вне контекста, оторвав от нее последующее полное объяснение феномена. «Белые пятна» в ископаемой летописи радуют креационистов, как и любые пробелы.

Многие эволюционные преобразования элегантно подтверждаются более или менее непрерывными линиями плавно меняющихся промежуточных ископаемых организмов. Для некоторых преобразований переходных ископаемых не найдено, это-то и есть знаменитые «пробелы». Майкл Шермер остроумно заметил, что обнаружение нового образца, попадающего по своим признакам в середину пробела и рассекающего его надвое, дает креационистам повод провозгласить, что количество пробелов таким образом возросло вдвое! И прошу еще раз обратить внимание на беспардонное использование принципа правоты по умолчанию. Если подтверждающих предполагаемый эволюционный переход

останков еще не найдено, по умолчанию делается вывод, что такого перехода не было и перед нами — доказательство работы бога.

Требование полного вещественного подтверждения каждого шага каждой линии развития, будь то эволюция или другая наука, противоречит элементарной логике. Это аналогично требованию судьи, ведущего дело об убийстве, представить для вынесения приговора полную видеозапись каждого шага убийцы до момента преступления — и чтобы в ней не было пропущенных кадров. В окаменелости превращается только крошечная доля всех умерших организмов, и нам уже повезло, что мы имеем так много промежуточных ископаемых. Могло оказаться, что окаменелости вообще отсутствовали бы, но в любом случае доказательства эволюции из других источников, таких как молекулярная генетика и географическое распространение, являются не менее убедительными. С другой стороны, эволюционная теория открыто предсказывает, что если один-единственный ископаемый остаток обнаружится в неправильном геологическом пласте, все эволюционное построение окажется опровергнутым. Когда дотошные сторонники Поппера допрашивали Дж. Б. С. Холдейна, каким образом можно фальсифицировать теорию эволюции, он пробурчал знаменитую фразу: «Ископаемые кролики в докембрии». Такие достоверно подтвержденные окаменелости-анахронизмы никогда не были обнаружены, несмотря на басни креационистов (опровергнутые) о найденных в каменноугольных слоях черепах человека и идущих рядышком следах людей и динозавров.

По умолчанию в «белых пятнах» креационисты размещают бога. Та же тактика применяется для всех отвесных скал перед пиком невероятного, когда удобные плавные подходы по тем или иным причинам не были сразу найдены. Любой раздел науки с недостаточным количеством информации или ее осмысления автоматически передается под начало бога. Стремительность, с какой делаются заявления о нечленимой сложности того или иного объекта, свидетельствует лишь о недостатке воображения. Тот или иной биологический орган, будь то глаз, бактериальный жгутиковый двигатель или биохимический процесс, провозглашается нечленимо сложным — и точка. Несмотря на предыдущие уроки разоблачения устройства глаз, крыльев, множества других объектов, каждого нового кандидата возносят на пьедестал, словно его нечленимая сложность очевидна, не требует доказательств и гарантирована указом. Но задумайтесь на минутку. Раз нечленимая сложность используется в качестве аргумента «разумного замысла», ее точно так же нельзя гарантировать указом, как и сам «замысел». Потому что иначе можно просто заявить, что скользкая лягушка (или жук-бомбардир и тому подобное) подтверждает «разумный замысел», и никакие доказательства и подтверждения этому не нужны. Так науку не делают.

В ход идет логика, не более убедительная, чем следующая: «Я (имярек) не в состоянии вообразить, каким именно образом посредством постепенных изменений мог появиться (вставьте название биологического объекта). Поэтому я объявляю данный объект нечленимо сложным. Следовательно, его сотворил всевышний». Стоит построить аргументацию подобным образом — и немедленно становится очевидно, что ее легко может разрушить находка каким-либо ученым промежуточного звена или хотя бы гипотеза о возможном промежуточном звене. И даже если наука пока не дает объяснения, вывод о преимуществе варианта «разумного замысла» нарушает общепринятые логические правила. Рассуждения сторонников «разумного замысла» — это рассуждения ленивых, пораженческих умов, классический пример теологии «белых пятен». Раньше я уже называл его доказательством от «не могу поверить».

Представьте, что вам показывают потрясающий фокус. У знаменитого дуэта фокусников — Пенна и Теллера — был такой трюк, когда они одновременно будто бы

стреляли друг в друга из пистолетов и оба ловили пулю зубами. Перед тем как зарядить пистолеты под пристальным наблюдением имеющих опыт обращения с оружием добровольцев из публики, на пулях выпарапывались замысловатые пометки, и казалось, любая возможность обмана исключалась. Но помеченная пуля Теллера оказывалась в зубах у Пенна, а помеченная пуля Пенна — в зубах у Теллера Я (Ричард Докинз) не могу, как ни стараюсь, понять, в чем здесь хитрость. В тех моих мозговых центрах, которые не испытали облагораживающего воздействия науки, слышится нарастающий вопль доказательства от «не могу поверить», почти выдавливающий из меня признание: «Видимо, это чудо. Научного объяснения этому нет. Перед нами — сверхъестественный феномен». Но тоненький голосок научного образования заявляет другое. Пенн и Тел-лер — фокусники с мировым именем. Непременно у этого трюка должна быть разгадка. Просто я слишком наивен, или невнимателен, или не обладаю достаточным воображением и поэтому не могу сообразить, в чем тут секрет. Вышеизложенное — нормальная реакция на трюк иллюзиониста. И помимо прочего — нормальная реакция на биологический феномен, представляющийся на первый взгляд нечленимо сложным. Люди, поспешно делающие выводы о сверхъестественной природе вещей только на основе собственного изумления, ничем не умнее глупцов, которые при виде сгибающего ложку фокусника начинают кричать о «паранормальном».

Шотландский химик А. Дж. Кернс-Смит в книге «Семь разгадок происхождения жизни» приводит еще одну иллюстрацию, пользуясь аналогией арки. Сложенная из грубо отесанных камней без применения цемента арка может стоять без опоры, не разваливаясь; однако она является нечленимо сложным объектом — стоит убрать любой камень, и она рухнет. Как же тогда ее построили? Одним из вариантов является нагромождение кучи камней и последовательное аккуратное удаление, один за другим, всех лишних. Можно привести много примеров конструкций, «нечленимых» в том смысле, что удаление любой части приведет к их полному разрушению; конструкций, построенных при помощи позднее разобранных и посему невидимых наблюдателю лесов. По завершении строительства ненужные больше леса удаляются, и конструкция остается стоять сама по себе. Аналогичный процесс имеет место в эволюции — изучаемый орган или конструкция, возможно, поддерживались в организме предка впоследствии удаленными «лесами».

Сама идея нечленимой сложности не нова, термин же ввел в употребление в 1996 году креационист Михаэль Бехе,⁹³ которому принадлежит сомнительная честь проталкивания креационизма в новые области биологии: биохимию и клеточную биологию. Он, по-видимому, рассчитывал, что там выуживание «белых пятен» пойдет успешнее, чем в случае с глазами и крыльями. Самой удачной его добычей (и все равно негодной) оказался бактериальный жгутиковый мотор.

Жгутиковый мотор бактерий — гениальное изобретение природы. Мы сталкиваемся в нем с единственным, за исключением созданных человеком объектов, известным примером свободно вращающейся оси. Применительно к крупному животному колёса, я думаю, действительно были бы нечленимо сложным органом, и, возможно, поэтому они не существуют. Как бы, например, проходили сквозь подшипник нервы и кровеносные сосуды?⁹⁴ Жгутик работает как гребной винт, с его помощью бактерия проталкивается в воде. Я написал «проталкивается», а не «плывет», потому что в микроскопическом мире бактерии жидкость, в частности вода, воспринимается не так, как ощущаем ее мы. Для бактерии она, скорее, похожа на патоку, или желе, или даже песок; поэтому бактерия не плывет, а больше проталкивается или прокапывает ход сквозь воду. В отличие от жгутиков более крупных организмов, таких как простейшие (*Protozoa*), бактериальный жгутик не

просто машет, как кнут, или загребает, подобно веслу. Он действительно представляет собой свободно вращающуюся ось, которая двигается внутри подшипника и приводится в движение удивительным крошечным молекулярным мотором. На молекулярном уровне мотор устроен по такому же принципу, что и мускулы, только он обеспечивает не ритмическое сокращение, а свободное вращение! Его иногда остроумно называют крошечным подвесным мотором (хотя по инженерным стандартам он поразительно неэффективен, что встречается среди биологических объектов нечасто).

Без какого-либо объяснения, обоснования или анализа Бехе просто-напросто заявляет, что бактериальный жгутиковый мотор является нечленимо сложным. Поскольку аргументов в поддержку этого не приводится, у нас могут возникнуть подозрения в ограниченности воображения автора. Далее он утверждает, что проблема никогда не рассматривалась в специальной биологической литературе. Лживость этого заявления исчерпывающим и уничижительным (для Бехе) образом показал в 2005 году судья штата Пенсильвания Джон Э. Джонс в ходе процесса, где Бехе выступал как эксперт на стороне группы креационистов, пытающихся включить преподавание «разумного замысла» в программу естествознания местной средней школы: это «неимоверно глупое требование», по словам судьи Джонса (безусловно, и фраза и судья достойны немеркнувшей славы). В течение всего процесса, как увидим, Бехе пришлось пережить и другие унижения.

При доказательстве нечленимой сложности самое важное — продемонстрировать, что ни один из составляющих объект элементов не может быть полезным поодиночке. Чтобы приносить пользу, они все должны присутствовать одновременно (любимой аналогией Бехе на данную тему служит мышеловка). На самом деле молекулярные биологи без труда указывают на элементы, выполняющие полезную работу и в отсутствие всего остального комплекта; это относится как к бактериальному жгутиковому мотору, так и к другим приводимым Бехе примерам якобы нечленимой сложности. Об этом очень хорошо сказал Кеннет Миллер из Брауновского университета — самый, готов поспорить, грозный противник «разумного замысла», хотя бы потому, что он — набожный христианин. Я часто рекомендую книгу Миллера «В поисках бога Дарвина» обращающимся ко мне религиозным читателям, одурманенным Бехе.

Что же касается бактериального крутящегося мотора, Миллер приглашает нас рассмотреть механизм под названием «Секреторная система третьего типа» (*Type Three Secretory System* — TTSS).⁹⁵ TTSS не используется для вращательного движения. Это одна из систем, используемых паразитическими бактериями для вывода из клетки токсичных веществ через клеточную стенку и отравления организма-хозяина. В масштабе человеческого мира это можно представить как продавливание и выливание жидкости через отверстие; но в случае бактерий процесс опять выглядит по-другому. Каждая молекула секретлируемого вещества представляет собой крупный белок определенной трехмерной конфигурации; ее размер соответствует масштабу TTSS — и опять нужно представлять не столько жидкость, сколько застывшие объемные формы. Каждая молекула не просто «протекает» через примитивную дырку, а аккуратно проталкивается сквозь точно подогнанный механизм, подобный механизму автомата, продающего, скажем, игрушки или бутылки с напитками. Само устройство «выдачи товара» выполнено из относительно небольшого количества белковых молекул, каждая из которых по размеру и сложности сопоставима с молекулами, проходящими через устройство. Интересно, что эти бактериальные автоматы часто похожи даже у не состоящих в близком родстве видов бактерий. Вероятно, управляющие их изготовлением гены были «скопированы и вставлены» — скопированы у других бактерий: эти существа поразительно ловко совершают

подобные операции, что составляет отдельную увлекательнейшую тему. Однако продолжим.

Образующие TTSS белковые молекулы весьма сильно напоминают компоненты жгутикового мотора. Для специалиста в области эволюции очевидно, что при возникновении жгутикового мотора компоненты TTSS получили новую, но в определенной мере уже знакомую им функцию. Учитывая, что TTSS протягивает сквозь себя молекулы, позволительно рассматривать ее как зачаточный вариант используемого в жгутиковом моторе принципа буксировки молекул оси по кругу. Как видим, еще до появления в клетке жгутикового мотора в ней уже присутствовали и успешно работали его основные элементы. Утилизация уже имеющихся механизмов — это очевидный способ для якобы нечленимо сложного объекта подняться на пик невероятности.

Безусловно, предстоит еще много работы, которая, не сомневаюсь, будет выполнена. Но ее никогда не удалось бы проделать, если бы ученые лениво опускали руки при столкновении с первыми же трудностями, как рекомендуют нам сторонники «разумного замысла». Советы его апологетов ученым можно выразить следующим образом: «Не понимаете, как это работает? И не надо — бросьте все и объявите, что это дело рук бога. Не знаете, как появляются нервные импульсы? Отлично! Не понимаете, как мозг регистрирует и хранит памятные события? Замечательно! Поразительная сложность фотосинтеза вас затрудняет? Лучше не придумай! Бросьте, пожалуйста, ломать голову над загадками, признайте свое поражение и молитесь господа. Дорогие ученые, не решайте ваши головоломки. Несите их нам, а уж мы-то найдем им применение. Не покушайтесь, проводя свои исследования, на драгоценное невежество. Нам эти славные пробелы нужны как последние лазейки для бога». Святой Августин сказал об этом довольно откровенно: «Существует иной, гораздо более опасный вид искушения. Имя ему — порок любопытства. Именно он подвигает нас на попытки разгадать недоступные нашему пониманию, ненужные нам тайны природы, познания которых человеку желать не должно» (цитируется по *Freeman*, 2002).

Другим любимым Бехе примером якобы нечленимой сложности является иммунная система. Передадим слово судье Джонсу:

В процессе перекрестного допроса профессору Бехе был задан вопрос относительно сделанных им в 1996 году заявлений о том, что науке никогда не удастся найти эволюционного объяснения иммунной системе. Ему представили пятьдесят восемь сопровождаемых рецензиями специалистов публикаций, девять книг и несколько глав из учебников иммунологии, объясняющих эволюционное происхождение иммунной системы; однако он продолжал упорствовать в том, что доказательств эволюции по-прежнему недостаточно и что все это «не пойдет».

При перекрестном допросе, проводимом главным юрисконсультотом ответчиков Эриком Ротшильдом, Бехе вынужден был признать, что не читал большую часть из 58 отрецензированных специалистами публикаций. Удивительного в этом ничего нет, иммунология — наука сложная. Но презрительное заявление Бехе о негодности этих исследований поистине непростительно. Конечно, от них мало проку, если использовать их для пропаганды среди наивных политиков и неспециалистов, а не для познания окружающего мира. Выслушав Бехе, Ротшильд элегантно суммировал чувства, разделяемые, должно быть, всей присутствовавшей на заседании почтенной публикой:

Хорошо, что есть ученые, которые занимаются изучением проблемы происхождения иммунной системы... Она наша защита против изнуряющих и смертельных болезней. Писавшие эти книги и статьи ученые трудятся незаметно, не получая крупных гонораров

за свои статьи и публичные выступления. Их усилия позволяют нам сражаться с серьезными заболеваниями и побеждать их. Профессор же Бехе и все движение «разумного замысла» для прогресса медицинской науки ничего не делают и убеждают будущие поколения ученых так же сложить руки.⁹⁶

Как написал в рецензии на книгу Бехе американский генетик Джерри Койн, «если из истории науки и можно извлечь какие-то уроки, так это то, что, называя наше невежество «божьей волей», мы далеко не уедем». О том же можно сказать словами остроумного блоггера, прокомментировавшего мою и Койна статью в «Гардиан» о «разумном замысле»:

*Почему бога считают объяснением чего-либо? Это не объяснение, а провал попытки объяснить, пожатие плечами, школьное «я не знаю», закутанное в покровы духовности и ритуалов. Объяснение чего-либо делом рук божьих обычно означает, что говорящий понятия не имеет о происходящем и поэтому приписывает авторство недостижимому и непостижимому небесному волшебнику. Спросите, откуда этот парень там взялся, и, могу поспорить, в ответ услышите невнятные псевдофилософские заявления, что он всегда был или что он обитает вне границ природы. Объяснением это, конечно, не назовешь.*⁹⁷

Дарвинизм пробуждает сознание и еще по одной причине. Как бы элегантно и совершенны ни были возникшие в процессе эволюции органы, они имеют очевидные погрешности — именно такие, какие должны были появиться в результате эволюционной истории и не должны были появиться в результате «разумного замысла». В других своих книгах я уже приводил эти примеры — возвратный гортанный нерв, скажем, эволюционная история развития которого читается в его продолжительных, ненужных петляниях на пути к цели. Многие людские недуги — от болей в пояснице до грыжи, от выпадения матки до частого воспаления носоглотки — напрямую связаны с тем, что нынче мы используем для прямохождения тело, сформированное эволюцией в течение сотен миллионов лет для передвижения на четырех конечностях. Также дарвинизм заставляет задуматься о жестокости и расточительности естественного отбора. Хищники прекрасно «спроектированы» для поимки добычи, а добыча не менее прекрасно «спроектирована» для ускользания от них. На чьей же стороне бог?⁹⁸

Антропный принцип: планетарный вариант

Разочаровавшись в глазах и крыльях, жгутиковых моторах и иммунных системах, теологи «белых пятен» часто возлагают последнюю надежду на происхождение жизни. Тот факт, что в начале эволюции лежит небиологическая химия, по их мнению, представляет пробел гораздо больший, чем любые другие изменения, произошедшие в результате последующей эволюции. И, с определенной точки зрения, это действительно очень большой пробел. Но это — определенная точка зрения, и сторонников религиозных взглядов она не утешит. Жизни нужно было зародиться лишь однажды. Поэтому мы вправе допустить, что ее появление было крайне маловероятным событием, на много порядков менее вероятным, как будет показано, чем полагает большинство людей. Но последовавшие за этим эволюционные шаги повторяются более или менее похожим образом в каждом из миллионов и миллионов видов и, что немаловажно, сходным образом и непрерывно на протяжении геологического времени. Поэтому для объяснения эволюции сложных жизненных форм нельзя использовать те же статистические подходы, которые мы вправе применить к событию зарождения жизни. Составляющие непосредственный ход эволюции события не могут быть такими же

96

97

98

маловероятными (возможно, за редкими исключениями), как единичный факт зарождения жизни.

Возможно, такое разделение не совсем понятно; постараюсь объяснить его подробнее при помощи так называемого антропного принципа. Название «антропный принцип» было предложено в 1974 году английским математиком Брандоном Картером; впоследствии это понятие более подробно разработали в специальной книге физики Джон Барроу и Франк Типлер.⁹⁹ Как правило, антропный аргумент применяется ко всей Вселенной, и мы еще к этому вернемся. Но мне хочется сформулировать идею в меньшем, планетарном масштабе. Мы существуем здесь, на Земле. Следовательно, Земля — это способная нас породить и поддерживать наше существование планета, какими бы необычными или даже уникальными свойствами она ни должна для этого обладать. Наш тип жизни, например, не может существовать без воды в жидком состоянии. В поисках доказательств существования внеземной жизни экзобиологи сканируют космос, пытаясь отыскать воду. Вокруг типичной, похожей на наше Солнце звезды имеется так называемая зона Златовласки: не слишком горячо и не слишком холодно — а в самый раз — для существования планеты с водой в жидком состоянии. Эта орбитальная зона находится в узком промежутке между слишком далеко удаленными от звезды планетами, где вода замерзает, и слишком близкими, где она кипит.

Помимо этого, пригодная для жизни планета должна двигаться по орбите, близкой к круговой. Сильно вытянутая орбита, такая, например, как орбита недавно обнаруженной планеты Ксена, в лучшем случае позволит ей пребывать в благоприятной зоне Златовласки только очень недолгое время каждые несколько (земных) десятилетий или столетий. Сама Ксена не попадает в зону Златовласки, даже максимально приближаясь к Солнцу, что происходит каждые 560 лет. Температура кометы Галлея меняется от 47 °C в перигелии до минус 270 °C в афелии. Орбита Земли, как и всех планет, строго говоря, — эллиптическая (Земля ближе всего к Солнцу в январе, а дальше всего в июле¹⁰⁰); однако орбита Земли настолько близка к круговой, что планета никогда не выходит из зоны Златовласки. Положение Земли в Солнечной системе имеет и другие благоприятные для эволюции жизни преимущества. Удачно расположенный гигантский гравитационный пылесос — Юпитер — перехватывает астероиды, которые иначе, столкнувшись с Землей, могли бы прервать наше существование. Единственная довольно крупная земная Луна стабилизирует ось вращения и способствует развитию жизни различными другими способами.¹⁰¹ Наше Солнце необычно еще и тем, что не имеет двойника и вызванной его присутствием сложной орбиты. У двойных звезд могут быть планеты, но их орбиты с большой вероятностью будут слишком неустойчивыми, чтобы жизнь смогла на них развиваться.

Наличие на нашей планете особо благоприятные условия для зарождения и развития жизни объясняют главным образом двумя путями. Теория «разумного замысла» утверждает, что бог создал Землю, поместил ее в зону Златовласки и специально для нас отладил все детали. Антропный подход дает другое объяснение, в чем-то сходное с дарвиновским. Огромное большинство имеющихся во Вселенной планет лежат вне зон Златовласки своих звезд и непригодны для жизни. Как ни мало количество планет с подходящими для жизни условиями, мы неизбежно находимся на одной из них, коль скоро в данный момент ведем это обсуждение.

Кстати, весьма удивительно, что сторонники религии испытывают симпатию к

99

100

101

антропному принципу. По какой-то неведомой, необъяснимой причине им кажется, что он укрепляет их позицию. На самом же деле происходит обратное. Подобно естественному отбору, антропный принцип представляет альтернативу «разумному замыслу». Без привлечения творца он предлагает научное объяснение того факта, что мы обитаем в условиях, так замечательно приспособленных для нашего существования. Полагаю, что путаница в религиозном сознании возникает оттого, что антропный принцип, как правило, упоминается только при описании проблемы, которую он позволяет решить, а именно — факта нашего обитания в исключительно благоприятных для жизни условиях. Сторонники религии не улавливают того, что в качестве решения проблемы предлагаются два варианта. Один — бог. Второй — альтернативный — антропный принцип.

Уже было сказано, что одним из условий существования жизни является наличие воды в жидком состоянии, но это условие далеко не единственное. В воде еще должна зародиться жизнь, а появление жизни, возможно, есть очень маловероятное событие. Дарвиновская эволюция началась только с появлением жизни. Но как может зародиться жизнь? Зарождение жизни было событием химической природы или цепью таких событий, в результате которых впервые возникли условия для естественного отбора. Главным необходимым компонентом было передающее наследственную информацию вещество: либо ДНК, либо (что более вероятно) — молекулы, копирующиеся, подобно ДНК, но менее точно, — возможно, это были родственные ей молекулы РНК. С появлением главного необходимого компонента — какой-либо генетической молекулы — мог начаться дарвиновский естественный отбор, и в результате его постепенного действия возникли сложные живые организмы. Однако самопроизвольное случайное возникновение первых молекул, передающих наследственную информацию, многим кажется невероятным. Возможно, оно действительно очень и очень маловероятно; хочу обсудить этот вопрос поподробнее, потому что он является главным в данном разделе.

Изучение происхождения жизни — это исключительно популярная, хотя и весьма дискуссионная, область науки. Для работы в ней требуется блестящее знание химии, что не входит в рамки моей профессиональной компетенции. С неослабным любопытством я наблюдаю за развитием событий со стороны, и нисколько не удивлюсь, если через несколько лет химики сообщат об успешном рождении новой жизни, на этот раз — в химической лаборатории. Тем не менее этого еще не случилось, и можно по-прежнему считать, что вероятность зарождения жизни сейчас, как и раньше, очень мала — хотя однажды это уже и произошло!

Аналогично рассуждению об орбитах зоны Златовласки можно сказать, что, каким бы невероятным ни было происхождение жизни, мы знаем, что на Земле оно имело место, потому что мы на ней живем. И, подобно обсуждениям благоприятности климата, это можно объяснить посредством двух гипотез — гипотезой «разумного замысла» и антропной гипотезой. Гипотеза «разумного замысла» предполагает присутствие бога, намеренно сотворившего чудо, вдохнувшего в первичный бульон божественный огонь и запустившего в успешное производство ДНК или аналогичную молекулу.

Альтернативная, антропная, гипотеза, подобно обсуждению зон Златовласки, опять базируется на статистике. Ученые привлекают чудесные свойства очень больших чисел. Подсчитано, что в нашей Галактике существует от 1 до 30 миллиардов планет, а во Вселенной — около 100 миллиардов галактик. Отбросив для большей строгости подсчетов несколько нулей, получим заниженное количество планет во Вселенной — миллиард миллиардов. Теперь представим, что зарождение жизни — самопроизвольное возникновение молекулы, аналогичной ДНК, — действительно представляет собой исключительно маловероятное событие. Представим, что оно настолько маловероятно, что может произойти

только на одной планете из миллиарда. Если бы любой химик попытался получить грант на исследование с однопроцентным шансом на успех, субсидирующая организация подняла бы его на смех. А мы ведем речь об одном шансе из миллиарда. И тем не менее, несмотря на абсурдно малую долю вероятности, она означает, что жизнь возникнет на миллиарде планет, одна из которых, конечно, — наша Земля.¹⁰²

Поразительный вывод. Повторю его еще раз. Если даже шансы самопроизвольного зарождения жизни на планете составляют один к миллиарду, это исключительно маловероятное событие тем не менее произойдет на миллиарде планет. Попытки отыскать в таком количестве планет обитаемую подобны попыткам найти иголку в стоге сена. Но нам не придется ворошить стог в поисках иголки, потому что (возвращаясь к антропному принципу) еще до начала поиска любое способное к поиску существо уже должно иметь под собой одну из этих исключительно редких «иголок».

Любое вероятностное утверждение делается на основе определенной доли незнания. Если нам ничего не известно о планете, мы можем оценить шанс возникновения на ней жизни, к примеру, как один из миллиарда. Но стоит внести в нашу оценку дополнительные данные, как цифра изменится. У рассматриваемой планеты могут быть особые, увеличивающие шансы возникновения жизни свойства — например, особенный химический состав горных пород. Другими словами, одни планеты больше похожи на Землю, чем другие. И безусловно, наиболее похожей на Землю является сама Земля! Такой вывод должен подбодрить химиков, пытающихся создать жизнь в лаборатории, поскольку он увеличивает их шансы на успех. Но из вышеприведенных расчетов уже очевидно, что даже химическая модель с одним шансом на успех из миллиарда тем не менее предсказывает зарождение жизни во Вселенной на миллиарде планет. Изящество же антропного принципа состоит в том, что он, наперекор интуитивным выводам, утверждает, что для удовлетворительного и веского объяснения присутствия жизни на Земле достаточно, чтобы химическая модель позволяла зарождение жизни на одной планете из миллиарда миллиардов. Но я убежден, что на самом деле зарождение жизни является гораздо более вероятным. Полагаю, что попытки повторить данное событие в лаборатории определенно стоит финансировать, так же как и программы поиска внеземного разума, потому как думаю, что существование во Вселенной другой разумной жизни вполне вероятно.

Даже при самых пессимистичных оценках вероятности спонтанного зарождения жизни данный статистический аргумент полностью обесценивает предложение использовать для заполнения пробела «разумный замысел». Мозгу, настроенному на оценку привычных нам вероятностей и рисков — например, оценку финансирующей организацией заявки на исследования ученых-химиков, — «белое пятно» зарождения жизни кажется, из всех имеющихся в истории эволюции пробелов, наиболее непреодолимым. Но, подкрепленная статистикой, наука в состоянии его одолеть, хотя чудесного творца та же самая статистика отрицает по рассмотренной ранее причине «готового к полету «Боинга-747».

Вернемся теперь к упомянутому в начале этого раздела интересному положению. Представьте, что кто-то пытается объяснить и феномен биологической адаптации методом, только что использованным нами для объяснения зарождения жизни, а именно — огромным количеством имеющихся планет. Из наблюдений известно, что каждый вид и каждый свойственный виду орган хорошо выполняют свои функции. Крылья птиц, пчел и летучих мышей хорошо приспособлены для полета. Глаза хорошо приспособлены для видения. Листья — для фотосинтеза. Мы живем на планете в окружении, возможно, десяти миллионов видов, каждый из которых выглядит так, словно его специально спроектировали. Каждый

вид замечательно приспособлен к своему образу жизни. Можно ли и в данном случае для объяснения всех единичных примеров кажущегося «творения» применить аргумент «огромного количества имеющихся планет»? Нет, нельзя, повторяю — нельзя. Можете даже не пытаться. Это положение очень важно, потому что оно напрямую связано с одним из самых серьезных недопониманий дарвинизма.

Сколько бы планет ни участвовало в розыгрыше, невероятное разнообразие населяющих Землю сложных живых организмов невозможно объяснить счастливым случаем, подобно тому как мы провели объяснение первоначального зарождения жизни. Эволюция жизненных форм в корне отличается от зарождения жизни, потому что, повторяю, зарождение жизни было (или могло быть) уникальным событием, которому достаточно было случиться единожды. Адаптационное же приспособление видов к средам обитания — это миллионы событий, происходящих и ежедневно.

Очевидно, что на всей поверхности планеты Земля — на всех континентах, на всех островах — непрерывно происходит процесс оптимизации биологических видов. Можно с уверенностью предсказать, что возникшие через десяток миллионов лет новые виды так же замечательно будут приспособлены к новой окружающей среде, как нынешние виды — к нашей. Адаптация — это не случившееся в прошлом счастливое статистическое совпадение, о котором мы можем только догадываться задним числом, а предсказуемый, множественный, непрерывный процесс. И благодаря Дарвину мы знаем, что его движет: естественный отбор.

Антропный принцип не в состоянии объяснить калейдоскоп особенностей строения живых организмов. Для объяснения многообразия жизни на Земле, и особенно для развенчания иллюзии «разумного замысла», нам не обойтись без мощного объясняющего механизма теории Дарвина. Объяснение зарождения жизни этому «крану» не под силу, потому что естественному отбору не с чем в данном случае работать. Здесь в дело вступает антропный принцип. Уникальное событие зарождения жизни удастся объяснить, приняв во внимание огромное количество планет, на которых оно могло произойти. А как только это начальное удачное событие произошло — что убедительно разрешается антропным принципом, — вступает в дело естественный отбор, который со случайностью уже ничего общего не имеет.

Тем не менее может оказаться, что зарождение жизни — это не единственный пробел эволюционной истории, объясняемый счастливым стечением обстоятельств и возможный с позиции антропного принципа. Мой коллега Марк Ридли в книге «Демон Менделя» (беспричинно и неудачно переименованной американскими издателями в «Сотрудничающий ген»), например, предполагает, что происхождение эукариотной клетки (нашей клетки с ядром и другими сложными структурами, такими, например, как отсутствующие у бактерий митохондрии) было еще более исключительным, сложным и статистически маловероятным событием, чем зарождение жизни. Зарождение сознания также может оказаться «белым пятном», загадка которого объясняется настолько же маловероятным событием. Одиночные события такого рода можно на основе антропного принципа объяснить следующим образом. Существуют миллиарды планет, на которых жизнь развилась до уровня бактерий, но только на малой их части она, сделав скачок, поднялась до уровня эукариотной клетки. Из этого небольшого числа еще меньшему количеству удалось позднее пересечь рубикон к зарождению сознания. Если оба события являются одиночными, то речь идет не о повсеместном, вездесущем, подобно биологической адаптации, процессе. В соответствии с антропным принципом, поскольку мы существуем, состоим из эукариотных клеток и обладаем сознанием, наша планета неизбежно должна оказаться в числе тех редких планет, где случились все три вышеназванных события.

Естественный отбор работает, потому что он представляет собой кумулятивный и однонаправленный путь к усовершенствованию. Для начала процесса требуется определенное количество везения, и, согласно прилагаемому к «миллиарду планет» антропному принципу, такой шанс у нас есть. Возможно, несколько позднейших пробелов в эволюционной истории также объясняются подкрепленными антропным принципом удачными стечениями обстоятельств. Но, как бы то ни было, «разумный замысел», безусловно, не годится для объяснения жизни, потому что замысел по своей природе — не кумулятивен и вызывает больше вопросов, чем дает ответов, отбрасывая нас напрямик к бесконечной цепочке проблем «готового к полету «Боинга-747».

Мы живем на планете, удобной для существующих на ней живых организмов, и мы рассмотрели две причины, почему это так. Первая состоит в том, что жизнь благодаря естественному отбору эволюционировала для процветания в имеющихся на планете условиях. Вторая причина является антропной. Во Вселенной имеются миллиарды планет, и, каким бы малым ни было количество планет, способных поддержать жизнь и эволюцию, наша планета должна быть в их числе. Полагаю, настало время перейти к рассмотрению антропного принципа не в биологическом, а в космологическом масштабе.

Антропный принцип: космологический вариант

Мы живем не только на удобной планете, но и в удобной Вселенной. Само наше существование подтверждает факт «удобства» наших физических законов для возникновения жизни. Не случайно, глядя в ночное небо, мы видим звезды — они являются неперенным условием существования большинства химических элементов, без которых не было бы жизни. Согласно расчетам физиков, окажись физические законы и константы лишь слегка другими, Вселенная развивалась бы так, что жизнь в ней была бы абсолютно невозможна. Различные физики говорят об этом по-разному, но всегда приходят к одному заключению. В книге «Просто шесть цифр» Мартин Риз перечисляет шесть основных постоянных, которые, по мнению ученых, сохраняют свою величину в любой точке Вселенной. Каждая из этих шести величин «точно настроена» в том смысле, что, будь она лишь немного другой, Вселенная значительно отличалась бы от нынешней и, возможно, была бы непригодна для жизни.¹⁰³

Одной из шести постоянных Риза является константа так называемого «сильного взаимодействия» — силы, объединяющей компоненты атомного ядра, которую необходимо преодолеть при расщеплении атома. Ее обозначают буквой E и измеряют как долю переходящей в энергию массы ядра водорода при синтезе из него гелия. В нашей Вселенной значение этой постоянной равняется 0,007, и считается, что для возможности появления химических элементов, необходимых для зарождения жизни, оно обязано быть близким к этой цифре. Как известно, химические реакции представляют собой группировку и перегруппировку 90 с небольшим встречающихся в природе химических элементов Периодической таблицы. Самым простым и широко распространенным элементом является водород. Все другие элементы Вселенной возникли из водорода путем реакции ядерного синтеза. Ядерный синтез — это сложный процесс, происходящий при чрезвычайно высоких температурах, присутствующих внутри звезд (и водородных бомб). В относительно небольших звездах, подобных нашему Солнцу, образуются только легкие элементы, такие как гелий — второй после водорода элемент Периодической таблицы. Температуры, необходимые для синтеза более тяжелых элементов, достигаются внутри более крупных и более горячих звезд; в них происходит цепь термоядерного синтеза, подробно описанная

Фредом Хойлом и двумя его коллегами (странно, что Хойл не получил за эту работу свою долю присвоенной другим Нобелевской премии). При взрыве таких больших звезд может произойти вспышка сверхновой и рассеивание их материала в виде пылевых облаков, включающего различные элементы Периодической таблицы. При постепенном сгущении пылевых облаков образуются новые звезды и планеты; так образовалась и наша Земля. Именно поэтому она богата не только вездесущим водородом, но и другими, более тяжелыми элементами, без которых не было бы ни химических реакций, ни самой жизни.

Здесь хочется отметить, что именно величина «сильного взаимодействия» главным образом определяет, какие именно элементы периодической системы будут получены в результате цепочки термоядерного синтеза. Окажись «сильное взаимодействие» слишком слабым, скажем, 0,006 вместо 0,007, — и во Вселенной ничего, кроме водорода, не существовало бы и, соответственно, не было бы сложных химических реакций. Будь оно слишком сильным, например 0,008, весь водород потратился бы на синтез более тяжелых элементов, а без водорода не могла бы зародиться известная нам жизнь, хотя бы потому, что не смогла бы образоваться вода. Златовласкина величина — 0,007 — замечательно подходит для образования богатого разнообразия элементов, необходимых для интересных химических взаимодействий, способных поддерживать развитие жизни.

Не буду рассматривать здесь остальные величины Риза. О каждой из них можно сказать то же самое: реальное значение находится в зоне Златовласки, за пределами которой жизнь не могла бы существовать. И как же можно это объяснить? Опять: с одной стороны имеем ответ теистов, а с другой — антропный ответ. Теисты утверждают, что, создавая Вселенную, бог точно настроил основные ее постоянные, поместив значение каждой в зону Златовласки, чтобы жизнь могла появиться и существовать. Словно перед богом было шесть рукояток, осторожно поворачивая которые он точно настроил каждую константу. Как обычно, объяснение теистов неудовлетворительно, поскольку в нем ничего не говорится о происхождении самого бога. Способный вычислить Златовласкины значения для шести постоянных бог должен быть, по крайней мере, так же неправдоподобен, как и совокупность настроенных шести величин, то есть весьма неправдоподобен — а ведь в этом и заключается суть нашего обсуждения. Получается, что теист-ский ответ ни на шаг не продвинул нас в решении проблемы. Не остается другого выхода, как его отвергнуть, одновременно поражаясь количеству людей, не замечающих противоречия и, кажется, искренне удовлетворенных аргументом о «крутящем рукоятки божестве».

Возможно, психологическим объяснением этой поразительной слепоты служит отсутствие у многих, в отличие от биологов, должного знакомства с естественным отбором и его способностью обуздывать невероятность. Еще на одну дополнительную причину указывает эволюционный психолог Дж. Андерсон Томсон: это психологическая склонность к одухотворению неодушевленных объектов и наделению их волей. По словам Томсона, мы скорее примем тень за грабителя, чем грабителя — за тень. «Ложная тревога» в данном случае просто приведет к потере времени; обратная ошибка может стоить жизни. В своем письме ко мне он выдвигает предположение, что в далекой древности самая большая опасность для индивидуумов исходила друг от друга. «Как результат мы начинаем автоматически предполагать и часто бояться человеческого вмешательства. Другие причины, помимо исходящих от людей, нам разглядеть гораздо труднее». Приписывание событий божественной воле происходит произвольно. Мы еще вернемся к соблазнительности «вышних сил» в главе 5.

Биологи, хорошо осознающие способность естественного отбора объяснять появление невероятных объектов, вряд ли согласятся с теорией, начисто уклоняющейся от проблемы невероятности. А теистский ответ на загадку невероятности представляет собой именно

грандиозную увертку. Это даже не перефразировка проблемы, а ее чудовищное раздувание. Рассмотрим теперь другой ответ — по антропному принципу. В общих чертах он сводится к тому, что мы могли бы обсуждать эту проблему только во Вселенной, которая могла нас произвести. Из нашего существования следует, что главные физические постоянные должны были находиться в соответствующих зонах Златовласки. Для решения загадки нашего существования разные физики предлагают разные антропные решения.

Более педантичные считают, что шесть рукояток с самого начала не имели свободы вращения. Когда мы наконец сформулируем долгожданную Теорию Всего, мы увидим, что все шесть постоянных каким-то непонятным нам пока образом зависят друг от друга или от чего-то еще, пока неизвестного. Может оказаться, что шесть постоянных так же связаны между собой, как отношение длины окружности к ее диаметру. И тогда выйдет, что Вселенная просто не может быть устроена по-другому. И тогда бог-настройщик будет не нужен, потому что нечего будет настраивать.

Других физиков (например, Мартина Риза) это не устраивает, и я, пожалуй, склонен согласиться с ними. Вполне допустимо, что Вселенная может быть устроена только одним способом. Но почему этот способ так поразительно подходит для нашей грядущей эволюции? Почему эта Вселенная должна быть такой, словно она, по словам физика-теоретика Фримана Дайсона, «уже знала о нашем появлении»? Философ Джон Лесли проводит аналогию с приговоренным к расстрелу человеком. Существует вероятность, что все десять человек расстрельной команды промахнутся.

Впоследствии, вспоминая о случившемся, счастливец, вероятно, с ликованием заключит: «Понятное дело, они все промахнулись, иначе бы я сейчас здесь не сидел». Но он также может, что простительно в такой ситуации, продолжать искать причину чудесного промаха и строить предположения о том, что солдат подкупили или они были пьяны.

На данное возражение допустимо ответить гипотезой (разделяемой Мартином Ризом) о том, что существует множество вселенных, сосуществующих, подобно мыльным пузырям, в «мультивселенной» (или «мегавселенной», как предпочитает называть ее Леонард Сасскинд).¹⁰⁴ Законы и постоянные каждой отдельной вселенной, в том числе наблюдаемой нами, являются лишь местными законами. Антропный принцип позволяет понять, что мы должны находиться в одной из вселенных (возможно, меньшинства), местные законы которых благоприятны для грядущей эволюции и, следовательно, для рассмотрения проблемы в нашей нынешней дискуссии.

Рассмотрение окончательной судьбы нашей Вселенной приводит к интересным вариантам теории мультивселенной. В зависимости от значений ряда постоянных, таких как шесть постоянных Мартина Риза, наша Вселенная может либо бесконечно расширяться, либо достигнуть стабильного состояния, либо ее расширение может перейти в сжатие, заканчивающееся «большим хлопком». В некоторых моделях «большого хлопка» предполагается, что Вселенная затем опять начнет расширяться — и так бесконечно, с продолжительностью каждого цикла, скажем, в 20 миллиардов лет. Согласно стандартной модели нашей Вселенной, время вместе с пространством началось в момент Большого Взрыва около 13 миллиардов лет назад. Модель повторяющегося «большого хлопка» изменяет это утверждение: наше время и пространство действительно появились при нашем Большом Взрыве, но это был всего лишь самый недавний из длинной череды Больших Взрывов, каждому из которых предшествовал завершающий предыдущую вселенную «большой хлопок». Никто не знает, что происходит в таких сингулярностях, как Большой

Взрыв, поэтому можно предположить, что физические законы и постоянные каждый раз переустанавливаются на новые значения. Если цикл взрыв-расширение-сжатие-хлопок продолжает играть, подобно космическому баяну, бесконечно, то получается не параллельный, а последовательный вариант мультивселенной. Но объяснение с точки зрения антропного принципа по-прежнему пригодно. Из всех последовательно возникающих вселенных только у малой их части «рукоятки» настроены на благоприятные для жизни условия. И наша Вселенная, безусловно, попадает в их число, коль скоро мы в ней живем. В настоящее время последовательный вариант мультивселенной считается менее вероятным, чем раньше, потому что полученные новые данные уменьшают шанс события «большого хлопка». Похоже, что нашей Вселенной суждено расширяться бесконечно.

Другой физик-теоретик, Ли Смолин, разработал в высшей степени дарвиновскую версию теории мультивселенной, включающую и последовательные и параллельные элементы. Идея Смолина, более подробно изложенная в книге «Жизнь космоса», напоминает теорию рождения дочерних вселенных от материнских не в результате полного «большого хлопка», а посредством черных дыр. В этой идее присутствует нечто вроде наследственности: главные постоянные величины дочерних вселенных представляют собой слегка «мутировавшие» варианты постоянных материнской вселенной. Наследственность — необходимый элемент дарвиновского естественного отбора, и, развивая свою теорию, Ли Смолин продолжает в том же духе. В мультивселенной начинают преобладать вселенные, имеющие признаки, необходимые для «выживания» и «размножения». К числу таких необходимых признаков относится способность существовать достаточно долго, чтобы «произвести потомство». Поскольку появление новых вселенных происходит в черных дырах, «успешные» вселенные должны обладать способностью образовывать черные дыры. Данная способность требует наличия ряда дополнительных свойств, например, материя должна собираться в облака и, далее, в звезды, необходимые для образования черных дыр. Но звезды также необходимы для появления химических элементов и, следовательно, жизни. Таким образом, по предположению Смолина, в мультивселенной происходит дарвиновский естественный отбор вселенных, напрямую способствующий возникновению черных дыр и косвенно способствующий возникновению жизни. Не все физики в восторге от идеи Смолина, хотя лауреат Нобелевской премии физик Мюррей Гелл-Манн, как утверждают, заявил: «Смолин? Этот молодой парень с сумасшедшими идеями? Вполне возможно, что он не так уж неправ».¹⁰⁵ У лукавого биолога может появиться мысль, а не нуждаются ли другие физики в «пробуждении сознания», которого они могли бы достичь, поглубже познакомившись с дарвинизмом.

Иногда высказывается мнение, что гипотезы о существовании многочисленных вселенных — это ненужное сибаритство, прибегать к которому не следует. Сторонники этого мнения заявляют: если мы позволяем себе роскошь воображать мультивселенную, стоит ли останавливаться на полпути; почему бы не позволить и бога? Разве обе эти концепции не являются одинаково расточительными, сформулированными с определенной целью и одинаково неудовлетворительными? Рассуждающие так люди не понимают до конца возможностей естественного отбора. Основным различием между реальной сумасбродностью гипотезы бога и кажущейся сумасбродностью гипотезы мультивселенной является статистическая невероятность. Несмотря на свою сумасбродность, мультивселенная проста. Бог же, как и любой мыслящий, принимающий решения и рассчитывающий их последствия сложный субъект, — исключительно невероятен — в то же самое само м статистическом смысле, как и те объекты, которые он призван объяснить. Сумасбродность мультивселенной заключается в количестве предполагаемых в ней вселенных. Но каждая отдельная вселенная — проста с точки зрения управляющих ею физических законов, ничего

исключительно невероятного мы не предложили. Но стоит ввести в гипотезу разумное существо — и ситуация меняется на противоположную.

Некоторые физики верят в бога (из английских физиков я уже упоминал Рассела Станнарда и преподобного Джона Полкинхорна). Неудивительно, что они заявляют о мало-вероятности случайного попадания физических постоянных в довольно узкую зону Златовласки и утверждают, что настройку производил какой-то космический сверхразум. В ответ на подобные утверждения я уже говорил, что этот вариант порождает больше вопросов, чем решает. А что возражают на это теисты? Как они отвечают на аргумент о том, что любой бог, способный создать Вселенную, а затем точно и предусмотрительно отладить ее для зарождения нашей жизни, должен быть невероятно сложным объектом, объяснить существование которого сложнее, чем изначальную проблему?

Как и ожидалось, теолог Ричард Суинберн полагает, что знает ответ; он обсуждает данную проблему в своей книге «Есть ли бог?». Сначала, демонстрируя наличие головы на плечах, он убедительно показывает, что всегда должно выбирать самую простую, согласную с фактами гипотезу. Наука объясняет сложные объекты взаимодействием более простых компонентов, из которых они состоят; на самом низшем уровне находится взаимодействие элементарных частиц. Я (и, надеюсь, вы тоже) нахожу красоту и элегантность в идее, что все тела состоят из элементарных частиц; хотя количество частиц невероятно велико, каждая относится к определенному типу, число которых ограничено. Если мы и можем испытывать сомнение в истинности этой идеи, то только потому, что она кажется чересчур простой. Но для Суинберна она далеко не проста — совсем наоборот.

Поскольку количество частиц одного типа, скажем электронов, невероятно велико, факт наличия у них одинаковых свойств, по Суинберну, представляется странным стечением обстоятельств. С одним электроном он еще готов согласиться. Но миллиарды и миллиарды электронов с одинаковыми свойствами вызывают у него недоумение. По его мнению, было бы гораздо естественнее и проще для объяснения, если бы все электроны отличались друг от друга. Более того, ни один электрон не должен естественным образом сохранять свои свойства более чем на миг — они должны постоянно непредсказуемо и стремительно меняться. Это, с точки зрения Суинберна, простой, естественный порядок вещей. В случае же более упорядоченного хода событий (такого, который вы или я назвали бы простым) требуется искать объяснение. «Только потому, что электроны, кусочки меди и другие материальные объекты имеют в двадцатом веке те же свойства, что и в девятнадцатом, мир в настоящее время таков, каков он есть».

Вводим бога. Бог спасает положение дел, намеренно и непрерывно поддерживая постоянство свойств каждого из миллиардов электронов и кусочков меди и нейтрализуя присущую им склонность к хаотическим бесконтрольным изменениям. Именно поэтому все электроны похожи друг на друга как две капли воды; именно поэтому все куски меди ведут себя как положено кускам меди, и именно, поэтому каждый электрон и каждый кусок меди не меняет своих свойств из микросекунды в микросекунду и из столетия в столетие. Все это — только благодаря тому, что бог постоянно держит руку на пульсе каждой частицы, умирняя ее буйные выходы и загоняя ее в один ряд с собратьями, от которых ей не надлежит отличаться.

Но как может Суинберн утверждать, что эта гипотеза бога, одновременно держащего бесчисленное количество рук на пульсах своих электронов, является простой? Это — сама противоположность простоте. Для оправдания своей позиции Суинберн выкидывает следующий, ошеломительный по интеллектуальному нахальству, трюк. Без всякого обоснования он утверждает, что бог представляет собой всего лишь одну-единственную,

единичную сущность. Не правда ли, по сравнению с безобразно большим числом одиночных и так похожих друг на друга электронов количество требующих объяснения вещей блистательно уменьшилось!

Теизм утверждает, что каждый существующий объект появился и существует только благодаря одной-единственной сущности — богу. Он также утверждает, что каждое свойство каждого объекта существует лишь благодаря тому, что бог создал его таким или позволил ему таким быть. Объяснение считается тем более простым, чем меньше для него требуется теоретически постулированных причин. Из этого следует, что наиболее простым объяснением будет такое, для которого требуется только одна теоретически постулированная причина. Теизм проще политеизма. И теизм делает только одно теоретическое допущение — о существовании субъекта с неограниченным могуществом (бог может сделать все логически возможное), с неограниченным знанием (бог знает все логически возможное) и неограниченной свободой.

Возникает желание горячо поблагодарить Суинберна за великодушное согласие отказать богу в выполнении логически невозможного. Однако использование его всемогущества для объяснения природных явлений поистине не имеет границ. У науки возникла заминка с объяснением факта X? Не стоит волноваться. Забудьте про X. Стоит подпустить божественного всемогущества — и проблемы X (да и всех прочих) как не бывало, и объяснение получается на редкость простое, потому что речь идет, не будем забывать, лишь об одном-единственном боге. Что может быть проще?

Да почти все. Бог, способный постоянно контролировать и исправлять состояние каждой отдельной частицы Вселенной, не может быть простым. Его существование само требует грандиозного объяснения. Что еще хуже (с точки зрения простоты) — другие уголки гигантского сознания бога одновременно заняты делами, чувствами и молитвами каждого отдельного человека, а также всех инопланетян, возможно населяющих эту и другие сто миллиардов галактик. Согласно Суинберну, богу даже приходится постоянно принимать решение не излечивать нас чудесным образом от рака. Бог не может на это пойти, потому что: «Если бы бог отвечал на все молитвы об избавлении родственника от рака, рак бы перестал быть для человечества проблемой, над которой нужно работать». И что бы мы тогда делали с такой уймой свободного времени?

Не все теологи заходят так далеко, как Суинберн. Но поразительное заявление о простоте гипотезы бога встречается и в других современных теологических трудах. В бытность профессором королевской кафедры богословия Оксфорда Кейт Вард откровенно писал об этом в 1996 году в своей книге «Бог, случай и необходимость».

Да будет известно, что теисты считают бога очень элегантным, экономичным и эффективным объяснением происхождения Вселенной. Экономичность его заключается в том, что существование и свойства абсолютно всех существующих в природе объектов объясняются одной-единственной первопричиной, создателем, дающим смысл существованию всего, включая самое себя. Элегантность состоит в том, что исходя из одной ключевой идеи — идеи о самом совершенном существе — логически развиваются все представления о природе бога и существовании Вселенной.

Подобно Суинберну, Вард неправильно понимает значение слова «объяснять», а также, похоже, не понимает, что подразумевается под простотой. Не совсем ясно, действительно ли Вард считает бога простым либо вышеприведенный пассаж представляет собой предположение, сделанное в рамках дискуссии. В книге «Наука и христианская вера» сэр Джон Пол-кинхорн цитирует более ранний критический отзыв Барда на размышления Фомы

Аквинского: «Его главная ошибка заключается в предположении, что бог логически прост; не только потому, что его сущность неделима, но и в более глубоком смысле — в том, что истинное для любой части бога истинно также и для всей его сути. Однако вполне логично предположить, что бог, несмотря на неделимость, имеет сложное внутреннее строение». В этом Вард прав. Действительно, в 1912 году биолог Джулиан Хаксли определил сложность как «гетерогенность частей», то есть своего рода функциональную неделимость.¹⁰⁶

Из других работ Барда очевидно, с какими трудностями сталкивается теологический ум при попытках объяснить происхождение сложных форм жизни. Он цитирует еще одного религиозного ученого, биохимика Артура Пикока (третьего члена упоминавшейся выше тройки религиозных английских ученых), выдвинувшего постулат о существовании в живой материи «предрасположенности к усложнению». Вард характеризует ее как «присущую эволюционным изменениям склонность к увеличению сложности». Далее следует предположение, что подобная склонность может «проявляться как изменение долевого соотношения результатов мутагенеза в пользу более сложных мутаций». Барду данное утверждение кажется неубедительным, и не зря. Склонность эволюции к усложнению в тех эволюционных линиях, где она проявляется, возникает не из-за какой-то предрасположенности к усложнению и не из-за смещенного мутагенеза. Она возникает по причине естественного отбора, который, насколько нам известно, является единственным механизмом, способным производить сложные системы из простых. Теория естественного отбора гениально проста. Столь же просты и исходные посылки, на которых она основана. Жизнь же, которую она объясняет, головокружительно сложна; она сложнее почти всего, что мы можем представить, за исключением бога, который был бы в состоянии всю ее сотворить.

Конференция в Кембридже

На недавно проходившей в Кембридже конференции по вопросам науки и религии я выдвинул аргумент, описанный в этой книге под названием «готовый к полету «Боинг-747»». При этом мне пришлось столкнуться с, мягко говоря, искренней неспособностью прийти к единому мнению по поводу простоты бога. В результате я понял много нового и посему хочу поделиться опытом с читателями.

Прежде всего придется исповедаться (полагаю, это верное слово) в том, что финансировал конференцию Фонд Темплтона. Публику составляла горстка тщательно отобранных американских и английских научных журналистов. Среди 18 приглашенных докладчиков мне отводилась формальная роль атеиста. Один из журналистов, Джон Хорган, сказал, что каждому из них, помимо оплаты всех расходов, заплатили за присутствие на конференции щедрый гонорар в 15 тысяч американских долларов. Меня это удивило. Имея большой опыт посещения академических конференций, я еще никогда не слышал, чтобы не только докладчики получали гонорар за выступления, но и публика — за присутствие. Узнай я об этом раньше, сразу бы заподозрил неладное. Уж не пытается ли Фонд Темплтона подкупить пишущих о науке журналистов и смутить их профессиональную честность? Подобные же мысли беспокоили и Джона Хоргана, который позднее написал об этом мероприятии статью.¹⁰⁷ В ней он, к моему огорчению, признался, что принять решение об участии ему и другим помогло разрекламированное известие о моем присутствии в качестве докладчика:

Британский биолог Ричард Докинз, чье участие в конференции убедило меня и моих коллег в ее правомерности, был единственным из выступающих, кто заявил о

несовместимости религиозных убеждений с научными. Другие докладчики — три агностика, один иудей и один деист и двенадцать христиан (мусульманский философ отказался от участия в последний момент) — явно склонялись в сторону религии, христианства.

Располагающая в общем статья Хоргана противоречива. Несмотря на свои подозрения, он, безусловно, вынес из опыта конференции немало ценного (так же, как и я, о чем будет сказано ниже). Вот что он пишет:

Разговоры с верующими помогли мне глубже понять, почему некоторые умные, хорошо образованные люди принимают религию. Один журналист обсуждал опыт дара языков, другой рассказывал о сокровенных взаимоотношениях с Иисусом. Мои убеждения не изменились, чего нельзя сказать обо всех остальных присутствующих. По крайней мере один участник заявил, что его вера пошатнулась под влиянием проведенного Докинзом анализа религии. И если Фонду Темплтона удалось хотя бы чуть-чуть продвинуть нас в сторону идеального, по моему мнению, мира без религий, может, это не так уж и плохо?

Статья Хоргана была впоследствии воспроизведена его литературным агентом Джоном Брокманом на веб-сайте «Острие» («Edge»), часто называемом интерактивным научным салоном, и вызвала ряд комментариев, включая отзыв физика-теоретика Фримана Дайсона. Отвечая Дайсону, я привел цитату из его речи, произнесенной во время получения премии Темплтона. Согласие Дайсона получить премию Темплтона, нечаянно ли, нарочно ли, стало для мировой общественности мощным сигналом. Его невозможно воспринять иначе как поддержку религии одним из самых уважаемых в мире физиков.

Меня устраивает моя, разделяемая огромным количеством христиан, позиция человека, которого мало заботит учение о Троице или историческая достоверность Евангелий.

Разве не это же самое сказал бы любой ученый-атеист, пытающийся прослыть христианином? Вот еще несколько высказываний из той же речи в сопровождении выделенных курсивом воображаемых вопросов чиновнику Фонда Темплтона:

— *Хотите, чтобы я сказал теперь еще что-нибудь более глубоко мысленное? Может быть, попробовать вот так:*

Я не делаю четкого разграничения между разумом и богом.

Бог — это то, во что превращается разум, вырвавшись за пределы доступного нашему пониманию.

— *Ну что, хватит? Можно, я пойду опять заниматься физикой? Нет, еще не достаточно? Ну ладно, тогда вот:*

Даже в кровавой истории XX века можно наблюдать религиозный прогресс. Два злодея, в лице которых воплотились чудовищные деяния XX века, — Адольф Гитлер и Иосиф Сталин — оба были атеистами.¹⁰⁸

— *Теперь можно идти?*

Дайсон запросто мог бы отместить звучащие в этих цитатах подозрения, если бы решил ясно изложить, какие доказательства заставляют его верить в бога больше, чем только в эйнштейновском смысле, с которым, как я объяснял в главе 1, мы все заведомо согласны. Если я правильно понял статью Хоргана, в ней подразумевается, что деньги Фонда Темплтона используются на подкуп науки. Я уверен, что Фримена Дайсона подкупить

невозможно. Но прозвучавшая при получении премии речь может оказаться соблазном для других. Премия Темплтона на два порядка выше приманок, предложенных журналистам в Кембридже; ее сумма специально выбрана так, чтобы оказаться больше Нобелевской. Мой друг, философ Дэниел Деннет, как-то по-фаустовски пошутил: «Ричард, если для тебя когда-нибудь наступит черный день...»

Как бы то ни было, в течение двух дней я присутствовал на кембриджской конференции, сделал доклад и участвовал в прениях по ряду других выступлений. Мне хотелось услышать комментарии теологов на аргумент о том, что любой бог, способный сотворить Вселенную, сам должен быть сложным и статистически невероятным. Наиболее сильным из прозвучавших возражений было обвинение меня в насильственном навязывании теологии научной теории познания.¹⁰⁹ Теологи всегда говорят о простоте бога. Как могу я, ученый, заявлять теологам, что их бог должен быть сложным? Раз теологи всегда утверждали, что бог находится за пределами науки, научные аргументы, которые я привык использовать в моей профессии, не имеют силы.

У меня не возникло впечатления, что предлагающие такую уклончивую защиту теологи намеренно лгали. Похоже, они выражали свою точку зрения искренне. Однако я не мог не вспомнить строки Питера Медавара из рецензии на книгу отца Тейяра де Шардена «Феномен человека», рецензии, которую, пожалуй, можно назвать самой негативной из когда-либо написанных: «Автору удастся избежать обвинений во лжи только по той причине, что, прежде чем обманывать других, он приложил немало усилий, чтобы обмануть себя».¹¹⁰ Встреченные мною в Кембридже теологи укрылись в безопасном, недостижимом для рациональных аргументов гносеологическом убежище, потому что они сами так постановили. И кто я такой, чтобы заявлять, что рациональные аргументы являются единственно правильными? Помимо научных методов познания имеются и другие, и для познания бога нужно использовать один из них.

Самым важным из этих методов познания, как оказалось, является личный, субъективный опыт. Несколько участников кембриджской дискуссии утверждали, что в голове они ясно слышат, как бог собственной персоной разговаривает с ними. В главе 3 я уже обсуждал иллюзии и галлюцинации («Доказательство от личного «опыта»»), но во время кембриджской конференции мне на ум пришли еще два аргумента. Во-первых, если бог действительно разговаривает с людьми, данный факт бесспорно подпадает под научную теорию познания. Бог прорывается из своей потусторонней обители в наш мир, где его послания воспринимаются обычным человеческим мозгом, — и вы говорите, что науке здесь нечего делать? Во-вторых, способный одновременно посылать разумные сигналы миллионам людей и получать от них ответы, бог, кем бы или чем бы он ни был, никак не может быть простым. С таким-то рабочим диапазоном частот! Пусть у бога нет состоящего из нейронов мозга или кремниевого процессора, но если он действительно так всемогущ, как считается, то он должен быть устроен еще более сложно, еще более неслучайно, чем самый сложный известный нам мозг или компьютер.

Снова и снова мои религиозные друзья возвращались к тому, что должна быть причина, почему все существующее существует, хотя могло бы и не существовать. Всему должна быть первопричина, и почему бы не называть ее богом. Хорошо, соглашался я, но первопричина должна была быть по своей сути простой, и поэтому, если ей и нужно придумать имя, то «бог» здесь не подойдет (если только не оговорить специально, что под этим термином мы не подразумеваем всего того, что наполняет головы большинства

верующих). Искомая первопричина должна была просто предоставить исходный материал для самоуправляемого «подъемного крана», который постепенно поднял наш мир до нынешнего сложного состояния. Заявлять, что первопричинный движитель был достаточно сложным, чтобы заниматься «разумным замыслом», не говоря уже об одновременном чтении мыслей миллионов людей, — все равно что сдавать себе идеальные карты при игре в бридж. Посмотрите на окружающую нас биосферу, амазонские джунгли с их густым переплетением лиан, корней и причудливыми арками; с их армиями муравьев, ягуарами, тапирами и пекари, древесными лягушками и попугаями. Все вместе это статистически эквивалентно идеальной сдаче карт (задумайтесь о мириадах других возможных способов смешать составные части, ни один из которых не будет работать) — но теперь нам известно, как это все получилось: благодаря постепенной работе «крана» естественного отбора. Против безропотного согласия с идеей спонтанного появления столь невероятных вещей бунтуют не только ученые — возмущается сам здравый смысл. Заявление о том, что первопричина, то есть «великое неизвестное», благодаря которому вместо небытия имеет место бытие, представляет собой существо, способное спроектировать Вселенную и разговаривать одновременно с миллионом людей, — это фактический отказ от попытки объяснения. Это безобразное проявление бездумной, самоублажающей склонности к фантазиям.

Я не пытаюсь пропагандировать узконаучный тип мышления. Но любая честная попытка объяснить такие исключительно маловероятные вещи, как джунгли, коралловый риф или Вселенная, должна по меньшей мере предлагать вниманию «кран», но не «небесный крюк». Таким «краном» обязательно должен быть естественный отбор. Хотя, признаемся, лучшей альтернативы пока никто не предложил. Но могут существовать другие, еще не открытые «краны». Может быть, инфляционное расширение, которое, по словам физиков, происходило в течение доли первой йоктосекунды существования Вселенной, окажется, при лучшем понимании, космологическим «краном», аналогичным биологическому «крану» Дарвина. Или искомый космологами «кран» окажется сродни дарвиновскому: модель Смолина либо что-то ей аналогичное. А может, это будет предсказываемая Мартином Ризом и другими мультивселенная плюс антропный принцип. В конце концов, «краном» может оказаться даже сверхчеловеческий творец, но в таком случае он не мог появиться «просто так» или всегда существовать. Если наша Вселенная — продукт замысла (чему я ни минуты не верю) и если, аргумента ради, Мыслитель умеет читать наши мысли и снабжать каждого мудрым советом, прощением и искуплением, то такой Мыслитель сам должен быть конечным продуктом кумулятивного подъема «краном», вероятно аналогичным дарвиновскому и работающим в другой вселенной.

Последним средством защиты для моих кембриджских оппонентов стало нападение. Они заявили, что мои взгляды принадлежат XIX веку. Этот упрек настолько нелеп, что я почти забыл его упомянуть. Однако, к сожалению, слышать его приходится нередко. Тем не менее согласимся, что заклеить мнение как устаревшее не означает его опровергнуть. В XIX веке было немало блестящих идей, включая — не в последнюю очередь — и опасную идею Дарвина. В любом случае бросающему подобный упрек господину не мешало бы вспомнить пословицу о соломинке в чужом глазу и бревне в своем, поскольку сам он (известный кембриджский геолог, безусловно достаточно овладевший фаустовской казуистикой, чтобы получить премию Темплтона) оправдывал собственные христианские убеждения тем, что он называл «историчностью» Нового Завета. Именно в XIX веке теологи, в особенности немецкие, подвергли, на основании доказательных методов изучения истории, вышеупомянутую «историчность» серьезному сомнению. И присутствовавшие на кембриджской конференции теологи не преминули немедленно на это указать.

В любом случае ехидство по поводу «XIX века» не ново. Оно сродни насмешкам над «деревенским атеистом». А также высказыванию: «Что бы ты о нас ни думал, ха-ха-ха, мы и

сами не верим в старика с длинной белой бородой, ха-ха-ха». Все эти три шутки имеют скрытый смысл, подобно тому как во время моего пребывания в 1960-х годах в Америке выражение «порядок и законность» прикрывало расизм полицейских в отношении чернокожего населения.¹¹¹ Что же на самом деле означает фраза «Вы рассуждаете, как в XIX веке» в контексте религиозной дискуссии? Она означает следующее: «Вы так прямолинейны и недипломатичны, разве можно задавать такие откровенные, недвусмысленные и грубые вопросы, как «Верите ли вы в чудеса?» или «Верите ли вы, что Иисус родился в результате непорочного зачатия?». Вы что, не знаете, что в приличном обществе таких вопросов не задают? Они вышли из моды в XIX веке». Но подумайте, почему невежливо в наше время задавать религиозным людям подобные вопросы? Потому что отвечать на них неудобно. Потому что положительный ответ ставит отвечающего в неловкое положение.

Вот мы и выяснили связь с XIX веком. В XIX веке образованные люди последний раз имели возможность заявить, не краснея, что они верят в такие чудеса, как непорочное зачатие. Нынче многие образованные христиане слишком преданы своей вере, чтобы отрицать непорочное зачатие и воскресение, но они тем не менее испытывают неловкость, потому что рациональное сознание говорит им, что это нелепо. Поэтому им неприятны расспросы, и когда кто-нибудь вроде меня требует от них прямого ответа, его начинают обвинять в том, что его идеи «взяты из XIX века». Ну разве это не смешно?

Конференция привела меня в бодрое рабочее настроение и укрепила уверенность в том, что аргумент «готового к полету «Боинга-747» является серьезным доводом против существования бога, на который, несмотря на многочисленные просьбы, мне так и не удалось услышать от теологов убедительного ответа. Дэн Деннет справедливо называет его «неотразимым опровержением, не менее мощным сегодня, чем двести лет назад, когда в «Диалогах» Юма Филон громил с его помощью Клеанта. «Небесный крюк» в лучшем случае отодвигает решение проблемы, но Юм не знал ни одного «крана», поэтому ему пришлось сдаться».¹¹² Такой «кран» появился с открытием Дарвина. Вот бы Юм обрадовался!

В данной главе приводятся центральные аргументы книги, и поэтому, опасаясь показаться назойливым, я все же суммирую основные идеи в шести пунктах:

1. На протяжении веков одной из главнейших проблем, стоявших перед человеческим разумом, было объяснение появления во Вселенной сложных, маловероятных объектов, выглядящих так, как будто их нарочно спроектировали.

2. Возникает естественное желание заявить, что напоминающие продукты замысла объекты действительно были спроектированы. В случае созданных человеком вещей, таких, как, скажем, часы, их действительно спроектировал «разумный творец» — инженер. Возникает искушение использовать аналогичную логику для объяснения строения глаза или крыла, паука или человека.

3. Это искушение ведет в тупик, потому что гипотеза творца немедленно порождает еще большую проблему: кто спроектировал дизайнера? Наша исходная проблема состоит в необходимости объяснить статистическую невероятность. Очевидно, что, предложив в качестве решения нечто еще более невероятное, справиться с ней невозможно. Нам нужен «подъемный кран», а не «небесный крюк», потому что только при помощи «крана» можно постепенно и не прибегая к чудесам подняться от простоты к иначе не объяснимой сложности.

4. Самый элегантный и мощный «подъемный кран», известный нам сегодня, — это дарвиновская теория эволюции путем естественного отбора. Дарвин и его последователи показали, каким образом живые существа, явно статистически невероятные и похожие на

111

112

дело рук «разумного творца», образовались в процессе медленной, постепенной эволюции из более простых существ. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что иллюзия «замысла» живых существ является не более чем иллюзией.

5. В физике аналогичный «кран» еще не обнаружен. Теория мультивселенной в принципе может дать объяснение, аналогичное найденному в биологии Дарвином. На первый взгляд подобное объяснение кажется менее убедительным, чем биологический дарвинизм, потому что оно сильнее зависит от счастливой случайности. Однако благодаря антропному принципу мы имеем полное право строить свои расчеты на событиях с очень низкой вероятностью, гораздо более низкой, чем те шансы, с которыми мы привыкли иметь дело в повседневной жизни.

6. Не стоит терять надежды на отыскание в области физики лучшего «крана», аналогичного дарвиновскому в биологии. Но, несмотря на то что физический «кран», подобный биологическому и полностью нас удовлетворяющий, еще не найден, уже имеющиеся в нашем распоряжении «краны», пусть и слабые, при поддержке антропного принципа все-таки лучше, чем пораженческая гипотеза «небесных крюков» небесного «дизайнера».

Согласившись с аргументацией данной главы, невозможно не объявить фактическую основу религии — гипотезу бога — несостоятельной. Бога почти наверняка нет. И это пока — основной вывод книги. Далее возникает множество других вопросов. Даже если согласиться, что бога нет, разве нельзя привести другие доводы в пользу религии? Разве она не утешает? Разве она не подвигает людей творить добро? И потом, если бы не религия, откуда бы мы узнали, что такое добро? Да и вообще, зачем ссориться? И почему, если религия — обман, она существует практически в любом обществе? Права религия или нет, но она вездесуща, так откуда же она появилась? Давайте в первую очередь обратимся к этому последнему вопросу.

Глава пятая Корни религии

Повсюду встречающаяся экстравагантность религиозных ритуалов, требующих огромных затрат времени и сил, причиняющих боль и лишения, говорит эволюционному психологу не менее наглядно, чем красная задница обезьяны, об адаптивном характере религии.

Марек Кон

Императив Дарвина

У каждого есть собственная любимая теория о том, откуда появилась религия и почему она присутствует во всех человеческих культурах. Религия утешает, сплавливает членов общества, удовлетворяет жажду познания смысла жизни. Я еще вернусь к этому, но сначала хочу подробнее рассмотреть другой вопрос, важность которого для данного обсуждения станет очевидна в дальнейшем: дарвиновский вопрос о естественном отборе.

Осознав, что мы являемся продуктами дарвиновской эволюции, рассмотрим, какого рода давление (или сумма давлений) естественного отбора первоначально способствовало возникновению религии. Данный вопрос обязательно нужно решить еще и потому, что налицо нарушение обычного требования дарвиновской теории об экономии. На религиозные обряды растрачивается огромное количество ресурсов, а дарвиновский отбор неустанно отсеивает лишние затраты. Природа — скардный бухгалтер, скрупулезно считающий пенсы, следящий за каждой секундой, безжалостно отсекающий любое излишество. Непрерывно, неумолимо, как писал Дарвин, «естественный отбор ежедневно и ежечасно

расследует по всему свету мельчайшие вариации, отбрасывая дурные, сохраняя и слагая хорошие, работая неслышно и незаметно, где бы и когда бы ни представился к тому случай, над усовершенствованием каждого органического существа». Если дикое животное постоянно выполняет бесполезные действия, естественный отбор предпочтет его конкурента, расходующего время и энергию на выживание и размножение. Природа не поощряет пустых забав. В ней всегда побеждает безжалостный утилитаризм, даже если на первый взгляд может показаться, что это не так.

Хвост павлина при поверхностном рассмотрении кажется бесспорным примером именно «пустой забавы», ненужной роскоши. Не вызывает сомнения, что шансов выживания он своему владельцу не увеличивает. Однако обладатель самого пышного украшения успешнее, по сравнению с конкурентами, распространяет свои гены. Хвост служит рекламой — его существование оправдано в глазах природной экономии способностью привлекать самок. То же самое можно сказать о времени и силах, затрачиваемых птицей шалашником на сооружение шалаша; постройка выполняет роль своеобразного «хвоста», сделанного из травы, веточек, ярких ягод, цветов, а если удастся отыскать — и бусин, безделушек и бутылочных пробок. Или возьмем пример, не связанный с рекламой, — муравление, «энтинг»: странная привычка некоторых птиц, скажем соек, «купаться» в муравейнике или набивать муравьев в перья. До сих пор польза муравления для птиц до конца не разгадана — возможно, муравьи избавляют их от живущих в перьях паразитов; есть и другие теории, слабо подтвержденные пока доказательствами. Но отсутствие уверенности в деталях механизма не мешает — и не должно мешать — дарвинистам предполагать с большой долей уверенности, что муравление для чего-то нужно. В данном случае и здравый смысл, и в особенности дарвиновская логика утверждают, что, если бы птицы не вели себя так, статистическая вероятность распространения их генов уменьшилась бы, хотя мы еще и не знаем точной причины. Такое заключение основано на двух обстоятельствах: во-первых, естественный отбор отбраковывает растраты времени и энергии, во-вторых, птицы постоянно тратят время и энергию на муравление. Если принцип «адаптивности» можно сформулировать в одной фразе, пожалуй, никто не ел это лучше, чем — несмотря на некоторую пышность выражений — выдающийся гарвардский генетик Ричард Левонтин: «Думаю, ни одному эволюционисту не придет в голову оспаривать, что практически невозможно лучше приспособиться к окружающей среде, чем это делают ее обитатели». ¹¹³ Окажись муравление бесполезным для выживания и размножения, естественный отбор давно бы уже предпочел воздерживающихся от него особей. Для дарвиниста логично предположить то же самое и в отношении религии — именно поэтому я и завел об этом разговор.

С точки зрения эволюциониста, религиозные ритуалы так же «бросаются в глаза, как павлины на заливом солнцем лугу» (по выражению Дэна Деннета). Религиозное поведение — человеческий эквивалент муравления или строительства шалаша. На него затрачивается масса времени и энергии, а его проявления порой становятся не менее причудливыми, чем оперение райской птицы. Из-за религии жизнь верующего и окружающих может оказаться в опасности. Тысячи людей подвергались за веру мучениям, часто от рук фанатиков, чьи убеждения лишь весьма незначительно отличались от верований их жертв. Поглощаемые религией ресурсы порой достигают колоссальных размеров. Для строительства средневекового собора требовались сотни человеко-столетий труда, однако результат не служил ни для жилья, ни для какой-либо другой утилитарной цели. Не являлся ли он своеобразным архитектурным павлиньим хвостом? Если да, то на кого нацелена подобная реклама? Большая часть талантливых людей эпохи Возрождения создавала религиозные музыкальные и художественные произведения. Верующие умирали и убивали за своих

богов; бичевали себя в кровь, обрекали на пожизненное безбрачие и молчаливость — и все ради религии. Зачем? В чем ее польза?

В дарвинизме под «пользой» обычно подразумевается улучшение шанса генов индивидуума на выживание. Однако такое определение не является полным; в нем не учитывается, что дарвиновская «польза» может проявляться не только по отношению к отдельному организму. «Польза» может быть направлена также на три другие возможные цели. Одна из них связана с теорией группового отбора, к которому мы еще вернемся. Второе проявление пользы связано с теорией, описанной мною в книге «Расширенный фенотип», а именно: данный организм может производить некие действия не потому, что это выгодно ему самому, а потому, что им манипулируют гены другого организма, возможно паразита. Дэн Деннет напоминает, что во всех человеческих обществах неизбежно присутствует не только религия, но и простуда, однако никто не утверждает, что простуда приносит людям пользу. Существует множество примеров манипуляции поведением животных паразитами для более легкого распространения от одного хозяина к другому. «Основную теорему расширенного фенотипа» я сформулировал следующим образом: «Поведение животного склонно увеличивать шанс распространения вызывающих это поведение генов вне зависимости от того, находятся ли данные гены в теле вышеназванного животного».

Третья цель: в центральную теорему вместо понятия «гены» можно подставить более общее понятие «репликаторы». Факт повсеместного распространения религии может означать, что она действительно приносит пользу, но вовсе не обязательно нам или нашим генам. Религия, возможно, приносит пользу только самим религиозным идеям, которые ведут себя в данном случае как репликаторы, до некоторой степени похожие на гены. Мы поговорим об этом подробнее в разделе «Осторожно, не наступи на мои мемы». Пока же вернемся к более традиционным для дарвинизма толкованиям «пользы» как выгоды для выживания и размножения индивидуума.

Жизнь промышляющих охотой и собирательством народов, таких как племена австралийских аборигенов, по-видимому, весьма сходна с образом жизни наших отдаленных предков. Новозеландский/австралийский философ науки Ким Стирелни указывает на странное противоречие в их жизни. С одной стороны, аборигены с поразительным искусством выживают в требующих исключительных практических навыков условиях. С другой, продолжает Стирелни, изощренность человеческого ума доходит до извращения. Люди, обладающие уникальными знаниями об окружающем мире и искусстве выживания в нем, в то же время забивают себе голову очевидными нелепицами, назвать которые просто «бесполезными» было бы слишком щедро.

Стирелни лично знаком с аборигенами Папуа — Новой Гвинеи. Они умеют выживать в поразительно трудных условиях недостатка пропитания за счет «удивительно тонкого понимания окружающей среды. Но такое понимание сочетается у них с дремучими, темными предрассудками касательно колдовства и «нечистоты» женщин во время менструаций. Множество местных сообществ поражены страхом перед колдунами и колдовством и страдают от насилия, порожденного этими страхами». Стирелни приглашает читателя задуматься, почему мы одновременно так умны и так глупы.¹¹⁴

Несмотря на различия мировых культур, не известно ни одной, где не было бы того или иного варианта поглощающей время и ресурсы, вызывающей раздоры, отрицающей факты и порождающей досужие вымыслы религии. Некоторые образованные люди впоследствии отходят от религии, но воспитываются они в лоне той или иной веры, от которой затем

сознательно решают отказаться. «И все-таки ты протестантский атеист или католический?» — в этой старой североирландской шутке есть горькая правда. Религиозное сознание можно назвать общечеловеческим в том же смысле, в каком общечеловечно гетеросексуальное поведение. Оба эти обобщения предполагают существование исключений из правила; однако исключения осознают, что они — отклонение от общей нормы. А для общей видовой нормы нужно найти дарвиновское объяснение.

Пользу сексуального поведения объяснить по Дарвину несложно. Даже несмотря на противозачаточные средства и гомосексуальные проявления, оно приводит к появлению потомства. А как объяснить религиозное поведение? Почему люди постятся, преклоняют колени, падают ниц, истязают себя, безумно кивают, уставившись в стену, отправляются в Крестовые походы или совершают другие изнурительные действия, способные поглотить, а иногда и прекратить их существование?

Прямые преимущества религии

Существуют некоторые основания полагать, что религиозные верования предохраняют людей от болезней, вызываемых стрессом. Эти факты проверены не до конца, но было бы неудивительно, если бы они оказались правдой, как и случающееся время от времени «чудесное исцеление» верующих. Думаю, не стоит даже упоминать, что подобные положительные события ни в коей мере не доказывают истинность религиозных постулатов. По словам Джорджа Бернарда Шоу, «счастье верующего по сравнению со скептиком означает не больше, чем счастье пьяницы по сравнению с трезвым человеком».

Часть врачебной помощи заключается в утешении и подбадривании доктором пациента. Данный факт не стоит сбрасывать со счета. Мой врач, например, отнюдь не занимается наложением рук, однако бесчисленное количество раз мои незначительные недуги мгновенно «проходили» от одного ободряющего звука его голоса и вида уверенного, обрамленного стетоскопом мудрого лица. Эффект внушения хорошо изучен и не считается таким уж загадочным. Доказано, что бутафорские, не содержащие никаких лекарств таблетки могут замечательным образом улучшить состояние больного. Именно поэтому в корректно поставленных испытаниях новых лекарств обязательно предусматривается наличие контрольной группы, принимающей бутафорские препараты. По той же причине возникает иллюзия эффективности гомеопатических препаратов, несмотря на то что их порции настолько разбавлены, что количество активного ингредиента в них равняется его количеству в бутафорском препарате, а именно — нулю молекул. Кстати, печальным последствием наступления юристов на территорию медицины стало то, что врачи боятся использовать целительный эффект бутафорских таблеток в своей практике. Либо им в соответствии с бюрократическими требованиями приходится делать пометки о бутафории лекарства в доступных пациенту отчетах, что, конечно, сводит желаемый эффект на нет. Возможно, относительный успех гомеопатии объясняется тем, что, в отличие от обычных врачей, гомеопатам по-прежнему разрешается использовать бутафорские лекарства — хотя и под другим именем. К тому же они больше беседуют с пациентами, добросердечно сопереживая и сочувствуя. А на раннем этапе многолетней истории гомеопатии ее репутации бесспорно пошла на пользу полная безвредность ее препаратов по сравнению с другими опасными средневековыми методами вроде кровопускания.

Может быть, религия также является бутафорским средством — плацебо, продлевающим жизнь за счет снижения стресса? Возможно, хотя на пути этой теории встанет немало скептиков, отмечающих, что зачастую религия не снимает стресс, а, наоборот, создает. Например, трудно поверить, что болезненное чувство вины, зачастую испытываемое обладающими нормальной человеческой впечатлительностью, но не очень

далекими католиками, значительно улучшает их здоровье. Но несправедливо в данном контексте упоминать лишь католиков. Американская комедийная актриса Кети Лэдман заметила: «Какую религию ни возьми, все убеждают, что ты кругом виноват, только праздники у них разные». Как бы то ни было, мне кажется, что одним эффектом плацебо невозможно объяснить повсеместную, всеохватную тягу людей к религии. Не думаю, что религия возникла среди наших предков как успокаивающее средство. Слишком мелкой представляется эта причина, хотя не исключено, что снятие стресса играло некоторую вторичную роль. Но полное объяснение такого крупного феномена, как религия, по плечу лишь крупной теории.

В некоторых теориях эволюционное объяснение совсем отсутствует. Я говорю об утверждениях типа «религия удовлетворяет наше любопытство относительно Вселенной и нашего места в ней» или «религия утешает». Возможно, как мы увидим в главе ю, эти заявления отчасти верны с психологической точки зрения, но дарвиновским объяснением их не назовешь. В книге «Как работает ум» Стивен Пинкер сказал, что «тут же неизбежно возникает вопрос: зачем в процессе эволюции в мозге закрепились способность находить утешение в заведомо ложном веровании? Мерзнущему человеку не помогут уверения в том, что ему тепло; столкнувшийся со львом путник не спасется, коли вообразит льва безобидным кроликом». Если уж и рассматривать теорию утешения, ее необходимо обосновать с точки зрения эволюции, а это не так легко, как может показаться. Психологические рассуждения о приятности или неприятности той или иной веры для людей представляют собой предварительные, но не исчерпывающие объяснения.

Эволюционисты четко разграничивают предварительные и окончательные объяснения. Предварительным объяснением сгорания топлива в цилиндре двигателя внутреннего сгорания служит появление искры. Исчерпывающее объяснение должно объяснять, зачем нужно сгорание топлива в цилиндре: возникает толчок поршня, вызывающий поворот коленчатого вала. Предварительным объяснением религиозности может оказаться повышенная активность определенного участка головного мозга. Но я не хочу отвлекаться на обсуждение неврологических гипотез «божьего участка» в мозгу, потому что предварительные объяснения не входят сейчас в нашу задачу. Не хочу, однако, умалить их значение и отсылаю заинтересованных читателей к емкой дискуссии в книге Майкла Шер-мера «Как мы верим, или Поиски бога в век науки», содержащей высказанное Майклом Персингером и другими учеными предположение о том, что религиозные видения имеют отношение к височной эпилепсии.

Но в этой главе мы занимаемся поисками исчерпывающих, эволюционных объяснений. Если даже нейробиологи обнаружат в мозгу «божий участок», мы, эволюционисты, по-прежнему будем стремиться понять, почему он был отобран естественным отбором. Почему наши предки, имеющие генетическую предрасположенность к появлению «божьего участка», выживали успешнее и имели больше потомков, чем те, у кого такая предрасположенность отсутствовала? Данный эволюционный, исчерпывающий вопрос не лучше, не глубже, не «научнее» предварительного вопроса нейробиологов. Просто мы занимаемся сейчас именно им.

Не устраивают дарвинистов и политические объяснения, например такие: «Религия — это орудие правящего класса для порабощения масс». Не вызывает сомнения, что обещание загробного блаженства утешало чернокожих рабов в Америке и притупляло их возмущение условиями жизни, потворствуя, таким образом, рабовладельцам. Вопрос о намеренном изобретении религии циничными священниками или правителями интересен с исторической точки зрения, но сам по себе отношения к эволюции не имеет. Ученому-дарвинисту по-прежнему необходимо понять, почему люди так легко поддаются обаянию религии и

оказываются жертвой священников, политиков и государей.

Столкнувшись с попыткой циничного манипулятора использовать сексуальное влечение как орудие политического воздействия, мы тем не менее должны объяснить с эволюционной точки зрения, почему ему это удастся. В случае сексуального влечения объяснение простое: люди получают наслаждение от секса, потому что в норме он приводит к появлению потомства. С той же целью политик может использовать пытки. И опять же, эволюционист должен объяснить, почему пытки приводят к нужной цели, почему люди готовы на все, чтобы избежать сильной боли. Объяснение и тут весьма банально, но давайте выразим его с дарвиновской точки зрения: естественный отбор создал способность воспринимать болевые ощущения в качестве сигнала о причиняемом организму вреде, чтобы мы максимально его избегали. Изредка встречающиеся индивидуумы, не способные испытывать боль, зачастую погибают в раннем возрасте от ран, которых остальные научаются избегать. Но вне зависимости от того, была ли религия изобретена циниками или зародилась спонтанно, в чем состоит исчерпывающее эволюционное объяснение страстного влечения к богам?

Групповой отбор

Некоторые предлагаемые исчерпывающие объяснения оказываются на поверку — или очевидно являются — утверждениями, основанными на теории группового отбора. Групповой отбор — это спорная идея, согласно которой естественный отбор идет на уровне видов или других групп особей. Кембриджский археолог Колин Ренфрью выдвинул предположение о том, что выживанию христианства с его идеями помощи единоверцам и христианской братской любви способствовал механизм, аналогичный групповому отбору, в результате которого более религиозные группы получали преимущество по сравнению с группами менее религиозными. Аналогичную, более подробно разработанную гипотезу параллельно выдвинул в своей книге «Собор Дарвина» американский сторонник группового отбора Д. С. Уилсон.

Предлагаю вашему вниманию вымышленный пример, иллюстрирующий возможный механизм действия группового отбора в случае религии. Поклоняющееся крайне агрессивному «богу войны» племя побеждает в схватке с соседними, молящимися миролюбивым богам или вообще нерелигиозными племенами. Непокколебимо уверенные в том, что смерть на поле брани обеспечивает им прямую дорогу в рай, воины бесстрашны в сражении и не боятся смерти. Такие племена побеждают в междоусобных войнах, угоняют стада соседей и забирают их женщин в наложницы. Разросшись, такие племена делятся на дочерние, которые, откочивав, делятся опять, продолжая молиться все тому же божеству. Кстати, идея вычленения, подобно роению улья, дочерних групп из материнской довольно правдоподобна. В знаменитом исследовании Наполеона Шаньона о южноамериканских индейцах яномамо — «свирепом народе» — автор отметил именно такое «отпочко-вывание» деревень.¹¹⁵

Однако Шаньон, как и я, не является сторонником теории группового отбора. Против нее существуют серьезные возражения. Зная за собой привычку увлекаться и сворачивать с проторенной колеи повествования, постараюсь на этот раз не уклониться слишком далеко. Некоторые биологи путают настоящий групповой отбор, подобный описанному в вышеприведенном гипотетическом примере «бога войны», и то, что они называют групповым отбором, но что на самом деле является либо родственным отбором, либо взаимным (реципрок-ным) альтруизмом (см. главу 6).

Скептически относящиеся к групповому отбору ученые признают, что, в принципе, он может иметь место. Вопрос в том, является ли он существенной эволюционной силой. Во многих конкретных ситуациях — допустим, когда групповым отбором пытаются объяснить самопожертвование отдельных особей — отбор на низших уровнях, по-видимому, более эффективен. Представьте, например, в нашем гипотетическом племени, среди готовых к смерти и загробному блаженству героев, одного эгоиста. От его решения держаться в стороне и спасать собственную шкуру шансы племени на победу уменьшатся незначительно. Героическое самопожертвование одноплеменников принесет больше выгоды ему, чем любому из них, говоря в среднем, ведь многие из них погибнут. Он же, по сравнению с ними, увеличит свои шансы на размножение, и его отрицающие героическую смерть гены с большей вероятностью будут унаследованы следующим поколением. Соответственно, в следующих поколениях стремление к героической смерти будет уменьшаться.

Это, конечно, крайне упрощенный пример, но он позволяет обнаружить недостаток идеи группового отбора. Объяснения самопожертвования особей с позиции теории группового отбора уязвимы — они разъедают себя изнутри. Смерть и размножение особей происходит быстрее и чаще, чем вымирание и членение групп. Для определения специальных условий, при которых в процессе эволюции проявляется групповой отбор, можно разработать математическую модель. Как правило, в природе подобные условия не встречаются, но легко возразить, что, возможно, религии в племенных группах как раз помогают создать такие, иначе не существующие, условия. Это интересная теория, но я не буду обсуждать ее здесь подробно; замечу только, что сам Дарвин, несмотря на свою обычную твердую приверженность отбору на уровне индивидуальных организмов, ближе всего подошел к идее группового отбора именно при обсуждении первобытных племен:

*Если два племени первобытных людей, живших на одной и той же земле, вступали между собою в состязание, то (при прочих равных условиях) одолевало и брало верх то племя, в котором было больше мужественных, воодушевленных любовью к ближним, верных друг другу членов, всегда готовых предупредить друг друга об опасности, оказывать помощь и защищать друг друга... Себялюбивые и недружелюбные люди не могут сплотиться, а без сплочения мало чего можно достичь. Племя, одаренное указанными выгодными качествами, распространится и одолеет другие племена; но с течением времени, судя по всей истории прошлого, оно будет в свою очередь побеждено каким-либо другим, еще выше одаренным племенем.*¹¹⁶

Для читающих эту книгу специалистов-биологов добавлю, что идея Дарвина не является в строгом смысле групповым отбором, то есть вычленением дочерних групп из успешных материнских с возможностью подсчета их числа в метапопуляции групп. Дарвин больше говорит об увеличении численности индивидуумов в племени, где распространены альтруизм и сотрудничество. Приведенная им модель скорее напоминает распространение в Великобритании серой белки, которая постепенно вытеснила рыжую; не столько настоящий групповой отбор, сколько экологическое замещение.

Религия как побочный результат чего-то другого

Позвольте теперь перейти от группового отбора к моему собственному взгляду на ценность религии для выживания в процессе естественного отбора. Я разделяю мнение все увеличивающегося числа биологов, полагающих, что религия является побочным продуктом

какого-то другого феномена. Я вообще считаю, что при осмыслении эволюционной ценности того или иного признака биологи постоянно должны помнить о «побочных продуктах». Возможно, размышляя о ценности чего-либо для выживания, мы неправильно формулируем изначальный вопрос. Возможно, его нужно задать немного по-другому. Может оказаться, что рассматриваемый феномен (в данном случае религия) не имеет собственной ценности для выживания, а является побочным продуктом другого, важного для выживания феномена. Позвольте пояснить идею побочного продукта примером из области моей экспертизы — поведения животных.

Часто можно наблюдать летящих на огонь свечи мотыльков, и нельзя сказать, что их поведение случайно. Прилагая массу стараний, они бросаются в пламя, превращая свои тельца в факел. Легко назвать подобное поведение «самоожжением» и под впечатлением этого многозначительного названия размышлять, по какой странной причине естественный отбор мог закрепить подобное поведение. Я же предлагаю, прежде чем приступить к поиску ответа, по-другому задать сам вопрос. Перед нами — не самоубийство. То, что выглядит как самоубийство, возникает как непреднамеренный побочный эффект чего-то другого. Чего именно? Вот одно из возможных толкований, вполне подходящее нам для того, чтобы прояснить суть идеи.

Искусственный свет появился в ночной темноте сравнительно недавно. До этого единственными источниками света в ночи были луна и звезды. Поскольку они находятся от нас на огромном расстоянии, идущие от них световые лучи — параллельны, и их можно использовать в качестве компаса. Известно, что насекомые используют солнце и луну в качестве компаса, чтобы лететь, точно придерживаясь одного направления. Они могут использовать тот же компас — с обратным знаком — и для возвращения в исходную точку. Нервная система насекомого приспособлена для выработки временных правил поведения, примерно таких: «Держать курс так, чтобы луч света попадал в глаз под углом 30 градусов». Глаза у насекомых — сложные, состоящие из прямых светонаправляющих трубочек или конусов (омматидий), расходящихся из центра глаза, как иголки у ежа. Поэтому вполне возможно, что на практике «инструкция» еще проще: лететь так, чтобы свет все время попадал в определенную трубочку — омматидий.

Однако световой компас правильно работает только в том случае, если источник света находится очень далеко. Иначе лучи будут идти не параллельно, а расходиться из одной точки, подобно спицам в колесе. Если нервная система даст инструкцию лететь так, чтобы свет падал в глаз под углом 30 градусов (или любым другим острым углом), но путеводным источником света окажется не луна или солнце, а горящая свечка, то такая инструкция неизбежно приведет насекомое по спиральной траектории в пламя. Попробуйте сами нарисовать схему, используя любой острый угол, и у вас получится элегантная логарифмическая спираль, заканчивающаяся в точке положения свечи.

Несмотря на печальный исход в данном частном случае, вышеописанное поведение в целом для мотыльков полезно, потому что видимый ими источник света гораздо чаще оказывается луной, чем горячей свечой. Мы не замечаем мириады бесшумно и успешно летящих к своей цели мотыльков, руководимых светом луны или яркой звезды; мы видим только тех, что сгорают, покружившись вокруг пламени свечи, и задаем неправильно поставленный вопрос: что подвигает мотыльков на самоубийство? Вместо этого нужно было бы спросить: почему их нервная система использует в качестве компаса направление световых лучей — тактику, которую мы замечаем, только когда она дает сбой. Стоило перефразировать вопрос — и тайна пропала. Никакого самоубийства не было. Мы столкнулись с губительным побочным эффектом навигационной системы, которая в нормальном случае вполне эффективна.

Попробуем теперь применить полученный урок к религиозному поведению. В мире существует огромное количество людей — достигающее во многих районах 100 процентов, — чьи верования полностью противоречат научным фактам, равно как и представлениям конкурирующих религий. Эти люди не только страстно верят, но затрачивают массу времени и ресурсов на дорогостоящие, расточительные действия, которых требуют от них эти верования. За веру умирают и убивают. Подобное поведение поражает не меньше, чем поведение летящего на пламя свечи мотылька. Почему они так поступают? — озадаченно спрашиваем мы. Но я считаю, что ошибка заключается в постановке вопроса. Религиозное поведение может оказаться злополучным, досадным побочным продуктом некоей более глубинной, ниже лежащей психологической особенности, которая является или являлась в прошлом действительно ценной для выживания. Эта особенность, поддержанная естественным отбором у наших предков, сама по себе не есть религия; у нее имеется какая-то другая ценность для выживания, и только при определенных обстоятельствах она проявляется в виде религиозных верований. Чтобы понять религиозное поведение, его придется переименовать.

Если религия — это побочный продукт, то побочный продукт чего? Что в данном случае является аналогом привычки мотыльков ориентироваться по небесным светилам? Что это за исключительно выгодное свойство, проявляющееся порой в искаженном виде религиозного верования? В качестве иллюстрации я сделаю одно предположение, но хочу подчеркнуть, что это — только один из возможных примеров тех свойств, о которых идет речь; ниже я коснусь аналогичных гипотез, высказанных другими. В этом случае общий принцип правильной постановки вопроса беспокоит меня больше, чем истинность той или иной конкретной гипотезы, предложенной в качестве ответа.

Моя собственная гипотеза касается детей. Более чем у какого-либо другого вида наше выживание зависит от накопленного предыдущими поколениями опыта и передачи его детям для обеспечения их защиты и благополучия. Дети, в принципе, могут и на собственном опыте убедиться, что не следует подходить слишком близко к краю обрыва, есть незнакомые красные ягоды, плавать в кишасей крокодилами реке. Но очевидно, что больший шанс на выживание будет у ребенка, мозг которого автоматически, как у мотылька, подчиняется правилу: беспрекословно верь тому, что говорят старшие. Слушайся родителей, слушайся старейшин, особенно когда они говорят строгим, угрожающим тоном. Доверяй старшим без рассуждений. Для ребенка это, как правило, выигрышная стратегия. Но, как и в примере с мотыльками, в ней имеются уязвимые моменты.

Никогда не забуду жуткую проповедь, которую мне довелось услышать в младшем классе школы. Это сейчас она кажется мне жуткой: в то время мой детский мозг воспринял ее в полном соответствии с намерениями священника. Он рассказал нам об отряде солдат, проходивших строевое обучение неподалеку от железнодорожных путей. В какой-то момент проводящий учение сержант отвлекся и забыл отдать команду остановиться. Солдаты были настолько хорошо вымуштрованы, что без рассуждения продолжали маршировать прямо на рельсы, под колеса приближающегося состава. Сейчас я, конечно, не верю в эту сказку, как, надеюсь, не верил и поведавший ее нам священник. Но девятилетним ребенком я в нее поверил, потому что услышал из уст авторитетного взрослого. А священник вне зависимости от того, верил он сам или нет, хотел, чтобы мы, дети, восхищались рабским и нерассуждающим подчинением солдат приказу вышестоящего начальства, каким бы нелепым тот ни был, и подражали ему. И честно говоря, мне кажется, что мы действительно восхищались. Сейчас, будучи взрослым, я с трудом могу поверить, что ребенком серьезно размышлял о том, хватило бы у меня мужества выполнить свой долг и, печатаая шаг, прошагать под поезд. Но хотите верьте, хотите нет, а я помню, что думал тогда именно так.

Несомненно, эта проповедь очень сильно повлияла на меня, раз я так крепко ее запомнил, а теперь пересказал и вам.

Честно говоря, не думаю, что священник пытался внушить нам тогда религиозное чувство. Это было больше похоже на военную, а не религиозную агитацию и напоминало строки из поэмы Теннисона «Атака легкой бригады»:

Бригада, вперед!
Разве дрогнут ряды?
Солдаты еще не видят беды,
Что этот приказ повлечет.
Не их это дело — возражать,
Не их это дело — рассуждать,
Их дело сражаться и умирать.
В Смерти долину скажут все шестьсот.¹¹⁷

(Чтение лордом Теннисоном этого стихотворения представляет одну из самых первых, трескучих записей человеческого голоса, и когда слушаешь ее, кажется, что глухой голос декламатора доносится из уходящего в прошлое длинного, темного туннеля, так что мурашки по спине бегут.) С точки зрения высшего командования было бы нелепо разрешать каждому отдельному солдату обсуждать целесообразность выполнения того или иного приказа. Нация, позволяющая рядовым подобную роскошь, скорее всего, проигрывала бы войны. Для нации беспрекословное подчинение солдат, даже несмотря на отдельные индивидуальные трагедии, является выигрышной моделью. Солдат муштруют до тех пор, пока они не станут похожи на автоматы или компьютеры.

Компьютеры выполняют команды пользователя. Они беспрекословно следуют введенным на языке программирования инструкциям. В результате получаются текстовые документы, бухгалтерские расчеты. Однако побочным продуктом такого бездумного подчинения является способность с той же легкостью выполнять вредные команды. Компьютеры не в состоянии отличить полезные команды от вредных. Подобно солдатам, они просто повинуются. Польза компьютеров во многом определяется таким нерассуждающим повиновением, но оно же — причина их неизбежной уязвимости к компьютерным вирусам и «червям». Машина послушается вредоносную программу, приказывающую: «Скопируй меня и разошли по всем электронным адресам, какие есть на жестком диске», и получившие ее другие компьютеры поведут себя таким же образом, распространяя вирус в геометрической прогрессии. Спроектировать одновременно послушный хозяину и невосприимчивый к вирусам компьютер очень сложно, если вообще возможно.

Если я достаточно связно излагаю свою мысль, вы, должно быть, уже догадались, к чему клонится аргумент о мозге ребенка и религии. Естественный отбор благоприятствовал выживанию детей, мозг которых предрасположен доверять мнению родителей и старейшин племени. Такое доверчивое послушание помогает уцелеть; оно аналогично ориентации мотыльков по свету небесных тел. Однако обратной стороной доверчивого послушания является бездумное легкоеверие. Неизбежный побочный продукт — уязвимость к заражению вирусами мышления. В мозге ребенка по понятным, связанным с дарвиновским выживанием причинам заложена программа послушания родителям и другим взрослым, которых родители велели слушаться. Автоматическим следствием этого является неспособность отличить хороший совет от плохого. Ребенок не в состоянии понять, что «не купайся в

кишащей крокодилами Лимпопо» — это разумное предостережение, а «в полнолуние нужно принести в жертву богам козу, иначе будет засуха» — в лучшем случае трата времени и коз. Для него оба высказывания звучат одинаково веско. Оба поступают от авторитетного источника и произносятся серьезным, вызывающим уважение и доверие тоном. То же относится к суждениям об устройстве мира, Вселенной, о морали и человеческой природе. И скорее всего, достигнув зрелости, этот ребенок перескажет не менее серьезным тоном все услышанное — мудрость вперемишку с глупостью — собственным детям.

Исходя из этой модели, следует ожидать, что в различных регионах мира, наряду с полезными крупницами народной мудрости, такими как полезность удобрения полей навозом, из поколения в поколение не менее истово будет передаваться вера во всевозможные произвольные, не имеющие фактического основания убеждения. Следует также ожидать, что суеверия и другие не подкрепленные фактами предрассудки будут с течением времени эволюционировать, меняться либо в силу случайного распространения вариантов (дрейфа), либо за счет механизмов, аналогичных дарвиновскому отбору. В результате в разных группах людей в конце концов разовьются местные варианты верований, значительно отличающиеся от общего первоисточника. В условиях географического разделения по прошествии определенного времени из одного исходного языка образуются новые (мы еще вернемся к этому). То же самое, судя по всему, происходит и с передающимися из поколения в поколение произвольными домыслами и не имеющими фактической основы верованиями, распространению которых, возможно, немало помогает та полезная для выживания легкость, с которой детский ум поддается программированию.

Религиозным лидерам хорошо известна податливость детского мышления и важность внушения доктрин в раннем возрасте. «Дайте нам ребенка в первые семь лет жизни, и мы сделаем из него человека», — хвастливо заявляли иезуиты. Точное и довольно зловещее, несмотря на банальность, замечание. Основатель более современного печально известного движения «В фокусе — семья»¹¹⁸ Джеймс Добсон также разделяет это мнение: «Управляя мышлением и жизненным опытом молодых людей — тем, что они видят, слышат, над чем размышляют, во что верят, — мы определяем будущее развитие нации».¹¹⁹

Если помните, я сказал, что моя собственная гипотеза о полезной доверчивости детского ума — это лишь один из возможных примеров того, как полезные для выживания свойства могли породить побочный эффект в виде религии — так же, как использование мотыльками небесного компаса подталкивает их к самосожжению в пламени свечи. Этолог Роберт Хайнд в книге «Почему боги упорствуют», антрополог Паскаль Бойер в работе «Объяснение религии» и Скотт Атран в книге «Веруем в богов» независимо друг от друга выдвинули идею религии как побочного продукта нормальных психологических характеристик — лучше сказать, побочных продуктов, потому что важно, особенно для антропологов, подчеркнуть не только общие черты мировых религий, но и их разнообразие. Открытые антропологами факты кажутся нам странными только потому, что они для нас новы. Все религиозные верования кажутся странными тем, кто не знаком с ними с детства. Бойер изучал камерунское племя фанг, члены которого верят, что

...у ведьм есть дополнительный внутренний орган, похожий на животное, который по ночам летает и портит урожай соседям или отравляет их кровь. Считается также, что ведьмы иногда собираются на огромные пиры, где они пожирают своих жертв и замышляют новые козни. Многие могут подтвердить, что знакомые их знакомых видели ночью летящую над деревней ведьму на банановом листе, мечущую в ничего не

подозревающих жертв волшебные дротики.

Дальше Бойер пересказывает случай из личной жизни:

Однажды, когда я рассказывал об этих и других странностях за обедом в кембриджском колледже, один из гостей, известный кембриджский теолог, повернулся ко мне и заявил: «Думаю, что антропология именно поэтому такой интересный и сложный предмет. Вам приходится находить объяснения тому, как люди могут верить подобным нелепицам». Я дара речи лишился, а когда достаточно пришел в себя, чтобы дать подходящий ответ — про котлы и горшки, — разговор уже перешел на другое.

Если кембриджский теолог — христианин стандартного толка, то сам он, по всей видимости, верит в ту или иную комбинацию следующих утверждений:

1. В праотеческие времена девственница родила сына без вмешательства мужчины.
2. Этот сын, не имевший биологического отца, навестил усопшего друга по имени Лазарь, от которого уже исходил трупный запах, и тот незамедлительно ожил.
3. Этот же не имеющий отца человек вернулся к жизни через три дня после собственной смерти и погребения.
4. Через сорок дней этот человек взойшел на вершину горы, и его тело вознеслось в небо.
5. Если беззвучно прокручивать мысли в собственной голове, то не имеющий отца человек и его «отец» (который одно временно является им самим) услышит их и, возможно, как-то отреагирует. Он в состоянии одновременно прослушивать мысли всех людей, живущих на свете.
6. Когда вы делаете что-либо плохое или хорошее, не имеющий отца человек это видит, даже если это больше никому не известно. Вы получите соответствующее наказание или поощрение; возможно, это произойдет после вашей смерти.
7. Девственница мать человека, не имеющего отца, никогда не умирала; ее тело вознеслось на небо.
8. Хлеб и вино, получившие благословение священника (который должен иметь мужские половые органы), «становятся» телом и кровью не имеющего отца человека.

Какие выводы сделал бы непредвзятый антрополог, приехавший в экспедицию в Кембридж для изучения верований местного населения?

Психологическая предрасположенность к религии

Идея о психологических побочных продуктах естественным образом вытекает из исследований в важной, быстро развивающейся области науки — эволюционной психологии.¹²⁰ По мнению эволюционных психологов, подобно тому как глаз представляет собой появившийся в результате эволюции орган для видения, а крыло — орган для полета, мозг — это совокупность органов (участков, «модулей») для обработки важной для организма специфической информации. Один участок мозга занимается информацией о родстве, другой — отношениями «ты мне — я тебе» (так называемыми реципрокными отношениями), третий участок отвечает за сопереживание и так далее. Религию можно рассматривать как результат сбоев в работе нескольких из этих модулей, например участка для формирования теорий о разуме других людей; участка для образования коалиций и участка для предпочтения одноплеменников чужакам. Любая из этих ментальных функций может выступать в роли человеческого аналога ночного ориентирования мотыльков по

звездам и точно так же может дать сбой, как и уже рассмотренная нами доверчивость детского ума. Еще один сторонник идеи о том, что религия является побочным продуктом полезных психических свойств, — психолог Пол Блум — заметил, что у детей имеется природная склонность к дуализму. По его мнению, люди, а особенно дети — прирожденные, дуалисты, и религия является побочным результатом этого инстинктивного дуализма.

Дуалист полагает, что между материей и сознанием существует коренное различие. Монист, напротив, считает сознание порождением материи (мозговых тканей или, возможно, компьютера), не способным существовать отдельно от нее. Дуалисту представляется, что сознание — это своего рода бесплотный дух, обитающий в теле и теоретически способный покинуть его и переместиться в другое обиталище. Дуалисты с готовностью объясняют душевные заболевания «вселением нечистой силы», то есть тем, что в теле больного временно обосновались злые духи, которых нужно «изгнать». При малейшей возможности дуалисты персонифицируют неодушевленные физические объекты и обнаруживают духов и демонов в водопадах и плывущих облаках.

Написанный в 1882 году роман Ф. Анстея «Шиворот-навыворот» не вызвал бы удивления у дуалиста, но, строго говоря, непонятен такому, как я, монисту до мозга костей. Г-н Балтитюд и его сын обнаруживают, что таинственным образом поменялись телами. Отец, к величайшей радости сына, должен теперь ходить в обличье мальчика в школу, а сын, в теле взрослого, чуть не доводит неумелым руководством отцовскую фирму до разорения. Аналогичный замысел находим у П. Г. Вуд-хауза в повести «Веселящий газ», где граф Хавершот и девочка-актриса, одновременно усыпленные в соседних креслах зубного врача, просыпаются, обменявшись телами. Опять же сюжет имеет смысл только для дуалистов. Лорд Хавершот должен, судя по всему, обладать какой-то не относящейся к его телу сущностью, иначе как бы он мог оказаться в теле девочки-актрисы?

Подобно большинству ученых, я не дуалист, что, однако, не мешает мне любить и «Шиворот-навыворот», и «Веселящий газ». Пол Блум объяснил бы это тем, что, несмотря на сознательную приверженность научному монизму, я тем не менее — продукт человеческой эволюции и на инстинктивном уровне остался дуалистом. Идея о существовании где-то вне досягаемости людских чувств «меня», способного, по край ней мере в художественной литературе, перемещаться в чужую голову, очень глубоко коренится в нашем сознании и не исчезает полностью даже в случае интеллектуальной приверженности монизму. Блум подтверждает это экспериментальными данными, которые показывают, что дети, особенно малыши, гораздо более склонны к дуализму, чем взрослые. Из этого можно заключить, что склонность к дуализму встроена в человеческий мозг, что, по мнению Блума, создает естественную предрасположенность к восприятию религиозных идей.

Блум также выдвигает гипотезу о природной предрасположенности людей к креационизму. Естественный отбор трудно понять на интуитивном уровне. Как указала в своей статье «Дети — «интуитивные теисты»?¹²¹ Дебора Келеман, малыши склонны всему приписывать цель. Облака нужны «для дождя». Острые обломки скал — «чтобы звери могли потереться об них, если у них зачесется шкурка». Приписывание всему целесообразности называется телеологией. Дети — прирожденные телеологи и могут остаться таковыми до конца своих дней.

В определенных условиях врожденный дуализм и врожденная телеология склоняют разум к религии, подобно тому как беспрекословное подчинение мотылька небесному компасу склоняет его к непреднамеренному «самоубийству». Свойственный нам дуализм

помогает поверить в «душу», обитающую в теле, но не являющуюся его составной частью. После этого не так уж и трудно представить себе перемещение такого бесплотного духа в другую обитель после смерти телесной оболочки. Также будет легко вообразить существование божественной воли, которая является не свойством сложно организованной материи, а «чистым» нематериальным духом. Детская телеология с еще большей очевидностью подталкивает нас к религии. Если у всего есть цель, то кто ее установил? Бог, конечно.

Польза светового компаса для мотылька очевидна, но в чем выгода этих двух психологических особенностей? Почему естественный отбор благоприятствовал дуализму и телеологии в сознании наших прародителей и их потомков? Пока мы только отметили природную склонность людей к дуализму и телеологии, но не выяснили, в чем состоит эволюционное преимущество этих свойств психики. Для выживания в нашем мире очень важно уметь предсказывать поведение окружающих объектов, и можно предположить, что естественный отбор совершенствовал наш мозг для быстрого и эффективного выполнения подобной работы. Могут ли дуализм и телеология как-то помочь в этом? Чтобы лучше разобраться в данной гипотезе, воспользуемся предложенным философом Дэниелом Деннетом понятием «целевой, или интенциональный, уровень».

Деннет выделил три уровня, или позиции, на которых работает наше мышление при попытке понять и, следовательно, предсказать поведение животных, механизмов или соплеменников: «физический», «проектный» и «целевой». ¹²² Физический уровень, в принципе, всегда работает безотказно, потому что все окружающее подчиняется законам физики. Но предсказание поведения объекта на основе анализа его физических свойств может оказаться слишком долгим делом. К тому времени, как будут рассчитаны все взаимодействия движущихся частей сложного объекта, предсказание его поведения, скорее всего, нам уже не понадобится. Для спроектированных объектов вроде стиральной машины экономичнее сразу работать на проектном уровне. Не вдаваясь в физические детали, мы можем предсказать поведение объекта на основе его устройства. Говоря словами Деннета,

...почти каждый может, бросив беглый взгляд на будильник, предсказать, когда он зазвенит. Нам не важно и не обязательно знать, работает ли он на пружине, батарейках или заряжается от солнца, имеет ли внутри медные шестеренки или кремниевую микросхему, — мы просто делаем допущение, что он сконструирован так, чтобы зазвенеть в установленное на циферблате время.

Живые организмы никто не проектировал, но благодаря действию естественного отбора относительно них тоже можно делать прогнозы на проектном уровне. Допустив, что сердце «сделано» для перекачки крови, мы быстрее разберемся в его работе. На основе предположения о том, что яркая окраска цветов «спроектирована» для привлечения пчел, Карл фон Фриш открыл цветовое видение последних (хотя до этого считалось, что пчелы не различают цвета). Я поставил в предыдущем предложении кавычки, чтобы не дать повода какому-нибудь нечистому на руку креационисту зачислить великого австрийского зоолога в свой лагерь. Думаю, не нужно пояснять, что, используя в работе проектный уровень, он без труда мог перевести его в эволюционные термины.

Целевой, или интенциональный, уровень (уровень намерений), по сравнению с проектным является еще более эффективным упрощением задачи. Предполагается, что объект не только спроектирован с определенной целью, но еще и содержит в себе некое активное начало, направляющее его действия к определенной цели. При виде тигра лучше не

задумываться надолго о его возможном поведении. Неважно, как взаимодействуют на физическом уровне его молекулы, неважно, как сконструированы его лапы, когти и зубы. Эта кошечка собирается вами пообедать, и для выполнения своего намерения она самым ловким и эффективным образом использует и лапы, и когти, и зубы. Самым быстрым способом предсказания ее поведения будет, забыв о физическом и проектном уровне, сразу перепрыгнуть на целевой. Заметим, что, подобно тому как проектный уровень можно использовать для спроектированных и для неспроектированных вещей, целевой уровень также можно применять как для имеющих сознательные цели объектов, так и для объектов, сознательных целей не имеющих.

Кажется весьма правдоподобным, что работа на целевом уровне — это ценный для выживания механизм работы мозга, позволяющий ускорить принятие решений в случае опасности или в сложных социальных ситуациях. Необходимость дуализма для работы на целевом уровне может показаться менее очевидной. Не вдаваясь здесь глубоко в данный вопрос, замечу лишь, что возможно существование определенной разновидности «теории разума», основанной на дуализме, которая задействуется при принятии решений на целевом уровне — особенно в сложных социальных ситуациях и, в еще большей степени, при проявлениях интенциональности высших порядков.

Деннет говорит об интенциональности третьего порядка (мужчина считал, что женщина знает, что его к ней влечет), четвертого порядка (женщина поняла, что мужчина считает, что женщина знает, что его к ней влечет) и даже пятого порядка (шаман угадал, что женщина поняла, что мужчина считает, что женщина знает, что его к ней влечет). Интенциональность более высокого порядка встречается, думаю, только в художественной литературе, например в следующем пародийном отрывке из юмористической повести Майкла Фрейна «Оловянные солдатики»:

С одного взгляда на Нунополоса Рик проникся почти полной уверенностью, что Анна из всех сил презирает Фиддингчайлда за то, что тот не способен понять его, Нунополоса, побудительных мотивов. Анна знала, что Нунополос догадывается об ее отношении к Фиддингчайлду, и знала, что Нина знает, что она знает о догадках Нунополоса...

То, что мы находим такие изощренные догадки об умозаклчениях другого человека смешными, вероятно, может помочь нам обнаружить некие важные, сформировавшиеся путем естественного отбора особенности работы нашего мозга в реальном мире. В случае интенциональности высоких порядков целевой уровень, подобно проектному, позволяет ускорить предсказание поведения окружающих, а это, в свою очередь, помогает выжить. Поэтому естественный отбор благоприятствовал использованию мозгом предсказаний на целевом уровне для ускорения работы. Таким образом, мы просто-напросто запрограммированы приписывать намерения объектам, от чьего поведения зависит наше существование. У того же Пола Блума мы находим экспериментальное подтверждение повышенной предрасположенности детей размышлять на целевом уровне. Когда малыши видят, что один объект движется следом за другим (например, на экране компьютера), они заключают, что перед ними — намеренное преследование одним целеустремленным агентом другого, и изумляются, обнаружив, что мнимый преследователь вдруг сворачивает в сторону, отказавшись от погони.

Проектный и целевой уровни — это полезные механизмы сознания, позволяющие ускорить предсказание поведения важных для выживания объектов, таких как хищники или потенциальные партнеры. Но, подобно другим полезным приспособлениям, эти механизмы могут дать осечку. Дети и примитивные народы приписывают целенаправленное поведение погоде, волнам, течениям, падающим камням. Да и все мы частенько рассуждаем подобным

образом о машинах, особенно когда они нас подводят. Многие с улыбкой вспоминают эпизод комедии, когда машина Бейзила Нетак, главного героя и хозяина ресторана, сломалась во время важнейшей операции по спасению «Обеда гурманов». Честно предупредив ее, что считает до трех, он вылез наружу и, схватив палку, отлупил упрямыцу до полусмерти. Думаю, каждый когда-то вел себя подобным образом, разъярившись если не на машину, то на компьютер. Джастин Баррет придумал для этой ментальной функции термин «сверхактивное устройство для обнаружения целеустремленных агентов» («hyperactive agent detection device» — HADD). Мы сверхактивно занимаемся поисками целенаправленности и чьей-то воли там, где ее нет, и подозреваем злой или благой умысел в равнодушии природы. Порой и я ловлю себя на яростной ненависти к какому-нибудь безобидному куску металла, например соскочившей велосипедной цепи. А в недавно опубликованной статье говорилось об одном посетителе кембриджского музея Фицвильяма, который, наступив на развязавшийся шнурок, скатился по лестнице и разбил три бесценные вазы династии Цин: «Он приземлился прямо на разлетевшиеся вдребезги вазы, и, оглушенный, по-прежнему сидел среди них, когда прибежали служители. Немая сцена, все в шоке, и лишь посетитель, указывая на шнурок, продолжал повторять: «Это он все устроил, это он виноват».¹²³

Объяснения религии как побочного продукта также предлагают Хайнд, Шермер, Бойер, Атран, Блум, Деннет, Келеман и другие. Деннет упоминает одну особенно интересную гипотезу о том, что религия может оказаться побочным продуктом некоего иррационального механизма, свойственного мозгу, — нашей способности влюбляться, имеющей, очевидно, генетические преимущества.

В книге «Почему мы любим» антрополог Хелен Фишер прекрасно описала безумства романтической любви и излишества ее проявлений по сравнению с тем, что может считаться абсолютно необходимым. Подумайте сами. С точки зрения нормального человека весьма невероятно, что одна-единственная из всех знакомых мужчине женщин окажется в сотни раз более достойной любви, чем ее ближайшая конкурентка, однако, влюбившись, мужчина начинает утверждать именно это. По сравнению со свойственной нам, как правило, моногамной преданностью «многолюбие» того или иного рода выглядело бы более рациональным («многолюбие» — это убежденность в том, что человек может одновременно любить несколько лиц противоположного пола, подобно тому как он может одновременно любить несколько вин, композиторов, книг или видов спорта). Мы не находим ничего странного в любви к двум родителям, нескольким детям, братьям и сестрам, учителям, друзьям, домашним животным. Но если принять во внимание вышеизложенное, не начинает ли казаться странной ожидаемая от супружеской любви абсолютная преданность одному партнеру? И тем не менее мы ожидаем и всеми силами добиваемся именно этого. В чем здесь причина?

Хелен Фишер и другие исследователи показали, что мозг влюбленного человека находится в уникальном состоянии — это выражается в появлении специфичных и характерных именно для данного состояния нейроактивных химических веществ (по существу природных наркотиков). Эволюционные психологи согласны с тем, что такое иррациональное смятение чувств, вероятно, является механизмом, обеспечивающим достаточно продолжительную для успешного совместного выращивания детей преданность одному партнеру. Несомненно, что с эволюционной точки зрения выбрать удачного партнера очень важно по целому ряду причин. Но после того как выбор — даже неудачный — сделан и ребенок зачат, более важно держаться вместе, чтобы пройти сквозь огонь, воду и медные трубы, по крайней мере до тех пор, пока ребенок не станет на ноги.

Не может ли иррациональное религиозное чувство оказаться побочным продуктом иррациональных механизмов, которые естественный отбор встроил в наш мозг для того, чтобы мы могли влюбляться? Религиозная вера, безусловно, имеет определенное сходство с влюбленностью (и оба эти состояния по многим признакам сходны с наркотическим «кайфом»¹²⁴). Несмотря на то что, по словам нейропсихолога Джона Смайтиса, два эти вида мании активизируют разные участки мозга, между ними наблюдается определенное сходство:

Одним из многочисленных проявлений религиозной веры является сильнейшая любовь, направленная на сверхъестественное существо, то есть бога, а также преклонение перед связанными с этим существом объектами. Человеческая жизнь во многом определяется эгоистичным поведением генов и механизмом подкрепления. Религия широко использует механизм положительного подкрепления: состояние тепла и комфорта, порождаемое чувством защищенности и любви в опасном мире, потеря страха смерти, надежда на помощь свыше в ответ на молитву и т. п. Подобным же образом романтическая любовь к другому человеку (обычно противоположного пола) вызывает сосредоточение чувств на этом индивидууме и служит источником подкрепления. Эти чувства пробуждаются также связанными с любимым человеком объектами: письмами, фотографиями и даже, в прошлом веке, его локонами. Чувство влюбленности сопровождается многими физиологическими проявлениями, например вздохами, способными загасить пожар .¹²⁵

Я уже сравнивал в 1993 году влюбленность и религию, отметив, что поведение пораженного религией индивидуума «часто поразительно напоминает поведение, свойственное влюбленным. Влюбленность способна задействовать очень мощные механизмы разума, и неудивительно, что появились вирусы, паразитирующие на этих механизмах (под «вирусом» в данном контексте я имел в виду религию: моя статья называлась «Вирусы сознания»)). Откровенно оргазмическое видение святой Тересы Авильской слишком хорошо известно, чтобы пересказывать его еще раз. Философ Энтони Кенни более серьезно и без явной сексуальной символики трогательно описывает наслаждения, ожидающие сумевшего поверить в таинство пресуществления. Рассказав о своем рукоположении, после чего, став католическим священником, он мог служить мессу, Кенни с живостью вспоминает

... восторг первых месяцев после получения благодати читать мессу. Будучи по природе сутра ленивым и сонным, я раным-ранешенько выскакивал тогда из постели, переполненный бодростью и восторгом при мысли об исключительном деянии, совершить которое дарует мне судьба...

Более всего меня очаровывал момент прикосновения к телу Христову, близость священника к Иисусу. После освящения я, как влюбленный в глаза невесте, зачарованно смотрел на облатку... Эти первые дни пребывания в сане запомнились мне абсолютным, трепетным счастьем; это было что-то драгоценное, но недолговечно-хрупкое, как романтическая любовь, которой суждено умереть в буднях неудачного брака.

Эквивалентом использования мотыльком небесного компаса в данном случае является на первый взгляд иррациональная, но на самом деле полезная способность влюбляться не более чем в одного индивидуума противоположного пола. Досадная ошибка — эквивалент сгорания на свечке — пылкая страсть к Яхве (или Деве Марии, или облатке, или Аллаху) и совершение диктуемых этой страстью поступков.

124

125

В книге «Шесть невероятных дел с утра пораньше» биолог Льюис Волперт делает предположение, которое можно рассматривать как обобщение идеи конструктивной иррациональности. По его мысли, иррационально сильное убеждение охраняет от нерешительности, свойственной рассудку: «Если бы полезные для выживания знания и представления не сохранялись твердой рукой, это было бы невыгодно на ранних этапах эволюции человека. Например, во время охоты или изготовления орудий труда постоянные колебания и перемена решений были бы крайне вредны». Из аргумента Волперта следует, что, по крайней мере в некоторых ситуациях, более выгодно продолжать придерживаться иррациональных убеждений, даже если новые данные или обстоятельства дают повод их пересмотреть. Влюбленность можно рассматривать как частный случай «конструктивной иррациональности», которая, в свою очередь, представляет собой еще один пример полезного свойства психики, способного породить в качестве побочного продукта иррациональное религиозное поведение.

В книге «Социальная эволюция» Роберт Трайверс развил предложенную им в 1976 году эволюционную теорию самообмана. Самообман — это

...укрывание правды от себя, чтобы лучше скрыть ее от других. Среди представителей нашего вида известно, что бегающие глаза, потные ладони и хриплый голос могут быть признаками стресса, испытываемого человеком, сознательно говорящим неправду. Если обманщику удастся скрыть обман от себя самого, он сможет скрыть эти признаки от наблюдателя и продолжать лгать без выдающей ложь нервозности.

Антрополог Лионел Тайгер делает аналогичное замечание в книге «Оптимизм: биология надежды». В разделе о «защитной блокировке восприятия» находим связь с обсуждавшейся выше конструктивной иррациональностью:

У человеческого сознания есть тенденция принимать желаемое за действительное. Люди в буквальном смысле слова не замечают неприятные им факты, но с готовностью видят все позитивное. Например, слова, вызывающие тревогу либо в связи с личным прошлым человека, либо в силу специальной организации эксперимента, испытуемым удается прочесть только при более яркой подсветке.

Связь веры в желаемое с религиозным мышлением не требует пояснения.

Теория о том, что религия является случайным побочным продуктом — досадным проявлением чего-то полезного, представляется мне наиболее убедительной. Разные варианты этой теории различаются в деталях, и подробности могут быть сложными и спорными. Для простоты изложения я буду в дальнейшем в качестве примера теории «религии как побочного продукта» использовать свою идею «доверчивого ребенка».

Некоторым читателям теория о том, что, в силу определенных причин, сознание ребенка оказывается уязвимым для «вирусов мозга», может показаться недостаточно обоснованной. Даже если сознание уязвимо, почему оно пасует именно перед этим вирусом, а не другим? Возможно, некоторые «вирусы» особенно удачно приспособлены для «заражения» восприимчивого сознания? Почему «заражение» проявляется в виде религии, а не в виде... в виде чего? Суть моей мысли в том, что неважно, какой чепухой заразится детское сознание. Но, раз заразившись, ребенок вырастет и заразит этой чепухой, что бы она собой ни представляла, следующее поколение.

В антропологических работах, подобных «Золотой ветви» Фрейзера, можно найти

описание поразительно разнообразных иррациональных верований. Однажды укоренившись в какой-нибудь культуре, они затем распространяются, эволюционируют и порождают новые вариации посредством процессов, напоминающих биологическую эволюцию. Фрейзеру тем не менее удалось выделить ряд общих принципов, например «гомеопатическую магию», то есть символическое использование в заклинаниях и заговорах характеристик объекта, на который направлено колдовство. Печальным примером является безосновательная вера в способность толченого носорожьего рога увеличивать сексуальную потенцию. Происхождение этой легенды нетрудно обнаружить в определенном сходстве рога с возбужденным пенисом. Факт повсеместного распространения «гомеопатической магии» заставляет предположить, что чепуха, заражающая восприимчивое сознание, не является совершенно произвольной, первой попавшейся чепухой.

По аналогии с биологическими процессами возникает соблазн разобраться, не имеем ли мы дело с механизмом, похожим на естественный отбор? Не может ли оказаться, что, в силу изначальной привлекательности, ценности или совместимости с существующими психическими характеристиками, одни идеи распространяются лучше других? Не может ли это объяснить природу и свойства существующих в настоящее время религий, подобно тому как естественный отбор позволяет объяснить природу живых организмов? Добавлю, что под «ценностью» здесь подразумевается только способность к выживанию и распространению, а не положительная оценка феномена, не что-то, чем можно по-человечески гордиться.

Даже в рамках эволюционной теории естественный отбор не является единственной возможной силой, направляющей изменения. Биологам известно, что в популяции может получить распространение не только «полезный», но и просто «удачливый» ген. Этот процесс называется дрейфом генов. О его значимости по сравнению с естественным отбором долго шли споры. Но в настоящее время он получил широкое признание в виде так называемой нейтральной теории молекулярной эволюции. Если в результате мутации возник новый вариант гена, функционально не отличимый от старого, то различие между ними — нейтрально, и естественный отбор будет не в состоянии отдать предпочтение тому или другому. Тем не менее из-за процесса, называемого в статистике ошибкой выборки в ряду поколений, новая форма гена может со временем вытеснить первоначальную из генофонда популяции. В результате произойдет вполне реальное эволюционное изменение на молекулярном уровне (даже если на уровне целых организмов это изменение никак не проявляется). Это изменение нейтрально, потому что никак не влияет на шансы выживания организма.

Найти эквивалент генетического дрейфа в культурной эволюции — заманчивая перспектива, о которой нельзя умолчать, обсуждая эволюцию религии. Эволюция языков идет похожим квазибиологическим образом, ее блуждающее направление напоминает дрейф генов. Медленные, протекающие столетиями, аналогичные генетическим культурные процессы в конце концов приводят к расхождению языков, имеющих общего предка, до уровня взаимного непонимания их носителями друг друга. Возможно, естественный отбор также играет определенную роль в эволюции языка, однако свидетельств в пользу этого немного. Ниже я расскажу, как эту гипотезу пытались использовать для объяснения крупных языковых изменений, таких как Великий сдвиг гласных, случившийся в английском языке с XV по XVIII век. Однако для объяснения большей части наблюдаемых фактов такая «функциональная» гипотеза вовсе не обязательна. Вполне возможно, что нормальное развитие языка представляет собой культурный эквивалент случайного дрейфа генов. В различных уголках Европы дрейф латинского языка привел к появлению испанского, португальского, итальянского, французского, ретороманского, а также разнообразных диалектов этих языков. Но, честно говоря, не удастся заметить в таких эволюционных изменениях проявление географически обусловленных преимуществ или отбора «полезных

для выживания» признаков.

Полагаю, что эволюция религий, как и языков, происходит со значительной долей случайности, что отправные точки — весьма произвольны и это приводит впоследствии к наблюдаемому нами изумительному — а порой опасному — разнообразию. В то же время не исключено, что какое-то проявление естественного отбора, а также известная общность человеческой психики обуславливают присутствие в разнообразных религиях сходных существенных черт. Многие религии, например, содержат объективно невероятные, но субъективно желанные доктрины о сохранении нашей духовной сущности после физической смерти. Идея бессмертия живет и ширится благодаря своей привлекательности. А привлекательность работает благодаря почти повсеместной тенденции человеческого сознания верить в то, чего хочется («Отцом той мысли было желание твое», как сказал сыну король у Шекспира в «Генрихе IV», часть II¹²⁶).

Не вызывает сомнения, что многие атрибуты религии способствуют ее выживанию, равно как и выживанию самих этих атрибутов, в водовороте человеческой культуры. Нужно, однако, разобраться, вызвана ли эта их приспособленность «разумным замыслом» или естественным отбором. Ответ, скорее всего, лежит посередине. Что касается «замысла», религиозные лидеры, безусловно, в состоянии придумать уловки, способствующие выживанию веры. Мартин Лютер хорошо сознавал, что наиглавнейшим врагом религии служит разум, и неустанно предостерегал о его опасности: «В лице разума религия имеет самого страшного врага; он никогда не помогает нам в духовных вопросах, но гораздо чаще борется с божественным Словом, обращая презрительный взгляд на все исходящее от Создателя». ¹²⁷И далее: «Желающий стать настоящим христианином должен вырвать глаза у разума». И еще: «Всем христианам нужно уничтожить в себе разум». Лютера не затруднило бы разумно разработать неразумные, необходимые для выживания аспекты веры. Но это еще не означает, что он или кто-то другой действительно это сделали. Данные аспекты вполне могли развиваться в результате (негенетического) естественного отбора, где Лютеру вместо творца отводилась бы роль внимательного оценщика эффективности его работы.

Несмотря на вероятное участие обычного дарвиновского генетического отбора в формировании психологической предрасположенности сознания к созданию религии как побочного продукта, маловероятно, что генетический отбор играл значительную роль в оформлении конкретных деталей религии. Выше уже говорилось, что при попытке применения теории отбора для объяснения этих деталей необходимо оперировать не генами, а их культурными эквивалентами. Не окажется ли, что религии сделаны из такого материала, как мемы?

Осторожно, не наступи на мои мемы

В вопросах религии правда — это та точка зрения, которой удалось выжить.

Оскар Уайльд

Позвольте начать эту главу с напоминания о том, что естественный отбор терпеть не может попусту транжирить ресурсы, и потому любое универсальное для вида свойство — как, например, религия — должно обеспечивать какое-либо преимущество, иначе оно бы давно исчезло. Однако, еще раз заметим, это преимущество вовсе не обязательно должно способствовать выживанию или размножению того самого индивида, у которого

126

127

наблюдается данное свойство. Как мы уже видели, распространенность простуды среди представителей нашего вида убедительно объясняется выгодой, получаемой генами вируса этой противной болезни.¹²⁸ Но получателями выгоды не обязательно должны быть гены, сгодится любой репликатор. Гены — это лишь самые известные образчики репликаторов. В качестве других кандидатов можно назвать компьютерные вирусы и предмет данного раздела — мемы, единицы культурного наследования. Чтобы понять, что такое мемы, сначала нужно получше разобраться в том, как работает естественный отбор.

Если говорить в самых общих чертах, естественному отбору приходится выбирать между альтернативными репликаторами.

Репликатор — это массив закодированной информации, способный создавать свои точные копии, иногда совершая при этом ошибки — «мутации». Далее следует дарвиновская модель. Число репликаторов с хорошими способностями к размножению растет за счет уменьшения числа репликаторов с худшими способностями к размножению. В этом вкратце и заключается естественный отбор. Самым известным репликатором является ген — отрезок ДНК, копируемый бесчисленное количество раз, почти всегда с исключительной точностью, от одного поколения к другому. Главный вопрос теории мемов заключается в том, существуют ли единицы-репликаторы культурной информации, подобные генам. Я не пытаюсь заявить, что мемы непременно должны быть очень похожи на гены; просто чем выше их сходство, тем лучше будет работать теория мемов. В данном разделе мы попробуем выяснить, будет ли теория мемов работать в частном случае религии.

Происходящие время от времени ошибки копирования (мутации) генов приводят к появлению в генофонде различных версий одного и того же гена — аллелей, о которых можно сказать, что они соревнуются друг с другом. Соревнуются за что? За особый, предназначенный для данного гена (набора аллелей) участок хромосомы, или локус. Как идет соревнование? Молекулы не вступают в прямое единоборство, оно проявляется опосредованно. Посредниками являются «фенотипические признаки» — скажем, длина ног или цвет шерсти: проявления гена в анатомии, физиологии, биохимии или поведении. Как правило, судьба гена зависит от тех организмов, в которых он последовательно обитает. Способствуя успеху этих организмов, ген повышает собственные шансы на выживание в генофонде. Увеличение или уменьшение частоты встречаемости гена в генофонде, происходящее в череде поколений, зависит от успеха посредника — фенотипа.

Не окажется ли это верным и для мемов? Одной явно отличающей их от генов особенностью является отсутствие у мемов аналогов хромосом, локусов и аллелей, а также половой рекомбинации. Меметический пул («мемофонд») гораздо более расплывчат и не так четко организован, как генетический. Однако использование понятия меметического пула, в котором «частота встречаемости» определенных мемов меняется в зависимости от результатов соревнования и взаимодействия с другими мемами, не будет ошибкой.

Возражения против использования концепции мемов возникают по разным причинам, но в основном потому, что мемы не во всем аналогичны генам. Например, в настоящее время нам известно, что представляют собой гены (это участки молекулы ДНК); по поводу же природы мемов ведутся дискуссии. Ученые пока не могут прийти к соглашению о физической природе мема. Существуют ли мемы только в нашем мозге? Или любую напечатанную или электронную копию, скажем, какого-нибудь четверостишия, также можно считать мемом? И еще: при репликации генов копирование обычно происходит с высочайшей точностью, тогда как репликация мемов, если она имеет место, часто бывает

далеко не так точна.

Проблемы мемов преувеличены. Наиболее важным возражением является утверждение о том, что точность копирования мемов недостаточна для того, чтобы они могли работать как репликаторы в дарвиновском эволюционном процессе. Считается, что при слишком высокой «скорости мутирования» в каждом поколении мем изменится до неузнаваемости еще до того, как на его частоту в «мемофонде» сможет оказать влияние дарвиновский отбор. Но это только кажущаяся проблема. Представьте опытного плотника или доисторического изготовителя кремневых ножей, обучающего новичка приемам ремесла. Если ученик будет стараться бездумно повторять каждое движение рук мастера, то действительно через несколько поколений передачи от мастера к ученику данный мем изменится до неузнаваемости. Но ученик не просто механически повторяет каждое движение рук учителя. Это было бы глупо.

Осознав цель, которую пытается достичь мастер, он старается имитировать эту попытку. Скажем, чтобы забить гвоздь по самую шляпку, он ударяет молотком столько раз, сколько для этого нужно, а не обязательно сколько ударил мастер. Через череду «имитирующих поколений», не меняясь, передаются именно такие правила, тогда как детали исполнения могут меняться от случая к случаю и от индивидуума к индивидууму. Петли вязания, веревочные узлы и изготовление рыбацких сетей, способы складывания оригами, полезные плотницкие и гончарные приемы — каждый из этих видов деятельности можно свести к ряду отдельных элементов, способных передаваться без изменений через бесчисленное количество имитирующих поколений. Выполнение элементов может варьировать от одного индивидуума к другому, но сущность действия передается в неизменном виде, и этого вполне достаточно, чтобы аналогия между генами и мемами работала.

В предисловии к книге Сьюзан Блэкмор «Меметическая машина» я привел пример оригами — изготовления из бумаги модели китайской джонки. Это довольно сложная процедура, состоящая из 32 операций складывания бумаги. Конечный результат (сама китайская джонка) — красивая игрушка; то же можно сказать и о трех промежуточных стадиях ее «эмбрионального развития» — «катамаране», «коробочке с двумя крышками» и «рамке». Весь процесс действительно напоминает складывание и впячивание зародышевых листков в процессе формирования бластулы, гастрюлы и нейрулы. Складывать китайскую джонку меня научил отец, научившийся этому примерно в том же возрасте в школе-интернате. В его время поветрие изготовления джонок пошло от школьной заведующей; подобно эпидемии кори, оно охватило учеников, а затем, как и подобает эпидемии, угасло. Через двадцать шесть лет, когда заведующей уже не было и в помине, в той же школе выпало учиться мне. На этот раз поветрие пошло от меня, и оно опять распространилось, как новая вспышка кори, чтобы затем снова угаснуть. Такое стремительное, похожее на эпидемию распространение усваиваемого навыка показывает высокую эффективность механизма распространения мемов, их высокую «заразность». Не вызывает сомнения, что джонки, которые складывали сверстники моего отца в 1920-х годах, практически не отличались от корабликов, которые мои сверстники изготавливали в 1950-х.

Данный феномен можно исследовать подробнее при помощи эксперимента, напоминающего игру в «испорченный телефон» (в Англии она называется «китайский шепот»). Выберем 200 человек, не умеющих делать китайскую джонку, и разделим их на 20 групп по десять человек в каждой. Соберем лидеров групп и наглядным путем научим их складывать джонку. Затем попросим каждого выбрать по одному человеку из своей группы и опять же наглядным путем обучить его или ее приемам складывания. Каждый представитель «второго поколения» в свою очередь обучит третьего члена своей группы — и так далее до

тех пор, пока мы не охватим всех членов каждой группы, до десятого. Соберем получившиеся джонки и для дальнейшего изучения пометим их номером группы и «поколения».

Я еще не проводил такого эксперимента (но хотел бы), однако думаю, что довольно уверенно могу предсказать его результат. Полагаю, что не всем 20 группам удастся передать навык до десятого члена без изменений, хотя многие этого добьются. Скорее всего, в некоторых группах обнаружатся ошибки; возможно, какой-нибудь рассеянный индивидуум забудет важную деталь процедуры, и все последующие члены группы, естественно, уже не смогут ее воспроизвести. Возможно, группа 4 дойдет только до стадии «катамарана», не дальше. Возможно, восьмой член 13-й группы сложит «мутантный» вариант — что-то среднее между «коробочкой с двумя крышками» и «рамкой», и оставшиеся члены его группы повторят эту мутацию.

Что касается групп, которым удалось успешно передать навык до десятого поколения, могу предсказать еще следующее. Выстроив джонки по порядку «поколений», мы не обнаружим систематического ухудшения качества с увеличением номера поколения. Но если бы мы проводили эксперимент, аналогичный во всех отношениях, кроме передаваемого навыка — на сей раз это было бы не оригами, а рисунок джонки, — то налицо оказалось бы явное ухудшение точности результата в 10-м поколении по сравнению с 1-м.

В варианте эксперимента с рисунком все рисунки ю-го поколения будут иметь определенное сходство с рисунками 1-го. Но в каждой группе с каждым последующим поколением в разной степени, но неизбежно сходство будет слабеть. В варианте оригами, напротив, ошибки будут либо иметься, либо нет — так называемые дискретные мутации. Либо команда не сделает ошибки, и джонка 10-го поколения будет в среднем не лучше и не хуже джонки 5-го или 1-го поколения; либо в одном из поколений произойдет мутация, и все попытки последующих поколений окажутся неудачными, в лучшем случае — точным повторением мутации.

В чем заключается основное различие между двумя вышеописанными навыками? Навык оригами состоит из ряда отдельных действий, каждое из которых само по себе несложно. Большую их часть легко описать командами типа «согните края к центру». Какой-то член группы, возможно, выполнит команду неаккуратно, однако следующий за ним участник поймет суть того, что тот пытался сделать. Инструкции оригами являются «самоупорядочиваемыми». Именно это свойство делает их дискретными. Это аналогично тому, как намерение плотника забить гвоздь по шляпку понятно ученику вне зависимости от количества нанесенных мастером ударов. Либо ты выполняешь шаг оригами правильно, либо нет. Навык рисования, с другой стороны, является «аналоговым». Любой может попытаться, но одним удастся скопировать оригинал лучше, другим хуже, и никто не сделает абсолютно точную копию. Точность копирования также зависит от затраченных на работу времени и усилий, а это — постоянно варьирующие переменные. Помимо этого, некоторым членам групп захочется не просто скопировать, а слегка подправить и «улучшить» предыдущую модель.

Слова — по крайней мере, когда их понимают, — такие же «самоупорядочиваемые» единицы, как и шаги оригами. В настоящей игре в «испорченный телефон» первому ребенку рассказывают историю или говорят фразу и просят повторить услышанное следующему малышу и так далее. Если длина фразы не превышает семи слов, а язык является родным для всех участников, вероятность передачи в неискаженном виде через 10 человек становится довольно высокой. Если же фраза произносится на незнакомом иностранном языке и детям приходится копировать звучание, а не составляющие ее слова, смысл неизбежно теряется.

Характер искажений от одного участника к другому аналогичен искажениям при копировании рисунка. Если фраза имеет смысл на родном языке детей и не содержит незнакомых слов, таких как «фенотип» или «аллели», она «выживает». Вместо фонетического копирования звуков каждый ребенок распознает каждое слово как смысловую единицу, как элемент конечного множества известных ему слов и при повторении следующему воспроизводит именно это слово, пусть даже со слегка отличным акцентом. Письменный язык также является «самоупорядочиваемым», потому что, как бы ни отличались в деталях нацарапанные на бумаге каракули, все они сделаны с использованием алфавита, ограниченного, в случае английского языка, двадцатью шестью буквами.

Исключительная устойчивость, порой проявляемая мемами благодаря самоупорядочиванию, достаточно убедительно опровергает возражения, наиболее часто выдвигаемые против аналогии мемов и генов. Но в любом случае на данной начальной стадии развития первоочередной задачей теории мемов не является выработка всеобщей теории культуры, аналогичной генетической теории Уотсона и Крика. Разрабатывая идею мемов, я главным образом хотел оспорить мнение, согласно которому гены — это единственный и уникальный объект, с которым только и может работать дарвиновская эволюция. Иначе у читателей книги «Эгоистичный ген» могло возникнуть именно такое впечатление. То же самое подчеркнули названием своей ценной, глубокой книги «Не генами одними» Питер Ричерсон и Роберт Бойд, хотя они и не используют термин «мем», предпочитая заменить его на «культурные варианты». Книга Стивена Шеннана «Гены, мемы и история человечества» отчасти навеяна другой, более ранней, замечательной книгой Бойда и Ричерсона «Культура и эволюционный процесс». Помимо этого, мемам посвящены такие книги, как работа Роберта Ангера «Электрический мем», Кейт Дистин «Эгоистичный мем» и Ричарда Броди «Психические вирусы: новая наука мемов».

Дальше, чем кому-либо, продвинуть теорию мемов удалось Сьюзан Блэкмор в книге «Меметическая машина». Мир в ее изображении представляется скоплением мозгов (или других приемников и проводников мемов, таких как компьютеры и радиоканалы) и борющихся за преобладание в них мемов. Подобно генам в генофонде, победа достанется мемам, наилучшим образом приспособленным для воспроизведения. Возможно, они более привлекательны, как, например, для многих людей — мем личного бессмертия. А может, их распространению помогают уже присутствующие в мемфонде мемы. В данном случае могут возникнуть меметические комплексы, или «мемплексы». Как обычно в случае мемов, их легче понять, вернувшись к аналогии с генами.

Для простоты я описывал гены как отдельные, действующие независимо друг от друга элементы. Но они, конечно, не независимы друг от друга, и это проявляется двояко. Во-первых, поскольку гены являются линейными участками хромосом, они, как правило, передаются из поколения в поколение в компании других генов, расположенных в соседних локусах хромосомы. Мы, ученые, называем такое соседство *сцеплением*, и далее я рассматривать его не буду, потому что у мемов нет хромосом, аллелей и половой рекомбинации. Другой способ проявления зависимости генов друг от друга значительно отличается от генетического сцепления, и ему имеется замечательная аналогия в мире мемов. Речь пойдет об эмбриологии — науке, вопреки распространенному заблуждению, совершенно отличной от генетики. Организмы не складываются, подобно мозаике, из отдельных, определяемых разными генами «кусочков» фенотипа. Поведение и анатомию индивидуумов невозможно соотнести по принципу «один к одному» с имеющимися в их ДНК генами. В программе процессов развития, приводящих к появлению живого организма, каждый ген работает совместно с сотнями других генов, подобно тому как слова, из которых состоит кулинарный рецепт, работают совместно, описывая приготовление изысканного кушанья. Ведь нельзя сказать, что определенное слово рецепта соответствует определенному

кусочку полученного блюда.

Таким образом, при создании организмов гены объединяются в группы; в этом заключается один из главных принципов эмбриологии. Возникает желание заявить, что естественный отбор происходит на уровне групп генов, что имеет место своего рода групповой отбор генных комплексов. Но это не так. На самом деле другие гены генофонда образуют значительную часть той среды, в которой данный аллельный вариант гена подвергается отбору, конкурируя с другими аллелями того же гена. Поскольку каждый выбранный ген успешно работает в присутствии других, также отобранных аналогичным путем, возникают группы совместно работающих генов. Весь процесс больше напоминает свободный рынок, чем плановую экономику. На улице есть сапожник, пирожник и может оказаться свободная ниша для молочника. Пустующее место заполнит невидимая рука естественного отбора. Но это отличается от спуска «сверху» планового приказа о назначении тройки: сапожника, пирожника и молочника. Идея сотрудничающих, собранных «невидимой рукой» групп является ключевой для понимания сущности и работы религиозных мемов.

В разных генетических пулах возникают различные группы. В генетических пулах хищников присутствуют гены, программирующие органы чувств и когти для обнаружения и поимки дичи, зубы и переваривающие мясо белки — для ее пожирания, а также огромное количество других, слаженно работающих друг с другом генов. Одновременно с этим в генетических пулах травоядных естественный отбор благоприятствовал другим наборам совместимых, вместе работающих генов. Хорошо известно, что успех гена зависит от совместимости определяемого им фенотипа со средой обитания вида: пустыней, лесом и так далее. Но нужно также подчеркнуть зависимость его успеха от совместимости с другими генами данного генетического пула. Ген хищника не выживет в генетическом пуле травоядных, и наоборот. С точки зрения гена видовой генетический пул — набор генов, постоянно перемешиваемых в новые комбинации в процессе полового размножения, — представляет собой генетическую «окружающую среду», в которой отбор гена производится на основе его способности к сотрудничеству с другими. И хотя меметические пулы менее упорядочены и систематизированы, чем генетические, их тем не менее можно считать важной частью «окружающей среды» каждого мема — участника мемплекса.

Мемплекс представляет собой набор мемов, необязательно приспособленных к успешному выживанию поодиночке, но успешно выживающих и работающих в присутствии других членов мемплекса.

В предыдущем разделе выражалось сомнение в том, что естественный отбор влияет на конкретные детали в эволюции языков. Полагаю, что в эволюции языков главную роль играет случайный дрейф. Можно, конечно, предположить, что определенные гласные или согласные легче передавались в гористой местности и поэтому они получили распространение в швейцарских, тибетских и андских диалектах, тогда как другие звуки, более удобные для шепота в густых лесах, характеризуют языки пигмеев и амазонских племен. Но вышеупомянутый пример естественного отбора в эволюции языков — теория о возможном функциональном значении Великого сдвига гласных — такими причинами не объяснишь. Скорее всего, сдвиг гласных произошел по причине группирования совместимых мемов в мемплексы. Сначала, по неизвестной причине, возможно — как подражание индивидуальным речевым особенностям популярного или влиятельного человека (существует мнение, что так появилась испанская шепелявость), изменилась одна гласная. Да и неважно, что вызвало изменение первой гласной; важно, что, по данной теории, изменение одной гласной вызвало неизбежное, каскадное изменение всех остальных, чтобы избежать неясности произношения. На следующей стадии произошел отбор мемов с учетом уже имеющихся в меметическом пуле, в результате чего образовались новые, состоящие из

Теперь наконец мы готовы обратиться к меметической теории религии. Некоторые религиозные идеи, подобно некоторым генам, могли выжить благодаря собственным достоинствам. Такие мемы выживают в любом пуле, вне зависимости от окружения (хочу еще раз сделать важное пояснение, что «достоинство» в данном контексте означает лишь «способность выживать в пуле»; никаких других оценок здесь не предполагается). Некоторые религиозные идеи выживают по причине совместимости с другими, уже широко распространенными в пуле мемами, то есть как часть мемплекса. Ниже приводится перечень религиозных мемов, выживание которых в меметическом пуле можно объяснить либо собственным «достоинством», либо совместимостью с имеющимся мемплексом.

1. Вы переживете собственную смерть.
2. Приняв мученическую смерть, вы попадете в самую лучшую часть рая и получите в свое распоряжение семьдесят две девственницы (посочувствуйте судьбе несчастных девственниц).
3. Еретиков, богохульников и богоотступников нужно убивать (или наказывать другим образом, например изгнанием из семьи).
4. Вера в бога является высшей добродетелью. Если она пошатнулась, необходимо приложить все усилия для ее восстановления, умоляя при этом бога искоренить неведение. (В обсуждении пари Паскаля уже упоминалась странная уверенность в том, что богу больше всего импонирует наша вера в него. Тогда это казалось странным, но вот вам и объяснение!)
5. Вера (бездоказательная уверенность в чем-то) является добродетелью. Чем крепче ваша вера перед лицом доказательств обратного, тем больше ваша добродетель. Особенно высоко награждаются религиозные виртуозы, способные верить в совсем уж нелепые, неподтвержденные и, по сути, неподтверждаемые вещи вопреки всем фактам и здравому смыслу.
6. Любой, даже неверующий человек должен автоматически и без рассуждений уважать религиозные верования больше, чем он уважает любые другие убеждения (об этом говорилось в главе 1).
7. Существуют странные вещи (такие, как Троица, пресуществление, боговоплощение), которые нам не полагается понимать. Лучше даже не пытаться, ибо попытка понять может привести к их разрушению. Называйте их таинством и научитесь удовлетворяться этим.
8. Прекрасная музыка, искусство и Священное Писание являются самотиражирующимися выражениями религиозных идей.¹²⁹

Некоторые из перечисленных идей, возможно, имеют достаточную ценность для собственного выживания, чтобы преуспеть в любом мемплексе. Но, по аналогии с генами, некоторые мемы выживают только в группе с другими мемами, в результате чего образуются альтернативные мемплексы. В качестве двух альтернативных мемплексов можно рассматривать две альтернативные религии. Ислам, к примеру, можно сравнить с группой генов хищников, буддизм — с группой генов травоядных. Строго говоря, идеи одной религии не «лучше» идей другой, подобно тому как гены хищников не «лучше» генов травоядных. От религиозных мемов не требуется абсолютной способности к выживанию; им лишь нужно хорошо работать в присутствии других мемов своей религии, но не мемов других религий. Согласно этой модели, скажем, католицизм и ислам не обязательно должны быть плодом творчества отдельных индивидуумов; они могли развиваться как две альтернативные группы мемов, процветающих в присутствии других мемов данного мемплекса.

Организованные религии организуются людьми: священниками, епископами,

раввинами, имамами и айтиол-лами. Но, возвращаясь к примеру с Мартином Лютером, хочу подчеркнуть: это не означает, что религии были людьми придуманы и «спроектированы». Даже если власть имущие эксплуатируют религию и манипулируют ею в собственных целях, существует значительная вероятность того, что большая часть деталей каждой религии появилась в результате бессознательной эволюции. Причина этому — не генетический естественный отбор: он происходит слишком медленно и не может служить объяснением стремительной эволюции и разделения религий. Генетический естественный отбор играет в этой истории одну роль: он «обеспечивает» мозг, с его склонностями и погрешностями, — аппаратное средство, снабженное системным программным обеспечением нижнего уровня, необходимое для протекания меметического отбора. Проходящий в данной среде меметический естественный отбор, по моему мнению, предлагает разумное объяснение деталей развития конкретных религий. На ранних стадиях эволюции религии, до ее формальной организации, простые мемы выживают благодаря их универсальной привлекательности для человеческой психики. На данном этапе меметическая теория религии и теория религии как побочного продукта работают параллельно. Для более поздних стадий, на которых появляются формальная организация и тщательно разработанные, специфичные для каждой религии особенности, можно с успехом использовать теорию мемплексов — групп совместимых мемов. При этом не исключается дополнительное воздействие намеренной манипуляции со стороны священников и других заинтересованных лиц. Не исключено, что религии, подобно школам и направлениям в искусстве, по крайней мере частично представляют плод «разумного замысла».

Одной практически полностью намеренно созданной религией является сайентология, но полагаю, что это исключение из общего правила. Другим кандидатом на роль намеренно созданной религии является мормонизм. Ее предприимчиво лживый изобретатель Джозеф Смит не поленился написать целую новую священную книгу, Книгу Мормона, в которой фальшивым английским языком XVIII века изложил новую, высосанную из пальца фальшивую версию американской истории. Со времени своего появления в XIX веке мормонизм эволюционировал и сегодня является в Америке одной из наиболее уважаемых и популярных религий — говорят, что число ее приверженцев растет самыми быстрыми темпами, и уже идут разговоры о выставлении кандидата на пост президента.

Эволюция свойственна большинству религий. Какой бы теории эволюции религий мы ни придерживались, она должна суметь объяснить поразительную скорость процесса религиозной эволюции в благоприятных условиях. Рассмотрим это на примере.

Карго-культи

В фильме «Житие Брайана по Монтти Пайтону» одной из множества верно подмеченных деталей является то, с какой поразительной скоростью может возникнуть тот или иной религиозный культ. Появившись буквально в одночасье, он закрепляется в культурной жизни и с пугающей быстротой начинает играть все более важную роль. Самыми знаменитыми из реальных примеров подобных культов являются карго-культи тихоокеанской Меланезии и Новой Гвинеи. Еще свежа вся история этих культов — от появления до угасания. В отличие от культа Иисуса, достоверных свидетельств о происхождении которого не сохранилось, в данном случае все события разворачивались у нас на глазах (но даже здесь, как убедимся, некоторые детали оказались утрачены). Поразительно, что культ христианства почти наверняка зародился подобным же образом и распространялся вначале не менее стремительно.

Мой главный источник информации о карго-культах — книга Дэвида Аттенборо «Поиски в раю», любезно подаренная мне автором. Все культы — от самых ранних,

девятнадцатого столетия, и до более известных, возникших уже после окончания Второй мировой войны, — следовали одной и той же схеме. По-видимому, в каждом случае островитяне были глубоко поражены чудодейственными предметами, принадлежавшими белым пришельцам — управляющим, солдатам и миссионерам. Возможно, они пали жертвами Третьего закона Артура Кларка, который я приводил в главе 2: «Любая достаточно развитая технология неотличима от волшебства».

Островитяне замечали, что владевшие этими чудесами белые люди никогда не изготавливали их сами. Для починки их отсылали прочь, а новые предметы появлялись в качестве «груза» на кораблях и, позднее, самолетах. Никто никогда не видел белого человека, занятого производством или починкой чего-либо; более того, белые люди вообще не занимались какой бы то ни было полезной деятельностью (сидение за столом и перебирание бумажек явно было каким-то религиозным ритуалом). Сверхъестественное происхождение «груза» не вызывало сомнения. Словно в подтверждение этой гипотезы, некоторые действия белых людей можно было расценить только как религиозные церемонии:

Они строят высокие мачты и закрепляют на них проволоку; сидят и слушают маленькие коробочки, мигающие огоньками и испускающие загадочные звуки и сдавленные голоса; уговаривают местное население надевать одинаковую одежду и шагать взад-вперед — более бессмысленного занятия и представить нельзя. И вдруг туземцы нашли разгадку тайны. Все эти непонятные действия — и есть ритуалы, при помощи которых белый человек убеждает богов присылать «груз». Туземцу, чтобы получить «груз», тоже нужно совершать эти действия.

Поразительно, что похожие карго-культы независимо зародились на островах, далеких друг от друга не только географически, но и в культурном плане. Дэвид Аттенборо пишет, что

антропологи зафиксировали два отдельных случая в Новой Каледонии, четыре — на Соломоновых островах, четыре — на Фиджи, семь — на Новых Гебридах и более сорока — в Новой Гвинее, причем, как правило, они возникли совершенно независимо друг от друга. В большинстве этих религий утверждается, что в день апокалипсиса вместе с «грузом» прибудет некий мессия.

Независимое зарождение такого числа никак не связанных, но схожих культов указывает на определенные особенности человеческой психики в целом.

Один хорошо известный культ на острове Танна архипелага Новые Гебриды (с 1980 года носящем название Вануату) существует до сих пор. Центральная фигура культа — мессия по имени Джон Фрум. Первые упоминания о Джоне Фруме в официальных документах датированы 1940 годом, однако, несмотря на молодость этого мифа, никому не известно, существовал ли Джон Фрум на самом деле. Одна из легенд описывает его как одетого в пальто с блестящими пуговицами невысокого человека с тонким голосом и белесыми волосами. Он делал странные пророчества и прилагал все усилия к тому, чтобы настроить население против миссионеров. В конце концов он возвратился к предкам, пообещав свое триумфальное второе пришествие, сопровождаемое изобилием «груза». В его видении конца света фигурировал «великий катаклизм»: упадут горы и засыплются долины,¹³⁰ старики вновь обретут молодость, исчезнут болезни, белые люди будут навеки изгнаны с острова, а «груз» прибудет в таких количествах, что каждый сможет взять сколько захочет.

Но более всего правительство было обеспокоено пророчеством Джона Фрума о том, что во время второго пришествия он принесет с собой новые деньги с изображением кокосового ореха. В связи с этим все должны избавиться от валюты белого человека. В 1941 году это привело к повальной трате денег среди населения; все бросили работать, и экономике острова был нанесен серьезный ущерб. Администрация колонии арестовала зачинщиков, но никакие действия не могли искоренить культ Джона Фрума. Церкви и школы христианской миссии опустели.

Чуть позже распространилась новая доктрина, гласившая, что Джон Фрум — король Америки. Как нарочно, приблизительно в это время на Новые Гебриды прибыли американские войска, и — о чудо из чудес — среди солдат были чернокожие люди, которые не бедствовали, подобно островитянам, но

... имели «груз» в таком же изобилии, как и белые солдаты. Волна радостного возбуждения захлестнула Танну. Апокалипсис неизбежно должен был вот-вот наступить. Казалось, все готовятся к прибытию Джона Фрума. Один из старейшин объявил, что Джон Фрум прилетит из Америки на самолете, и сотни людей принялись расчищать кустарник в центре острова, чтобы его самолету было куда приземлиться.

На аэродроме установили диспетчерскую вышку из бамбука, в которой сидели «диспетчеры» с деревянными наушниками на головах. На «взлетно-посадочной полосе» соорудили макеты самолетов, призванные заманить на посадку самолет Джона Фрума.

В пятидесятые годы молодой Дэвид Аттенборо приплыл на Танну вместе с оператором Джефффри Муллиганом, чтобы исследовать культ Джона Фрума. Они собрали много фактов об этой религии и в конце концов были представлены ее первосвященнику — человеку по имени Намбас. Нам-бас по-приятельски называл своего мессию просто «Джон» и утверждал, что регулярно говорит с ним по «радио» («радиохозяин Джон»). Это происходило так: некая старушка с обмотанными вокруг талии проводами впадала в транс и начинала нести околесицу, которую Намбас затем толковал как слова Джона Фрума. Намбас заявил, что знал о приезде Дэвида Аттенборо заранее, потому что Джон Фрум предупредил его «по радио». Аттенборо попросил разрешения взглянуть на «радио», но ему (по понятным причинам) отказали. Тогда, сменив тему, он спросил, видел ли Намбас Джона Фрума.

Намбас страстно закивал: — Моя видеть его куча раз.

Как он выглядит?

Намбас ткнул в меня пальцем: Похож как твоя. У него белый лицо. Он высокий человек. Он жить в Южная Америка.

Это описание противоречит упоминавшейся выше легенде о том, что Джон Фрум был небольшого роста. Так эволюционируют легенды.

Считается, что Джон Фрум возвратится 15 февраля, но год его возвращения неизвестен. Ежегодно 15 февраля верующие собираются на религиозную церемонию, чтобы поприветствовать его. Возвращение еще не состоялось, но они не падают духом. Дэвид Аттенборо как-то сказал одному приверженцу Фрума по имени Сэм:

— Но, Сэм, прошло уже девятнадцать лет с тех пор, как Джон Фрум сказал, что «груз» придет. Он обещал и обещал, а «груз» все равно не приходит. Девятнадцать лет — не слишком ли долго вы ждете?

Сэм оторвал глаза от земли и посмотрел на меня:

— Если вы можете ждать Иисус Христос две тысячи лет, а он не приходит, то я могу ждать Джон Фрум больше, чем девятнадцать лет.

В книге Роберта Бакмана «Можно ли быть хорошим без бога?» цитируется тот же восхитительный ответ почитателя Джона Фрума, данный канадскому журналисту примерно через 40 лет после встречи Сэма и Дэвида Аттенборо.

В 1974 году острова посетили королева Елизавета и принц Филип, и принц был впоследствии обожествлен в рамках культа «Джон Фрум — дубль два» (и снова заметьте, как быстро меняются детали в религиозной эволюции). Принц — импозантный мужчина, без сомнения выглядевший впечатляюще в белой форме военно-морских сил и шлеме с плюмажем, и, пожалуй, неудивительно, что объектом почитания стал именно он, а не королева, — не говоря уже о том, что особенности местной культуры не позволяли островитянам принять в качестве божества женщину.

Не хочется делать из карго-культов Южной Океании далеко идущие выводы. Тем не менее они представляют крайне интересную современную модель зарождения религии почти на пустом месте. Что особенно важно — они указывают на четыре особенности происхождения религий вообще, которые я кратко изложу здесь. Во-первых, это поразительная скорость, с которой может возникнуть новый культ. Во-вторых, скорость, с которой теряются подробности возникновения культа. Джон Фрум, если он вообще существовал, жил совсем недавно. Несмотря на это, трудно установить, жил ли он вообще. Третья особенность — независимое возникновение похожих культов на разных островах. Систематическое изучение этого сходства может обнаружить новые данные о человеческой психике и ее подверженности религиозной вере. В-четвертых, карго-культы похожи не только друг на друга, но и на более ранние религии. Можно предположить, что христианство и другие древние религии, ныне распространенные по всему миру, зародились как местные культы, подобные культу Джона Фрума. Некоторые ученые, например, профессор еврейской культуры Оксфордского университета Геза Вермес, высказывали предположение о том, что Иисус был одним из многих появившихся в то время в Палестине пылких проповедников, которых окружали похожие легенды. От большей части этих культов не осталось и следа. Согласно данной точке зрения, сегодня мы имеем дело с тем из них, которому удалось выжить. В течение столетий в результате дальнейшей эволюции (или меметического отбора, если вам импонирует этот термин) он преобразился в сложную систему — или даже в разветвленный набор потомственных систем, господствующий в настоящее время на большей части земного шара. Гибель таких обаятельных фигур современности, как Хайле Селассе, Элвис Пресли и принцесса Диана, также позволяет исследовать быстрое возникновение культов и их последующую меметическую эволюцию.

Вот и все, что мне хотелось сказать об истоках возникновения религии как таковой, за исключением небольшого добавления в главе 10 где, анализируя удовлетворение религией психологических «нужд», мы обсудим распространенный среди детей феномен «воображаемого друга».

В следующей главе мы рассмотрим широко бытующее убеждение в том, что нравственность обязана своим происхождением религии. Хочется с этим поспорить. Я считаю, что происхождение нравственности также можно исследовать с эволюционной точки зрения. Подобно тому как мы спрашивали, «в чем состоит ценность религии для выживания», зададим теперь тот же вопрос о нравственности. Нравственность, скорее всего, старше религии. Рассматривая религию, мы, отрешившись ненадолго от проблемы, перефразировали постановку вопроса; занимаясь нравственностью, мы также увидим, что она является побочным продуктом другого феномена.

Глава шестая. Корни нравственности — почему мы хорошие?

Наше положение на Земле поистине удивительно. Каждый появляется на ней на короткий миг, без понятной цели, хотя некоторым удастся цель придумать. Но с точки зрения обыденной жизни очевидно одно: мы живем для других людей — и более всего для тех, от чьих улыбок и благополучия зависит наше собственное счастье.

Альберт Эйнштейн

Многие религиозные люди не могут представить, как можно без веры быть хорошим или даже хотеть быть хорошим. Этот вопрос будет обсуждаться в данной главе. Порой подобные сомнения усугубляются, вызывая у верующих пароксизмы ненависти в отношении тех, кто не разделяет их веру. Это важно, поскольку моральные соображения часто определяют отношение верующих ко многим вопросам, не имеющим прямой связи с нравственностью. Значительная доля возражений против преподавания эволюции в школе никак не связана с эволюцией и научными проблемами, а подстрекается оскорбленными моральными чувствами. Возражения варьируют от наивных: «Если вы будете учить детей, что они произошли от обезьян, они и вести себя будут, как обезьяны», — до более изощренных аргументов, входящих в стратегию «расклинивания», применяемую сторонниками «разумного замысла», беспощадно выставленных напоказ в книге Барбары Форрест и Пола Гросса «Троянский конь креационизма: «расклинивание» как стратегия «разумного замысла».

Читатели моих книг присылают мне множество писем,¹³¹ большую часть — с дружеской поддержкой, некоторые — с полезной критикой, но порой попадаются злобные и даже угрожающие. С горечью отмечаю, что самые мерзкие выпады, почти без исключения, связаны с религией. Подобные грубые нападки часто становятся уделом людей, зачисленных во враги христианства. Вот, к примеру, помещенное в Интернете письмо, адресованное Брайану Флемингу, автору и режиссеру искреннего и трогательного, защищающего атеизм фильма «Бог, которого не было».¹³²Его опубликовали 21 декабря 2005 года под заголовком «Гори, а мы посмеемся»:

Ну вы наглые до предела. С какой радостью я взял бы нож, вспорол вам, дуракам, брюхо и завопил бы от радости, когда ваши кишки вывалятся вам под ноги. Вы пытаетесь разжечь священную войну, и тогда я и другие, мне подобные, с радостью сделаем все, о чем я написал выше.

Тут автора, видимо, наконец осенило, что его язык не очень вяжется с идеалами христианства, и он продолжает более миролюбиво:

Но БОГ учит нас не мстить врагам, а молиться за таких, как вы.

Увы, милосердия хватило ненадолго:

Меня утешает мысль о том, что БОГ подвергнет вас наказанию в 1000 раз худшему, чем все, что я когда-либо смогу сделать. Самое лучшее, что вы БУДЕТЕ вечно мучиться за

131

132

грехи, о которых вы и понятия не имеете. Гнев БОЖИЙ не знает пощады. Ради вас самих надеюсь, что вы увидите истину до того, как напоретесь на нож. Счастливого РОЖДЕСТВА!

PS. Вы, люди, даже представить себе не можете, что вас ожидает... Слава БОГУ, я не такой, как вы.

Не устаю поражаться тому, как разница мнений в теологическом вопросе может породить такую ненависть. Вот еще пример (с сохранением оригинальной орфографии) из почтового ящика редактора журнала «Свободная мысль сегодня», опубликованный Организацией за свободу от религии (Freedom from Religion Foundation — FFRF), мирно протестующей против нарушения конституционного отделения церкви от государства:

Привет, извращенцы-сыроеды. Нас христиан намного больше чем вас подонки. Разделения церкви и государства НЕТ и вы язычники проиграете...

Против сыра-то что они имеют? Мои американские друзья предположили, что, возможно, это намек на известный своими либеральными умонастроениями штат Висконсин, центр молочного животноводства, в котором базируется FFRF, — но, разумеется, должен быть еще какой-то смысл? И далее:

Сатанинское отродье... Чтоб вы сдохли и горели в аду... Надеюсь вы подцепите какую-нибудь страшную болезнь типа рака прямой кишки и после долгой мучительной агонии встретитесь со своим богом, САТАНОЙ... Эй, парни, ваша свобода от религии атдает дерьмом... Вы все там пидерасы и лесбиянки не парьтесь и думайте что делаете патамушто как только зазеваетесь Бог вам такое устроит... Если вам не нравится наша страна и на чем и зачем она устроена у...те отсюда прямо в ад...

PS. На... вас всех коммуначки проститутки... Увозите свои черные ж... из США... Никакого прощенья вам не будет. ГОСПОДЬ ИИСУС ХРИСТОС уже доказал созданием свое всемогущество.

Почему не Аллах доказал всемогущество? Или не господь Брахма? Или даже не Яхве?

Мы не собираемся сидеть и молчать. Если в будущем разразиться драка, то из-за вас. Моя винтовка заряжена.

Не устаю поражаться, ну зачем богу такая свирепая защита? Казалось бы, уж он-то может сам за себя постоять. Да, кстати, редактор, на чью голову обрушились такие злобные и жуткие угрозы, — милая и воспитанная молодая женщина.

Видимо, потому, что я живу не в Америке, большая часть адресованных мне писем не может сравниться по выразительности с процитированными выше, но в них трудно обнаружить и милосердие, которым славился основатель христианства. Нижеприведенное письмо, полученное в мае 2005 года от английского врача, несмотря на всю неприязнь, кажется мне скорее раздраженным, чем злобным; читая его, понимаешь, что стоит затронуть вопросы нравственности — и тут же обнаруживается враждебность к атеизму. Разнеся в первых же строках в пух и прах эволюцию (саркастически поинтересовавшись при этом, «продолжают ли эволюционировать негритосы»), оскорбив лично Дарвина, искаженно процитировав Гексли и придав его словам видимость антиэволюционизма, походя посоветовав мне прочитать книгу (читал я ее), в которой доказывается, что миру не больше 8 тысяч лет (неужели автор — действительно врач?), он заключает:

Ваши собственные книги, Ваша репутация в Оксфорде, все, чем вы дорожите в жизни

и чего Вам удалось достичь, все это — сплошная суета сует... Никуда не деться от вопрошающего вызова Камю: почему все мы не покончим с собой? Ваш взгляд на жизнь оказывает на студентов да и на многих других людей именно такое влияние... что мы появились по воле слепого случая, из ниоткуда, и в никуда вернемся. Даже если бы религия была права, лучше, гораздо лучше верить, подобно Платону, в благородный миф, если он дает живущему мир в душе. Ваше же мировоззрение приводит к тревожности, наркомании, насилию, нигилизму, гедонизму, созданию монстров Франкенштейна, аду на земле и третьей мировой войне... Удалась ли Вам, интересно, личная жизнь? Вы, наверное, разведенный? Млн вдовец? Или голубой? Такие, как Вы, никогда не бывают счастливыми, иначе Вы не старались бы так упорно доказать, что в мире нет ни счастья, ни надежды — ничего.

Особенность данного письма заключается не в тоне — такой тон не редкость. Автор убежден, что дарвинизм по своей природе является нигилистическим учением, утверждающим, что мы появились благодаря слепому случаю (уже в который раз повторю, что естественный отбор — это полная противоположность случаю) и исчезаем, умерев. Из такого негативного взгляда на жизнь якобы проистекают все виды зол. Хочется верить в несерьезность предположения о прямой связи вдовства с эволюционистскими убеждениями, но к этому времени письмо уже достигает знакомого по другим посланиям верующих уровня яростного злопыхательства. В прошлом я посвятил целую книгу («Расплетая радугу») мироощущению и поэзии научного мировоззрения, а также подробному, объемному ответу на обвинения в нигилистической негативности, поэтому полагаю ненужным продолжать обсуждение этого вопроса здесь. В этой главе мы будем говорить о зле и его противоположности — добре, о нравственности — откуда она появилась, зачем она нужна и так ли необходима религия, чтобы быть нравственным человеком.

Возникла ли нравственность в процессе эволюции?

Идея о зарождении понятий о добре и зле в глубине нашего эволюционного прошлого обсуждается в ряде книг, включая «Почему добро доброе» Роберта Хайнда, «Наука добра и зла» Майкла Шермера, «Можно ли быть добрым без бога?» Роберта Бакмана и «Нравственное сознание» Марка Хаузера. В данном разделе предлагаю вниманию читателя собственные мысли по этому вопросу.

На первый взгляд может показаться, что дарвиновская идея об эволюции, происходящей на основе естественного отбора, вряд ли подходит для объяснения высоких нравственных качеств, морали, приличий, сопереживания и сочувствия. При помощи естественного отбора легко объяснить голод, страх и сексуальное влечение, поскольку они напрямую способствуют нашему выживанию и сохранению наших генов. Но как объяснить острое сопереживание при виде плачущего сироты, страданий одинокой вдовы или мучающегося больного животного? Что заставляет нас анонимно отправлять деньги и одежду жертвам случившегося на другом конце земного шара цунами — людям, с которыми, по всей вероятности, мы никогда не встретимся и которые вряд ли смогут ответить нам аналогичной услугой? Откуда появился в нас добрый самаритянин? Разве доброте есть место в теории «эгоистичного гена»? Есть. Увы, данную теорию часто (но, если разобраться, по объяснимым причинам) понимают неправильно.¹³³ В названии нужно верно поставить акцент: «Эгоистичный ген» — это совсем не то же самое, что эгоистичный организм или эгоистичный вид. Попробую объяснить.

Согласно идее Дарвина, та единица жизненной иерархии, которая выживает и проходит

сквозь сито естественного отбора, должна иметь склонность к эгоизму. В мире выживают те единицы, которым удалось победить конкурентов на своем уровне иерархии. «Эгоизм» в данном контексте означает именно это. Вопрос заключается в том, на каком уровне происходит действие отбора. Идея эгоистичного гена, с правильно поставленным ударением на последнем слове, заключается в том, что единицей естественного отбора (своекорыстной единицей) является не эгоистичный организм, не эгоистичная группа особей-эгоистов, не эгоистичный вид или экосистема, а эгоистичный ген. Именно ген в форме заключенной в нем информации либо выживает в череде поколений, либо нет. В отличие от гена (и, хочется сказать, мема), организм, группа организмов и вид не могут быть вышеописанной единицей, потому что они не производят свои точные копии и не конкурируют в пуле аналогичных самокопирующихся объектов. Гены же все названное делают, и на основе этого логически правильного вывода ген можно назвать эгоистичной единицей в особом, эволюционном, смысле слова «эгоизм».

Наиболее простым способом обеспечения собственного «эгоистического» выживания в борьбе с конкурентами для гена является программирование эгоистичного поведения организма, в котором ген находится. Существует множество ситуаций, в которых выживание отдельного организма приводит к выживанию его генов. Но для различных обстоятельств требуются различные стратегии. Случается, и не так уж редко, что гены эгоистично обеспечивают собственное выживание, программируя организмы на альтруистическое поведение. В настоящее время подобные ситуации хорошо изучены, и их можно подразделить на две основные категории. Ген, программирующий организм безвозмездно помогать своим кровным родственникам, с большой вероятностью тем самым помогает размножению собственных копий. Частота данного гена может возрасти в генофонде настолько, что безвозмездная помощь родственникам станет нормой поведения. Очевидным примером является любовь к собственным детям, но, помимо этого, есть и другие. Пчелы, осы, муравьи, термиты и, в меньшей мере, некоторые позвоночные, например голые землекопы, сурикаты и дятлы, в процессе эволюции научились создавать сообщества, в которых старшие братья и сестры заботятся о младших (с которыми они, скорее всего, имеют общие гены заботы о младших). Как продемонстрировал в своих работах мой покойный коллега У. Д. Хамильтон, животные заботятся, защищают, делятся ресурсами, предупреждают об опасности и проявляют альтруизм другого рода, как правило, в отношении ближайших родственников, потому что статистическая вероятность наличия у них одинаковых генов велика.

Другим главным типом альтруизма, для которого имеется хорошо разработанное дарвиновское объяснение, является реципрокный, взаимный альтруизм («ты — мне, я — тебе»). В этой теории, впервые введенной в эволюционную биологию Робертом Трайверсом и часто выражаемой математическим языком теории игр, общие гены не рассматриваются. Она не хуже, а иногда и лучше работает между представителями совершенно неродственных видов; в этом случае ее обычно называют симбиозом. Принципы данной теории также лежат в основе торговых и бартерных сделок между людьми.

Охотнику нужно копьё, а кузнец хочет дичины. Асимметрия потребностей приводит к заключению сделки. Пчеле необходим нектар, а цветку — опыление. Цветы летать не могут, поэтому они платят пчелам нектарной валютой за прокат их крыльев. Птицы медоуказчики находят гнезда пчел, но не могут в них проникнуть. Медоеды могут разорить гнездо, но у них нет крыльев, чтобы, кружась, находить их с высоты. При помощи особого, ни в каком другом случае не используемого «заманивающего» полета медоуказчики направляют медоедов (а иногда и людей) к сотам. И обе стороны оказываются в выигрыше. Под огромным валуном лежит погребенный горшок с сокровищем, но обнаруживший его человек не в силах в одиночку справиться с камнем. Несмотря на неизбежность дележа, он зовет на

помощь других, потому что иначе не получит ничего. Природа изобилует подобными взаимовыгодными отношениями: буйволы и волоклюи, красные трубчатые цветы и колибри, морские окуни и губанчики, коровы и живущие в их желудке бактерии. Взаимный альтруизм возникает по причине асимметричности нужд и возможностей их удовлетворения. Именно поэтому он лучше всего работает между различными видами — в их нуждах и возможностях больше асимметрии.

Люди, используя деньги или долговые расписки, могут откладывать выплату обязательств. Используя эти механизмы, вместо одновременного обмена товарами или услугами стороны получают возможность отсрочки или даже передачи обязательства другому лицу. Насколько мне известно, помимо людей, ни одно из животных в природе не использует эквивалентных деньгам механизмов. В более широком смысле аналогичную роль играет способность запоминать отдельных индивидуумов. Летучие мыши-вампиры запоминают, кто из соплеменников является надежным должником (отрыгивая, в качестве оплаты, высосанную кровь), а кто норовит обмануть. В условиях асимметричных потребностей и возможностей естественный отбор оказывает предпочтение генам, под действием которых организмы, по возможности, делятся, а в отсутствие такой возможности — побуждают делиться других. Помимо этого, отбирается способность запоминать долги, проявлять злопамятность, проверять справедливое совершение сделки и наказывать плутов, пользующихся одолжениями, но не возвращающих долг.

Совсем избавиться от плутовства никогда не удастся, и стабильные решения задач взаимного альтруизма в теории игр непременно содержат элементы наказания плутов. В математической теории имеются два больших раздела стабильных решений подобных задач. Решение «всегда твори зло» стабильно, поскольку если так поступают все, то альтруист-одиночка непременно проигрывает. Однако имеется и другая стабильная стратегия. («Стабильная» означает здесь, что после того, как количество придерживающихся этой стратегии особей перевалило за определенный критический рубеж, ни одна другая стратегия не будет более выигрышной.) Вторая стратегия заключается в следующем: «Доверяй, но проверяй. Плати добром за добро, но не забывай мстить злодеям». На языке теории игр эта стратегия (или группа стратегий) имеет много названий: «Око за око», «Что посеешь, то и пожнешь»... С эволюционной точки зрения при определенных условиях она стабильна, то есть если в популяции преобладают склонные к реципрокному альтруизму индивидуумы, то как стратегия безусловной зловредности, так и стратегия безусловного добросердечия оказываются для отдельного индивидуума проигрышными. Существуют и более сложные варианты поведения «ока за око», которые при ряде обстоятельств могут оказаться еще более выгодными.

Рассмотренные нами родственный и взаимный (реципрокный) виды альтруизма — это два столпа альтруизма в дарвиновском мире; на них, однако, покоится ряд вторичных структур. Невозможно недооценить значение репутации, особенно в человеческом обществе с его склонностью к пересудам и толкам. Кто-то известен как добрый и щедрый человек. О другом говорят, что он — ненадежный, мошенник и может нарушить данное слово. А третий знаменит щедростью в отношении проверенных партнеров, но беспощадно преследует обманщиков. В своем простейшем виде теория взаимного альтруизма основывается на допущении, что поведение животных любого вида строится на бессознательных реакциях на те или иные поступки собратьев. В человеческом обществе к этому добавляются обусловленные наличием речи возможности создания репутаций, как правило — в форме пересудов и сплетен. Вам не придется на собственном опыте обнаруживать прижимистость сотрудника «Х», когда наступает его очередь угощать коллег пивом в баре. Вы к тому времени уже будете прекрасно осведомлены из «устных источников», что «Х» — жмот, или, если мы хотим немного усложнить наш пример и добавить иронии, что «У» — ужасный

сплетник. Репутация играет огромную роль, и биологи признают, что для выживания имеет значение не только честное следование правилам взаимного альтруизма, но и создание себе соответствующей репутации. Наряду с ясным изложением всей проблематики эволюционного подхода к морали в целом вопрос репутации очень хорошо освещается в книге Мэтта Ридли «Происхождение добродетели». ¹³⁴

Американский экономист Торстейн Веблен сделал еще одно интересное предположение, которое, под другим углом, также исследовал израильский зоолог Амоц Захави. Альтруистическая помощь, возможно, служит своеобразной рекламой, демонстрирующей превосходство или лидерство. Антропологи называют такое поведение «эффектом погтлача» — по названию обычая вождей конкурирующих племен Северо-Запада Америки соревноваться в закатывании друг другу разорительно щедрых пиров. В особо тяжелых случаях череда ответных угощений продолжается до тех пор, пока одна из сторон не разоряется окончательно, оставляя победителя в ненамного лучшем состоянии. Предложенная Вебленом концепция «потребления напоказ» хорошо согласуется с многими фактами, наблюдаемыми в нашей современной жизни. Вклад Захави, долгие годы недооцениваемый, пока он не был подтвержден блестящими математическими моделями теоретика Алана Графена, состоит в обнаружении эволюционного объяснения «эффекта потлача». Захави занимался изучением арабских серых дроздов — маленьких невзрачных птичек, ведущих стайный образ жизни. Подобно многим другим мелким птицам, серые дрозды предупреждают сородичей об опасности голосовыми сигналами, а также делятся друг с другом кормом. Применяя дарвиновский подход к исследованию подобных проявлений альтруизма, в первую очередь необходимо рассмотреть родственные и взаимовозмещаемые отношения среди птиц. Когда серый дрозд делится с собратом пищей, ожидает ли он впоследствии получить ответный подарок? Либо покровительство оказывается близкому родственнику? Вывод, к которому пришел Захави, стал совершенно неожиданным. Оказалось, что доминирующие дрозды утверждают свое главенствующее положение, подкармливая более слабых собратьев. Если перевести их поведение на человеческий язык, что Захави удается мастерски, вожак заявляет что-то вроде: «Смотри, насколько я могущественней тебя. Я добываю столько пищи, что даже с тобой могу поделиться». Или: «Смотрите, насколько я превосхожу всех вас, даже могу сидеть, не боясь ястребов, на самых высоких ветках и охранять вас, пока вы кормитесь на земле». Согласно наблюдениям Захави и его коллег, дрозды энергично соревнуются за опасную роль дозорного. А когда более слабый дрозд пытается предложить корм более сильному, кажущаяся щедрость жестоко наказывается. Суть идеи Захави заключается в том, что заявление о превосходстве необходимо подтверждать реальной жертвой. Только действительно выдающийся субъект имеет возможность подкрепить свои претензии на высокий статус дорогостоящим подарком. Индивидуумы покупают успех, например в привлечении сексуальных партнеров, ценой дорогой рекламы собственного превосходства, включая демонстративные проявления щедрости и подвергание себя опасности на благо других.

Мы рассмотрели уже четыре осмысленные «дарвиновские» причины, по которым особь может вести себя по отношению к другим альтруистично, щедро или «нравственно». Во-первых, это генетическое родство. Во-вторых, реципрокный (взаимный) альтруизм — предоставление услуг в расчете на последующее возмещение. На основе этих двух причин строится третья: эволюционное преимущество приобретения репутации щедрого и доброго индивидуума. И если Захави прав, четвертая — дополнительное преимущество показной щедрости как неподдельно правдивой саморекламы.

Большая часть нашего доисторического существования прошла в условиях, которые должны были сильно способствовать эволюции всех четырех видов альтруизма. Мы жили в деревнях или, еще раньше, как павианы, в разобщенных кочующих группах, в частичной изоляции от других групп или деревень. Большинство соплеменников состояли в более тесном родстве друг с другом, чем с членами других групп, — идеальные условия для развития родственного альтруизма. Кроме того, независимо от степени родства нам приходилось жить бок о бок с одними и теми же особями всю жизнь — идеальные условия для развития взаимного альтруизма. Эти же самые условия замечательно стимулируют и борьбу за репутацию альтруиста, и наглядную рекламу щедрости. Посредством всех этих механизмов вместе и каждого из них по отдельности естественный отбор благоприятствовал развитию альтруизма у первобытных людей. Легко понять, почему наши далекие предки творили добро по отношению к членам своей группы, и зло, вплоть до патологической ненависти, — по отношению к чужим группам. Но почему в настоящее время, когда большинство из нас живет в больших городах, вдали от кровных родственников, постоянно в окружении людей, которых мы вряд ли встретим когда-либо еще, — почему мы до сих пор совершаем добрые поступки друг для друга и порой даже для людей, явно относящихся к «чужой группе»?

Здесь важно правильно представлять себе сферу действия естественного отбора, пределы его возможностей. Отбор не может обеспечить появление разумного осознания того, что является полезным для генов индивидуума. Это осознание оставалось недоступным для разума вплоть до XX века, да и сейчас в полной мере им обладает лишь небольшое число ученых-специалистов. Естественный отбор благоприятствует развитию правил и шаблонов поведения, таких как умение мотыльков ориентироваться по небесным светилам, — шаблонов, обеспечивающих распространение генам, определяющим такое поведение. А шаблоны по своей природе не застрахованы от ошибок. Укорененное в птичьем мозгу правило «присматривай за маленькими, пищащими существами в гнезде и бросай пищу в имеющиеся у них красные отверстия» обычно способствует выживанию обеспечивающих это правило генов, потому что маленькие пищащие существа в гнезде взрослой птицы — это главным образом ее собственные птенцы. Но это правило дает сбой, если в гнезде появляется птенец другой птицы, — ситуация, широко используемая кукушками. Может быть, наши действия «добрых самаритян» являются такими же ошибками, как ошибочен инстинкт тростниковой камышовки, заставляющий ее выбиваться из сил, выкармливая кукушонка? Еще более близкой аналогией может служить возникающее у людей желание усыновить (удочерить) чужого ребенка. Спешу пояснить, что слово «ошибка» используется здесь строго в эволюционном, научном контексте и, безусловно, не несет никакой уничижительной окраски.

Поддерживаемая мною идея «ошибки», или «побочного продукта», заключается в следующем. Давным-давно, когда мы, как нынче павианы, жили небольшими устойчивыми группами, естественный отбор наряду с сексуальными желаниями, чувством голода, ненависти к чужакам запрограммировал в нашем мозгу склонность к альтруизму. Образованные, знакомые с дарвиновской теорией эволюции супруги понимают, что основой их сексуального влечения является потребность размножения. Им известно, что, поскольку женщина принимает противозачаточные таблетки, беременности не произойдет. Но это знание ни в коей мере не умаляет тяги любовников друг к другу. Сексуальное влечение есть сексуальное влечение, сила его воздействия на отдельного индивидуума не зависит от первичных факторов, вызвавших его возникновение в процессе эволюции. Это мощное чувство существует отдельно от породившей его причины.

Полагаю, что то же самое допустимо сказать о побудительных причинах доброты — альтруизма, щедрости, сопереживания, жалости. Наши предки имели возможность проявлять

альтруизм только в отношении кровных родственников и соплеменников, реально способных отплатить добром за добро. Нынче это ограничение отпало, но шаблон поведения остался. Почему бы ему пропасть? Это — как сексуальное влечение. Мы так же не можем удержаться* от жалости при виде несчастного рыдающего человека (даже если он нам не родственник и вряд ли отплатит добром за добро), как не можем не испытывать вожделение по отношению к привлекательному представителю противоположного пола (даже неспособному по каким-либо причинам к размножению). Оба эти чувства — ошибки дарвиновской эволюции, но какие драгоценные, прекрасные ошибки!

Пожалуйста, ни на секунду не допускайте, что эволюционное объяснение как-то умаляет или обесценивает благородные чувства сострадания и милосердия. Или сексуальное влечение. Пропущенное сквозь призму речевой культуры, сексуальное чувство дарит нам величайшие произведения поэзии и драматургии: любовную лирику Джона Донна, например, или «Ромео и Джульетту». И конечно, то же самое можно сказать о проявлениях сочувствия, возникающих на основе «ошибок» родственного или взаимного альтруизма. Прощение должника, если рассматривать его вне контекста, может показаться настолько же противоречащим эволюции, как и усыновление (удочерение) чужого ребенка:

Не действует по принуждению милость;
Как теплый дождь, она спадает с неба
На землю и вдвойне благословенна... 135

Огромная доля человеческих амбиций и усилий объясняется сексуальными желаниями, и многие из них можно классифицировать как «ошибку». Это же можно сказать и о желании быть щедрым, проявлять сочувствие, если, согласно моему предположению, все это является «ошибочным следствием» полуизолированной жизни наших предков. Самым простым с точки зрения естественного отбора способом закрепить в людях эти желания было вмонтировать в их мозг поведенческие шаблоны. Эти давно возникшие шаблоны продолжают управлять нашим поведением и поныне, хотя обстоятельства жизни уже не соответствуют их первоначальному смыслу.

Эти шаблоны по-прежнему продолжают влиять на нас, но не кальвинистски предопределенным, а опосредованным способом. Они пропущены через фильтр литературы, обычаев, законов и традиций — и, конечно, религии. Подобно тому как сексуальные вожделения примитивного мозга преобразуются, пройдя сквозь фильтр цивилизации, в любовные сцены «Ромео и Джульетты», примитивные правила мщения «мы или они» превращаются в нескончаемую борьбу Капулетти и Монтекки. Примитивные же законы альтруизма и сочувствия «допускают осечку», благодаря которой мы можем насладиться в шекспировской пьесе благородной финальной сценой примирения.

Наглядное исследование происхождения нравственности

Если, подобно сексуальному влечению, наше моральное чувство действительно зародилось в процессе эволюции еще до появления религии, следует ожидать, что в ходе изучения человеческого сознания обнаружатся определенные общечеловеческие нравственные ценности, преодолевающие географические, культурные и, что очень важно, религиозные барьеры. В книге «Нравственное сознание: организация природой общечеловеческого понятия о добре и зле» гарвардский биолог Марк Хаузер развивает многообещающий подход, предложенный ранее философами-моралистами и основанный на проведении мысленных экспериментов.

Помимо прочего, исследование Хаузера позволяет познакомиться с ходом размышлений философов морали. Они выдвигают гипотетическую моральную дилемму и на основе возникающих при ее решении трудностей делают выводы о нашем восприятии добра и зла. Хаузер, однако, пошел дальше философов. Посредством размещенных в Интернете анкет он провел психологические опросы, помогающие понять нравственные чувства реальных людей. Для нашего рассуждения интересно, что, сталкиваясь с моральной дилеммой, большинство людей выбирает одно и то же решение, причем их согласие друг с другом в отношении выбора решения значительно превосходит их способность внятно объяснить причины, побудившие их сделать такой выбор.

Именно таких результатов и следует ожидать, если нравственное чувство так же встроено в наш мозг, как сексуальное влечение, страх высоты или, по любимому сравнению самого Хаузера, наша способность к обучению языкам (особенности которых варьируют от одной культуры к другой, но базовая глубинная грамматическая структура — универсальна). Как мы увидим, ответы людей на моральные тесты и неспособность сформулировать причины выбора, как правило, не зависят от религиозных верований индивидуума или отсутствия таковых. Основная идея книги, говоря словами самого Хаузера, состоит в следующем: «Нравственные решения основываются на универсальной нравственной грамматике — выработавшейся в течение миллионов лет способности разума, используя набор базовых принципов, строить на их основе ряд возможных моральных систем. Как и в случае с языком, составляющие нравственную грамматику принципы работают вне доступной нашему сознанию зоны».

В качестве типичных дилемм Хаузер часто использовал разные варианты ситуации с отцепившимся вагоном, который бесконтрольно мчится по рельсам и угрожает жизни людей. В самом простом варианте один человек, скажем, Денис, стоит у стрелок и может направить вагон на боковую ветку, спасая таким образом жизнь оказавшихся на главном пути 5 человек. К сожалению, на боковом пути также находится один человек. Однако, поскольку жизнь одного человека противопоставляется жизни пятерых, большинство людей соглашается, что, с точки зрения морали, Денис может или даже должен перевести стрелку и спасти пять человек ценой жизни одного. При этом игнорируется вероятность того, что человек на боковой ветке может оказаться Бетховеном или близким другом.

Усложняя мысленный эксперимент, получаем все более изощренные моральные головоломки. Что, если вагон можно остановить, уронив на рельсы перед ним тяжелый груз с моста, проходящего над путями? Тут никакой трудности нет: естественно, нужно уронить груз. Но что, если под рукой нет никакого подходящего груза, кроме сидящего на мосту и любующегося закатом добродушного толстяка? Почти все соглашаются, что столкнуть толстяка с моста — безнравственно, несмотря на то что с формальной точки зрения дилемма похожа на ситуацию с Денисом, когда переключение стрелки позволяет спасти пятерых, убив одного. Тем не менее большинство из нас на интуитивном уровне чувствуют, что между ситуациями существует критическое различие, хотя не каждый сумеет сформулировать, в чем оно заключается.

Сталкивание толстяка с моста напоминает еще одну использованную Хаузером дилемму. В больнице из-за болезни важного органа, у каждого — разного, умирают 5 пациентов. Всех их можно бы было спасти, окажись под рукой подходящие донорские органы, но, к сожалению, таких органов нет. Неожиданно хирург замечает в приемном покое здорового мужчину, у которого все 5 органов в полном порядке и пригодны для пересадки. В этой ситуации практически никто не считает, что с точки зрения морали правильно убить одного и спасти пятерых.

Так же, как и в случае с толстяком на мосту, большинство людей интуитивно чувствуют, что невинного постороннего человека нельзя приносить в жертву ради других без его предварительного согласия. Эммануил Кант сформулировал знаменитый императив, гласящий, что разумное существо никогда нельзя использовать без его согласия как средство для достижения цели, даже если эта цель принесет благо другим. В этом, похоже, и заключается разница между толстяком на мосту (и пациентами в больнице) и человеком на боковой ветке железнодорожного пути в случае с Денисом. Сидящего на мосту толстяка просто-напросто использовали как средство остановить вагон. Налицо нарушение кантовского императива. Стоящего же на боковой ветке человека для спасения 5 других не использовали — использовали отвод дороги, на которой, по несчастному стечению обстоятельств, находился он. Но почему изложенное таким образом различие нас удовлетворяет? Кант объяснял это моральным абсолютом. Хаузер полагает, что мы имеем дело со свойством, заложенным в нас в процессе эволюции.

С нарастанием сложности воображаемых ситуаций с беглым вагоном возникающие моральные проблемы становятся все мучительней. Хаузер сравнивает дилеммы, с которыми приходится столкнуться двум индивидуумам по имени Нед и Оскар. Нед стоит рядом с путями. В отличие от Дениса, который мог повернуть вагон на боковую ветку, Нед может пустить его только на боковую петлю, выходящую обратно на главный путь прямо перед 5 жертвами. Простое переключение стрелок не поможет: вернувшись на главный путь, вагон все равно убьет людей. Однако по воле случая на боковой петле оказался огромный толстяк, достаточно массивный, чтобы остановить вагон. Должен ли Нед перевести стрелку и изменить направление поезда? Большинство людей интуитивно отвечают отрицательно. Но в чем разница между дилеммой Дениса и Неда? Возможно, отвечающие интуитивно используют императив Канта. Когда Денис уводит в сторону вагон и предотвращает его столкновение с 5 людьми, несчастная жертва на боковой ветке представляет, по изящному выражению Рамсфилда, «побочный ущерб». Нед же, по сути дела, непосредственно использует толстяка для остановки вагона, и большинство людей (скорее всего, бездумно), и в том числе Кант (безусловно, в результате длительных раздумий), видят в этом критическое отличие.

Ситуация меняется еще раз — с новой дилеммой приходится столкнуться Оскару. Его положение аналогично положению Неда, за одним исключением: на боковой петле лежит большая железная гиря, достаточно тяжелая, чтобы остановить вагон. Казалось бы, у Оскара не должно быть сомнений в необходимости переключить стрелку и поменять направление вагона. Но, к сожалению, неподалеку от железной гири оказался пешеход. Переключи Оскар стрелку, и он так же неизбежно погибнет, как толстяк в примере с Недом. Разница заключается в том, что Оскар не использует пешехода для остановки вагона; он — такой же «побочный ущерб», как и жертва в примере Дениса. Подобно Хаузеру и большинству отвечавших на анкеты участников, я считаю, что Оскару можно перевести стрелку, а Неду — нельзя. Но обосновать интуитивное чувство мне тоже нелегко. Идея Хаузера заключается в том, что такие интуитивные нравственные решения часто не продумываются до конца, но благодаря эволюционному наследию мы тем не менее чувствуем себя вполне уверенными в правильности выбранного варианта.

Проводя любопытный экскурс в антропологию, Хаузер и его коллеги видоизменили вышеописанные моральные тесты, чтобы предложить их членам маленького центральноамериканского племени куна, практически не имеющего связей с западной цивилизацией и не обладающего оформленной религией. Мысленный эксперимент с «вагоном на путях» изменили, приноротив к местным реалиям, таким как каноэ и плывущие крокодилы. Оказалось, что, с учетом небольших расхождений, вызванных изменением

условий задачи, нравственные решения членов племени куна ничем не отличались от наших.

Хаузер также исследовал — и это представляет для нас особенный интерес, — отличается ли нравственная интуиция верующих от интуиции атеистов. Ведь если источник нравственности — это религия, то такие различия должны быть налицо. Однако обнаружить их не удалось. Работая вместе с философом Питером Зингером,¹³⁶ Хаузер использовал воображаемые дилеммы и сравнивал ответы атеистов и верующих. В каждом случае испытуемым предлагалось выбрать, является ли предлагаемое действие нравственно «обязательным», «допустимым» или «запрещенным».

Предлагались три дилеммы.

1. *Дилемма Дениса* . Девяносто процентов опрошенных заявили, что перевести стрелку и убить одного человека, спасая пятерых, допустимо.

2. *Вы видите, как в пруду тонет ребенок* . Больше поблизости никого нет. Вы можете спасти ребенка, но ваши брюки при этом окажутся безнадежно испорченными. Девяносто семь процентов согласились, что нужно спасти ребенка (поразительно, но три процента предпочитают, по-видимому, спасти брюки).

3. *Вышеописанная дилемма с пересадкой органов* . Девяносто семь процентов опрошенных согласились, что с нравственной точки зрения запрещается убивать ожидающего в приемном покое здорового человека на органы, чтобы спасти пятерых других людей.

Главный вывод из результатов исследования Хаузера и Зингера заключается в том, что между ответами атеистов и верующих не существует статистически значимой разницы. Он подтверждает разделяемое мной и многими другими мнение, что нам не нужен бог, чтобы быть хорошими — или дурными.

Зачем быть хорошим, если бога нет?

Заданный в таком виде, вопрос звучит просто подло. Когда верующие вопрошают меня подобным образом (а это происходит нередко), так и подмывает ответить: «Вы действительно хотите сказать, что стараетесь быть добрыми, только чтобы заслужить награду и похвалу господина или избежать его неудовольствия и кары? Так это, извините, не нравственность, это — подхалимство, вылизывание сапог, постоянное оглядывание на большую небесную камеру наблюдения или маленького «жучка» в голове, которые следят за каждым вашим движением и каждой скрытой мыслью». Как сказал Эйнштейн, «если люди хороши только из-за боязни наказания и желания награды, то мы действительно жалкие создания». В книге «Наука добра и зла» Майкл Шермер называет этот аргумент «завершителем спора». Если вы утверждаете, что в отсутствие бога вас ничто не удержит от «совершения разбоя, насилия и убийства», ваша аморальность несомненна, и «остальным стоит посоветовать держаться от вас подальше». Если же, с другой стороны, вы признаетесь, что будете продолжать быть хорошим и в отсутствие божественного надзора, то тем самым вы неизбежно подрываете заявление о необходимости бога для нравственного поведения. Подозреваю, что очень многие верующие считают собственное стремление к добру исключительно заслугой религии, особенно если они принадлежат к одному из вероисповеданий, систематически эксплуатирующих тему личной вины.

По-моему, мысль о том, что, исчезни неожиданно в мире вера в бога, мы все тотчас превратимся в эгоистичных, бессердечных гедонистов, не знающих ни доброты, ни милосердия, ни щедрости — ничего, что можно назвать хорошим, слишком пессимистична.

Широко бытует мнение, будто этого взгляда придерживался Достоевский — возможно, из-за следующего, вложенного в уста Ивана Карамазова, монолога:

*[Иван] торжественно заявил в споре, что на всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество — не существует вовсе и что если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие. Иван Федорович прибавил при этом в скобках, что в этом-то и состоит весь закон естественный, так что уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия. Но и этого мало: он закончил утверждением, что для каждого частного лица, например как бы мы теперь, не верующего ни в бога, ни в бессмертие свое, нравственный закон природы должен немедленно измениться в полную противоположность прежнему, религиозному, и что эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым разумным и чуть ли не благороднейшим исходом.*¹³⁷

Считайте меня наивным, но я отношусь к природе человека менее цинично, чем Иван Карамазов. Неужели, чтобы не скатиться к эгоизму и преступности, нам действительно требуется надсмотрщик — бог ли, сосед ли? От всего сердца надеюсь, что мне, как и вам, читатель, такой надзор не нужен. С другой стороны, чтобы не возомнить слишком много, привожу отрез вляющий рассказ из книги «Чистый лист» Стивена Линкера о полицейской забастовке в Монреале:

В романтические 1960-е годы, будучи подростком в славящейся миролюбием Канаде, я свято верил в анархизм Бакунина. Доводы родителей о том, что стоит правительству ослабить контроль — и все полетит в тартарары, меня смешили. Наши противоречивые точки зрения удалось проверить на практике в 8 утра 17 октября 1967 года, когда в Монреале забастовали полицейские. К 11/20 произошло первое ограбление банка. К полудню большинство центральных магазинов закрылось из-за грабежей. Еще через несколько часов таксисты сожгли гараж компании лимузинов, перехватывающей у них пассажиров в аэропорту, снайпер застрелил с крыши районного полицейского, толпы хулиганов ворвались в несколько гостиниц и ресторанов, доктор убил забравшегося в его загородный дом грабителя. К концу дня было ограблено шесть банков, разорена сотня магазинов, устроено двенадцать пожаров, разбит эквивалент сорока грузовиков витринного стекла. До прибытия вызванных городскими властями военных и, конечно, конной полиции общая сумма нанесенного ущерба достигла трех миллионов долларов. Эта внушительная наглядная демонстрация в корне подорвала мои политические убеждения...

Может, и я тоже неисправимый оптимист, смотрящий на мир сквозь розовые очки и верящий, что в отсутствие божьего надзора и стражей порядка люди по-прежнему останутся хорошими. С другой стороны, полагаю, что большая часть населения Монреаля были верующими. Почему тогда страх божий не помешал им нарушать закон, когда земные полицейские временно покинули сцену? Не была ли монреальская забастовка убедительным стихийным экспериментом по проверке гипотезы, что наше хорошее поведение проистекает из веры в бога? А может, прав циник Г. Л. Менкен, однажды язвительно заметивший: «Когда говорят о необходимости религии, обычно имеют в виду, что нужна полиция». Естественно, не все жители Монреаля с исчезновением полиции пустились во все тяжкие. Интересно было бы проследить, имела ли место пусть даже небольшая статистическая тенденция к

проявлению более законопослушного поведения со стороны верующих по сравнению с атеистами. В отсутствие проверенных данных рискну предположить обратное. Существует циничная поговорка «в окопах атеистов не бывает». Подозреваю, что атеистов не так много среди заключенных (тому имеются подтверждения, хотя, возможно, делать из них далеко идущие выводы не стоит). Я не пытаюсь доказать, что атеизм способствует нравственности, хотя о гуманизме — этической системе убеждений, часто сопутствующей атеизму, — скорее всего, такое можно сказать. Помимо этого есть вероятность, что атеизм связан с каким-то третьим фактором, понижающим позывы к преступному поведению, например с более высоким уровнем образования и умственных способностей или склонностью к размышлениям. Имеющиеся на сегодняшний день статистические данные, безусловно, не подтверждают бытующее мнение о положительной корреляции религии и нравственности. Корреляционные доказательства никогда не бывают абсолютными, но нижеприведенные данные, взятые из книги Сэма Харриса «Письмо к христианской нации», тем не менее впечатляют:

Хотя приверженность той или иной политической партии США и не является идеальным показателем религиозности, не секрет, что «красные [республиканские] штаты» в основном обязаны своим цветом преобладающему политическому влиянию консервативных христиан. Если бы существовала реальная связь между христианским консерватизмом и общественным благом, мы должны были бы наблюдать какие-то признаки этого в «красных» американских штатах. Увы. Из двадцати пяти городов с самым низким уровнем преступлений, связанных с насилием, 62 процента находятся в «синих» [демократических] штатах, а 38 процентов — в «красных» [республиканских]. Из двадцати пяти самых опасных городов 76 процентов — в «красных» штатах, а 24 процента — в «синих». Более того, три из пяти наиболее опасных городов США расположены на территории набожного штата Техас. Двенадцать штатов с самым высоким уровнем ограблений — «красные». Двадцать четыре из двадцати девяти штатов с самым высоким показателем ограблений — «красные». Из двадцати двух штатов с самым высоким количеством убийств семнадцать — «красные».

Результаты специальных исследований вполне соответствуют вышеприведенным статистическим данным. В книге «Разрушить завет» Дэн Деннет язвительно замечает, но не по поводу книги Харриса, а в целом по поводу исследований такого рода:

Без слов ясно, что подобные выводы сильно противоречат заявлениям о нравственном превосходстве верующих; для их опровержения религиозные организации инициировали целую волну дальнейших исследований... можно быть уверенным в одном: если действительно существует достоверная положительная корреляция между нравственным поведением и религиозными убеждениями, практиками или конфессиональной принадлежностью, ее открытие — не за горами благодаря количеству религиозных организаций, горящих желанием найти научное подтверждение своим традиционным убеждениям (эти господа очень высоко ценят способности науки отыскивать истину, когда наука подтверждает то, во что они и так верили). И каждый месяц, не приносящий желаемого плода, усиливает подозрение в том, что искомой корреляции просто-напросто не существует. 138

Большинство думающих людей согласятся, что нравственность, проявляемая при отсутствии полицейского контроля, как-то более нравственна, чем притворная, исчезающая с началом забастовки полицейских или как только выключены камеры наблюдения — будь это реальная камера в полицейском участке либо воображаемая на небесах. Однако, возможно,

не стоит так цинично трактовать вопрос: «Зачем быть хорошим, если бога нет?»¹³⁹ Религиозный мыслитель мог бы предложить более высокоморальную интерпретацию этого вопроса. Воображаемый защитник веры мог бы сказать примерно следующее:

Не верящие в бога не верят в существование абсолютных стандартов нравственности. Имей вы самые добрые намерения, как определить, что есть добро, а что — зло? Только религия в состоянии дать универсальные понятия о добре и зле. Без религии решения придется принимать по ходу дела. В результате получим нравственность без правил, определяемую «шестым чувством» мораль. А если мораль можно выбирать, то и Гитлер может назвать себя высокоморальным в соответствии со своими собственными, вдохновленными евристикой стандартами, и все атеисты могут по личному выбору строить жизнь на основе любых произвольно взятых принципов. Христианин же, иудей или мусульманин знают, что зло имеет абсолютное определение, истинное в любое время и в любом месте, и Гитлер, по этому определению, — его воплощение.

Даже если бы оказалось правдой, что бог необходим нам для сохранения нравственности, само по себе это, конечно же, не может сделать его существование более вероятным, а только более желанным (существует множество людей, не видящих разницы между этими двумя понятиями). Но мы сейчас обсуждаем не это. Наш воображаемый защитник религии не утверждает, что причиной нравственного поведения верующих является желание выслужиться перед богом. Он говорит, что вне зависимости от того, откуда берется желание быть хорошим, без установленного богом стандарта невозможно определить, что такое хорошо. Каждый человек тогда сам будет решать, что хорошо, а что плохо, и поступать соответственно. Нравственные принципы, основанные только на религии (а, скажем, не на «золотом правиле»,¹⁴⁰ которое часто ассоциируется с религией, но может быть выведено и из другого источника), мы назовем абсолютистскими. Что хорошо — всегда хорошо, а что плохо — всегда плохо, и незачем вдаваться во всякие ненужные детали, например учитывать вероятность того, что кто-то из-за нашего решения пострадает. Наш защитник религии уверен, что только религия способна научить нас, что такое хорошо.

Некоторые философы, особенно Кант, пытались вывести абсолютную мораль из нерелигиозных источников. Несмотря на то что сам он был верующим, что в то время было практически неизбежно,¹⁴¹ Кант сделал попытку обосновать мораль не на божестве, а на долге ради долга. Его знаменитый категорический императив призывает: «... поступай только согласно такой максиме, о которой ты можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Императив замечательно работает, скажем, в случае обмана. Представьте себе мир, в котором люди лгут из принципа, где ложь считается хорошей и похвальной нормой поведения. В таком мире ложь лишилась бы всякого смысла. Для самого определения лжи требуется презумпция правды. Если моральный принцип — это правило, которое мы хотим сделать общим для всех людей, то ложь не может служить моральным принципом, потому что она тогда станет бессмысленной. Ложь как жизненное правило — внутренне нестабильна. Обобщим сказанное: эгоизм, или паразитирование на других, может сработать и принести мне пользу лишь в обществе, где мое поведение — исключение из правила. Но мне нежелательно, чтобы все приняло для себя в качестве морального принципа эгоизм и паразитизм, хотя бы потому, что мне тогда не на ком будет паразитировать.

Кантовский императив работает для правды и для некоторых других случаев. Однако распространить его на нравственность в целом нелегко. И, невзирая на Канта, хочется согласиться с нашим гипотетическим защитником религии в том, что абсолютистская

139

140

141

нравственность, как правило, проистекает из религии. Всегда ли безнравственно прервать жизнь неизлечимо больного, страдающего пациента по его собственной просьбе? Всегда ли безнравственно заниматься любовью с человеком одного с тобой пола? Всегда ли безнравственно убить эмбрион? Есть люди, считающие, что всегда, и их мнение — абсолютно. Они и слышать не хотят других аргументов и возражений. Любой несогласный заслуживает пули в лоб: метафорической, конечно, не буквальной, — кроме некоторых врачей, делающих аборты в американских клиниках (см. следующую главу). Но, к счастью, мораль вовсе не обязательно должна быть абсолютистской.

Для философов, занимающихся вопросами морали, размышление о добре и зле — хлеб насущный. Согласно краткому определению Роберта Хайнда, они утверждают, что «моральные принципы не обязательно должны быть порождением разума, но разум должен быть в состоянии их оправдать».¹⁴² В моральной философии существует немало школ. В соответствии с принятой сегодня терминологией главный водораздел пролегает между деонтологами (такими, как Кант) и консеквенциалистами (включая утилитаристов, например Джереми Бентама, 1748–1832). Деонтология — это философское название веры в то, что нравственность заключается в выполнении правил. Это буквально — наука о долге; термин образован от греческого «то, что связывает». Деонтология не полностью эквивалентна моральному абсолютизму, но при обсуждении вопросов религии нам не стоит углубляться в различия между этими понятиями. Абсолютисты считают, что существуют абсолютные понятия добра и зла, не имеющие, с высоты своей Непреложности, ничего общего с последствиями их применения. Консеквенционалисты более прагматично полагают, что нравственность того или иного действия должна определяться его последствиями. Одним из вариантов консеквенционализма является утилитаризм — философское течение, разработанное Бентамом — другом Джеймса Милля (1748–1832) и его сына, Джона Стюарта Милля (1806–1873). В качестве резюме утилитаризма часто используют изречение Бентама, к сожалению, не совсем точное: «Морально и законно то, что приносит наибольшее счастье наибольшему количеству людей».

Абсолютизм не всегда проистекает из религии. Однако абсолютистскую нравственность нелегко обосновать какими-либо нерелигиозными доводами. Единственным приходящим на ум конкурентом является патриотизм, особенно в военное время. По словам знаменитого испанского кинорежиссера Луиса Буньюэля, «Бог и Родина — беспроегрышная парочка, их рекорд в том, что касается угнетения и пролитой крови, не побить никому». При наборе новобранцев офицеры из всех сил напирают на священный патриотический долг будущих жертв. Во время Первой мировой войны женщины вручали молодым людям в штатском белые перышки.

Ты нам дорог, родной, но пора собираться в дорогу,
Наш король и страна ожидают тебя на подмогу.

Уклонявшихся от армии по убеждениям презирали даже враги, настолько сильна была повсеместная уверенность в нравственной ценности патриотизма. Трудно придумать что-нибудь более абсолютное, чем девиз профессионального солдата «За мою страну, права она или нет», потому что он подвигает его убивать всякого, кого политики вздумают объявить врагом. На решение политиков вступить в войну могут оказать влияние консеквенционные доводы. Но когда война уже объявлена, в дело идет — с редко встречаемыми за пределами религии мощью и напором — абсолютистский патриотизм. Солдат, позволивший взять верх собственному рассудку и консеквенционной нравственности, не проявивший пылки в своих действиях, запросто может очутиться

перед военно-полевым судом, а то и быть расстрелян.

Мы предприняли экскурс в область моральной философии из-за религиозных заявлений о том, что без бога нравственность приобретает относительный, произвольный характер. Оставив в стороне Канта и других глубокомысленных философов-моралистов и отдав должное лихорадке патриотизма, мы ясно видим, что основным источником абсолютистской морали, как правило, служит какая-нибудь священная книга. Книга, которой приписывается уровень авторитетности, далеко превосходящий все то, что можно разумно обосновать имеющимися историческими сведениями. И что удивительно: сторонники авторитетности священных писаний поразительно мало интересуются историческим происхождением (как правило, весьма подозрительным) почитаемых текстов. В следующей главе будет показано, что в любом случае заявляющие о своем преклонении перед нравственными канонами священных книг люди далеко не всегда уважают их на практике. И хорошо, что не уважают, — полагаю, поразмыслив, они вполне со мной согласятся.

Глава седьмая. «Священная» книга и изменчивая мораль *Zeitgeist*¹⁴³

*Жертвы политики исчисляются тысячами,
религии — десятками тысяч.
Шон О'Кейси*

Священное Писание двумя способами указывает верующим нравственные правила поведения. Во-первых, путем прямых предписаний, как, например, в Десяти заповедях — источнике яростных разногласий и интеллектуальных битв в американской глубинке; во-вторых — на живых примерах, когда бог или другие библейские персонажи служат, говоря современным языком, образцами для подражания. Если по-религиозному истово придерживаться данных правил, то на выходе получаем нравственную систему, которую любой современный человек — как верующий, так и атеист — не может не признать, мягко говоря, довольно отвратительной.

Справедливости ради заметим, что большая часть содержания Библии не преднамеренно жестока, а скорее просто бессвязна, как этого, по существу, и следует ожидать от беспорядочно сгруппированного под одним переплетом сборника разрозненных документов, сочиненных, отредактированных, переводимых, искажаемых и «исправляемых» сотнями неизвестных нам и незнакомых друг с другом авторов, редакторов и переписчиков в течение девяти веков.¹⁴⁴ Это обстоятельство помогает понять некоторые странные особенности Библии. Но беда в том, что именно этот причудливый сборник апологеты религии предлагают нам использовать в качестве непогрешимого источника морали и правил поведения. Как справедливо заметил в книге «Грехи Писания» епископ Джон Шелби Спонг, желающие строить свою жизнь буквально «по Библии» либо не читали ее, либо не поняли. Епископ Спонг, кстати сказать, является замечательным образчиком либерального епископа, прогрессивные верования которого пришлись бы не по вкусу большинству тех, кто называет себя христианином. Его английский единомышленник Ричард Холловей, епископ Эдинбургский, недавно ушел на пенсию. Епископ Холловей даже назвал себя «христианином, идущим на поправку». Однажды в Эдинбурге между нами состоялась одна из самых интересных в моей жизни и плодотворных публичных дискуссий.¹⁴⁵

143

144

145

Ветхий Завет

Начнем с приведенной в книге бытия популярной истории про Ноя, позаимствованной из вавилонского мифа об Ута-Напишти и присутствующей в более древних мифологиях нескольких культур. Легенде о входящих в Ноев ковчег животных («каждой твари по паре») трудно отказать в обаянии, но нравственная ее сторона не может не вызвать содрогания. Разочаровавшись в людях, бог утопил всех без исключения (кроме одной семьи), не пощадив ни детей, ни животных (ни в чем, по-видимому, не повинных).

Теологи, конечно, с раздражением возразят, что в наши дни мы не принимаем все написанное в Книге Бытия буквально. Так я именно об этом и говорю! Мы сами выбираем, в какие фрагменты Священного Писания надо верить без рассуждений, а от каких можно отмахнуться, назвав их символами или аллегориями. Выбор же делается на основе личных убеждений, подобно тому как атеисты на основе личного убеждения, без абсолютного критерия истины, решают следовать тому или иному нравственному правилу. Если первый из этих способов можно назвать выбором морали при помощи «шестого чувства», то же можно сказать и о втором.

В любом случае, несмотря на благие рассуждения ученых теологов, пугающе большое количество верующих продолжают воспринимать Священное Писание, включая историю о Всемирном потопе, буквально. Согласно опросу компании «Галлап», в их число входит приблизительно 50 процентов американских избирателей. А также, по-видимому, многие азиатские религиозные лидеры, возложившие вину за цунами 2004 года не на движение тектонических плит, а на человеческие преступления — от танцев и распития в барах алкогольных напитков до нарушения каких-то ничтожных правил на отдыхе. Трудно винить людей, воспитанных на сказке о Всемирном потопе и не знающих ничего, кроме библейского текста. Склонность рассматривать природные катастрофы как реакцию на людское поведение, мщение за человеческие грехи, а не какое-то безразличное к их делам движение тектонических плит,¹⁴⁶ выработалась у них благодаря полученному образованию. Между прочим, не кажется ли вам исключительно самонадеянной уверенность в том, что вызванные мощной дланью господней (или энергией тектонического движения) землетрясения непременно связаны с людскими деяниями? Почему божественное существо, в уме которого витают идеи о вечности и творении, должно копаться в постыдных человеческих делишках? Мы, люди, задираем нос так высоко, что готовы вознести свои убогие грешки до вселенского величия!

В ходе телеинтервью со знаменитым американским противником абортов преподобным Майклом Бреем я поинтересовался, почему евангельские христиане так яростно нападают на личные сексуальные наклонности людей — скажем, гомосексуализм, — они же не оказывают влияния на жизнь окружающих. В его ответе прозвучало что-то вроде самооправдания. Пошли бог на город, где живут грешники, какую-нибудь напасть, невинные жители могут оказаться «побочным ущербом». В 2005 году в результате урагана «Катрина» был затоплен прекрасный город Новый Орлеан. Один из самых известных американских телепроповедников-евангелистов и бывший кандидат на пост президента преподобный Пат Робертсон, по слухам, объяснил появление урагана тем, что в Новом Орлеане проживала комедийная актриса-лесбиянка.¹⁴⁷ Казалось бы, у всемогущего господина есть под рукой более точные инструменты для искоренения грешников — целенаправленные сердечные приступы, скажем, а не просто сметение с лица земли целого города по причине проживания

146

147

в нем одной остроумной представительницы сексуальных меньшинств.

В ноябре 2005 года жители города Дувр, штат Пенсильвания, проголосовали за увольнение из местного отдела образования всех фундаменталистов, навлекших своими попытками протолкнуть закон об обязательном изучении «разумного замысла» сомнительную славу, если не сказать насмешки, на весь город. Услышав о поражении фундаменталистов в результате демократического процесса голосования, Пат Робертсон выступил с жесткой отповедью:

Хочу предостеречь добрых жителей Дувра: случись в окрестностях города стихийное бедствие, не молитесь богу о спасении. Вы только что изгнали его из своего города и не удивляйтесь, если он откажется вам помогать, когда нагрянет беда — если она нагрянет, чего я, конечно, не утверждаю. Но если она нагрянет, не забывайте, что вы только что проголосовали за изгнание бога из своего города. Не просите о заступничестве, потому что его может рядом не оказаться.¹⁴⁸

Можно было бы отмахнуться от Пата Робертсона как от безобидного кривляки, если бы не его разительное сходство со многими современными влиятельными, обладающими реальной властью деятелями США.

При истреблении Содома и Гоморры выбранным для пощады, аналогично семейству Ноя, оказался благодаря своей исключительной добродетели племянник Авраама Лот со своими родичами. Чтобы предупредить Лота о необходимости покинуть город, в Содом в мужском облике были посланы два ангела. Лот радушно принял ангелов в своем доме, но тут толпой явилось все население Содома и потребовало, чтобы Лот выдал им ангелов для группового изнасилования (содомиты, что же от них ждать?): «...где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их» (Быт.19:5). Используемый в утвержденной версии Библии загадочно-смягченный эвфемизм «познаем» в данном контексте звучит весьма забавно. Отвергая требования толпы, Лот демонстрирует такую галантность, что начинаешь понимать, почему бог выбрал в качестве единственного доброго человека в Содоме именно его. Но безупречная репутация меркнет, когда читаешь о его встречном предложении: «...вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, сделайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего» (Быт. 19:7–8).

Как ни толкуй эту странную историю, вывод об уважении к женщинам в той лихорадочно религиозной культуре однозначен. К счастью, в тот раз Лоту не пришлось жертвовать девственностью своих дочерей, потому что ангелы успешно справились с нападавшими, поразив их слепотой. Затем они велели Лоту, собрав семью и скот, быстро покинуть город, который вот-вот должен быть разрушен. Всей его семье удалось спастись, за исключением несчастной жены, которую Господь за послушание — довольно невинное, на первый взгляд, желание обернуться и посмотреть на салют — обратил в соляной столб.

Дочери Лота еще раз ненадолго появляются в повествовании. После обращения матери в соляной столб они живут вместе с отцом в горах, в пещере. Лишенные компании других мужчин, они решают напоить отца вином и переспать с ним. Будучи слишком пьяным, чтобы заметить появление, а затем исчезновение из его постели старшей дочери, Лот тем не менее сумел зачать ребенка. На следующую ночь дочери решили, что очередь за младшей. И опять Лот напился до бесчувствия, и младшая дочь также забеременела (см. Быт. 19:31–36). Если эта неблагополучная семья была самой высокоморальной в Содоме, поневоле начнешь

оправдывать бога и его серное судопроизводство.

С историей Лота и его дочерей мрачным образом перекликается глава 19 Книги Судей, в которой описывается путешествие неизвестного левита (священника) и его наложницы в Гиву. Они заночевали в доме гостеприимного старика. Во время ужина раздался стук в ворота; жители города начали требовать у старика выдать им гостя — «мы познаем его». Старик почти буквально повторил им ответ Лота: «... нет, братья мои, не делайте зла, когда человек сей вошел в дом мой, не делайте этого безумия. Вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия» (Суд. 19:23–24). Очередная демонстрация неприкрытого женоненавистничества. Особенно леденит — «смирите их». Пожалуйста, получайте удовольствие, унижая и насилая мою дочь и наложницу этого священника, но проявите подобающее почтение к моему гостю — он же, в конце концов, мужчина. На этом сходство двух историй заканчивается — наложнице левита повезло куда менее, чем дочерям Лота.

Левит вывел ее толпе, до утра подвергавшей ее групповому изнасилованию: «Они познали ее, и ругались над нею всю ночь до утра. И отпустили ее при появлении зари. И пришла женщина пред появлением зари, и упала у дверей дома того человека, у которого был господин ее, [и лежала] до света» (Суд. 19:25–26). Утром левит нашел наложницу распростертой на пороге дома и, на наш современный взгляд, бессердечно и резко скомандовал «вставай, пойдем»; но она не двинулась. Она была мертва. Тогда он «взял нож и, взяв наложницу свою, разрезал ее по членам ее на двенадцать частей и послал во все пределы Израилевы». Да-да, это не обман зрения. Загляните в Книгу Судей (19:29). Давайте еще раз проявим снисхождение и объясним вышеописанное невероятной причудливостью библейских текстов. Эта история настолько сходна с историей Лота, что возникает подозрение — не смешались ли когда-то беспорядочные куски манускрипта в каком-нибудь ныне забытом скриптории: еще одна иллюстрация недостоверности и сомнительности происхождения священных текстов.

Дядя Лота — Авраам — является основателем всех трех «великих» монотеистических религий. Благодаря своему патриаршему статусу он достоин служить образцом для подражания разве что чуть меньше самого бога. Но кто из современных моралистов согласился бы следовать его примеру? Еще на заре своей долгой жизни Авраам, чтобы пережить голод, в сопровождении жены Сарры отправился в Египет. Сообразив, что египтяне, возможно, соблазнятся его красавицей женой и это поставит жизнь мужа под угрозу, он решает выдать ее за свою сестру. Как таковую ее забирают в гарем фараона, который, соответственно, осыпает Авраама почестями. Богу, однако, эта ловкая проделка пришлась не по вкусу, и он наслал болезнь на фараона и дом его (интересно, почему не на Авраама?). Расстроенный, как нетрудно догадаться, фараон поинтересовался, почему Авраам скрыл от него, что Сарра — его жена, затем вернул ее Аврааму и выпроводил обоих из Египта (Быт. 12:18–19). Как ни поразительно, впоследствии эта парочка пыталась сыграть такую же шутку с Авимелехом, царем Герарским. Авраам и его уговорил жениться на Сарре, выдав ее за сестру (Быт. 20:2–5). Позднее тот, в сходных с фараоном выражениях, выразил свое возмущение; и трудно им обоим не посочувствовать. И не является ли это очередное повторение текста дополнительным свидетельством его ненадежности?

Но вышеприведенные неблагоприятные эпизоды из жизни Авраама меркнут по сравнению со знаменитой историей жертвоприношения его сына Исаака (в мусульманских священных книгах этот же рассказ приводится в отношении другого сына Авраама, Измаила). Бог приказал Аврааму принести во всесожжение своего долгожданного сына. Авраам построил алтарь и, сложив кучу хвороста, уложил на нее связанного Исаака. Он уже занес над сыном жертвенный нож, когда ангел, театрально появившись в последний момент,

сообщил ему о перемене плана: бог, оказывается, просто шутил, «проверяя» Авраама и крепость его веры. Современному поборнику нравственности остается только гадать, сумеет ли ребенок когда-либо оправиться от такой психологической травмы. По нынешним стандартам данная история — образчик совокупного насилия над малолетним, издевательства вышестоящего над подчиненным и первого известного в истории случая применения оправдания, впоследствии звучавшего из уст обвиняемых на Нюрнбергском процессе: «Я только подчинялся приказу». Тем не менее эта легенда — один из главных мифов всех трех монотеистических религий.

И опять же, современные теологи скажут, что историю о жертвоприношении Авраамом Исаака нельзя воспринимать буквально. И опять же, им можно ответить двумя способами. Во-первых, огромное количество людей и по сей день считают весь текст Священного Писания неоспоримой истиной; многие из них обладают реальной политической властью над другими людьми, особенно в США и в мусульманских странах. Во-вторых, если эта история — не буквальная истина, как прикажете ее рассматривать? Как аллегорию? Аллегория чего? Вряд ли чего-то достойного. Или это — моральный урок? И какую мораль мы должны извлечь из этого жуткого рассказа? Нашей задачей является доказать — не забывайте, — что на самом деле наше понятие о нравственности не проистекает из Священного Писания. А если и проистекает, то мы выбираем из Писания «хорошие» куски и отбрасываем неприглядные. Но в таком случае мы уже имеем независимый критерий, позволяющий нам судить о том, какие куски являются нравственными. Источником этого критерия, откуда бы он ни взялся, само Писание быть не может. Кроме того, данный критерий имеется, похоже, у всех людей, вне зависимости от их вероисповедания.

Даже в этой омерзительной легенде сторонники религии пытаются выискать основания для восхваления бога. Не правда ли, бог поступил хорошо, пощадив Исаака в последнюю минуту? Если читатель соблазнится этим надуманным аргументом, что, полагаю, весьма маловероятно, то вот другая история человеческого жертвоприношения, закончившаяся более плачевно. В главе и Книги Судей военачальник Иеффай вступает с богом в сделку: если бог дарует Иеффаю победу над аммонитянами, то Иеффай непременно вознесет на всесожжение «то, что, по возвращении моем, выйдет из ворот дома моего навстречу мне». Иеффай действительно поразил аммо-нитян («поразил их поражением весьма великим», в полном соответствии с духом Книги Судей) и вернулся домой с победой. Первой приветствовать его, что неудивительно, вышла из дома «с тимпанами и ликами» его дочь — единственное его дитя. Конечно, Иеффай разорвал на себе одежды, но делать было нечего. Бог, безусловно, ожидал обещанного сожжения, и под влиянием обстоятельств дочь трогательно согласилась быть принесенной в жертву. Она только попросила позволения взойти на два месяца в горы, чтобы оплакать свое девство. В конце этого срока девушка покорно вернулась к отцу, который изжарил ее на костре. На этот раз бог не нашел нужным вмешаться.

Проявление избранными им народами даже толики внимания к конкурирующим божествам вызывает у бога приступы неистовой ярости, напоминающей наихудшие проявления сексуальной ревности и, опять-таки, мало подходящей с позиции современной морали в качестве образца идеального поведения. Людям, включая тех, кто никогда не изменял своей половине, хорошо понятны соблазны подобной измены: они составляют традиционные сюжеты литературных произведений — от Шекспира до площадных комедий. Но современному человеку гораздо труднее понять, по-видимому, необоримое искушение «переспать» с чужими богами. Моему наивному сознанию исполнение заповеди «да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» кажется довольно легким — проще не бывает, особенно по сравнению, скажем, с «не желай жены ближнего твоего». Или осла. (Или вола.) И тем не менее на всем протяжении Ветхого Завета, с предсказуемостью сюжета

непристойного фарса, стоит богу отвернуться на секунду, дети Израилевы утекают к Ваалу или еще какому идолу-совратителю.¹⁴⁹ Или, как однажды, к золотому тельцу...

Еще более авторитетным образцом для подражания, с точки зрения сторонников трех монотеистических религий, является Моисей. Авраам — это первый патриарх, но кто, как не Моисей, достоин звания основателя доктрины иудаизма и произошедших из него религий. Во время эпизода с золотым тельцом Моисей был занят восхождением на Синайскую гору, беседой с богом и получением от него каменных скрижалей. Оставшиеся внизу жители (которым под страхом смерти было запрещено даже ступить на гору), пока его не было, времени не теряли:

Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань и сделай нам бога, который бы шел перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось. Исх.32:1.

Собрав со всех золото, Аарон переплавил его в золотого тельца, а затем построил новоиспеченному божеству алтарь, чтобы все могли приносить ему жертвы.

Плохо же они знали бога, если позволяли себе выкидывать такие штуки у него за спиной. Хоть он был занят на горе, но, будучи всеведущим, бог не замедлил отправить себе на подмогу Моисея. Моисей стремглав понесся с горы, унося с собой каменные скрижали с написанными на них богом Десятью заповедями. Прибыв на место и увидав золотого тельца, он так рассвирепел, что уронил и разбил скрижали (бог потом дал ему запасной комплект, так что ничего страшного не случилось). Схватив золотого тельца, Моисей сжег его, стер в порошок, смешал с водой и заставил окружающих выпить смесь. Затем собрал членов колена Левиева (священнослужителей) и приказал им, взяв мечи, убить как можно больше соплеменников. Они истребили около трех тысяч человек, и, казалось бы, теперь-то ревность бога должна была уняться. Как бы не так: в последнем стихе этой кошмарной главы бог на прощанье насылает на остатки людей «поражение» «за сделанного тельца, которого сделал Аарон».

В Книге Числа рассказывается о том, как бог послал Моисея напасть на мадианитян. Его армия перебила почти всех мужчин, сожгла все мадиамские города, но пощадила женщин и детей. Такое милосердие солдат возмутило Моисея, и он велел убить также всех детей мужского пола и всех женщин, которые не были девственницами. «А всех детей женского пола, которые не познали мужского ложа, оставьте в живых для себя». (Исх. 31:18). Нет, Моисей вряд ли подойдет в качестве современного нравственного идеала.

Что же касается попыток современных религиозных писателей добавить избиению мадианитян какое-либо символическое или аллегорическое значение, то направить символизм в нужном направлении не так-то легко. Согласно приведенным в Библии сведениям, несчастные мадианитяне были жертвами геноцида в собственной стране. И тем не менее в христианской традиции их имя живо только в словах популярного гимна (который я, спустя 50 лет, все еще могу спеть по памяти на два различных мотива, оба — в угрюмой минорной тональности):

Видишь их, христианин,
На земле священной
Войско мадианитян Силы окаянной?
Христианин, подымись,

Порази врага;
Покажи им силу Святого креста.

Бедные, оклеветанные, стертые с лица земли мадианитяне; только и довелось им уцелеть в памяти людской как символическим злодеям в викторианском псалме.

Похоже, что особой, непреходящей популярностью у отступников пользовался бог-соперник Ваал. В главе 25 Книги Числа рассказано, как моавитские женщины приглашали израильтян приносить жертвы Ваалу. Бог отреагировал с обычной яростью. Он приказал Моисею: «...возьми всех начальников народа и повесь их Господу перед солнцем, и отвратится от Израиля ярость гнева Господня». Трудно в который раз не поразиться исключительной жестокости расправы за легкомысленное заигрывание с чужими богами.

С точки зрения современной морали и справедливости этот грех кажется не таким уж тяжким по сравнению, скажем, с выдачей собственной дочери банде насильников. Налицо очередное расхождение между современной (хочется сказать цивилизованной) и библейской нравственностью. Ее, конечно, несложно объяснить с точки зрения теории мемов, учитывая необходимые для выживания божества в меметиче-ском пуле свойства.

Маниакально-трагикомическая ревность всевышнего к богам-конкурентам периодически вспыхивает на протяжении всего Ветхого Завета. Она звучит в первой из Десяти заповедей, начертанных на разбитых Моисеем каменных скрижалях (Исх. 20, Втор. 5)> а. в новых, переданных богом взамен разбитых, скрижалях (Исх. 34)⁵ довольно сильно переработанных, эта заповедь выражена еще более отчетливо. Пообещав выгнать с родины несчастных аморреев, хананеев, хеттеев, фerezеев, евеев и иевусеев, всевышний переходит к тому, что его больше всего волнует, — богам-соперникам:

*Жертвенники их разрушите, столбы их сокрушите, вырубите [священные] рощи их. Ибо ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа; потому что имя Его — ревнитель; Он Бог ревнитель. Не вступай в союз с жителями той земли, чтобы, когда они будут блудодействовать вслед богов своих и приносить жертвы богам своим, не пригласили и тебя, и ты. не вкусил бы жертвы их; и не бери из дочерей их жен сынам своим, дабы дочери их, блудодей-ствуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блуждение вслед богов своих. Не делай себе богов литых». * Исх.34:13–17.*

Конечно, я понимаю — времена изменились, и нынче никто из религиозных лидеров (за исключением подобных талибам или американским христианам-евангелистам) не рассуждает, как Моисей. Так об этом и речь. Я пытаюсь доказать, что, откуда бы ни появилась современная мораль, источник ее — никак не Библия. Защитникам веры не удастся выкрутиться, утверждая, что религия предоставляет им своего рода эксклюзивный доступ — закрытый для атеистов непогрешимый индикатор того, что хорошо, а что плохо; не удастся даже при использовании любимой уловки — объявления некоторых глав Библии «символическими», а не буквальными. А каким нравственным критерием вы пользуетесь, решая, какие из глав — символические, а какие — нет?

Начатые во времена Моисея этнические чистки приносят свои кровавые плоды в Книге Иисуса Навина, поражающей описанием кровавых избиений и смакованием ненависти к иноплеменникам, с каким ведется повествование. Как поется в милой старинной песенке, «Иисус пошел на Иерихон, и стены сокрушились... Старый, добрый наш Иисус в битве Иерихонской». Старый, добрый Иисус пот с лица не утер, пока не «предали закланию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, [все истребили] мечом» (Нав. 6:21).

И опять теологи скажут нам: не было ничего такого. Хорошо, пусть не было — в конце концов, в этой истории утверждается, что стены обрушились от одного крика и звука труб нападающих, — но речь не об этом. Речь о том, что вне зависимости от исторической правдивости Библии нам ее предъявляют как идеальное руководство для формирования собственной морали. А библейское описание разрушения Иисусом Иерихона, как и вторжение в Землю обетованную в целом, с нравственной точки зрения ничем не отличается от нападения Гитлера на Польшу или истребления Саддамом Хусейном курдов и болотных арабов. Можно рассматривать Библию как увлекательное поэтическое художественное произведение, но я не стал бы давать ее маленьким детям в качестве образца для подражания. Кстати говоря, история Иисуса в Иерихоне использовалась при проведении одного любопытного эксперимента в области детской нравственности, но об этом позднее.

Пусть у вас не сложится мнение, что активно участвующий в происходящем бог испытывает какие-то сожаления или угрызения совести по поводу массовых убийств и геноцида, сопровождающих захват Земли обетованной. Напротив, его приказы, как, например, во Второзаконии, 20, безжалостно точны. Он делает четкое различие между теми, кто живет на захватываемой территории, и обитателями прилегающих районов. Последним предлагается сдаться без боя. В случае отказа всех мужчин необходимо убить, а женщин забрать для увеличения собственного населения. А вот что ожидает, по сравнению с этим относительно гуманным обращением, племена, которым выпало несчастье обитать на территории обещанного Lebensraum: ¹⁵⁰«А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души, но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой» (Втор. 20:15).

Провозглашающие Библию источником незыблемых моральных устоев — имеют ли они вообще малейшее понятие о том, что в ней написано? Согласно Книге Левит, 20, смертью караются следующие прегрешения: порицание родителей, супружеская измена, прелюбодейство с мачехой или с невесткой, мужеложство, сожительство с матерью и дочерью, скотоложство (и, что уж совсем несправедливо, несчастное животное тоже приказано умертвить). Вас, конечно, необходимо казнить также за работу в день отдохновения; об этом в Ветхом Завете твердится неустанно. В Книге Числа, 15, повествуется о том, как сыны Израилевы нашли человека, собиравшего хворост в день субботы. Арестовав его, они спросили у бога, как с ним поступить. Всевышний в тот день миндальничать был не склонен: «И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана. И вывело его все общество вон из стана, и побили его камнями, и он умер, как повелел Господь Моисею». Остались ли у этого беззащитного собирателя хвороста плачущие по нему жена и дети? Кричал ли он от страха, когда полетели первые камни, визжал ли от боли, когда булыжник раздробил ему голову? Меня в таких рассказах больше всего шокирует не то, что это когда-то происходило на самом деле, — возможно, и нет. Но что действительно приводит в изумление, так это готовность людей в наше время выбирать для подражания такой отвратительный образец, как Яхве, — и, более того, навязывать это злобное чудовище (будь оно реальным или вымышленным) нам всем.

Особое сожаление вызывает сосредоточение политической власти Америки в руках проповедующих Десять заповедей скрижаленосцев; конституция этой великой республики была как-никак основана представителями эпохи Просвещения на сугубо светских принципах. Если рассматривать Десять заповедей серьезно, то первыми среди грехов будут

поклонение ложным богам и сотворение кумиров. И тогда, вместо порицания варварского вандализма талибов, взорвавших пятидесятиметровые статуи Будды в горах Афганистана в Бамиане, мы начнем восхвалять их за проявленную набожность. То, что нынче клеймят как уничтожение культуры, окажется искренним проявлением религиозного рвения. Убедительное подтверждение этому находим в поистине странной истории, приведенной 6 августа 2005 года в редакционной статье «Индепендент». Под заголовком «Разрушение Мекки» газета опубликовала на первой полосе следующее:

Историческая Мекка, колыбель ислама, гибнет под неслыханным напором религиозных фанатиков. Богатая, многогранная история священного города разрушена почти до основания... В настоящее время при попустительстве религиозных властей Саудовской Аравии, которых буквальное толкование ислама побуждает уничтожать собственное наследие, бульдозеры подбираются к историческому месту рождения пророка Мухаммеда... Причиной разрушений служат фанатические опасения ваххабитов, что памятники истории и религии могут привести к возникновению идолопоклонства или многобожия, к поклонению нескольким потенциально равноправным божествам. По закону идолопоклонство наказывается в Саудовской Аравии обезглавливанием.

Не думаю, что в мире есть атеисты, готовые двинуть бульдозеры на Мекку, на Шартрский собор, кафедральный собор Йорка, собор Парижской Богоматери, пагоду Шведагон, храмы Киото или, скажем, бамианских будд. По словам лауреата Нобелевской премии американского физика Стивена Вайнберга, «религия оскорбляет достоинство человека. Есть она или нет, добрые люди будут творить добро, а дурные — зло. А вот чтобы заставить доброго человека совершить зло — тут без религии не обойтись». Ему вторит Блез Паскаль (автор обсуждавшегося ранее пари): «Никогда злые дела не творятся так легко и охотно, как во имя религиозных убеждений».

Я не ставил в данном разделе главной целью доказать, что наша нравственность не должна основываться на Библии (хотя я действительно так считаю). Я стремился продемонстрировать, что наша нравственность (включая нравственность большинства религиозных людей) на Библии не основывается. Если бы это было так, то мы бы строго соблюдали день субботы и полагали справедливым придание отступников от этого обычая смерти. Мы побивали бы камнями любую невесту, обвиненную не удовлетворенным ею супругом и не сумевшую доказать свою невинность. Мы казнили бы непочтительных детей.

Мы бы... Но постойте. Возможно, я несправедлив. Добрые христиане возражали мне на протяжении всего раздела: всем известно, что Ветхий Завет — довольно мрачная книга. Но Новый Завет Иисуса исправляет погрешности и ставит все на свои места. Разве не так?

Разве Новый Завет не лучше?

Не будем отрицать, что с точки зрения нравственности Иисус гораздо приятнее жуткого ветхозаветного монстра. Нельзя не признать, что Иисус, если он существовал (а если нет, то автор приписываемых ему изречений), безусловно был одним из величайших этических новаторов всех времен. Нагорная проповедь на века опережает историю. Призыв «подставь другую щеку» на две тысячи лет предвосхищает Ганди и Мартина Лютера Кинга. Именно поэтому я написал статью «Атеисты — за Иисуса» (а впоследствии был доволен, получив в подарок футболку с этим лозунгом).¹⁵¹

Но нравственное превосходство Иисуса еще раз подтверждает мой аргумент. Иисуса не

удовлетворяло слепое следование этике Священного Писания, в которой он был воспитан. Он решительно порывал с ней, например преступив грозные запреты относительно работы в день отдохновения. Мудрое изречение «Суббота для человека, а не человек для субботы» вошло в поговорку. Поскольку основным аргументом данной главы является то, что мы не получили и не должны получать основы нравственности из Священного Писания, поведение Иисуса в данном случае полностью подтверждает наш тезис.

Отношение Иисуса к близким, признаем, не совсем отвечает современным идеалам. С собственной матерью он был порой до грубости резок и призывал учеников следовать за собой, покидая семьи: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 4:22)- Американская комедийная актриса Джулия Суини выразила в своем выступлении «Отходя от Бога»¹⁵²недоумение по этому поводу: «Разве секты делают не то же самое? Не заставляют отказаться от семьи, чтобы задурить вам голову?»¹⁵³

Несмотря на слегка прохладное отношение к семейным ценностям, с точки зрения этики учение Иисуса достойно восхищения, особенно по сравнению с нравственным кошмаром под названием Ветхий Завет; но в Новом Завете присутствуют также и идеи, не заслуживающие поддержки достойных людей. Это особенно верно в отношении главной христианской доктрины — «искупления первородного греха». Данное учение, лежащее в основе новозаветного богословия, с нравственной точки зрения почти так же отвратительно, как и намерение Авраама поджарить Исаака; между ними, как показал в книге «Разные лики Иисуса» Геза Вермес, имеется определенное сходство. Идея первородного греха впервые появилась в ветхозаветном мифе об Адаме и Еве. Совершенное ими преступление — они вкусили запретный плод — само по себе кажется невеликим, заслуживающим разве что порицания. Но символическая природа плода (познание добра и зла, на практике обернувшееся осознанием наготы) превратила их хулиганскую выходку в самый ужасный из грехов.¹⁵⁴И самих преступников, и всех их потомков навсегда изгнали из райского сада, лишили вечной жизни и приговорили мучиться до скончания веков: его — работая в поле, а ее — рожая детей.

Что ж, обычная мстительность, другого от Ветхого Завета мы и не ожидали. Однако новозаветная теология добавляет к этому еще одну несправедливость и вместе с ней — новый, почти не уступающий по жестокости Ветхому Завету, пример садомазохизма. Задумайтесь, разве не удивительно, что в качестве священного, часто носимого на груди символа религия выбрала орудие пытки и казни. Ленни Брюс саркастически заметил, что, «если бы Иисуса казнили двадцать лет назад, дети в католических школах носили бы на шеях вместо крестов маленькие электрические стульчики». Но скрывающаяся за этим символом теология и теория наказания еще хуже. Утверждается, что грех Адама и Евы передается по мужской линии: по утверждению Августина, вместе с семенем. Что можно сказать об этической философии, приговаривающей каждого ребенка — еще до рождения — унаследовать грех отдаленного предка? Кстати, выражение «первородный грех» изобрел Августин, справедливо считавший себя крупнейшим специалистом по грехам. До него это называли «прародительским грехом». По-моему, в заявлениях и рассуждениях Августина воплощается нездоровая озабоченность ранних христианских богословов идеей греха. Имея возможность воспевать в своих рукописях и проповедях мерцающий звездами небосклон, горы, зеленые леса, морские глубины и звенящие птичьим гомоном рассветы, они вспоминают о них лишь походя. Как правило, большую часть времени для христианского

152

153

154

ума есть лишь одна забота: грех, грех, грех, грех, грех, грех, грех. И на такое убожество тратится целая жизнь! Сэм Харрис убийственно отрезал в «Письме к христианской нации»: «Вас, похоже, больше всего беспокоит, что Творца Вселенной оскорбят некие действия человека, производимые нагишом. Жеманство, подобное Вашему, ежедневно без усталости пополняет чашу человеческого страдания».

Теперь о садомазохизме. Бог воплотился в человека — Иисуса, чтобы подвергнуть его пыткам и казни во искупление наследуемого со времен Адама греха. Со времен изложения этого нелицеприятного учения Павлом Иисусу возносятся молитвы как искупителю всех наших грехов. Не только прошлого Адамова греха: всех, включая будущие, вне зависимости от того, совершат их в будущем люди или нет!

Взглянув на вещи с другой стороны, многие, включая Роберта Грейвза — автора эпического романа «Царь Иисус», замечали, что беднягу Иуду Искарриота обвиняют во всей этой истории довольно несправедливо, учитывая, что его «предательство» было необходимой частью космического замысла. То же можно сказать и про обвиняемых в убийстве Иисуса. Если, чтобы спасти нас всех, Иисус желал, чтобы его предали, а затем лишили жизни, не очень-то справедливо со стороны тех, кто полагает себя спасенным, все последующие века обвинять Иуду и евреев. Я уже упоминал о существовании длинного перечня неканонических Евангелий. Не так давно был переведен и в результате привлек внимание общественности манускрипт считающегося утерянным Евангелия от Иуды.¹⁵⁵ Несмотря на то что обсуждение подробностей этого открытия не закончено, полагают, что рукопись была обнаружена в Египте в 1960-х или 1970-х годах. Написанные на коптском языке 62 папирусных листа датированы при помощи радиоуглеродного метода 300-м годом, но возможно, их содержание базируется на более раннем греческом манускрипте. Кем бы ни был автор, он защищает точку зрения Иуды Искарриота, указывая, что Иуда предал Иисуса исключительно по просьбе последнего. Сделать это было необходимо, чтобы Иисус был распят и искупил таким образом грехи человечества. Какой бы отвратительной ни была сама доктрина, несправедливость многовекового поношения Иуды усугубляет ее еще больше.

Я уже назвал центральный догмат христианства — искупление — жестоким, садомазохистским и отвратительным. Помимо этого, взглянув на факты объективно, свежим, не затупленным привычкой и бесконечными повторами взглядом, его нельзя не признать просто безумным. Если бог хотел простить наши грехи, почему бы просто не простить их, без самоистязания и самоумерщвления в качестве платы за услугу — и вдобавок приговаривая многие и многие будущие поколения евреев к погромам и преследованиям за хри-стоубийство»: может, этот потомственный грех тоже передается с семенем?

Еврейский исследователь Геза Вермес объясняет, что, будучи наследником древней еврейской теологической традиции, Павел был хорошо знаком с догмой о том, что без пролития крови искупления не происходит.¹⁵⁶ Именно это он и говорит в своем Послании к Евреям (9:22). Прогрессивным этическим философам нелегко в наше время защищать любую теорию искупления наказанием, а уж тем более теорию «козла отпущения» — умерщвления невинного во искупление чужих грехов. Да и в любом случае поневоле напрашивается вопрос: на кого бог пытался произвести впечатление? Видимо, на себя, сам был и судьей, и присяжными, и жертвой приговора. Более того, Адам — лицо, обвиняемое в совершении первородного греха, — вообще никогда не существовал: неприятный факт, в незнании которого еще можно извинить Павла, но никак не всезнающего бога (или Иисуса,

если верить, что он бог). Таким образом, сама основа этой гадкой теории рассыпается в прах. Ах да, мы забыли, что ветхозаветная история об Адаме и Еве конечно же не буквальная, а символическая. Символическая? То есть, чтобы произвести на себя впечатление, Иисус устроил собственные пытку и казнь в качестве искупительного наказания за символический грех, совершенный несуществующим лицом? И скажите — это не сумасшествие самого жестокого и отвратительного свойства?

Прежде чем оставить Библию, хочу обратить ваше внимание на один особо неудобоваримый аспект ее этического учения. Далеко не всем христианам известно, что львиная доля заботы о ближних, к которой якобы призывают Ветхий и Новый Завет, первоначально предназначалась к проявлению только в рамках узкой, замкнутой группы. «Возлюби ближнего своего» тогда не означало того, что мы подразумеваем сейчас, а всего лишь: «Возлюби одноплемянника-еврея». Это заявление подтверждает в своих работах американский физиолог и эволюционный антрополог Джон Хартунг, выполнивший замечательное исследование групповой нравственности с точки зрения эволюции и библейской истории, не забыв при этом и ее оборотную сторону — враждебность к чужакам.

Возлюби ближнего своего

Присущий Джону Хартунгу черный юмор проявляется уже в самом начале книги, ¹⁵⁷ когда он рассказывает о попытке южных баптистов пересчитать количество попавших в ад жителей Алабамы. Согласно заметкам в «Нью-Йорк тайме» и «Ньюсдей», полученное посредством засекреченной взвешенной формулы общее количество грешников составило 1,86 миллиона, причем методисты имели больше шансов на спасение, чем католики, а «практически все, не принадлежащие к церковной пастве, попали в число пропавших душ». Нынче проявление подобного необъяснимого самодовольства можно встретить на различных посвященных «вознесению» веб-сайтах, причем авторы всегда непоколебимо убеждены, что придет день — и они отправятся прямиком на небо. Вот типичный образец текста одного из наиболее самоуверенных представителей жанра «к вознесению готов»; предоставим слово автору: «Если я однажды исчезну по причине вознесения на небо, хочу поручить святым-страдальцам сделать «зеркало» этого сайта или продолжать его оплату». ¹⁵⁸

Из проведенного Хартунгом изучения Библии следует, что у христиан немного поводов к такому уверенному самодовольству. Следуя в данном случае традициям единственного знакомого ему учения — Ветхого Завета, Иисус обещал спасение исключительно евреям. Хартунг ясно показывает, что заповедь «не убий» не несла того значения, которое вкладываем в нее мы. Она однозначно запрещала убивать лишь евреев. И остальные заповеди, упоминающие «ближнего», относятся только к соплеменникам-евреям. Высокоуважаемый раввин и врач XII века Моше бен Маймон объясняет исчерпывающее значение заповеди «не убий» следующим образом: «Убивая сына Израилева, человек нарушает заповедь, ибо в Священном Писании сказано «не убий». Если кто совершает убийство преднамеренно и в присутствии свидетелей, его нужно казнить мечом. Не требует пояснения, что убивший язычника не должен быть казнен». Не требует пояснения!

Хартунг приводит аналогичное рассуждение синедриона (возглавляемого первосвященником верховного суда в Иудее), оправдавшего человека, якобы собиравшегося убить животное или язычника и по ошибке убившего сына Израилева. Эта моральная головоломка позволяет провести интересный мысленный эксперимент. Что, если бы он

157

158

бросил камень в группу из девяти язычников и одного еврея и по несчастному стечению обстоятельств убил бы еврея? Трудно, не правда ли? Но ответ уже готов. «Его невиновность проистекает из преобладания в вышеописанной группе язычников».

Хартунг использует множество уже приведенных мною в данной главе библейских цитат о покорении Земли обетованной Моисеем, Иисусом Навином и судьями. Я уже подчеркивал, что религиозные люди нынче уже не рассуждают, как герои Библии. Полагаю, это означает, что наши нравственные качества проистекают из иного источника, доступного каждому человеку вне зависимости от того, религиозен он или нет. Хартунг, однако, цитирует пугающие результаты исследования, проведенного израильским психологом Георгием Тамариным. Тамарин раздал тысяче израильских школьников в возрасте от восьми до четырнадцати лет описание иерихонской битвы из Книги Иисуса Навина (6:15–23):

Иисус сказал народу: воскликните, ибо Господь предал вам город! город будет под закланием, и все, что в нем, Господу... и все серебро и золото, и сосуды медные и железные да будут святынею Господу и войдут в сокровищницу Господню... И предали закланию все, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [все истребили] мечом... город и все, что в нем, сожгли огнем; только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали в сокровищницу дома Господня.

Затем Тамарин задал детям простой моральный вопрос: «Как вы думаете, правильно поступили Иисус и сыны Израилевы или нет?» Они могли выбрать: А (абсолютно правильно), В (в чем-то правильно) или С (абсолютно неправильно). Результаты разделились: 66 процентов выбрали полную правоту, 26 процентов — полную неправоту, а гораздо меньшее количество — 8 процентов — оправдали их поведение частично. Вот три типичных ответа из группы полного оправдания (А):

Я считаю, что Иисус и сыны Израилевы поступили хорошо по следующим причинам: Бог обещал им эту землю и разрешил ее покорить. Если бы они действовали по-другому и никого бы не убили, то могло случиться, что сыны Израилевы были бы ассимилированы гоями.

Я считаю, что Иисус поступил правильно, когда он это сделал, потому что Бог велел ему истребить людей, чтобы колена Израилевы не смешались с ними и не научились дурному.

Иисус поступил хорошо, потому что жившие на этих землях люди были другой религии, и когда Иисус их убил, он стер эту религию с лица земли.

В каждом из этих ответов устроенный Иисусом геноцид оправдывается на религиозной основе. И даже ответ С — абсолютное неодобрение — выбирался порой по скрытым религиозным причинам. Вот, например, почему одна из девочек не одобряет покорение Иерихона Иисусом: чтобы покорить землю, ему пришлось в нее войти:

Я считаю, что это плохо, потому что арабы — нечистые, и, входя в нечистую землю, человек тоже становится нечистым и на него падает ее проклятье.

Двое других полностью не одобряют действия Иисуса, потому что он уничтожил все, включая здания и скот, вместо того чтобы сохранить их для сынов Израилевых:

Я считаю, что Иисус поступил неверно, потому что они могли оставить животных себе.

Я считаю, что Иисус поступил неверно, потому что он мог не разрушать дома Иерихона; если бы он их не разрушил, то они достались бы сынам Израилевым.

Также часто цитируемый как кладезь премудрости бен Маймон не оставляет сомнения в своей точке зрения: «Нам ясно заповедано истребить семь наций, ибо сказано: «Предай их заклятию». Отказывающийся предать смерти всех, кого он в состоянии умертвить, нарушает заповедь, ибо сказано: «Не оставляй в живых ни одной души».

В отличие от бен Маймона, участвовавшие в эксперименте Тамарина дети были еще малы и наивны. Высказанные ими кровожадные взгляды, скорее всего, отражают точку зрения их родителей или взрастившего их общества. Думаю, что никого не удивит, если выросшие в той же раздираемой войнами стране палестинские дети выскажут аналогичные взгляды в прямо противоположном направлении. Эта мысль приводит меня в отчаяние. Вот она — жуткая по своей силе способность религии, и в особенности религиозного воспитания детей, разделять людей на веками враждующие лагеря и поощрять многолетнюю кровную месть. Невозможно забыть, что в двух из приведенных типичных ответов группы А эксперимента Тамарина дети пишут о пагубности ассимиляции, а в третьем — подчеркивается необходимость убивать людей для искоренения их религии.

В тамаринском эксперименте также присутствовал поразительный контрольный опыт. Другой группе из 168 израильских школьников дали тот же самый текст из Книги Иисуса Навина, заменив Иисуса на «генерала Лина», а Израиль — на «китайское царство 3000 лет назад». На этот раз результаты эксперимента оказались прямо противоположными. Только 7 процентов участников одобрило поведение генерала Лина, тогда как 75 процентов признали его абсолютно неправильным. Другими словами, стоило исключить из формулы приверженность иудаизму — и большинство детей вернулось в рамки нравственных ценностей, разделяемых основной массой современных людей. Действия Иисуса представляют собой варварский акт геноцида. Но с религиозной точки зрения все становится с ног на голову. И эта разница начинает проявляться в самом раннем возрасте. Именно религия определила, порицали дети геноцид или оправдывали его.

Далее в своей работе Хартунг рассматривает Новый Завет. Вот его выводы вкратце: Иисус придерживался той же групповой формы морали и той же нетерпимости к чужакам, которая насквозь пропитывает Ветхий Завет; он был законопослушным иудеем. Идея нести еврейского бога неверующим впервые пришла в голову Павлу. Хартунг выражает это более резко, чем смог бы сделать я: «Иисус бы в гробу перевернулся, узнай он, что Павел передаст его план свиньям».

Немало забавного Хартунг нашел в книге Откровение Иоанна — несомненно, одной из самых странных библейских книг. Предполагается, что она написана святым Иоанном, и, по выражению «Библейского руководства Кена», если его апостольские послания классифицировать как «Иоанн обкуренный», то Откровения — это «Иоанн кислотный». ¹⁵⁹ Хар-гунг комментирует два стиха из Откровения, где количество «запечатленных» (что некоторые секты, например Свидетели Иеговы, переводят как «спасенных») ограничено ста сорока четырьмя тысячами. Хартунг обращает наше внимание на то, что все они должны быть евреями — по двенадцать тысяч из каждого колена. Кен Смит далее поясняет, что сто сорок четыре тысячи искупленных «не осквернились с женами», что, по-видимому, означает, что ни одна женщина в их число не входит. Что ж, этого следовало ожидать.

В исследовании Хартунга читатель найдет много других любопытных фактов. Ограничусь здесь рекомендацией его работы заинтересованным и кратким резюме:

Библия представляет собой свод законов для выработки групповой морали с готовыми инструкциями для геноцида, порабощения соседних групп и мировой гегемонии. Но Библия не является злом только по причине ставящихся задач или даже только из-за прославления убийства, жестокости и насилия. Многие древние тексты повинны в том же — «Илиада», исландские саги, мифы древней Сирии, надписи древних индейцев майя и другие. Однако нам не пытаются продать «Илиаду» в качестве канона нравственности. В этом-то и проблема. Библию продают и покупают как руководство, по которому люди должны жить. И это, несомненно, главный мировой бестселлер всех времен.

Чтобы читатель не подумал, что снобизм традиционного иудаизма является чем-то исключительным среди религий, приведу следующий самодовольный стишок из псалма, сочиненного Исааком Уоттсом (1674–1748):

Господь, по благости
Твоей неизмеримой
И не случайно, верую притом,
Явился я в сей в мир христианином,
А не евреем иль еретиком.

В этом опусе больше всего поражает даже не самодовольство, а кроющаяся за ним логика. Огромное количество других людей родились в лоне других, нехристианских, религий: так как же бог решает, кого наградить при рождении? Почему предпочтение отдается Исааку Уоттсу и другим счастливицам? И какова природа той сущности, которую бог избрал, чтобы даровать ей счастливое рождение в лоне христианской веры в тот момент, когда Исаак Уоттс еще не был зачат? Так можно погрузиться глубоко, но никакие глубины не страшны теологически настроенным умам. Псалом Исаака Уоттса вызывает в памяти три ежедневные молитвы, которым обучают мужскую часть ортодоксальных и традиционных (но не прогрессивных) иудеев: «Хвала Богу за то, что Он не создал меня язычником. Хвала Богу за то, что Он не создал меня женщиной. Хвала Богу за то, что Он не создал меня рабом».

Религия, безусловно, разделяет людей, и это одно из самых серьезных обвинений, выдвинутых против нее. Однако часто, и справедливо, утверждается, что войны и раздоры между различными религиозными группировками и сектами редко ведутся из-за одних лишь теологических разногласий. Убивая католика, ольстерский протестант вряд ли бормочет: «Вот тебе, пялящийся на Деву Марию подонок, разящий ладаном пресуществленец!» Куда как вероятнее, что он мстит за смерть убитого другим католиком протестанта, возможно продолжая тянущуюся через несколько поколений цепь кровавой вендетты. Религия становится символическим выражением межгрупповой вражды и мести, не лучше и не хуже других ярлыков, таких как цвет кожи, язык или любимая футбольная команда; и религия часто идет в ход там, где другим ярлыкам дорога заказана.

Несомненно, беспорядки в Северной Ирландии носят политический характер. Не вызывает сомнения, что одна из групп веками политически и экономически притесняла другую. Существуют и вполне реальные, не связанные с религией поводы для недовольства и несправедливостей; но из виду часто упускается тот важный факт, что в отсутствие религии не было бы ярлыков, по которым можно отличить угнетаемых от наказуемых. Передача ярлыков из поколения в поколение стала насущной проблемой Северной

Ирландии. Католические семьи, в которых родители, деды и прадеды учились в католических школах, посылают в эти школы своих детей. Протестанты, веками ходившие в протестантские школы, ведут туда же и своих ребятишек. Две группы людей с одним цветом кожи, говорящие на одном языке, любящие одни и те же развлечения, относятся друг к другу как к представителям другого вида — настолько глубок исторический раскол. Но не будь религии и разделенного по религиозному признаку образования, раскола тоже не было бы. От Косова до Палестины, от Ирака до Судана, от Ольстера до Индостана — приглядитесь к любому уголку мира, охваченному непримиримой враждой и ненавистью противоборствующих группировок. Не могу гарантировать, что религия окажется главным ярлыком для различения своих и чужих в межгрупповой борьбе. Но могу побиться об заклад: скорее всего это так.

Во время раздела Индии в религиозной борьбе между индуистами и мусульманами погибло более миллиона человек, а еще 15 миллионов остались бездомными. Жертвы от палачей не отличались ничем, кроме ярлыка религиозной принадлежности. Между ними не было никаких других различий, кроме религии. Негодование, вызванное недавними новыми религиозными убийствами в Индии, заставило Салмана Рушди написать статью «Религия — вечный яд индийской крови».¹⁶⁰Приведу ее заключительный абзац:

Разве достойны уважения эти или любые другие преступления, совершаемые сейчас в мире почти ежедневно во имя — жутко сказать — религии? Как искусно, с какими губительными последствиями творит религия идолов, и как охотно мы совершаем ради них убийства! И чем чаще мы убиваем, тем меньше тревожат душу жертвы, тем легче убивать вновь и вновь.

Это проблема не только Индии, это проблема всего мира. Индийские события творились во имя бога. Бог — имя этой проблемы.

Не отрицаю, что ярко выраженная склонность человека быть дружелюбным к своим и враждебным к чужакам проявлялась бы и в отсутствие религии. Примером тому служит антагонизм болельщиков разных футбольных команд. Но даже болельщики порой умудряются разделиться по религиозному признаку — например, сторонники «Рейнджеров» и «Кельтов» города Глазго. При разделе на враждующие группировки важными признаками могут оказаться и язык (как в Бельгии), и расовая или племенная принадлежность (особенно в Африке). Но религия усугубляет ущерб по крайней мере тремя способами:

1. навешиванием ярлыков на детей: с самого раннего возраста, когда дети еще не способны сформировать собственное мнение о религии, их уже называют «детьми-католиками» или «детьми-протестантами» (к этому оскорблению детства мы еще вернемся в главе 9)

2. разделением школ: часто с самого раннего возраста дети получают образование совместно с членами своей религиозной группы и в отрыве от детей, чьи семьи придерживаются других верований. Думаю, не будет преувеличением сказать, что, избавься мы от раздельных школ, волнения в Северной Ирландии утихли бы в течение одного поколения;

3. запретами на «смешанные браки»: не позволяя враждующим группам смешиваться, этот запрет ведет к продолжению вековой вражды и кровной мести. Разрешение таких браков привело бы к естественному смягчению ненависти.

Североирландская деревня Гленарм — резиденция графов Антримских. Однажды, на памяти ныне здравствующих людей, тогдашний граф совершил неслыханное — женился на католичке. Немедленно в каждом доме Гленарма в знак скорби захлопнулись ставни всех

окон. Боязнь смешанных браков также широко распространена среди религиозных евреев. В вышеприведенных высказываниях израильских детей злое последствия «ассимиляции» использованы в качестве наипервейшего оправдания устроенного Иисусом Навином иерихонского побоища. Когда же люди разных вероисповеданий сочетаются браком, родственники с обеих сторон воспринимают такой смешанный брак с горечью, а затем часто следуют длительные перепалки по поводу выбора религии для детей. Помню, как еще ребенком, держа в руке оплывающую англиканскую свечу, я поразился, узнав, что дети от «смешанного» брака приверженцев англиканской и католической церквей всегда воспитываются в католической вере. То, что каждый священник захочет настоять на своей вере, понять было легко. Но меня смущала (и продолжает смущать) асимметрия. Интересно, почему англиканские священники не настояли на изменении правила в свою пользу? Наверное, были не такими зубастыми. Мой старый пастор и «Наш падре» Бетджемена просто оказались вежливее.

Социологи провели ряд статистических исследований по религиозной гомогамии (браки с представителями «своей» религии) и гетерогамии (браки с представителями другой религии). Сотрудник Техасского университета в городе Остине Норвал Д. Гленн собрал результаты нескольких подобных исследований, проведенных до 1978 года, и провел их комплексный анализ.¹⁶¹ Он сделал вывод, что существует ярко выраженная тенденция к религиозной гомогамии среди христиан (протестанты женятся на протестантках, католики — на католичках), которую не удастся до конца объяснить эффектом «браков по соседству»; но особенно ярко она проявляется среди евреев. Из общего количества 6021 состоящего в браке участника опроса иудеями назвали себя 140 человек; из них 85,7 процента имели супруга или супругу того же вероисповедания. Это намного превышает ожидаемый при случайном распределении процент гомогамных браков. И конечно, это ни для кого не новость. Религиозных евреев всеми силами предостерегают от смешанных браков, и это табу служит темой многочисленных еврейских анекдотов о матерях, предостерегающих отпрысков от чар пытающихся прибрать их к рукам белокурых «шике». Вот типичные заявления трех американских раввинов:

1. Я отказываюсь заключать межконфессиональные браки.
2. Я совершаю обряд бракосочетания, если супруги выражают намерение воспитывать детей в иудейской вере.
3. Я совершаю обряд бракосочетания, если супруги соглашаются на посещение добрых наставнических бесед.

Раввинов, согласных проводить бракосочетание совместно с христианским священником, немного, и ценятся они на вес золота.

Даже если религия сама по себе не приносит вреда, спровоцированный ею целенаправленный, умело поощряемый раздел людей путем ловкого манипулирования естественной склонностью человеческой природы к предпочтению «своих» и отвержению «чужих» приносит достаточно несчастий, чтобы объявить ее мощным фактором мирового зла.

Нравственный Zeitgeist

В начале этой главы было показано, что наша мораль — даже мораль верующих — не берется из священных книг, как бы ни печально было для некоторых это открытие. Что же тогда позволяет нам отличать дурное от хорошего? Независимо от того, как мы ответим на этот вопрос, в современном обществе существует некий консенсус по поводу того, что

хорошо, а что дурно, и его придерживается поразительно много людей. Это общее мнение не имеет прямой связи с религией, однако большинство религиозных людей с ним согласны вне зависимости от того, полагают ли они источником своей морали Священное Писание или нет. Большая часть людей, за вполне понятными исключениями вроде афганских талибов и американских радикальных христиан, руководствуется в своей жизни одинаковым, щедро-либеральным набором этических принципов. Большинство из нас не причиняют ненужных страданий, верят в свободу слова и защищают ее, даже не будучи согласными с мнением говорящего, платят налоги, не жульничают, не убивают, не совершают инцест, не делают другим того, чего не желают себе. Некоторые из этих принципов добропорядочности упоминаются в священных книгах, но по соседству с ними там можно найти много такого, чему не согласится следовать ни один приличный человек; и, заметьте, в священных книгах нет правил, позволяющих, отсеив дурное, оставить только хорошее.

Можно, конечно, постараться выразить нашу коллективную этику в «Новых десяти заповедях». Это уже пытались сделать и различные группы, и отдельные индивидуумы. Интересно отметить замечательное сходство получающихся списков правил, а также соответствие их духу того времени, когда они были составлены. Вот «Новые десять заповедей», которые я нашел на одном атеистическом веб-сайте.¹⁶²

1. Не делайте другим того, чего вы не желали бы получить от них.
2. Старайтесь никогда не причинять вреда.
3. В отношении к другим людям, живым существам и всему миру проявляйте любовь, честность, верность и уважение.
4. Не оставляйте без внимания зло и не уклоняйтесь от установления справедливости, но всегда будьте готовы простить признавшего вину и искренне раскаявшегося.
5. Живите с чувством радости и удивления.
6. Всегда старайтесь узнать новое.
7. Всегда проверяйте свои идеи фактами и будьте готовы отказаться от самых сокровенных убеждений, если факты их опровергают.
8. Не бойтесь проявить несогласие и инакомыслие; всегда уважайте право других на иную точку зрения.
9. Формируйте собственное мнение на основе личных умозаключений и опыта; не идите слепо на поводу у других.
10. Сомневайтесь во всем.

Вышеприведенный краткий перечень не является плодом раздумий великого мудреца, пророка или специалиста по этическим вопросам. Это лишь достойная похвалы попытка обычного жителя инета суммировать на манер библейских Десяти заповедей принципы современного добропорядочного поведения. Она оказалась первой в результатах поиска по запросу «Новые десять заповедей», я нарочно не стал забираться дальше. Просто хочу сказать, что приблизительно такой же перечень составил бы сегодня любой порядочный человек. Безусловно, не каждый выберет абсолютно одни и те же правила. Философ Джон Ролз, возможно, включит что-нибудь вроде: «Всегда действуй так, словно тебе неизвестно, окажешься ли ты рядом с кормушкой или вдали от нее». Практическое выражение этого принципа Ролза, говорят, существует у инуитов, где разделяющий добычу выбирает свою долю последним.

Составляя собственные «Новые десять заповедей», я выбрал бы некоторые из процитированных выше, но и постарался бы оставить место для следующих:

1. Наслаждайтесь своей собственной сексуальной жизнью как хотите сами (не причиняя вреда другим) и предоставьте окружающим наслаждаться как угодно им; это их

личное дело и вас не касается.

2. Не дискриминируйте и не притесняйте на основе половой, расовой или (насколько это возможно) видовой принадлежности.

3. Не навязывайте детям собственные идеи. Научите их думать самостоятельно, взвешивать доказательства и не бояться выражать несогласие с вашим мнением.

4. Заглядывайте в будущее дальше срока собственной жизни.

Оставим в стороне несущественную разницу во вкусах. Главное заключается в том, что почти все мы с библейских времен ушли далеко вперед. В XIX веке во всех цивилизованных странах было запрещено рабство, широко распространенное как в библейские времена, так и в течение большей части человеческой истории. Во всех цивилизованных странах сейчас признается, что женский голос на выборах и в суде равен мужскому, хотя это отрицалось вплоть до 1920-х годов. В современных просвещенных обществах (в эту категорию, безусловно, не включаются страны типа Саудовской Аравии) женщину больше не считают собственностью мужчины, как это было в библейские времена. Любой современный суд признал бы Авраама виновным в жестоком обращении с несовершеннолетним. А выполни он свое намерение до конца, ему не избежать бы приговора за преднамеренное убийство. И тем не менее по нравам своего времени он заслуживал восхищения, поскольку выполнял повеление всевышнего. Вне зависимости от того, верим мы в бога или нет, наши понятия о дурном и хорошем претерпели значительные изменения. В чем же они заключаются и что служит им причиной?

В любом обществе существует трудноопределимое, меняющееся с ходом десятилетий коллективное единодушие, которое, не боясь обвинений в напыщенности, можно назвать заимствованным у немцев термином *Zeitgeist*. Уже говорилось, что права женщин в настоящее время признаны в демократических странах повсеместно, однако в действительности эта реформа произошла поразительно недавно. Ниже приводятся даты получения женщинами права голоса в различных странах:

Новая Зеландия — 1893

Австралия — 1902

Финляндия — 1906

Норвегия — 1913

Соединенные Штаты — 1920

Великобритания — 1928

Франция — 1945

Бельгия — 1946

Швейцария — 1971

Кувейт — 2006

Такое распределение дат в течение двадцатого столетия свидетельствует об изменении *Zeitgeist*. Другим примером может служить отношение к расовому вопросу. Взгляды большей части населения Великобритании (да и многих других стран) начала XX века в наше время воспринимались бы как расистские. Большинство белокожего населения считали, что чернокожие (сваливая сюда без разбора все многочисленные африканские и не имеющие с ними никакого родства индийские, австралийские и меланезийские группы) уступают белым практически во всем, за исключением, как снисходительно признавалось, чувства ритма. В двадцатые годы эквивалентом Джеймса Бонда в английской литературе был жизнерадостно добродушный любимец подростков Бульдог Драммонд.¹⁶³ В одном из романов, «Черной шайке», Драммонд говорит о «евреях, иностранцах и прочей немой публике». В заключительной сцене романа «Женский пол» Драммонд хитро переодевается

Педро — черным слугой главного злодея. В критический момент, когда и злодей и читатель наконец узнают, что «Педро» — на самом деле Драммонд, тот мог бы воскликнуть, например: «Вы думаете, что я Педро. Вы даже и не подозреваете, что на самом деле я — замаскированный под черного слугу ваш заклятый враг Драммонд». Вместо этого он заявляет следующее: «Неправда, что каждая борода — фальшивая, но правда, что каждый черГчГОМАЗый воняет. Эта борода, голубчик, не фальшивая, и этот черИОМАЗый не воняет. Нет ли здесь какого-то нарушения логики?» Я читал эти книги мальчишкой в 1950-е годы, лет через 30 после их написания, и тогда подростку все еще можно было (но уже не совсем легко), увлекшись сюжетом, пропустить расистские высказывания. В наше время такое представить невозможно.

Томас Генри Гексли был передовым, просвещенным либералом своего времени. Своего, но не нашего, и в 1871 году он писал, например, следующее:

Ни один здравомыслящий, знакомый с фактами человек не поверит, что типичный негр является ровней или, что еще более невероятно, превосходит белого человека. А значит, просто нелепо ожидать, что, удалив все препятствия и предоставив нашему украшенному выдающимися челюстями сородичу равное поле, без каких-либо привилегий и притеснений, мы станем свидетелями его успеха в соревновании с наделенным большим мозгом и челюстями меньшего размера соперником; в соревновании, где побеждают мысли, а не укусы. Безусловно, высочайшие вершины цивилизации нашим темнокожим братьям недоступны .164

Общеизвестно, что хороший историк не судит высказывания деятелей прошлых эпох по современным стандартам. Авраам Линкольн, подобно Гексли, был передовым мыслителем своего времени, но его взгляды на расовые вопросы в наше время также выглядят очень расистскими. Вот его заявление во время спора со Стивеном А. Дугласом в 1858 году:

Хочу подчеркнуть, что я ни сейчас, ни когда-либо ранее, не выступал за социальное и политическое равенство белой и черной рас; я ни сейчас, ни ранее не выступал за включение негров в число избирателей или присяжных, за их права занимать общественные должности или заключать браки с белыми людьми; добавлю к этому, что между белой и черной расами существуют физические различия, которые, по моему мнению, никогда не позволяют им сосуществовать в условиях политического и социального равенства. А поскольку это так, то при жизни бок о бок неизбежно возникновение меж ними высшего и низшего положения, и я, как и всякий другой, выступаю за занятие высшей ступени белой расой .165

Если бы Гексли и Линкольн родились и получили образование в наши дни, они вместе с нами отшатнулись бы от собственных оскорбительно-дидактических, в духе Викторианской эпохи, заявлений. Эти цитаты приведены исключительно, чтобы показать, как меняется Zeitgeist с ходом времени. Если даже Гексли — один из самых просвещенных либералов той эпохи — и даже предоставивший свободу рабам Линкольн могли публично делать подобные заявления, попытайтесь представить образ мыслей типичного викторианского обывателя. А стоит обратиться к XVIII веку, обнаружим хорошо известный факт: и у Вашингтона, и у Джефферсона, и у других деятелей эпохи Просвещения были рабы. Часто, принимая неизбежное изменение Zeitgeist просто как должное, мы забываем рассматривать это изменение в качестве реального, достойного обсуждения и изучения

феномена.

Примеров множество. Впервые высадившись на остров Маврикий и увидев безобидных птиц додо, моряки не придумали ничего лучшего, как перебить их всех дубинками, несмотря на то что они даже в пищу не годились (по описаниям, мясо у них было неприятного вкуса). Видимо, разmozжить палкой голову беззащитной, смирной, не способной летать птице считалось интересным развлечением, помогающим скоротать время. В наши дни такое поведение немыслимо; вымирание подобного додо вида животных будет воспринято как трагедия, случись оно даже в силу естественных причин, не говоря уже о намеренном истреблении их человеком.

Именно такой трагедией, по современным культурным стандартам, стало сравнительно недавнее исчезновение тила цина — тасманийского волка. Еще в 1909 году за убийство этих повсеместно оплакиваемых ныне хищников выплачивали вознаграждение. В викторианских романах об Африке «слон», «лев», «антилопа» (обратите внимание, всегда в единственном числе) — это «дичь», а с дичью что делать? Стрелять, конечно же, не раздумывая. Не для еды, не для самозащиты. Для «спорта». Но и здесь *Zeitgeist* изменился. Несмотря на то что богатые, отсидевшие в креслах зады «спортсмены» по-прежнему могут, безопасно устроившись в лендроверах, расстреливать африканских диких животных и увозить домой в качестве трофеев головы, им приходится нынче расплачиваться за это как чеками с длинным рядом нулей, так и всеобщим презрением. Охрана дикой природы и окружающей среды стала такой же принятой нормой нравственного поведения, какими когда-то были соблюдение субботы и отказ от идолопоклонства.

Бурные шестидесятые годы прославились модой на свободу нравов. Но еще в начале десятилетия выступающий на процессе над романом «Любовник леди Чаттерлей» обвинитель мог обратиться к присяжным со следующим вопросом: «Желали бы вы, чтобы вашим сыновьям-подросткам, вашим юным дочерям — потому что девушки, как и юноши, тоже могут читать (представьте себе, он так и выразился!) — попала в руки эта книга? Стали бы вы держать подобную книгу в своем доме? Потерпели бы вы, чтобы такую книгу прочла ваша жена или ваши слуги?» В последнем риторическом вопросе стремительность перемен *Zeitgeist* демонстрируется особенно удачно.

Американское вторжение в Ирак широко осуждается из-за количества жертв среди гражданского населения; и тем не менее число жертв в этой войне на несколько порядков ниже, чем во Второй мировой. Похоже, что стандарты морально приемлемого и здесь стремительно меняются. Звучащие сегодня в высшей степени бессердечно и гнусно заявления Дональда Рамсфилда показались бы речами мягкотелого либерала, выступи он с чем-то аналогичным во время последней мировой войны.

Что-то изменилось за прошедшие с той поры десятилетия. Эти изменения коснулись каждого из нас, но с религией они не имеют ничего общего. Если уж искать такую связь, то они случились скорее вопреки религии, чем благодаря ей.

Изменения в целом идут в одном и том же направлении, и большинство согласится, что они — к лучшему. Даже Адольф Гитлер, повсеместно признанный выходящим за все мыслимые рамки чудовищем, не выделялся бы особой кровожадностью во времена Калигулы или Чингисхана. Бесспорно, Гитлер истребил больше людей, чем Чингисхан; так ведь в его распоряжении были современные технологии. И можно ли о Гитлере сказать то же, что очень часто звучит в описании Чингисхана: он получал самое большое наслаждение, глядя, как «обливаются слезами друзья и близкие его жертв»? Мы судим Гитлера по моральным законам нашего времени, а моральный *Zeitgeist*, как и технология, далеко шагнул

со времен Калигулы. Гитлер предстает воплощением ада потому, что нынешние стандарты не в пример гуманнее.

За свою жизнь я много раз слышал, как люди оскорбляют друг друга унижительными кличками и намекающими на национальность прозвищами: лягушатник, макаронник, итальяшка, ганс, жид, черномазый, япошка, азер. Не скажу, что эти клички совсем исчезли, но в приличном обществе их употребление резко порицается. По слову «негр», хотя в первоначальном смысле и не оскорбительному, можно нынче достоверно определять период написания английских литературных произведений. В свое время уважаемый кембриджский теолог А. С. Букет мог в своем труде «Сравнительная религия» начать главу об исламе следующей фразой: «Семит не является по своей природе монотеистом, как предполагалось в середине XIX века. Он — анимист». Использование расового признака (в обход культурной принадлежности) и предпочтение единственного числа («Семит... анимист»), сводящее разнообразие множества людей к одному «типу», сами по себе преступлением не являются. Но это еще один пример изменения духа времени, *Zeitgeist*. В наши дни ни один кембриджский профессор — ни теологии, ни любой другой дисциплины — не использует в своих работах таких выражений. Анализируя подобные трудноуловимые изменения нравственных норм, мы можем датировать работу Букета периодом не позднее середины XX века. И действительно, она была написана в 1941 году.

Заглянем еще на четыре десятилетия назад — и изменение стандартов станет и вовсе бесспорным. Я уже цитировал в своей предыдущей книге утопический роман Г. Д. Уэллса «Прозрения» о Новой республике, но хочу сделать это еще раз, потому что он исключительно точно иллюстрирует мою мысль:

Как будет Новая республика обращаться с низшими расами? С чернокожими... С желтой расой?... С евреями?... С сонмами черных, коричневых, грязно-белых и желтых людей, не нужных в новом, точно отлаженном мире? Что ж, жизнь — это жизнь, а не богадельня, и, полагаю, придется от них избавиться... Что же касается системы нравственности граждан Новой республики — системы, которой суждено господствовать над мировым государством, она будет устроена так, чтобы способствовать распространению самого лучшего, эффективного и прекрасного, что есть в человечестве, — красивых, сильных тел, ясных, светлых умов... До сих пор, во избежание воспроизведения убожеством убожества, природа использовала при организации мира свой метод... смерть... Люди Новой республики... получают идеал, ради которого стоит совершить убийство.

Это было написано в 1902 году, а сам Уэллс считался прогрессивным деятелем своей эпохи. В 1902 году подобные, хоть и не повсеместно одобряемые, умозаключения тем не менее вполне могли служить предметом дискуссии на званом обеде. Современный же читатель, столкнувшись с ними, не может не содрогнуться от ужаса. Приходится признать, что, как ни отвратителен Гитлер, он был не так уж далек от духа своего времени, как это может нам казаться сегодня. До чего стремительно меняется *Zeitgeist* — и до чего согласованно движется он широким фронтом во всем просвещенном мире.

Что же служит источником этих слаженных, непрерывных изменений общественного сознания? Позвольте уклониться от ответа на этот вопрос. В рамках задач данной книги мне достаточно твердого убеждения, что религия таким источником однозначно не является. Если же непременно нужно высказать свое мнение, то я повел бы рассуждение следующим образом. Необходимо объяснить, во-первых, почему изменения морального духа времени происходят с такой поразительной согласованностью среди огромного количества людей и, во-вторых, почему изменения происходят более или менее однонаправленно.

Как происходит согласование среди огромной массы людей? Изменения распространяются от одного человека к другому за разговорами в барах, путем обсуждений за обеденным столом, через книги и книжные обозрения, газеты и телепередачи, а нынче еще и посредством Интернета. Изменения в нравственном климате проявляются в газетных статьях, радиоинтервью, политических выступлениях, шутках эстрадных сатириков, сценариях мыльных опер, голосованиях по поводу новых законов членами парламентов и интерпретациях этих законов судьями. Можно было бы описать весь процесс как изменение частоты встречаемости определенных мемов в меметическом пуле, но здесь не место развивать эту тему.

Кто-то плетется позади надвигающейся волны перемен морального Zeitgeist, кто-то ее слегка обгоняет. Но большинство из нас — людей XXI века — составляет единую группу, далеко ушедшую от людей Средневековья, или современников Авраама, или даже человечества 1920-х годов. Волна продолжает свой бег, и даже авангард начала XX века (ярким представителем которого является Т. Г. Гексли) уже безнадежно отстал от нынешнего «обоза». Конечно, это движение является собой не плавную кривую, а, скорее, извилистую зубчатую линию. В ее рисунке отмечаются локальные и временные откаты в прошлое, как, например, в начале 2000-х под руководством нынешнего правительства в Соединенных Штатах. Но, если рассматривать более длительный временной интервал, прогрессивное движение несомненно, и оно будет продолжаться.

В чем причина постоянного движения Zeitgeist в этом направлении? Не нужно забывать о роли отдельных личностей, выступающих, опережая время, с новыми идеями и зовущих за собой остальных. Идеи расового равенства в Америке получили широкое распространение благодаря замечательным политическим лидерам вроде Мартина Лютера Kinga, представителям культуры, спорта и другим общественным деятелям, таким как Пол Робсон, Сидней Пуатье, Джесси Оуэне и Джеки Робинсон. Раскрепощение женщин и рабов также многим обязано целеустремленным личностям. Кто-то был верующим, кто-то — нет. Некоторые религиозные лидеры помогали правому делу в силу религиозных убеждений. Некоторые делали бы это, и не будучи верующими. Несмотря на то что Мартин Лютер Кинг был христианином, философию ненасильственного гражданского неповиновения он напрямую позаимствовал у нехристианина Ганди.

Помимо этого, постоянно происходит улучшение образования и, главное, растет понимание того, что все мы имеем общие человеческие ценности с представителями других рас и другого пола. Обе эти идеи — совершенно не библейские, и они гораздо более сродни биологическим наукам, особенно эволюции. Одной из причин несправедливого обращения с чернокожими, женщинами, а в нацистской Германии — с евреями и цыганами является то, что их не считали полноценными людьми.

В книге «Освобождение животных» философ Питер Зингер с убедительным красноречием призывает нас отказаться от идеи исключительности своего вида и распространить гуманное обращение на все другие организмы, обладающие достаточной, чтобы его оценить, понятливостью. Возможно, в течение будущих столетий Zeitgeist будет двигаться именно в этом направлении. Что послужило бы логичным развитием более ранних реформ, таких как уничтожение рабства и эмансипация женщин.

Мои любительские познания в психологии и социологии не позволяют предложить более убедительное объяснение, почему нравственный Zeitgeist меняется так согласованно. Но для моих целей достаточно сделанного на основе наблюдений вывода о том, что дух времени действительно меняется, и причиной изменений не является религия, а уж тем более

— Священное Писание. Скорее всего, перемены вызваны не одной силой, вроде силы притяжения, а сложным взаимодействием различных факторов, подобно закону Мура, описывающему возрастание в геометрической прогрессии мощности компьютеров. Чем бы ни вызывались наблюдаемые положительные изменения *Zeitgeist*, сам факт их существования более чем убедительно показывает несостоятельность аргумента, что без бога мы не сумели бы творить добро и отличать добро от зла.

А как же Гитлер и Сталин? Разве они не были атеистами?

Несмотря на общее движение *Zeitgeist* в сторону прогресса, улучшения происходят, как уже отмечалось, не плавно, а скорее зигзагообразно, с удручающими откатами в прошлое. В XX веке ужасные, глубокие откаты случались под властью диктаторов. Важно не смешивать сущность злых намерений таких людей, как Гитлер и Сталин, и наличие у них огромных возможностей для их осуществления. Выше отмечалось, что идеи и намерения Гитлера сами по себе были не более кровавыми, чем у Калигулы или некоторых оттоманских султанов, омерзительная жестокость которых описана в книге Ноэла Барбера «Правители Золотого Рога». Но в распоряжении Гитлера были оружие и средства связи XX века. Хотя, несомненно, Гитлер и Сталин по любым стандартам были исключительно жестокими личностями.

«И Гитлер и Сталин были атеистами. Что вы об этом скажете?» Этот вопрос задается практически после каждого моего публичного выступления на тему религии и почти в каждом радиоинтервью. Тон его, как правило, язвительный, и негодующий автор обычно подразумевает две вещи, а именно: Сталин и Гитлер не только были атеистами (1), но и совершали ужасные злодеяния именно *по причине* своего неверия (2). Положение (1) верно в отношении Сталина и сомнительно в отношении Гитлера. Но это в любом случае не имеет значения, потому что положение (2) ложно. Если оно приводится как вывод из положения (1), то оно просто нелогично. Даже если допустить, что Гитлер и Сталин оба были атеистами, то их также объединяло наличие усов, которые, кстати, имелись и у Саддама Хусейна. И что теперь? Вопрос не в том, были ли дурные (или хорошие) индивидуумы атеистами или верующими. Мы не собираемся пересчитывать дурных овец с обеих сторон и сравнивать списки. Тот факт, что на пряжках ремней нацистов было выгравировано «*Gott mit uns*»,¹⁶⁶ сам по себе ничего не доказывает, по крайней мере без дальнейшего углубленного изучения. Вопрос не в том, были ли атеистами Гитлер и Сталин, а в том, склоняет ли атеизм людей систематически совершать дурные поступки? Этому не существует никаких подтверждений.

Атеизм Сталина, по-видимому, сомнений не вызывает. Он учился в православной духовной семинарии, и его мать до конца своих дней переживала, что сын не стал, как она мечтала, священником. Сталина этот факт, как утверждает в своей книге Алан Буллок, всегда забавлял.¹⁶⁷ Возможно, из-за полученной в юности подготовки к посвящению в сан взрослый Сталин всегда едко отзывался о Русской православной церкви, христианстве и религии в целом. Однако не существует доказательств того, что его жестокость мотивировалась именно атеизмом. Ее также вряд ли удастся объяснить полученным в молодости религиозным образованием, если, конечно, оно не учило его абсолютистской вере, уважению к сильной власти и тому, что цель оправдывает средства.

Миф об атеизме Гитлера культивировался настолько старательно, что в наши дни огромное количество людей верят ему безоговорочно, а защитники религии любят с вызовом

166

167

использовать его в спорах. Но истинное положение вещей не настолько очевидно. Гитлер родился в католической семье и в детстве ходил в католические школы и церкви. Само по себе это, конечно, неважно: он так же легко мог впоследствии отказаться от католической веры, как Сталин, который, будучи исключенным из Тифлисской духовной семинарии, отказался от православной веры. Но Гитлер никогда публично не отрекался от католицизма; более того, существуют указания на то, что до конца жизни он оставался верующим. Если это и не был католицизм, то какая-то вера в божественное провидение у него, скорее всего, сохранилась. Например, в «Моей борьбе» он пишет, как услышал об объявлении Первой мировой войны: «Опустившись на колени, я от всего сердца возблагодарил небо, что мне посчастливилось жить в такое время». ¹⁶⁸ Но это было в 1914 году; может быть, впоследствии он поменял убеждения?

В 1920 году близкий соратник Гитлера, впоследствии ставший заместителем фюрера, Рудольф Гесс написал о нем в письме премьер-министру Баварии: «Я очень близко и хорошо знаком с герром Гитлером. Это — необычайно благородный человек, исполненный бесконечной доброты, религиозных чувств, хороший католик». ¹⁶⁹ Мне, конечно, могут возразить, что, поскольку Гесс так отчаянно промахнулся с «благородством» и «бесконечной добротой», возможно, и «хорошего католика» не следует принимать слишком всерьез! Вряд ли к Гитлеру можно без иронии применить эпитет «хороший» в его прямом значении; кстати, последнее замечание приводит на ум уморительный, самый нелепый из слышанных мною аргумент, почему Гитлер должен был быть атеистом. Много раз в разных вариантах повторялся следующий довод: Гитлер был дурным человеком, христианство учит добру, следовательно, Гитлер не мог быть христианином! Замечание Геринга о Гитлере «только католик может объединить Германию», следовательно, имело в виду просто воспитанного в католической вере человека, а не верующего католика?

В произнесенной в 1933 году в Берлине речи Гитлер сказал: «У нас не было сомнений, что людям нужна, необходима эта вера. Поэтому мы повели борьбу с атеистическим движением, и не только путем теоретических дискуссий: мы вырвали его с корнем». ¹⁷⁰ Может, это означает лишь, что Гитлер «верил в веру»? Но и в 1941 году он говорил своему адъютанту, генералу Герхарду Энгелю: «Я навсегда останусь католиком».

Даже если Гитлер и не остался искренне верующим христианином, было бы поистине поразительно, если бы на него не оказала влияние многовековая христианская традиция обвинения евреев в убийстве Христа. В своей речи в 1923 году в Мюнхене Гитлер заявил: «Первое, что нам нужно сделать, — это спасти [Германию] от правящих нашей страной евреев... Надо спасти Германию от страданий, доставшихся на долю Другого, смерти на Кресте». ¹⁷¹ Джон Толанд в своей книге «Адольф Гитлер. Полная биография» писал о религиозных убеждениях Гитлера в период «окончательного решения еврейского вопроса»:

По-прежнему оставаясь преданным членом римско-католической церкви, несмотря на недовольство ее иерархией, он хорошо усвоил ее учение о том, что еврей — это убийца Бога. Следовательно, уничтожение можно было совершать без зазрения совести, попросту выполняя роль карающей десницы Господа, — нужно было лишь проводить его отстраненно, без лишней жестокости.

Ненависть христиан к евреям свойственна не только католической традиции. Ярым

¹⁶⁸

¹⁶⁹

¹⁷⁰

¹⁷¹

антисемитом был Мартин Лютер. Во время Вормсского рейхстага он заявил, что «из Германии нужно изгнать всех евреев». Помимо этого, он написал целую книгу «О евреях и их лжи», возможно оказавшую влияние на Гитлера. Лютер называл евреев «порождением ехидны», и Гитлер в своей речи 1922 года использовал это же выражение, а также несколько раз повторил, что является христианином:

Мои христианские чувства указывают мне, что мой Господь и Спаситель — борец. Они указывают на человека, который однажды, будучи одинок и окружен малочисленными последователями, распознал истинную сущность евреев и призвал людей к борьбе против них, и Он (правда Божья!) был величайшим не только в страдании, но и в борьбе. В безграничной любви, как христианин и просто человек, я вчитываюсь в отрывок, который рассказывает нам, как Господь наконец восстал во всей своей мощи и, взявши плоть, изгнал из Храма порождения ехидн и гадюк. Как прекрасна была Его борьба против еврейского яда! Сегодня, после двух тысяч лет, во власти сильных эмоций, я еще более ясно понимаю, что именно для этого Он пролил Свою кровь на Кресте. Как христианин, я обязан не поддаваться обману, но быть борцом за правду и справедливость... И ежедневно усиливающиеся страдания свидетельствуют о том, что мы правы в жажде действий. Ибо у меня как христианина есть долг перед моим народом .¹⁷²

Трудно определить, позаимствовал ли Гитлер выражение «порождение ехидн» у Лютера или взял его, как и сам Лютер, напрямую из Евангелия от Матфея (3:7)- Что же касается преследования евреев как выполнения Божьей воли, Гитлер возвращается к этому в «Моей борьбе»: «Поэтому нынче я верю, что поступаю согласно воле Всемогущего Создателя: *защищаясь против евреев, я сражаюсь за дело Господа* ». Написано в 1925 году. Он еще раз повторил это в 1938-м и потом, неоднократно, на протяжении всей карьеры.

Приведенные цитаты необходимо рассматривать совместно с другими, из его «Застольных бесед», где Гитлер выражает записанные секретарем яростно антихристианские взгляды. Эти отрывки датированы 1941 годом:

Самым сильным из когда-то постигших человечество ударов был приход христианства. Большевизм — незаконнорожденное дитя христианства. Оба изобретены евреями. Христианство принесло в мир нарочитую ложь в религиозных вопросах...

Древний мир был таким чистым, светлым и безмятежным, потому что в нем не знали двух великих зол: чумы и христианства. И все же я бы не хотел, чтобы итальянцы или испанцы отвергли наркотик христианства. Пусть мы будем единственной нацией, свободной от этой заразы.

В «Застольных беседах» Гитлера немало подобных высказываний, часто равняющих христианство с большевизмом, порой проводящих аналогию между Карлом Марксом и апостолом Павлом, причем Гитлер никогда не забывает упомянуть, что оба были евреями (хотя он, странным образом, всегда настаивал, что Иисус не был евреем). Конечно, не исключено, что к 1941 году Гитлер испытал определенное разочарование и отдалился от церкви. А может, эти противоречия просто свидетельствуют, что он был изощренным лжецом, мнению которого нельзя доверять ни при каких обстоятельствах?

Также можно заявить, что, несмотря на собственные утверждения и свидетельства соратников, Гитлер на самом деле не был верующим, а цинично использовал религиозные чувства публики. Возможно, он был согласен с Наполеоном, заявившим: «Религия — отличное средство, чтобы утихомиривать чернь», и с Сенекой Младшим: «Чернь считает

религию истиной, мудрец — ложью, правитель — полезным изобретением». Бесспорно, Гитлер был способен на подобное двуличие. Если он действительно притворялся верующим с этой целью, то не стоит забывать, что ответственность за совершенные злодеяния не лежит исключительно на нем. Убийства совершали солдаты и офицеры, большинство из которых несомненно были христианами. Именно широко распространенное среди немецкой нации христианство привело нас к предположению, которое мы сейчас обсуждаем, — к предположению о неискренности религиозных признаний Гитлера! А может, Гитлеру казалось, что, если проявить дежурное почтение к христианству, режиму легче удастся получить поддержку церкви. Эта поддержка выражалась разными способами, включая являющийся для современной церкви весьма щекотливой темой упорный отказ папы Пия XII выступить против нацизма. Либо уверения Гитлера в приверженности церкви были искренними, либо он притворялся христианином — достаточно успешно, чтобы заполучить поддержку немецких верующих и католической церкви. В любом случае злодеяния Гитлера вряд ли проистекают из атеистических убеждений.

Даже выступая против христианства, Гитлер не переставал ссылаться на провидение — некую мистическую сущность, якобы выбравшую его для священной миссии — встать во главе Германии. Иногда он называет ее провидением, иногда — богом. После аншлюса и триумфального возвращения Гитлера в Вену в 1938 году в восторженной речи он упоминал бога именно в роли дарителя судьбы: «Я верю, что Божья воля послала юношу отсюда в Рейх, чтобы он вырос, стал во главе нации и привел свою родную землю обратно в германское государство.¹⁷³

Чудом избежав покушения в Мюнхене в 1939 году, Гитлер приписал свое случайное спасение вмешательству провидения, заставившего его изменить распорядок дня: «У меня нет никаких сомнений. То, что я покинул пивную «Бюргербрау-келлер» раньше, чем обычно, — это вмешательство провидения, берегущего меня для выполнения миссии.¹⁷⁴ После этой неудачной попытки архиепископ Мюнхена кардинал Михаэль Фаульхабер приказал отслужить в соборе благодарственный молебен с пением «Te Deum» «в знак благодарности Божественному провидению от имени епархии за счастливое спасение фюрера». Некоторые из сторонников Гитлера при поддержке Геббельса лелеяли планы создания новой религии на основе нацизма. Нижеприведенный текст приветствия главы объединенных профсоюзов напоминает молитву и даже перекликается с молитвой Господней («Отче наш») и Символом веры:

Адольф Гитлер! Мы сплочены вокруг тебя, единого! Хотим в этот час вновь возвестить свою клятву: веруем только в Адольфа Гитлера на сей земле. Верим, что национал-социализм — единственная спасительная вера нашего народа. Верим в Господа Бога на небесах, Творца нашего, ведущего нас, и направляющего, и благословляющего нас явно. И верим, что Господь Бог ниспослал нам Адольфа Гитлера, чтоб сделать Германию краеугольным камнем вечности.¹⁷⁵

Сталин был атеистом, Гитлер, скорее всего, — нет; но даже если бы он им и был, вывод из дискуссии о Сталине/Гитлере довольно прост. Отдельные атеисты могут совершать зло, но они не совершают его во имя атеизма. Сталин и Гитлер совершили чудовищные преступления: один — во имя догматического, доктринерского марксизма, другой — во имя безумной ненаучной евгеники с элементами псевдовагнеровского бреда. Религиозные войны ведутся под знаменами религии, и в ходе истории они происходили с ужасающей частотой.

173

174

175

Но не могу вспомнить ни одной войны, которая бы велась во имя атеизма. Да и зачем она? Война может разразиться из-за жажды экономической наживы, политических амбиций, расовых или этнических предрассудков, жестокой обиды, или мести, или патриотической веры в высокое предназначение нации. Еще более подходящим мотивом для войны может оказаться непоколебимая убежденность в том, что наша религия — единственно правильная, что подтверждается священной книгой, безоговорочно приговаривающей всех еретиков и сторонников других религий к смерти и безоговорочно обещающей всем воинам Господа прямую дорогу в лучший уголок рая. Сэм Харрис в книге «Конец веры», как ему часто удается, бьет не в бровь, а в глаз:

Опасность религиозной веры состоит в том, что она позволяет нормальным в других отношениях людям пожинать плоды безумия и считать их при этом священными. Поскольку каждое новое поколение детей обучают, что религиозные утверждения не нужно подкреплять фактами, как это требуется в других случаях, цивилизации все еще приходится иметь дело с тучами нелепиц. Даже в наше время люди истребляют друг друга во имя древних литературных произведений. Невозможно поверить, что такое безумство может продолжаться.

А теперь скажите: кому придет в голову затевать войну ради *отсутствия* веры?

Глава восьмая Что плохого в религии? Зачем на нее нападать?

Религии удалось убедить людей, что на небе живет невидимка, каждый день, каждый час следящий за каждым вашим движением. У невидимки есть особый список из десяти правил, которые вам не разрешается нарушать. А если вы нарушите хоть одно из них, то у него есть особое место, полное огня, дыма, гари, где царят пытки и страдания и куда он помет вас страдать, гореть, задыхаться, стенать и рыдать — навечно, на веки веков... Но при всем при том он вас любит!
Джордж Карлин

По своей природе я не сторонник споров и вражды. Мне не кажется, что таким путем легче всего рождается истина, и поэтому я часто отклоняю приглашения принять участие в официальных дискуссиях. Однажды меня пригласили в Эдинбург поучаствовать в дебатах с архиепископом Йоркским. Я был польщен и согласился. После встречи верующий физик Рассел Станнард привел в своей книге «Избавляемся от бога?» написанное им в газету «Обсервер» письмо:

Сэр, ваш научный обозреватель напечатал статью (и, подумать только, в Пасхальное воскресенье!) под насмешливым заголовком «Продув Ее Величеству Науке, Бог пришел вторым», в которой описал «серьезные интеллектуальные повреждения», причиненные Ричардом Докинзом архиепископу Йоркскому во время дебатов о науке и религии. В заметке упомянуты «самодовольно ухмыляющиеся атеисты» и «Львы: 10; Христиане: 0».

Далее Станнард ругает «Обсервер» за отсутствие упоминания об аналогичных дебатах в Королевском научном обществе между ним, мною, епископом Бирмингемским и выдающимся космологом, сэром Германом Бонди (тот спор, не будучи с самого начала организованным как противоборство враждующих сторон, оказался в результате гораздо более конструктивным). Могу только присоединиться к мнению Станнарда о нецелесообразности проведения дискуссий во враждебном тоне. Сам я, например, по

объясненным в книге «Служитель дьявола» причинам, никогда не принимаю участия в дискуссиях с креационистами.¹⁷⁶

Несмотря на мое отвращение к гладиаторским боям, за мной почему-то укрепились репутация агрессивного спорщика по религиозным вопросам. Коллеги, согласные с отсутствием бога, с существованием нравственности вне религии, с возможностью объяснения происхождения религии и морали с научной точки зрения, продолжают тем не менее искренне удивляться моей позиции. Почему я так враждебен? Неужели религия настолько плоха? Неужели она причиняет так много вреда, что с ней нужно активно бороться? Почему бы не жить с ней мирно бок о бок, как с Тельцом и Скорпионом, магическими свойствами кристаллов и «линиями-просеками»? Это же просто безобидная чепуха!

Прежде всего отвечу, что если я или другие атеисты и проявляем время от времени в отношении религии враждебность, она ограничивается словами. У нас нет планов бомбить, обезглавливать, побивать камнями, сжигать на кострах, распинать на крестах и направлять в небоскребы самолеты по причине теологических разногласий. Но мои собеседники, как правило, этим не удовлетворяются. Иногда они заявляют что-нибудь типа: «Не кажется ли вам, что ваша враждебность делает вас атеистом-фундаменталистом, настолько же нетерпимым в своих убеждениях, как и фанатики «библейского пояса»?» На эти обвинения в фундаментализме нужно дать ответ, ибо они повторяются, увы, нередко.

Фундаментализм и ниспровержение науки

Фундаменталисты уверены в своей правоте, потому что они читали об этом в священной книге, и им заранее известно, что их веру ничто в мире поколебать не сможет. Провозглашенная священной книгой правда — это аксиома, а не результат рассуждений. Книга всегда права, а если опыт показывает иное, то полагается отвергать опыт, а не книгу. Я же, как ученый, напротив, верю в факты (например, в эволюцию) не потому, что прочитал о них в священной книге, а потому, что изучал фактические доказательства. Это совершенно другое дело. Книгам об эволюции доверяют не в силу их святости. Им доверяют потому, что в них приводится огромное количество поддерживающих друг друга доказательств. В принципе, любой читатель, приложив усилия, может проверить эти доказательства. Если в научной книге допускается ошибка, ее обнаружение и внесение исправлений в последующие издания является только делом времени. Со священными книгами такого, естественно, не случается.

Философы, особенно непрофессиональные, с невеликим философским багажом и, еще чаще, зараженные «культурным релятивизмом» лица могут в этом месте начать сворачивать на давно избитую колею: мол, доверие ученого фактическим доказательствам само является проявлением фундаменталистской веры. Я уже обсуждал этот вопрос подробно в других книгах и сейчас повторю аргумент лишь вкратце. Все мы в ходе нашей жизни, вне зависимости от собственных любительских упражнений в философии, верим в доказательства. Если меня обвинят в убийстве и обвинитель начнет строго вопрошать, правда ли, что в ночь убийства я был в Чикаго, мне вряд ли помогут философские рассуждения типа: «Это смотря что вы называете «правдой». Так же не спасет меня и антропологическое, релятивистское заявление: «Я был в Чикаго только в вашем, западном смысле предлога «в». Бенгальцы имеют совершенно другую концепцию «в», согласно которой вы по-настоящему находитесь «в» определенном месте, только будучи рукоположены в сан старейшины с правом брать понюшку из сушеной мошонки старого

Может быть, ученые и проявляют фундаментализм, когда дело доходит до абстрактных формулировок смысла понятия «истина». Но в этом они не одиноки. Однако, когда я говорю, что эволюция — реальность, я проявляю не больше фундаментализма, чем когда заявляю, что Новая Зеландия расположена в Южном полушарии. Мы верим в эволюцию, потому что ее реальность подтверждается фактами, но появившись новые доказательства, демонстрирующие ее ложность, мы тут же от нее откажемся. От фундаменталиста вы такого заявления никогда не услышите.

Дело в том, что очень легко перепутать фундаментализм и страстность. Возможно, защищая эволюцию от фундаменталистов и креационистов, я выступаю слишком страстно, но это не потому, что меня распаляет собственный фундаментализм, но противоположного толка. Это происходит потому, что подтверждающих эволюцию фактов головокружительно много, и меня безмерно огорчает неспособность оппонента их увидеть — или, еще чаще, нежелание оппонента даже взглянуть на них, потому что они противоречат его священным книгам. Моя страстность возрастает еще больше при мысли о том, как много *теряют* эти несчастные фундаменталисты и их последователи. Правда об эволюции, как и многие другие научные открытия, невероятно увлекательна, потрясающая и прекрасна; умереть, так и не узнав о ней ничего, представляется мне настоящей трагедией! Конечно, я не могу сдерживать свои чувства. Да и кто бы смог? Но моя вера в эволюцию — не фундаментализм и не религия, потому что я знаю, на чем она основана, и что, появившись соответствующие доказательства, я с готовностью признаю свое заблуждение.

Такие вещи случаются. Я уже рассказывал о преподававшем в бытность мою студентом на факультете зоологии Оксфордского университета уважаемом престарелом муже. Многие годы он страстно верил и учил студентов, что аппарат Гольджи (микроскопическая внутриклеточная структура) на самом деле не существует, что это — погрешность наблюдения, иллюзия. Каждый понедельник, после обеда, на факультете было заведено слушать научный доклад какого-нибудь заезжего лектора. В один из понедельников лектором оказался американский специалист по биологии клетки, представивший неотразимо убедительные свидетельства реальности аппарата Гольджи. В конце его выступления старик пробрался к подиуму и, пожимая американцу руку, с чувством провозгласил: «Дорогой коллега, позвольте выразить вам мою благодарность. Все эти пятнадцать лет я заблуждался». Мы тогда аплодировали до боли в ладонях. Фундаменталист бы никогда не смог произнести такое. Да и не каждый ученый в реальной жизни. Но для всех ученых подобные поступки являются эталоном — в отличие, скажем, от политиков, которые могли бы счесть старика беспринципным. У меня до сих пор комок к горлу подступает при воспоминании о том вечере.

Как ученый, я враждебен фундаменталистской религии, потому что она активно работает на подрыв научного познания мира. Она учит нас не менять раз и навсегда усвоенные идеи и не пытаться узнать новые, интересные, доступные познанию факты. Она разрушает науку и высушивает разум. Самым печальным примером из известных мне служит американский геолог Курт Вайз, возглавляющий ныне Центр исследований происхождения в колледже Брайана в городе Дайтон, штат Теннесси. Колледж не случайно носит имя Уильяма Дженнинга Брайана, который выступил с обвинением против учителя Джона Скоупса во время проходившего в Дайтоне в 1925 году «обезьяньего процесса». Вайз мог бы, воплощая свою мальчишескую мечту, стать профессором геологии в настоящем университете. В университете, девизом которого могла бы быть фраза «Мыслить

критически», в отличие от смешивающего несовместимые понятия девиза с веб-сайта колледжа Брайана: «Мыслить критически и библейски». Вайз действительно получил настоящий диплом геолога в Университете Чикаго, а затем закончил две аспирантуры (геология и палеонтология в Гарварде) (ни больше ни меньше), где его научным руководителем был Стивен Джей Гулд (ни больше ни меньше). Блестяще образованный и, несомненно, выдающийся молодой ученый, он был на пороге свершения мечты о преподавательской и исследовательской карьере в нормальном университете.

Но случилось несчастье. Оно пришло не извне, а изнутри собственного сознания, роковым образом пораженного и расшатанного воспитанием в духе фундаменталистской религии, требовавшей от него верить, что планета Земля — объект, который он изучал в Чикагском и Гарвардском университетах, — имеет возраст не более ю тысяч лет. Он был слишком умен, чтобы игнорировать лобовое столкновение своей религии и своей науки, и этот конфликт все больше тревожил его разум. Однажды терпению пришел конец, и он решил дело при помощи ножниц. Взяв Библию, вырезал из нее, страница за страницей, каждый стих, от которого пришлось бы отказаться в случае правоты науки. В конце этого беспощадно честного и утомительного труда от Библии осталось так мало, что,

... как бы я ни старался, даже пытаюсь держать Писание за оставшиеся неразрезанными поля страниц, я не мог поднять Библию так, чтобы она не развалилась надвое. Мне приходилось выбирать между эволюцией и Священным Писанием. Либо Писание было право, а эволюция — нет, либо эволюция — права, и я должен отшвырнуть Библию... В ту ночь я принял Слово Божье и отверг все, что ему противоречит, включая эволюцию. Одновременно, с невероятной горечью, я бросил в огонь все мои надежды и мечты о науке.

Я нахожу этот рассказ душераздирающим; но если история об аппарате Гольджи вызывает слезы восхищения и восторга, то история Курта Вайза вызывает жалость и чувство безразличия. И карьера и счастье всей его жизни погибли от его же собственной руки — и как бессмысленно! Как легко было этого избежать! Взять да и отшвырнуть Библию. Или интерпретировать ее символически и аллегорически, как это делают теологи. Он же, как истый фундаменталист, отшвырнул и науку, и факты, и здравый смысл, а вместе с ними — свои надежды и мечты.

По-видимому, Курт Вайз обладает уникальной для фундаменталиста чертой — он честен, опустошающе, мучительно, потрясающе честен. Дайте ему премию Темплтона; возможно, он стал бы первым искренним ее получателем. Вайз выносит на поверхность все тайные бури, тревожащие фундаменталистов в глубине их сознания, когда они сталкиваются с научными фактами, опровергающими их верования. Прислушайтесь к его заключению:

Хотя и существуют научные доводы в пользу теории «молодой Земли», я являюсь креационистом-младоземельцем потому, что таково мое понимание Священного Писания. Как я говорил своим учителям давным-давно, когда еще учился в колледже, повернись все до единого факты во Вселенной против креационизма, я первый это признаю, но по-прежнему буду креационистом, потому что на это, по моему убеждению, указывает Слово Божье. На том я должен стоять.¹⁷⁸

Похоже, что он цитировал Лютера, прибавившего свои тезисы к дверям виттенбергской церкви; но мне бедный Курт Вайз больше напоминает Уинстона Смита, героя романа «1984», отчаянно пытающегося поверить, что если Большой Брат говорит: два плюс два —

пять, то так оно и есть. Но Уинстону выпало согласиться с этим под пыткой. Двоемыслие же Вайза вызвано не физическим страданием, а религиозной верой, служащей для некоторых, как видно, не менее жесткой формой принуждения — своего рода интеллектуальной пыткой. Я не терплю религию за то, что она сделала с Куртом Вайзом. И если ей удалось так скрутить геолога, получившего образование в Гарварде, только представьте, что она может сделать с другими, менее одаренными и менее образованными людьми.

Фундаменталистская религия пытается отлучить от научного образования тысячи и тысячи невинных, любознательных, доверчивых молодых умов. Не фундаменталистская, «терпимая» религия, возможно, этого не делает. Но она создает питательную среду для фундаментализма, внушая людям с раннего детства идею о добродетели нерассуждающей веры.

Темная сторона абсолютизма

Касаясь в предыдущей главе изменчивой природы *Zeitgeist*, я упоминал о сходном нравственном настрое, некоем моральном консенсусе, широко распространенном среди либерально мыслящих, просвещенных, нравственных индивидуумов. В конце оптимистично заключалось, что все мы в целом, пусть и в разной степени, присоединяемся к этому консенсусу. При этом я имел в виду большинство возможных читателей этой книги, вне зависимости от того, являются они верующими или нет. Но, безусловно, не все присоединяются к консенсусу (так же как и не все пожелают прочесть эту книгу). Мы вынуждены признать, что абсолютистские взгляды себя еще далеко не изжили. К сожалению, они и поныне здравствуют в умах огромного количества людей во всем мире; самые угрожающие их проявления заметны в мусульманских странах и в нарождающейся американской теократии (более подробно см. об этом в соответственно озаглавленной книге Кевина Филипса — «Американская теократия»). Практически всегда абсолютизм произрастает на почве сильной религиозной веры, и этот факт демонстрирует, как религия может играть в мире роль источника зла.

В Ветхом Завете одно из самых страшных наказаний предусматривалось за богохульство. В некоторых странах оно существует и по сей день. Статья 295-С Уголовного кодекса Пакистана предписывает за это «преступление» смертную казнь. 18 августа 2001 года к смертной казни за богохульство приговорили врача и преподавателя д-ра Юниса Шейха. Его преступление состояло в высказывании мысли, что пророк Мухаммед не был мусульманином до того, как создал религию в возрасте 40 лет. Одиннадцать его студентов донесли о «преступлении» властям. Закон о богохульстве чаще применяется в Пакистане против христиан, как, например, в случае с Августином Ашиком «Кингри» Маси, приговоренным к смерти в Фейсалабаде в 2000 году. Христианину Маси не разрешалось жениться на любимой девушке, потому что она была мусульманкой, а, согласно пакистанскому (и мусульманскому) закону, мусульманская девушка не имеет права — представьте себе — выходить замуж за христианина. Когда он пытался перейти в мусульманство, его обвинили, что он делает это из корыстных побуждений. Из отчета, с которым я ознакомился, трудно понять, было ли это само по себе тяжким преступлением либо его дополнительно обвиняют в каких-то высказываниях о нравственности самого пророка. В любом случае его поведение не привело бы к вынесению смертного приговора ни в одной стране со свободным от религиозного ханжества законодательством.

В 2006 году в Афганистане к смерти за обращение в христианство приговорили Абдула Рахмана. Может, он убил кого-нибудь, нанес увечья, украл или, в конце концов, повредил чье-то имущество? Нет. Он просто поменял мнение. Свое внутреннее, персональное убеждение. Он позволил себе прийти к мыслям, оказавшимся не по душе правящей партии.

И речь идет, заметьте, не о талибском Афганистане, а об «освобожденном» Афганистане Хамида Карзая, основанном при поддержке коалиции во главе с Америкой. Г-ну Рахману, к счастью, удалось избежать казни, но только после упорной международной кампании и только благодаря тому, что его признали невменяемым. Сейчас, чтобы избежать смерти от руки выполняющих религиозный долг правоверных, он нашел убежище в Италии. А в конституции «освобожденного» Афганистана по-прежнему есть статья, карающая вероотступничество смертной казнью. Вероотступничество, замечу еще раз, не предполагает нанесения никакого вреда ни людям, ни собственности. Это «мыслепреступление» в чистом виде, выражаясь словами Оруэлла из «1984», и по исламскому закону официальное наказание за него — смерть. И оно приводится в исполнение, вот еще один пример: 3 сентября 1992 года в Саудовской Аравии за вероотступничество и богохульство Садику Абдулу Кариму Малаллаху публично отрубили голову.¹⁷⁹

Однажды я участвовал в теледебатах с упомянутым в главе 1 ведущим британским «либеральным» мусульманином сэром Икбалом Сакрани и задал ему вопрос относительно смертной казни за вероотступничество. После долгих уверток и уклонений он так и не высказался ни за, ни против. Из всех сил стараясь увильнуть от ответа, он заявил, что незачем обсуждать такие несущественные детали. И это — человек, посвященный британским правительством в рыцари за заслуги в развитии «добрых межконфессиональных отношений».

Но и насчет христианства заблуждаться не стоит. Еще в 1922 году в Великобритании Джона Уильяма Готта приговорили к 9 месяцам каторжных работ за богохульство — он сравнил Иисуса с клоуном. И, как ни поразительно, богохульство по-прежнему остается в Великобритании преступлением,¹⁸⁰ и в 2005 году христианская группа пыталась начать частное судебное преследование против Би-би-си за показ мюзикла «Джерри Спрингер, опера».

В США недавно появилось, и по понятным причинам не могло не появиться, выражение «американские талибы». Поиск в Гугле показывает, что оно уже в широком употреблении. Цитатники этих господ, содержащие мудрость американских религиозных лидеров и политиков, пугающим образом напоминают узколобость, бессердечную жестокость и злобность афганских талибов, аятоллы Хомейни и ваххабитского правительства Саудовской Аравии. Особенно богатое собрание отвратительно нелепых цитат можно найти на веб-сайте «Американский Талибан», начиная с совсем уже невероятного высказывания, принадлежащего особе по имени Анн Кул-тер, всерьез призывающей: «Мы должны захватить их страны и, уничтожив вождей, обратить их всех в христианство»¹⁸¹ (и это, как уверяют меня американские коллеги, не изобретение американской пародийной газеты «Луковица»). Другие перлы: «Используйте слово «gay» только как сокращение «Got Aids Yet?» («Еще не заработал СПИД?»))» — член конгресса Боб Дорнан; генерал Уильям Г. Бойкин: «Джорджа Буша избрало не большинство населения США, его назначил Господь»; и более давний — знаменитая стратегия охраны окружающей среды министра внутренних дел из правительства Рональда Рейгана: «Незачем охранять природу, Второе пришествие не за горами». Афганский и американский Талибан — наглядный пример того, как действуют люди, принимающие Священное Писание буквально и всерьез. Глядя на них, можно с замиранием сердца представить, каково жилось населению теократических обществ Ветхого Завета. Книга Кимберли Блейкер «Основы экстремизма. Правые христиане в Америке» подробно повествует об угрозе христианских талибов (хотя

179

180

181

этот термин в книге не используется).

Вера и гомосексуальность

В Афганистане в эпоху «Талибана» официальным наказанием за гомосексуализм была смертная казнь, совершаемая особо изощренным способом: жертву погребали заживо под стеной, обрушиваемой на нее сверху. «Преступлением» в данном случае являются сугубо личные отношения между двумя совершеннолетними лицами, не причиняющими своими действиями никакого вреда никому. Налицо классические приметы религиозного абсолютизма. Нам, на моей родине, тоже не стоит слишком горячо поздравлять себя. Проявления гомосексуализма в частной жизни — невероятно, но факт! — оставались в Великобритании уголовным преступлением вплоть до 1967 года. В 1954 году Алан Тьюринг — британский математик, которого, наряду с Джоном фон Нейманом, можно считать отцом современного компьютера, — покончил с собой, подвергнувшись обвинению в гомосексуальном поведении в частной жизни. Тьюрингу не грозило погребение заживо под обрушенной на него танком стеной. Ему предложили выбор между двумя годами тюрьмы (можно только представить, как обращались бы с ним другие заключенные) и курсом гормональных уколов, равносильных химической кастрации и вызывающих рост груди. Он сделал выбор — съел яблоко, впрыснув в него цианистый калий.¹⁸²

Тьюринг, внесший важнейший вклад в расшифровку немецкого кода «Энигма», возможно, сделал для победы над нацизмом больше, чем Эйзенхауэр или Черчилль. Благодаря Тьюрингу и его коллегам, работавшим над проектом «Ультра» в Блечли-парке, генералы союзников всегда, в течение долгих военных месяцев, узнавали подробности немецких планов до того, как командование противника могло воплотить их в жизнь. После войны, когда заслуги Тьюринга перестали быть секретом, его следовало бы посвятить в рыцари и превозносить как спасителя отечества. Вместо этого безобидного, заикающегося, эксцентричного гения растоптали за совершаемое в частной жизни, никому не приносившее вреда «преступление». Несомненно, перед нами — очередное действие религиозного моралиста, которого страстно заботит, чем люди занимаются (и что думают) *за закрытыми дверями*. Отношение «американских талибов» к гомосексуалам хорошо видно по другим проявлениям их религиозного абсолютизма. Послушайте основателя «Свободного университета» преподобного Джерри Фалвелла: «СПИД — это не просто божье наказание гомосексуалов; это божье наказание терпимого к гомосексуалам общества».¹⁸³ Особенно шокирует поразительное христианское милосердие таких господ. Как могут избиратели, срок за сроком, голосовать за такого невежественного ханжу, как сенатор Джесс Хелмз, республиканский представитель штата Новая Каролина? За господина, презрительно заявляющего: «Нью-Йорк тайме» и «Вашингтон пост» кишат гомосексуалами. Чуть не каждый сотрудник в них — голубой или лесбиянка».¹⁸⁴ Полагаю, что эти избиратели сами рассматривают нравственность сквозь узкую щель религиозных определений и видят угрозу в каждом, кто не разделяет их фанатичных верований.

Я уже цитировал основателя «Христианской коалиции» Пата Робертсона. Он всерьез выставил свою кандидатуру на президентских выборах 1988 года от республиканской партии и собрал на поддержку своей кампании более 3 миллионов добровольцев и значительное количество пожертвований: довольно пугающее количество сторонников, учитывая, что кандидат частенько блещет перлами вроде следующих: " [Гомосексуалы] желают ходить в церковь, чтобы срывать богослужения, поливать прихожан кровью, чтоб заразить их

182

183

184

СПИДом и плевать в лицо священникам»; «Организация [«Планирование семьи»] учит подростков блуду, учит людей прелюбодей-ству, всякого рода скотоложству, гомосексуализму, лесбиянству — всему, что запрещает Библия». Отношение Робертсона к женщинам также нашло бы немало теплых откликов у афганских талибов: «Понимаю, что дамам это слышать неприятно, но если вы выходите замуж, то обязаны признать главенство мужчины, вашего мужа. Христос — глава церкви, а мужчина — глава женщины, так вот оно и есть, и точка».

Президент организации «Католики за христианскую политику» Гэри Поттер заявил следующее: «Когда христианское большинство возьмет бразды правления в свои руки, не будет больше сатанистских церквей, свободного распространения порнографии, разговоров о правах гомосексуалов. После того как управление перейдет к христианам, плюрализм будет считаться аморальным и дурным, и государство никому не даст право сеять зло». Как ясно из этой цитаты, «зло» здесь не означает совершение поступков, причиняющих неприятности окружающим. Оно означает частные мысли и поступки индивидуума, неугодные частным желаниям «христианского большинства».

Еще один пример твердолобого, страстно ненавидящего гомосексуалов священника — пастор баптистской церкви города Вестборо Фред Фелпс. Когда умерла вдова Мартина Лютера Кинга, пастор Фред организовал пикетирование ее похорон, провозглашая: «Бог ненавидит гомиков и их потворщиков! Следовательно, Бог ненавидит Коретту Скотт Кинг и сейчас мучает ее огнем и серой там, где червь никогда не умирает и пламя никогда не гаснет, и смрад от ее мучений вздымается к небу ныне и во веки веков».¹⁸⁵ Конечно, легко объявить Фреда Фелпса ненормальным, но его поддерживает, в том числе финансово, множество людей. С 1991 года, согласно его собственному веб-сайту, он организовал в США, Канаде, Иордании и Ираке 22 тысячи антигомосексуальных демонстраций (в среднем по одной каждые четыре дня) под такими лозунгами, как «СПАСИБО ГОСПОДУ ЗА СПИД». Особенно милым изобретением подобных веб-сайтов являются счетчики, показывающие количество дней со дня начала мучений в аду того или иного покойного гомосексуалиста.

Отношение к гомосексуальности позволяет лучше судить о внушаемой религией нравственности. Не менее показательными являются и вопросы аборт и неприкосновенности человеческой жизни.

Религия и неприкосновенность человеческой жизни

Человеческие эмбрионы — формы человеческой жизни. Следовательно, в глазах абсолютистской религии аборт — это зло, ничем не отличающееся от убийства. Не знаю, как тогда расценивать наблюдения, полученные мной из собственного опыта: многие из наиболее пылких противников умерщвления зародышей проявляют повышенный энтузиазм к совершению этого действия в отношении взрослых. Справедливости ради заметим, что это не относится к приверженцам одной из самых громогласных противниц аборт — католической церкви. А вот «вновь рожденный» Джордж У. Буш — типичный образчик современных религиозных властителей. Он и иже с ним яростно защищают человеческую жизнь до тех пор, пока она находится в зародышевом (или неизлечимо больном) состоянии, не останавливаясь перед запретом медицинских исследований, способных спасти жизнь огромного числа людей.¹⁸⁶ Очевидно, что протест против смертной казни проистекает из уважения к человеческой жизни. С 1976 года, когда Верховный суд пересмотрел решение об отмене смертных приговоров, более трети совершенных в 50 штатах США казней произошли

185

186

в Техасе. И, как известно, Буш руководил большим числом казней в Техасе — примерно одной каждые 9 дней, — чем любой другой губернатор в истории штата. Может, он просто выполнял свой долг губернатора и законы штата?¹⁸⁷ Но что тогда вы скажете об известном репортаже журналиста Си-эн-эн Такера Карлсона? Сам являясь сторонником смертной казни, Карлсон тем не менее был поражен тем, как «смешно» передразнил Буш казнимую женщину, умолявшую губернатора отложить казнь. «Пожалуйста, — насмешливо ныл будущий президент, с издевкой сжав в поддельном отчаянии губы, — Не убивайте меня».¹⁸⁸ Возможно, женщине удалось бы добиться большего сочувствия, напомнив, что и она когда-то была эмбрионом.

Тема зародышей, похоже, оказывает на многих верующих поистине гипнотическое воздействие. Мать Тереза Калькуттская, принимая Нобелевскую премию, прямо сказала в своей речи: «Самый страшный враг мира — это аборт». *Что?* Как можно серьезно относиться к мнению женщины, делающей такие сногшибательные заявления, а тем более всерьез считать ее достойной Нобелевской премии? Отсылаю читателей, желающих насладиться постным ханжеством матери Терезы, к книге Кристофера Хитченса «Миссионерская позиция: теория и практика матери Терезы».

Возвращаясь к теме «Американского Талибана», предлагаю вам послушать основателя организации по запугиванию врачей-акушеров «Операция «Спасение» Рэндалла Терри. «Когда я или мои сторонники придем в этой стране к власти, вам будет лучше поскорее скрыться, потому что мы вас найдем, отдадим под суд и казним. Я не шучу. Я не пожалею сил, чтобы осудить и казнить их всех». Он имеет в виду делающих аборт врачей. Его христианские чувства наглядно проявляются и в дальнейших заявлениях:

Мне хочется, чтобы вас с головой накрыло волной нетерпимости. Волной ненависти. Да, ненависть — это то, что надо... Наша цель — христианская нация. Наш долг записан в Библии, Бог велел нам покорить эту страну. Нам не нужны равные телеквоты. Нам не нужен плюрализм.

Наша цель должна быть простой. Нам нужна христианская нация, основанная на законе Божьем, на Десяти заповедях. И никаких «но».¹⁸⁹

Подобные намерения создать то, что иначе как христианским фашистским государством не назовешь, очень типичны для «Американского Талибана». Это почти точная копия исламского фашистского государства, о котором многие мечтают по другую сторону земного шара. Рэндалл Терри не пришел к власти — пока. Но у тех, кто наблюдает за развитием событий на американской политической сцене в момент написания данной книги (2006), нет повода особо радоваться.

Сторонники консеквенциалистской этики последствий или утилитаризма, скорее всего, подойдут к вопросу абортов с совсем другой точки зрения и попытаются оценить количество страданий. Страдает ли эмбрион? (Если аборт произведен до формирования у него нервной системы, скорее всего — нет; и даже если нервная система уже есть, он, несомненно, страдает меньше, чем взрослая корова на бойне.) Страдает ли беременная женщина или ее семья в случае, если в аборте будет отказано? Вполне возможно; и в любом случае, учитывая практически полное отсутствие у зародыша нервной системы, разве не следует отдать предпочтение хорошо развитой нервной системе матери?

187

188

189

Не отрицаю, что у сторонников этики последствий также имеются причины выступать против абортов. Может быть выдвинут аргумент «скользкой дорожки» (хотя я в данном случае не стал бы на нем настаивать). Допустим, зародыши и не страдают, но культура, позволяющая прерывать человеческую жизнь, — не заведет ли она нас слишком далеко? Где провести черту? Где грань, отделяющая нас от убийства детей? Естественным Рубиконом является момент рождения, и, пожалуй, можно сказать, что в более раннем, зародышевом, развитии аналогичную веху найти трудно. Таким образом, аргумент «скользкой дорожки» способен сделать факт рождения более важным в наших глазах, чем он того заслуживает с точки зрения консервативной интерпретации утилитаризма.

С позиции «скользкой дорожки» также можно выдвинуть аргументы против эвтаназии. Несложно представить себе следующее воображаемое высказывание философа-моралиста:

Если позволить врачам, обрывая жизнь, прекращать страдания смертельно больных пациентов, то глазом моргнуть не успеешь, как народ начнет ужокошивать своих бабушек ради наследства. Мы, философы, может быть, и переросли абсолютизм, но людям абсолютные правила вроде «не убий» необходимы, иначе им никакого удержу не будет. При некоторых обстоятельствах в этом далеко не идеальном мире абсолютизм может привести к лучшим последствиям, чем наивная этика последствий! Нам, философам, может быть, нелегко обосновать, почему нельзя использовать в пищу никем не оплакиваемых покойников — скажем, погибших в автокатастрофе бродяг. Но от абсолютного, исключительно ценного для общества запрета на каннибализм, именно из-за опасения оказаться на скользкой дорожке, никто не отказывается.

Аргументы с позиции «скользкой дорожки» можно рассматривать как попытку сторонников этики последствий косвенным образом восстановить абсолютизм. Но верующим противникам абортов нет дела до «скользких дорожек». С их точки зрения все гораздо проще. Эмбрион — это «младенец», его уничтожение — убийство, вот и все, конец обсуждения. Из подобной абсолютистской позиции делаются далеко идущие выводы. Они требуют, несмотря на головокружительные медицинские перспективы, прекратить исследования эмбриональных стволовых клеток, потому что в результате этого клетки эмбрионов погибают. Нелогичность последнего аргумента очевидна, если задуматься о том, что в настоящее время уже широко используется ЭКО (экстракорпоральное оплодотворение), в процессе которого врачи стимулируют выработку женским организмом дополнительных яйцеклеток для оплодотворения в пробирке. При этом получают до дюжины жизнеспособных эмбрионов, из которых в матку имплантируют два или три. Ожидается, что выживет один или два. Таким образом, уничтожение эмбрионов происходит на двух стадиях ЭКО, но к процедуре у общества в целом претензий нет. Уже в течение 25 лет ЭКО является стандартной практикой, приносящей счастье бездетным супружеским парам.

Тем не менее у религиозных абсолютистов возникают претезии и к ЭКО. 3 июня 2005 года в газете «Гардиан» появилась странная статья под заголовком «Христианские супружеские пары откликнулись на призыв спасти лишние ЭКО-эмбрионы». Речь идет об организации «Снежинки», которая ставит своей задачей «спасти» остающиеся в клиниках ЭКО-эмбрионы. «Мы считаем, что Господь призвал нас дать одному из этих эмбрионов — этих детей — шанс на жизнь», — заявила женщина из штата Вашингтон; ее четвертый ребенок родился в результате «неожиданного альянса между миром христиан и «детей из пробирки». Муж, обеспокоенный этим альянсом, обратился к священнику, который дал ему следующий совет: «Если хочешь освободить раба, иногда приходится идти на сделку с работорговцами». Интересно, что сказали бы эти люди, узнай они, что большая часть

возникающих в результате естественного оплодотворения эмбрионов через некоторое время уничтожается сама собой. Скорее всего, здесь имеет место естественный «контроль качества».

Определенная категория верующих не видит моральной разницы между уничтожением микроскопической группы клеток с одной стороны и убийством взрослого врача — с другой. Я уже упоминал Рэндалла Терри и «Операцию «Спасение». В жуткой книге Марка Юргенсмайера «Террор именем Бога» напечатана фотография, на которой преподобный Майкл Брей со своим другом, преподобным Полом Хиллом, держат транспарант с лозунгом: «Разве можно не препятствовать убийству невинных младенцев?» Совсем не похожие на фанатиков с горящими глазами — приятные, элегантные, неброско, но со вкусом одетые молодые люди располагающе улыбаются в камеру. Но они и их сподвижники из «Армии Бога» (Army of God — AOG) занимаются тем, что поджигают клиники, где делают аборт, и не скрывают своего желания убивать врачей. 29 июля 1994 года у входа в клинику города Пенсакола, штат Флорида, Пол Хилл убил из револьвера доктора Джона Брит-тона и его телохранителя Джеймса Барретта. Затем он сдался в руки полиции, заявив, что застрелил врача с целью прекращения убийств «невинных младенцев».

Когда мы проводили интервью с Майклом Бреем в парке в Колорадо-Спрингс для документального телефильма о религии, обнаружилось, что он громкогласно, якобы с позиции нравственности, защищает подобные действия.¹⁹⁰ Прежде чем перейти к обсуждению абортов, я задал Брею несколько предварительных вопросов, чтобы лучше понять его библейскую мораль. Указав, что по библейским законам прелюбодеев положено побивать камнями, я ожидал, что он откажется от воплощения этого правила в жизнь как от чересчур абсурдного. Но, удивив меня, он охотно согласился, что после выполнения юридических формальностей прелюбодеев действительно нужно казнить. Здесь я заметил, что, не тратя времени на выполнение формальностей, Пол Хилл при полной поддержке Брея взял закон в свои руки и убил врача. Так же, как и в интервью с Юргенсмайером, Брей принялся защищать действия единомышленника, проводя различие между убийством, скажем, врача на пенсии с целью мщения и убийством практикующего врача с целью прекращения производимого им «регулярного убийства младенцев». Я возразил, что, несмотря на очевидную искренность убеждений Пола Хилла, нельзя забывать: если каждый начнет карать и миловать в соответствии с личными убеждениями, а не с принятыми в стране законами, общество скатится в чудовищный хаос. Разве не правильнее было бы изменить закон демократическим образом? Брей отвечал: «Ну, проблема здесь в том, что иногда у нас нет настоящего, подлинного закона; иногда закон выдумывается прямо на месте, из головы, как в случае так называемого закона о праве на аборт; это судьи навязали его народу...» Здесь мы немного поспорили об американской конституции и о том, откуда берутся законы. Отношение Брея к этим вопросам очень напоминало позицию живущих в Великобритании воинствующих мусульман, открыто заявляющих, что они подчиняются только исламскому закону, а не принятым в демократическом порядке законам страны их проживания.

В 2003 году за убийство доктора Бриттона и его телохранителя Пол Хилл был казнен; он до конца утверждал, что для спасения нерожденных убил бы еще раз. Сознательно отдавая жизнь за свое убеждение, он сказал, выступая перед журналистами: «Я верю, что, казня меня, государство делает из меня мученика». Во время его казни к протестующим борцам против абортов правого толка примешалась «нечестивая» толпа левых противников смертной казни, призывавших губернатора Флориды Джеба Буша «прекратить возведение Пола Хилла в ранг великомученика». Санкционированное законом убийство Хилла, резонно

рассуждали они, спровоцирует новые нападения, оказывая эффект, прямо противоположный ожидаемому. Сам Хилл по пути в смертную камеру улыбался, говоря: «Ожидаю награды в раю... Ожидаю славы». ¹⁹¹ Он призвал других следовать по его стопам. Допуская возможность мести за «мученический венец» Пола Хилла, полиция во время казни была приведена в повышенную готовность, а несколько связанных с его делом лиц получили угрожающие письма с приложенными пулями.

Весь этот кошмар проистекает из обычной разницы восприятия. Существуют люди, в силу своих религиозных убеждений считающие аборт убийством и готовые открыть огонь, защищая эмбрионы, которые они предпочитают называть младенцами. С другой стороны, имеются люди, не менее искренне поддерживающие аборты, у которых либо иные религиозные взгляды, либо их нет вовсе, зато есть хорошо продуманные принципы консеквенциалистской морали. Они также считают себя борцами за идею, предусматривающую оказание медицинской помощи нуждающимся пациентам, которым иначе пришлось бы обратиться к неумелым подпольным знахарям. Каждая сторона считает другую убийцами или соучастниками убийц. И каждая по-своему искренна.

Представитель некоей акушерской клиники назвал Пола Хилла опасным психопатом. Но подобные Хиллу люди не считают себя опасными психопатами; они считают себя хорошими, нравственными людьми, выполняющими заветы бога. Честно говоря, я тоже не считаю, что Пол Хилл — психопат. Он всего лишь очень религиозный человек. Опасный, безусловно, но не психопат. Опасно религиозный. В соответствии со своими религиозными убеждениями Хилл, застрелив доктора Бриттона, поступил правильно и нравственно. Неправа была сама вера Хилла. Майкл Брей, когда мы с ним встретились, тоже не показался мне психопатом. Он мне, кстати, очень понравился. Я считаю его честным и искренним человеком, выражающим свои мысли вдумчиво и с достоинством; вот только ум его, к сожалению, отравлен вредной религиозной чепухой.

Почти все яростные противники абортов глубоко религиозны. Искренние же их сторонники, вне зависимости от их личной веры, чаще всего следуют нерелигиозной этике последствий, возможно задавая себе сформулированный Джереми Бентаном вопрос: «Могут ли они страдать?» Пол Хилл и Майкл Брей не видят нравственной разницы между убийством зародыша и убийством врача, разве что зародыш, по их определению, был ни в чем не повинным «младенцем». Сторонники этики последствий способны оценивать различия.

На ранней стадии развития зародыш по своей способности ощущать да и по строению и внешнему виду не превосходит головастика. Врач, напротив, — это сформировавшийся, наделенный сознанием индивидуум со своими надеждами, устремлениями, мечтами, страхами, огромным запасом знаний, способностью к сложным эмоциям, скорее всего оставляющий после себя безутешную вдову, осиротевших детей, возможно — любящих стариков родителей.

Пол Хилл причинил реальное, глубокое, длительное страдание существам, наделенным способной чувствовать страдание нервной системой. Его жертва — врач — этого не делал. Не имеющие на ранней стадии развития нервной системы зародыши, вне всякого сомнения, не страдают. И даже на более поздней стадии эмбрионы с нервной системой страдают — хотя любое страдание заслуживает сожаления — вовсе не потому, что они *люди*. Нет оснований полагать, что человеческие зародыши в любом возрасте страдают больше, чем зародыши коровы или овцы аналогичного возраста. И имеется масса причин утверждать, что все зародыши — и человеческие в том числе — страдают гораздо меньше, чем взрослая корова или овца на бойне, а тем более забиваемые во время ритуальных убийств животные,

когда, по религиозным требованиям, они должны находиться в полном сознании в момент перерезания горла.

Измерить страдание нелегко,¹⁹² и о деталях можно спорить. Но это не меняет главной идеи, которая касается различий между позицией неверующих сторонников этики последствий и религиозной, абсолютистской нравственной философией.¹⁹³ Первые обеспокоены тем, могут ли зародыши страдать. Вторых заботит, являются ли те человеческими существами.

Религиозные моралисты рассуждают о том, в какой момент развивающийся зародыш становится личностью — человеком. Нерелигиозные моралисты, скорее всего, поставят вопрос иначе: «Неважно, *личность* ли это (да и какой это имеет *смысл* в отношении комочка клеток?); важно другое: в каком возрасте развивающийся зародыш, все равно какого вида животных, способен испытывать *страдание*.»

Великий софизм о Бетховене

Еще одним приемом противников аборт в словесных баталиях служит следующее рассуждение. Неважно, страдает или нет зародыш в настоящее время. Его ценность заключается в его потенциальных возможностях. Аборт лишает его шанса прожить полноценную человеческую жизнь в будущем. Этот аргумент с максимальной полнотой проявляется в риторическом рассуждении, единственным оправданием которого против обвинения в нечестности служит его дремучая глупость. Речь идет о бытующем в нескольких вариантах «Великом софизме о Бетховене». Нижеприведенную его разновидность в книге «Наука о жизни» Питер и Джейн Медавар¹⁹⁴ приписывают члену британского парламента и известному приверженцу католицизма Норману Сент-Джону-Стевасу (ныне лорду Сент-Джону). Он, в свою очередь, позаимствовал его у Мориса Баринга (1874–1945), хорошо известного обращенного католика и близкого соратника таких непоколебимых поборников католической церкви, как Гилберт Кит Честертон и Хиллари Беллок. Аргумент представлен в форме воображаемого диалога между двумя врачами:

«Хочу узнать ваше мнение насчет прерывания беременности. Отец страдает сифилисом, мать — туберкулезом. Из четырех родившихся детей первый был слепым, второй умер, третий — глухой идиот, у четвертого туберкулез. Что бы вы сделали?» — «Прервал бы беременность». — «Что ж, вы убили бы Бетховена».

В Интернете полно так называемых сайтов в защиту жизни, неустанно пересказывающих эту дурацкую историю, легко меняя при этом основные факты. Вот другой вариант: «Если бы вы знали беременную женщину, у которой уже было восемь детей, трое из них — глухие, двое — слепые, а один — умственно отсталый (все это потому, что она болела сифилисом), посоветовали бы вы ей сделать аборт? Если да, то вы убили бы Бетховена». ¹⁹⁵ В новом пересказе легенды великий композитор из пятого ребенка становится девятым, количество глухих детей возрастает до трех, слепых — до двух, а сифилисом болеет не мать, а отец. Большая часть из 43 веб-сайтов, которые я обнаружил, разыскивая разные версии этой истории, приписывают ее не Морису Барингу, а некоему Л. Р. Агню, профессору медицинского факультета Калифорнийского университета в

192

193

194

195

Лос-Анджелесе, который, по утверждениям, выдвинул эту дилемму студентам, а затем огорошил их: «Поздравляю, вы только что убили Бетховена». Полагаю, стоит милосердно усомниться в реальности существования Л. Р. Агнью: поразительно, как распространяются городские легенды. Мне не удалось выяснить, принадлежит ли авторство этой выдумки Барингу, или она существовала еще до него.

Ибо это — не что иное, как выдумка. Абсолютная ложь. На самом деле Людвиг ван Бетховен не был ни девятым, ни пятым ребенком своих родителей. Он был старшим или, строго говоря, вторым, но его старший брат умер, как это часто тогда случалось, в раннем младенчестве и, насколько нам известно, не был ни слепым, ни глухим, ни умственно отсталым. Не существует никаких подтверждений тому, что у кого-то из родителей Бетховена был сифилис, хотя правда, что мать впоследствии скончалась от туберкулеза. В те годы это было обычным явлением.

Перед нами классический образчик городской легенды — поделки, специально разработанной и распространяемой заинтересованными в ее распространении людьми. Но для нашего обсуждения даже не так важно, что это ложь. Даже если бы это была чистая правда, проведенное на ее основе рассуждение довольно нелепо. Чтобы указать на ошибочность аргументации, Питеру и Джейн Медавар вовсе не пришлось оспаривать правдивость истории: «Сделанные на основе этого аргумента рассуждения поражают своим софизмом, ибо если не настаивать на том, что сифилис отца и туберкулез матери повышают шансы рождения музыкального гения, то очевидно, что причиной, по которой мир лишился бы Бетховена, с тем же успехом мог стать и простой отказ от совокупления.¹⁹⁶ Данное Медаварами презрительно-лаконичное объяснение опровергнуть невозможно (на ум приходит сюжет одного из коротких и мрачных рассказов Роалда Дала, в котором аналогичное «счастливое» решение не делать аборт дало миру в 1888 году Адольфа Гитлера). Но, чтобы понять смысл возражения, нужно освободиться от определенных религиозных стереотипов — или иметь толику ума. Ни один из 43 «защищающих жизнь» веб-сайтов с историей Бетховена, найденных мной в Гугле в день написания этой главы, не обращает внимания на нелогичность истории. Каждый из них (кстати, все они — религиозные) клюнул на софизм, заглотив его вместе с поплавком. На одном даже указали как источник Медавара (написав его фамилию «Medawar»). Этим господам так хотелось уверовать в подтверждающий их веру софизм, что они не заметили: Медавары цитировали его исключительно в издевательском смысле.

Согласно справедливому замечанию Медаваров, логический вывод аргумента о «человеческом потенциале» заключается в том, что каждый раз, пропуская возможность полового сношения, мы лишаем человеческую душу шанса появиться на свет. По идиотской логике «защитников жизни», любой отказ способного к деторождению индивидуума от совокупления приравнивается к убийству потенциального младенца! Даже сопротивление насильнику может считаться лишением жизни потенциального ребенка (существует, кстати, немало «защитников жизни», отрицающих право на аборт и для жестоко изнасилованных женщин). Совершенно очевидно, что довод о Бетховене с логической точки зрения весьма слаб. Его сюрреалистический идиотизм лучше всего выражается замечательной песней «Свят любой сперматозоид», которую распевает Майкл Палин в сопровождении хора сотен детей в фильме «Монти Пайтон: Смысл жизни» (если вы его еще не видели, пожалуйста, доставьте себе это удовольствие). Знаменитый софизм о Бетховене — типичный пример логической трясины, в которой легко увязнуть, если мозги затуманены абсолютизмом религиозного толка.

Обратите внимание: «защитники жизни» защищают, строго говоря, *не любую жизнь*. Речь идет только о *человеческой жизни*. Присвоение клеткам вида *Homo sapiens* особых, исключительных прав трудно оправдать с эволюционных позиций. Впрочем, это вряд ли смутит сонмы противников аборт, которые попросту не понимают, что эволюция — реальный факт! Тем не менее позвольте вкратце изложить аргумент для тех противников аборт, кто лучше разбирается в науке.

Эволюционный довод довольно прост. «Человечность» клеток зародыша не может гарантировать им абсолютно исключительный, с точки зрения нравственности, статус. Не может — в силу нашего близкого эволюционного родства с шимпанзе и более отдаленного — с каждым видом живых существ на планете. Чтобы понять это, представьте, что в каком-то уголке Африки чудом выжил и был обнаружен промежуточный вид, скажем, *Australopithecus afarensis*. Считались бы эти создания людьми или нет? Для такого, как я, сторонника этики последствий вопрос недостойн ответа, потому что он ни к чему не ведет. Я, бесспорно, был бы восхищен и обрадован возможностью встречи с новой «Люси». Абсолютисту же, напротив, ответ найти необходимо, поскольку, с его нравственных позиций, люди заслуживают уникального, особого *статуса, лишь по той причине, что они — люди*. Если его припереть к стенке, то он, пожалуй, не постесняется устроить судилище, как в эпоху южноафриканского апартеида, для выяснения, можно ли считать человеком того или иного индивидуума.

Даже если дать однозначный ответ в случае *Australopithecus*, из самого процесса биологической эволюции неизбежно следует, что в прошлом существовало какое-то среднее звено, по своим свойствам достаточно близкое и к человеку и к животным, чтобы размыть грань и разрушить абсолютизм моральных принципов, основанных на человеческой исключительности. В эволюции нет четких границ такого рода. Иллюзия разграничения появляется лишь потому, что в нашем случае промежуточные звенья вымерли. Мы, конечно, вправе утверждать, что люди способны испытывать гораздо большие страдания, чем другие виды. Вполне возможно, что это — правда, на основе чего можно законно даровать людям особый статус. Но непрерывность эволюционного процесса гарантирует: абсолютного разграничения не существует. Эволюция полностью отрицает абсолютистскую нравственную дискриминацию. Вероятно, мучительное осознание этого факта и служит одной из главных причин, почему креационисты ненавидят эволюцию: они опасаются тех нравственных выводов, которые, как им кажется, из нее вытекают. Здесь они не правы, но в любом случае разве не странно думать, будто истина о реальном мире способна измениться в зависимости от того, какой мы хотели бы ее видеть с точки зрения нравственности?

Как «умеренная» вера питает фанатизм

Иллюстрируя темную сторону абсолютизма, я писал об американских христианах, взрывающих акушерские клиники, и афганских талибах, о чьей жестокости, особенно в отношении женщин, слишком тяжело говорить. Можно было бы и дальше рассказывать об Иране под властью аятоллы или о Саудовской Аравии, управляемой династией Саудов, где женщины не имеют права водить машину и рискуют навлечь на себя неприятности, выйдя из дома без родственника мужского пола (которым, по великодушному разрешению, может быть маленький ребенок). Описание отвратительного отношения к женщинам в Саудовской Аравии и других современных религиозных государствах см. в книге Яна Гудвина «Цена чести». Ведущий колонки в лондонской «Индепендент» остроумнейший журналист Иоганн Хари написал статью с красноречивым названием «Лучший способ борьбы с джихадом — спровоцировать бунт мусульманских женщин». ¹⁹⁷

Возвращаясь к христианству, можно начать цитировать американских христиан «вознесения», чье мощное вмешательство в ближневосточную политику США основано на убеждении, что в соответствии с Библией бог дал Израилю право на владение всеми палестинскими землями.¹⁹⁸ Некоторые христиане «вознесения» идут еще дальше и мечтают о ядерной войне, которую они рассматривают как «Армагеддон», долженствующий, согласно их странной, но, к немалой тревоге, популярной интерпретации Книги Откровение, ускорить Второе пришествие. Думаю, нельзя высказаться лучше, чем это сделал Сэм Харрис в «Письме к христианской нации»:

Не будет преувеличением сказать, что, если Нью-Йорк внезапно превратится в огненный шар, значительная часть американского населения увидит появившийся вслед за этим атомный гриб с определенной долей радости, потому что для них он будет означать, что не за горами самое долгожданное из всех долгожданных событий: речь идет о возвращении Христа. До боли очевидно, что вера такого рода вряд ли поможет нам построить надежное будущее, как в социальном, так и в экономическом, экологическом и геополитическом плане. Представьте, что произойдет, если более или менее значительная часть правительства США искренне уверует, будто конец света вот-вот наступит — и это будет великолепно. То, что почти половина американского населения исключительно на основе религиозной догмы, похоже, уже верит в это, необходимо рассматривать как чрезвычайную ситуацию в нравственном и интеллектуальном плане.

Таким образом, существуют люди, выброшенные, по причине религиозных верований, за пределы просвещенного единения — «нравственного Zeitgeist». Они представляют собой то явление, которое я назвал темной стороной религиозного абсолютизма; часто к ним применяют термин «экстремисты». Но в данном разделе я хочу показать, что даже в мягкой и умеренной форме религия создает ту питательную среду для слепой веры, в которой зарождается и процветает экстремизм.

В июле 2005 года в Лондоне произошла серия организованных взрывов, осуществленных террористами-самоубийцами: три бомбы одновременно взорвались в метро и одна — в автобусе. Эти теракты были не такими кровавыми, как атака на Всемирный торговый центр, и, безусловно, не такими неожиданными (честно говоря, в Лондоне опасались чего-то подобного с того самого времени, как Блэр втянул из всех сил упирающуюся страну в организованное Бушем нападение на Ирак). Тем не менее лондонские взрывы ужаснули Великобританию. Газеты переполнились мучительными размышлениями о том, что могло заставить четырех молодых парней взорвать себя и вместе с собой множество невинных людей. Убийцами оказались британские граждане — хорошо воспитанные, играющие в крикет, одним словом — молодые люди, в компании с которыми приятно скоротать вечер.

Что же двигало этими любителями крикета? В отличие от своих палестинских собратьев, японских камикадзе или «Тигров освобождения Тамил-Илама», эти смертники явно не надеялись, что общество будет восхвалять до небес их безутешные семьи, будет поддерживать их и выплачивать «пенсии мучеников». Напротив, некоторым из родственников пришлось скрываться. У одного из самоубийц осталась беременная жена, и родившийся малыш никогда не увидит отца. Поступок этих молодых людей принес только лишь несчастья, и не только им самим и их жертвам, но и их семьям, и всей британской мусульманской диаспоре, которой приходится терпеть ответную реакцию. Ничто, кроме религиозной веры, не обладает силой, способной породить в нормальных, добропорядочных

людях подобное безумие. Еще раз хочу процитировать Сэма Харриса, с безжалостной яркостью продемонстрировавшего это на примере лидера Аль-Каиды Усамы бен Ладена (который, кстати, к лондонским взрывам не имеет никакого отношения). Зачем кому-то понадобилось разрушать Всемирный торговый центр со всеми находящимися в нем людьми? Заклеймить бен Ладена, назвав его монстром, значит лишь, сложив с себя ответственность, уйти от ответа на важный вопрос.

Ответ напрашивается сам собой — хотя бы потому, что сам бен Ладен повторяет его назойливо часто. Суть его в том, что подобные бен Ладену господа действительно верят в то, что говорят. Верят в буквальную правду Корана. Почему девятнадцать хорошо образованных людей из благополучных семей отдали свои жизни за возможность уничтожить тысячи соседей по планете? Потому что они верили, что попадут за это прямо в рай. Трудно найти другой пример настолько полного и исчерпывающего объяснения человеческого поведения. Почему же нам так не хочется его принимать? 199

Авторитетная журналистка из газеты «Геральд» (Глазго) Мюриел Грей сделала 24 июля 2005 года аналогичное замечание по поводу взрывов в Лондоне:

Обвиняли все и вся — от безусловно злонамеренного дуэта Джорджа Буша и Тони Блэра до пассивности мусульманских диаспор. Но разве не очевидно, что причину с самого начала следовало увидеть в одном, и только одном. Причиной этих несчастий, беспорядков, насилия, ужасов и заблуждений является, без сомнения, сама религия; и если вам кажется, что излишне писать о столь очевидной вещи, посмотрите, как старательно правительство и средства массовой информации пытаются ее замаскировать.

Наши западные политики, избегая «слова на букву Р», предпочитают вместо этого говорить о войне против терроризма, словно терроризм — наделенный умом и волей дух или нечистая сила. Либо о террористах заявляют, что ими движет «зло». Но зло не является мотивом их поступков. Какими бы заблудшими мы их ни считали, они, подобно христианским убийцам врачей-гинекологов, руководствуются праведными и справедливыми, по их мнению, принципами, честно выполняя предписания своей веры. Мы имеем дело не с психопатами, а с религиозными идеалистами, которые считают себя, в рамках своих убеждений, людьми рациональными. Их уверенность в собственной правоте основана не на болезненном изменении личности, не на вселении в них Сатаны, а на том, что с самой колыбели они воспитывались в лоне абсолютной, беспрекословной веры. Сэм Харрис цитирует слова несостоявшегося палестинского террориста-смертника, который объясняет, что побудило его убивать евреев: «... желание стать мучеником... Я ни за кого не мстил. Я просто очень хотел стать мучеником». 19 ноября 2001 году в журнале «Нью-Йоркер» было опубликовано интервью еще с одним неудачливым террористом-самоубийцей, вежливым двадцатисемилетним палестинцем, обозначенным инициалом S. Проповедуемые умеренными религиозными вожаками и учителями райские кущи описываются в нем с таким поэтическим красноречием, что, думаю, стоит остановиться на нем подробнее.

Но что привлекательного в мученичестве? — спросил я. Сила духа возвышает нас, а материальные блага тянут вниз, — ответил он. — Мечтающий о мученичестве получает защиту от соблазнов этого мира. Наш наставник спрашивал: «А если операция провалится?» Мы отвечали: «Что ж, мы все равно должны встретиться с Пророком и его сподвижниками, да будет на то воля Аллаха». Мы погружались в предчувствие встречи с вечностью, растворялись в нем. И сомнений не знали. Перед Аллахом мы на Коране поклялись не отступить. Клятва джихада называется «bayt al-ridwan» — по названию

райского сада, куда попадают мученики и пророки. Я знаю, что есть и другие способы совершать джихад. Но этот — сладок, слаще всех. И совершать мученический подвиг, если ты делаешь это во имя Аллаха, совсем не больно — как комариный укус!

S показал мне видеозапись последнего инструктажа перед операцией. На зернистой пленке он и два других молодых человека по установленному ритуалу отвечали на задаваемые вопросы о достославном мученичестве... Затем молодой человек и его наставник, встав на колени, положили правую руку на Коран. «Ты. готов? — спросил наставник. — Завтра ты будешь в раю» .200

Если бы я был на месте S, то, наверное, не удержался бы и спросил: «А почему бы тогда тебе самому не попробовать то, о чем ты так сладко поешь? Пойти и самому подорваться, чтобы тотчас оказаться в раю?» Но — повторю, потому что это очень важно, — многим трудно осознать тот факт, что *эти люди действительно верят в то, что говорят* . Мой вывод состоит в следующем: винить нужно не религиозный экстремизм, который якобы представляет собой ужасное извращение хорошей, благородной религии, а религию саму по себе. Много лет назад об этом точно сказал Вольтер: «Тот, кто способен склонить к вере в небылицы, способен склонить и к совершению злодеяний». Об этом же писал и Бертран Рассел: «Многие скорее расстанутся с жизнью, чем пошевелият мозгами, — и расстанутся-таки».

До тех пор, пока мы соглашаемся уважать религиозные верования только потому, что это религиозные верования, трудно отказать в уважении и вере Усамы бен Ладена и террористов-самоубийц. Альтернатива этому — такая явная, что о ней, казалось бы, излишне и напоминать, — состоит в том, чтобы отказаться от принципа механического почтения к религиозным верованиям. Именно поэтому я делаю все возможное, чтобы предостеречь людей не только против так называемой «экстремистской» веры, а против веры вообще. Учения «умеренных» религий, сами по себе не являющиеся экстремистскими, неизбежно мостят дорогу экстремизму.

Нужно заметить, что религия не уникальна в этом отношении. Патриотическая любовь к своей стране или к своему народу тоже может оказаться источником той или иной разновидности экстремизма, не правда ли? Достаточно вспомнить японских камикадзе или «Тамильских тигров» Шри-Ланки. Однако религиозная вера является особенно мощным душителем голоса разума, превосходящим, по-видимому, все остальные по своей ослепляющей силе. Подозреваю, что дело здесь в легковесно-мошенническом обещании, что смерть не конец, а мученикам отведен особо соблазнительный уголок рая. И вдобавок вера по природе своей не поощряет лишних вопросов.

Христианство, как и ислам, учит детей добродетели нерассуждающего послушания: веру не нужно доказывать. Стоит человеку заявить, что то-то и то-то составляет часть его религиозных убеждений, как остальные члены общества, вне зависимости от того, разделяют они веру говорящего или нет или вообще не верят в бога, обязаны, по укоренившемуся обычаю, не задавая лишних вопросов, «проявлять уважение». И уважение оказывается до тех пор, пока однажды вера не проявит себя жуткой бойней вроде разрушения Всемирного торгового центра, взрывов в Лондоне или Мадриде. Тут же раздается хор негодования; церковники и «лидеры сообществ» (кто их избирал, кстати?) выстраиваются в ряд, объясняя, что экстремисты извратили «истинную» веру. Но как можно веру извратить, если, в отсутствие доказательных доводов в ней не имеется никаких проверяемых, доступных для извращения стандартов?

Десять лет назад в своей замечательной книге «Почему я не мусульманин», Ибн Варрак привел аналогичный аргумент с позиции глубоко образованного знатока ислама. Полагаю, что не менее удачным названием книги Варрака могло бы быть «Миф об умеренном исламе»; именно так была озаглавлена недавняя статья в лондонской «Спектор» (30 июля 2005 года), написанная другим ученым, директором Института изучения ислама и христианства Патриком Сукхдео: «Подавляющее большинство современных мусульман живет, не прибегая к насилию, потому что в Коране есть выбор на все случаи жизни. Если ты хочешь мира, то найдешь стихи, призывающие к миру. Если стремишься к войне — отыщешь агрессивные».

Далее Сукхдео объясняет, как для разрешения множества имеющихся в Коране противоречий мусульманские богословы разработали принцип упразднения, согласно которому более поздние тексты имеют преимущество над ранними. К сожалению, большая часть миролюбивых стихов Корана написана рано, во время нахождения Мухаммеда в Мекке. Более агрессивные относятся к позднему времени, после его бегства в Медину. Таким образом, мантра «Ислам — это мир» устарела почти на 1400 лет. Ислам был миром, и ничем, кроме мира, лишь в течение примерно 13 лет... Ибо сегодняшним радикальным мусульманам, так же как и разработавшим классический ислам средневековым книжникам, честнее было бы провозгласить: «Ислам — это война». После двух лондонских взрывов одна из наиболее радикальных британских группировок, «Аль-Гураба», сделала заявление: «Любой мусульманин, отвергающий террор как часть ислама, — кяфир». Кяфир — значит «неверный» (то есть немусульманин) — очень оскорбительное для мусульманина прозвище...

Может быть, молодые самоубийцы не были отщепенцами британского мусульманского сообщества или последователями нетрадиционной, экстремистской интерпретации веры, а вышли из гущи мусульманской общины, подвигнутые исламом общепринятого толка?

Обобщая сказанное, подчеркну (причем это относится к христианству не менее, чем к исламу): самое пагубное дело — учить детей, что вера как таковая является добродетелью. Вера именно потому и вредна, что она не требует доказательств и не терпит возражений. Внушать детям, что нерассуждающая вера — это благо, значит готовить их к превращению, с возрастом и при определенных, совсем нередких обстоятельствах, в смертоносные орудия будущих джихадов и крестовых походов. Оболваненный верующий, защищенный от страха смерти предвкушением рая для героев, достоин почетного места в истории боевых вооружений — в одном ряду с луком, боевым конем, танком и кассетной бомбой. Научи мы детей вместо преклонения перед безоговорочной верой сомневаться и обдумывать свои убеждения, тогда — могу поспорить — террористы-самоубийцы перевелись бы сами собой. Самоубийцы совершают свои деяния потому, что искренне верят всему, чему их научили в религиозных школах: долг перед богом выше всего остального, а мученичество награждается райскими кущами. И научили их этому не обязательно фанатики-экстремисты, а подчас вполне добропорядочные, вежливые, умеренные религиозные наставники, усадившие их, ряд за рядом, в медресе, где они, ритмично качая невинными головками, заучивали наизусть, как обезумевшие попугайчики, каждое слово священной книги. Вера может быть очень и очень опасной, и расчетливо вбивать ее в восприимчивую голову невинного ребенка — большое зло. В следующей главе мы поговорим о детстве и о насилии над ним со стороны религии.

Глава девятая. Жестокое обращение с детьми и бегство от религии

В каждой деревне есть светоч — учитель

Хочу начать с истории, случившейся в XIX веке в Италии. Я не имею в виду, что нечто подобное этому ужасному событию может произойти и сегодня. Реалии, разумеется, устарели, но проявившиеся тогда умонастроения, увы, современны до сих пор. Разыгравшаяся в XIX веке трагедия проливает безжалостный свет и на нынешнее отношение верующих к детям.

В 1858 году в Болонье папская полиция по приказу инквизиции на вполне законных основаниях арестовала шестилетнего сына еврейских родителей Эдгардо Мортару. Насильно вырвав Эдгардо из рук рыдающей матери и обезумевшего от горя отца, его отправили в Рим, в катехумен (заведение для обращения иудеев и мусульман) и вырастили в католической вере. Не считая редких кратких визитов под строгим наблюдением священника, родителям встречаться с ним не разрешалось. Об этом событии рассказал в своей книге «Похищение Эдгардо Мортары» Дэвид И. Керцер.

В то время в Италии подобные истории происходили очень часто, и всегда священники отнимали детей по одной и той же причине. В каждом случае ребенка предварительно тайно крестили — обычно это делала нянька-католичка, а затем о крещении «узнавала» инквизиция. Одним из главнейших догматов католической веры является положение о том, что, если ребенка крестили, пусть даже неформально и секретно, ребенок бесповоротно становится католиком. А для религиозного менталитета оставлять «ребенка-католика» с родителями-евреями — немыслимо. Несмотря на возмущение мировой общественности, итальянские церковники упорно и очень искренне продолжали свои безумные и жестокие деяния. А возмущение общественности, кстати, католическая газета «Чивильта католика» приписывала международному влиянию богатых евреев — звучит знакомо, верно?

Если оставить в стороне газетную шумиху, случай Эдгардо Мортары ничем не отличается от многих других. Однажды его оставили под присмотром неграмотной четырнадцатилетней девушки по имени Анна Мориси. Ребенку сделалось плохо, нянька испугалась, что он может умереть. Возвращенная католиками с бредовой идеей о том, что некрещеный ребенок, умерев, навсегда попадает в ад, она спросила совета у соседа-католика, который подсказал ей, как совершить обряд крещения. Вернувшись в дом, она побрызгала на голову малыша Эдгардо водой и сказала: «Крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа». И все. С того момента Эдгардо по закону стал христианином. Когда через несколько лет о происшествии узнали священники инквизиции, они действовали быстро и решительно, не раздумывая о последствиях.

Поразительно, что, несмотря на возможность колоссальных последствий обряда крещения для целой семьи, католическая церковь позволяла (и до сих пор позволяет) совершать его буквально любому и над кем угодно. Совершающему обряд не нужно быть священником. Ни ребенок, ни его родители, ни кто-либо другой не должен давать своего согласия на крещение. Не нужно подписывать никаких бумаг. Не нужно официальных свидетелей. Все, что требуется, — это несколько капель воды, несколько слов, беспомощный ребенок и суеверная, одурманенная католиками нянька. Или даже только последнее, потому что если ребенок слишком мал, чтобы понимать происходящее, то кто докажет, что было, а чего не было? Воспитанная в католической вере американская коллега писала мне: «Мы крестили кукол. Не помню, крестили мы или нет наших маленьких друзей-протестантов, но такое случалось и, уверена, случается и по сей день. Мы обращали наших кукол в католичество, водили их в церковь, причащали и так далее. Нам с раннего возраста промывали мозги, чтобы мы готовились стать хорошими католическими матерями».

Если в XIX веке девочки были хоть в чем-то похожи на мою современницу, то остается только удивляться, что истории, подобные случаю с Эдгардо Мортарой, не происходили более часто. Но хотя они и так происходили в те годы в Италии до огорчения часто, в связи с чем возникает очевидный вопрос: почему живущие в католических государствах евреи нанимали слуг-католиков? И опять ответ основан не на здравом смысле, а на вероисповедании. Евреям нужны были слуги, которым религия не запрещала бы работать по субботам. Конечно, на еврейскую няньку можно было положиться в том смысле, что она не обречет ребенка на сиротство, тайно окрестив его. Но по субботам она не могла топить камин или прибирать дом. Именно поэтому те из еврейских семей Болоньи, которые могли себе это позволить, нанимали слуг в основном из католиков.

В этой книге я намеренно не описываю ужасы Крестовых походов, как и ужасы, творимые конкистадорами или испанской инквизицией. В каждом веке в каждой конфессии встречаются жестокие и злые люди. Но вышеприведенная история об отношении итальянской инквизиции к детям особо наглядно демонстрирует специфику религиозного сознания и то зло, которое совершается именно *по причине* его религиозности. Поражает, во-первых, безоговорочная убежденность религиозного ума в том, что несколько капель воды и краткое бормотанье могут кардинально изменить ход жизни ребенка, вне зависимости от желания родителей, самого ребенка, от его счастья и психологического благополучия... вне зависимости от всего, что представляется важным нормальному здравому смыслу и человеческим чувствам. Кардинал Антонелли выразил это в письме к первому еврею, ставшему членом британского парламента, Лионелу Ротшильду, обратившемуся к нему с протестом против похищения Эдгардо. Кардинал ответил, что изменить ситуацию не в его власти, и добавил: «Однако, пользуясь случаем, хочу заметить, что, как бы ни был силен голос природы, священный долг религии выше его». Довольно ясно сказано, не правда ли?

Во-вторых, поразительно, что священники, кардиналы и папа, похоже, искренне не понимали, как ужасно они поступили с бедным Эдгардо Мортарой. В это почти невозможно поверить, но они действительно считали, что, забрав ребенка от родителей и воспитав в христианской вере, они делают ему добро. Считали, что на них лежит обязанность *защитить* его! Оправдывая действия папы в деле Мортары, американская католическая газета заявила, что христианское правительство, безусловно, не могло оставить ребенка-христианина на воспитание евреям, и, ссылаясь на принцип свободы совести, провозгласила «свободу ребенка быть христианином, а не быть принудительно обращенным в еврейство... Защита ребенка его святейшеством перед лицом яростного, фанатичного неверия и ханжества является высочайшим проявлением нравственности, равного которому мир не видел многие-многие годы». Случалось ли вам встречать более откровенное искажение смысла понятий «принуждение», «фанатичный», «ханжество»? Все указывает на то, что защитники католицизма, начиная с папы, искренне верили, что они делают абсолютно правильное дело: правильное с нравственной точки зрения и с точки зрения благополучия ребенка. Такова сила религии («умеренной», широко распространенной конфессии) исказить суждения и извращать обычную человеческую порядочность. Газета «Католик» совершенно искренне удивлялась, почему такое количество людей не может понять, сколь бесценную услугу церковь оказала Эдгардо Мортаре, вырвав его из лона еврейской семьи:

Стоит серьезнее задуматься о сути дела и поразмыслить о положении евреев — без истинной церкви, без короля, без страны, рассеянных по свету, всюду чужих, где бы они ни оказались, и, более того, заклеянных позорной печатью христубийц... — нельзя тотчас же не понять, какое неоценимое благодеяние папа оказал малышу Мортаре.

В-третьих, поражает самонадеянность верующих, без каких-либо доказательств знающих, что вера, в которой их воспитали, является единственно верной, а все остальные — либо ее искажения, либо полностью ложные учения. Вышеприведенные цитаты наглядно демонстрируют мнение христиан по данному вопросу. И хотя было бы крайне несправедливо в одинаковой мере обвинять обе вовлеченные в эту историю стороны, но, пожалуй, пришло время заметить, что родители Мортары могли немедленно заполучить его обратно, стоило им поддаться на уговоры священника и самим согласиться на крещение. Эдгардо забрали из-за нескольких брызг воды и бессмысленной скороговорки. Благодаря неприхотливости религиозного сознания стоило покропить водой еще пару раз — и все стало бы на свои места. Кому-то отказ родителей пройти ритуал покажется ослиным упрямством. Другие посчитают, что конфессиональная стойкость позволяет причислить родителей к длинной веренице мучеников, страдавших за веру в течение столетий.

«Не унывай, мастер Ридли, будь мужчиной: дай-то бог, нынче мы зажжем в Англии такую свечу, которую, знаю, вовек не загасить». Без сомнения, существуют убеждения, за которые можно без колебаний пожертвовать жизнью. Но как могли мученики Ридли, Латимер и Кранмер выбрать сожжение вместо того, чтобы поменять острый конец протестантства на тупой конец католицизма — ну какая разница, с какого конца облупить яйцо? Верующие настолько упрямы или, в зависимости от вашего взгляда, настолько непоколебимы, что родители Мортары отвергли выход, предлагаемый бессмысленным обрядом крещения. Взяли бы и скрестили во время церемонии пальцы за спиной или тихонько прошептали «понарошку». Нет — для них это было невозможно, поскольку, будучи воспитаны в лоне религии («умеренной»), они принимали все ее нелепые обряды всерьез. А мне больше всего жаль несчастного, безвинно страдающего в контролируемом религиозными умами мире малыша Эдгардо — беспомощного между двух огней, осиротевшего по причине освященной благими намерениями, но от того не менее сокрушительной для малыша жестокости.

В-четвертых, продолжая высказанную ранее мысль, разве можно вообще говорить о шестилетнем ребенке, что он в полном смысле слова разделяет убеждения какой-то религии, будь то иудаизм, христианство или что угодно еще. Идея о том, что крещение мгновенно перебросило ничего не знающего и не понимающего ребенка из одной религии в другую, безусловно, нелепа — но разве не менее нелепа сама мысль об отнесении крошечного малыша к тому или иному вероисповеданию? Для Эдгардо важнее всего была не «истинность» религии (не может у детей в таком возрасте быть продуманных религиозных взглядов) — малышу требовалась любовь и забота родителей, семьи, которой его лишили священники, сами обреченные на безбрачие. Их отвратительную жестокость можно попытаться лишь слегка оправдать свойственной поработанным религией умам полной отрешенностью от обычных человеческих чувств.

И разве это не насилие — навешивать религиозные ярлыки на детей, которые еще слишком малы, чтобы думать о таких сложных вещах? И тем не менее это продолжается и по сей день почти без всякого противодействия. Именно это и составляет основную тему данной главы.

Насилие физическое и духовное

Когда в наши дни пишут о совершаемом священниками насилии, как правило, подразумевается насилие сексуальное, поэтому давайте с самого начала покончим с этой темой. Многие замечают, что истерия по поводу педофилии достигает ныне ошеломляющих размеров, а проявляемое буйствующими толпами возмущение вызывает в

памяти 1692 год и салемскую охоту на ведьм. В июле 2000 года газета «Новости мира» (*News of the World*), по праву заслужившая, несмотря на острую конкуренцию, титул самой мерзкой газеты Великобритании, организовала кампанию «найди и пристыди», чуть ли не открытым текстом призывая читателей к физической расправе над педофилами. В результате дом врача-педиатра одной из больниц был атакован личностями, не знающими разницы между педиатром и педофилом.²⁰¹ Истерия вокруг педофилов достигла чудовищных масштабов, вызвав панику среди родителей. В результате нынешние Вильямы Брауны (популярный герой английских детских книг), Геки Финны, герои «Ласточки» и «Амазонки» (еще одна детская книжка) лишены одного из самых незабываемых удовольствий детства — возможности резвиться на свободе (несмотря на то что реальный, в отличие от воображаемого, риск сексуальных насилий в прошлом был несколько не меньше).

Будем справедливы: поводом для яростной кампании «Новостей мира» послужило случившееся в то время в Сассексе жуткое похищение, насилие и убийство восьмилетней девочки.

И тем не менее несправедливо обрушивать на всех педофилов то возмездие, которого достойна лишь их малая часть, повинная еще и в убийствах. Я учился в трех школах-интернатах, и в каждой из них были преподаватели, проявлявшие любовь к питомцам, выходящую за рамки приличия. Несомненно, это достойно осуждения. Но если бы сейчас, 50 лет спустя, этих людей начали атаковать линчеватели и юристы, приравнивая их к убийцам, я счел бы своим долгом встать на их защиту, несмотря на испытанные (непристойные, но в целом безвредные) домогательства со стороны одного из них.

Львиная доля подобных нападок пришлась на римско-католическую церковь. По целому ряду причин я не люблю католическую церковь. Но несправедливость я люблю еще меньше, и у меня закрадываются подозрения: не стала ли эта организация, особенно в Америке и Ирландии, козлом отпущения в данном вопросе. Полагаю, что особую неприязнь публики вызывает ханжество священников, «по долгу службы» каждодневно пробуждающих у паствы чувство вины в содеянных «грехах». Масла в огонь подливает и тот факт, что неблагоприятные действия совершают авторитетные лица, почтение и доверие к которым ребенку внушали с колыбели. Но наличие дополнительных поводов для неприязни должно предостеречь нас от поспешных обвинений. Нельзя забывать о поразительной способности мозга изготавливать «ложные воспоминания», особенно когда его подталкивают к этому бесчестные психотерапевты и жадные юристы. Проявив замечательную стойкость перед нападками корыстолюбивых и облеченных властью людей, психолог Элизабет Лофтус продемонстрировала, как легко внушить людям полностью вымышленные воспоминания, которые, однако, будут казаться жертве абсолютно реальными;²⁰² в результате, столкнувшись с совершенно искренними, но при этом ложными показаниями, присяжные запросто могут вынести несправедливый приговор.

Одним из самых известных случаев проявления жестокости в Ирландии, хоть бы и без сексуальных домогательств, служит пример «Христианских братьев»,²⁰³ ответственных за образование большей части мужского населения страны. То же можно сказать и о монахинях, заправлявших во многих ирландских школах для девочек и проявлявших порой садистскую жестокость. Приюты, показанные в фильме Питера Мул-лана «Сестры Магдалины», продолжали существовать вплоть до 1996 года. Нынче, по прошествии 40 лет, компенсацию за сексуальные домогательства стало получить легче, чем за телесные

201

202

203

наказания, и поэтому нет недостатка в юристах, активно выискивающих клиентов, которые без их вмешательства не стали бы ворошить прошлое. На давно канувших в Лету проделках в ризнице — порой таких давних, что обвиняемый уже в могиле и не может оправдаться, — наживаются неплохие деньги. По всему миру католическая церковь выплатила в качестве компенсаций больше миллиарда долларов.²⁰⁴ Поневоле начинаешь сочувствовать, пока не вспомнишь, откуда эти деньги берутся.

Однажды после лекции в Дублине меня спросили, что я думаю по поводу широко освещенных в средствах массовой информации случаев сексуальных домогательств со стороны ирландских католических священников. Я ответил, что, несмотря на безусловную отвратительность сексуальных домогательств, наносимый ими вред, несомненно, меньше того вреда, который на протяжении долгого времени наносится ребенку всем процессом воспитания в лоне католицизма. Я бросил эту реплику резко, в пылу полемики, и поразился, услышав горячие, одобрительные аплодисменты ирландской публики (состоявшей, правда, из дублинской интеллигенции и вряд ли достоверно отражавшей взгляды ирландского населения в целом). Но этот эпизод вновь всплыл в памяти, когда я получил письмо от воспитанной в католической вере сорокалетней американской женщины. Она писала, что в семилетнем возрасте в ее жизни произошли два неприятных события. Заманив ее в машину, к ней стал приставать с сексуальными домогательствами местный священник. И примерно в то же время трагически погибла ее школьная подруга — и попала в ад, потому что была протестанткой, — по крайней мере в это верила тогда в соответствии с официальным догматом веры своих родителей автор письма. Нынче, будучи взрослой женщиной и сравнивая два эти примера насилия над ребенком — физического и интеллектуального — со стороны католической церкви, она, не сомневаясь, расценивает второй как гораздо более ужасный. Вот что она пишет:

Когда меня начал лапать священник, мне (с точки зрения семилетки) было просто противно, а вот от мысли о моей горячей в аду подруге в памяти остался леденящий безмерный страх. Происшествие со священником не помешало мне спокойно спать; но от того, что люди, которых я люблю, попадут в преисподнюю, я провела в ужасе много бессонных ночей. Не могла отделаться от кошмаров.

Испытанные ею в машине священника сексуальные домогательства были, конечно, довольно невинными по сравнению, скажем, с болью и отвращением подвергшегося гомосексуальному нападению мальчика-служки. Да и адский огонь католическая церковь, говорят, использует уже не так активно, как раньше. Но из приведенного примера очевидно, что психологическое насилие над ребенком может оказаться страшнее физического. Говорят, что великий мастер запугивания людей посредством кинематографических уловок Альфред Хичкок как-то раз, проезжая в машине по Швейцарии, неожиданно указал рукой из окна и сказал: «Вот самая жуткая картина, которую мне когда-либо довелось видеть». У дороги, беседуя с маленьким мальчиком, положив руку ему на плечо, стоял священник. Высунувшись из машины, Хичкок завопил: «Эй, малыш, уноси ноги! Беги, если тебе жизнь дорога!»

«Брань на воротах не виснет, слова — не дела» — эти прописные истины верны, если не принимать сказанное близко к сердцу. Но когда все воспитание, все сказанное и родителями, и учителями, и священниками искренне и безоговорочно убеждает ребенка, что грешников ожидает геенна огненная (или заставляет верить еще в какой-нибудь, не менее омерзительный догмат, вроде того что жена является собственностью мужа), вполне возможно, что слова окажутся более вредоносными и долговечными, чем дела. Я

придерживаюсь мнения, что, когда учителя и родители внушают детям веру в нечто вроде адских мук за неотпущенный смертный грех, то выражение «насилие над ребенком» не является преувеличением.

В уже упоминавшемся документальном телефильме «Корень всех зол?» я брал интервью у ряда религиозных лидеров; позднее меня обвинили в том, что вместо уважаемых представителей широких религиозных кругов мы выбрали американских экстремистов.²⁰⁵ В данном случае трудно отрицать справедливость критики, но что поделаешь — то, что в остальном мире воспринимается как экстремизм, прочно укрепились в обыденной жизни Америки XXI века. Британскую телевизионную аудиторию, к примеру, больше всего шокировал пастор Тед Хаггард из города Колорадо-Спрингс. Но в Америке Буша «пастор Тед» — отнюдь не экстремист; он стоит во главе тридцатимиллионной Национальной ассоциации евангелистов (и, как утверждают, каждый понедельник разговаривает по телефону с президентом Бушем). Пожелай я показать настоящих, по современным американским стандартам, экстремистов, я бы обратился к реконструктивистам, чья «теология власти» открыто требует установления в США христианской теократии. Вот письмо, полученное от встревоженного американского коллеги:

*Европейцы должны знать о том, что существует теологический цирк на колесах, призывающий к буквальному выполнению заповедей Ветхого Завета — убийству гомосексуалистов и т. п., — а также к предоставлению права занимать государственные должности и даже голосовать одним лишь христианам. Средний класс в восторге от их риторики. Если сторонники светского государства не начнут действовать, реконструктивизм и «теология власти» вскоре станут господствующими течениями реальной американской теократии.*²⁰⁶

Я также интервьюировал пастора Кинана Робертса, жителя того же штата Колорадо, что и пастор Тед. Особая разновидность сумасшествия пастора Робертса проявляется в так называемых «адских домиках». Родители или христианские школы привозят детей в «адские домики», чтобы до смерти напугать картиной того, что может произойти с ними после смерти. В сопровождении облаченного в красное, удовлетворенно ухмыляющегося дьявола актеры разыгрывают жуткие картины разнообразных «грехов», вроде аборт и гомосексуализма. Это прелюдия, за которой следует гвоздь программы: сама преисподняя, с реалистичным запахом горящей серы и пронзительными криками обреченных на вечные муки грешников.

Понаблюдав репетицию с участием вполне дьявольского, утрированного в стиле злодеев викторианской мелодрамы дьявола, я задал пастору Робертсу несколько вопросов в присутствии членов его труппы. Он поведал, что лучший возраст для посещения ребенком «адского домика» — лет двенадцать. Неприятно поразившись, я спросил, не боится ли он, что после подобного представления у двенадцатилетнего ребенка могут начаться кошмары. Он ответил, по-видимому, искренне:

Я полагаю, что для них важнее понять, что ад — такое место, куда ни при каких обстоятельствах не стоит попадать. Пусть они лучше усвоят это в двенадцать лет, чем не усвоят никогда и не обратятся к Господу нашему Иисусу Христу. А если, как следствие этого опыта, у них начнутся кошмары, думаю, что наряду с кошмарами в их жизни появится и укоренится и еще что-то, гораздо более нужное и важное.

Полагаю, что если вы искренне веруете в то же, что и пастор Роберте, вы тоже посчитаете запугивание детей хорошим делом.

Пастора Робертса нельзя назвать дубоголовым экстремистом. Как и Тед Хаггард, в современной Америке он — представитель широких религиозных кругов. Но думаю, даже они поморщились бы от заявлений своих собратьев по вере, утверждающих, что, прислушавшись к доносящимся из действующих вулканов звукам, можно разобрать вопли грешников²⁰⁷ или что обитающие в глубоководных океанских горячих источниках черви являются подтверждением стиха из Евангелия от Марка (9:43~44): «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает». Действительно ли эти энтузиасты геенны огненной полагают, что ад выглядит именно так, или нет, но они, похоже, разделяют ликующее злорадство и самодовольство тех, кто уверен в своем «спасении», наставляемых выдающимся из числа теологов святым Фомой Аквинским в его «Сумме Теологии»: «Да возрадуются святые ещё более благодати господней разрешившей им лицезреть мучения проклятых в аду.» Приятный человек²⁰⁸

Страх адского пламени может быть вполне реальным даже среди очень рациональных во всех остальных смыслах людей. Среди многих писем, полученных мною, после документалистики о религии на телевидении было и это, от яркой и честной женщины:

Я пошла в католическую школу в пять лет, и была воспитана в религиозном духе монахинями, прибегавшими к порке розгами и ремнями. В юности я прочла Дарвина и то, что он заявил об эволюции, казалось наполненным смыслом логической части моего разума. Тем не менее, мне пришлось пройти через жизненные страдания, конфликты и внутренний страх адского огня, который часто возникал. Я прошла курс психотерапии, позволивший мне преодолеть некоторые из моих давних проблем, но не избавивший меня от этого внутреннего страха.

Поэтому прошу Вас сообщить мне имя и адрес терапевта, которого Вы интервьюировали на ТВ на этой неделе, который имеет опыт с подобными случаями.

Я был тронут её письмом и (подавляя своё недостойное сожаление, что из-за отсутствия ада монахини туда не попадут) ответил, что она должна доверять своему разуму, великому дару, которым она, в отличие от многих менее везучих людей, обладает. Я отметил, что крайняя чудовищность ада, изображённая священниками и монахинями, была раздута, чтобы скомпенсировать неправдоподобность его существования. Если бы ад существовал, ему было бы достаточно быть умеренно отвратительным для отпугивания. Учитывая это, он вряд ли существует и поэтому рекламируется как очень-очень страшное место, чтобы сбалансировать свою неправдоподобность и сохранить свою устрашающую ценность. Я также связал её с терапевтом Джилл Миттон, восхитительной и чистосердечной женщиной, которая беседовала со мной во время телевизионной передачи. Джилл сама выросла в ещё более одиозной секте с названием «Исключительное братство». Существует даже веб-сайт www.peebs.net, полностью посвящённый помощи тем, кто вышел из-под влияния этой секты. Джилл Миттон, выросшая затерроризованной адом, отказалась от христианства уже взрослой и сейчас оказывает помощь другим травмированным в детстве подобным образом: «Когда я думаю о своём детстве, оно наполнено страхом порицания и вечного проклятия. И для ребёнка изображения адского пламени и скрежета зубовного очень реальны. Они воспринимаются буквально, а не образно». Когда я попросил её рассказать, что ей внушали про геенну огненную в детстве, её ответ был таким же трогательным, как и её

выразительное лицо во время длительных колебаний, предшествующих ответу: «Странно, не так ли? Столько времени минуло, а это всё ещё имеет власть... надо мной.....когда Ваш... когда Вы задали мне этот вопрос. Ад это страшное место. Это полное отторжение господом. Это окончательный приговор, там настоящий огонь, настоящие мучения, настоящие пытки и это навечно и без перерывов».

Она продолжила о группе поддержки для вышедших из сект, пострадавших в детстве подобно ей, и остановилась на том, как трудно многим из них вырваться из-под влияния. «Сам выход затруднён чрезвычайно. Так как приходится покидать свою социальную среду, всю систему в которой человек вырос, систему веры, которой придерживался годами. Зачастую приходится расставаться и с семьей и друзьями... Для них вы перестаете существовать». Здесь я упомянул о получаемых из Америки письмах, в которых люди сообщали, что, прочитав мои книги, они сумели порвать с религией. К несчастью, многие далее пишут, что не решаются сказать об этом своим семьям или что их сообщение привело к ужасным последствиям. Ниже — типичное письмо от молодого американского студента-медика.

Чувствую потребность послать Вам электронное сообщение, потому что разделяю Ваше мнение о религии, а такая позиция в Америке, как Вам, безусловно, известно, приводит к изоляции. Я вырос в христианской семье и, хотя никогда не испытывал особого восторга перед верой, только недавно впервые набрался храбрости сказать об этом другому человеку — моей девушке... Она пришла в ужас. Согласен, что признание в атеизме может шокировать, но с тех пор она относится ко мне как к совершенно другому человеку. Говорит, что не может мне доверять, потому что моя нравственность — не от бога. Не знаю, сумеем ли мы в конце концов поладить, и, честно говоря, не уверен, что хочу сообщить о своих убеждениях кому-либо еще из близких, потому что боюсь встретиться с таким же отвлечением... Ответа я не ожидаю. Пишу только потому, что надеюсь встретить сочувствие и понимание моего несчастья. Представьте, что из-за религии Вы теряете любимого и любящего Вас человека. Если отбросить в сторону то, что я теперь безбожный еретик, мы созданы друг для друга. Это напоминает мне Ваш вывод о том, что люди совершают во имя веры самые большие безумства. Спасибо Вам за внимание.

В ответе несчастному молодому человеку я позволил себе заметить, что не только его девушка узнала новое о нем, но и он — о ней. Может, взаимопонимание не было таким уж полным с самого начала?

Выше я уже писал об американской комедийной актрисе Джулии Суини и ее уморительных и упорных попытках отыскать в религии что-нибудь ценное и спасти своего детского боженьку от растущих в зрелом возрасте сомнений. Для нее в конце концов все закончилось счастливо, и нынче она — прекрасный образец для всех молодых атеистов. Возможно, самым трогательным моментом ее спектакля «Отходя от бога» является момент развязки. Тщетно перепробовано все; и вдруг,

...направляясь из расположенной на заднем дворе рабочей студии в дом, я обратила внимание на тоненький, тихий, что-то нашептывающий внутри меня голосок. Не знаю, когда он впервые появился, но, видимо, неожиданно прибавили громкость. Он шептал: «А бога-то нет».

Я попыталась не обращать на него внимания. Но громкость снова возросла. «Бога нет. Бога нет. Боже ты мой, бога-то и нет... " Меня колотило. Было такое чувство, будто упала в пучину за борт корабля.

Но потом пришла мысль: «Постой, я так не могу. Не представляю, как можно не верить в бога. Он мне нужен. Я с ним столько прошла... Как можно не верить в бога? Не

умею я не верить. Как можно даже с постели подняться, не говоря уже о том, чтобы прожить целый день?» Земля под ногами заколебалась... Затем я подумала: «Ладно, успокойся. Давай попробуем всего лишь на секундочку взглянуть на мир сквозь неверующие очки, только на секундочку. Только нацепим эти очки, быстренько окинем все взглядом и тут же отшивырнем их обратно». Так я и сделала. Неудобно признаваться, но вначале меня мучило. Помню, в голову пришла такая мысль: «Ну как же Земле удастся висеть в космосе? Мы что, просто несемся в пространстве? Но это же так ненадежно!» Было желание прыгнуть с планеты и, уберегая от неминуемого падения, надежно обхватить ее руками. Но тут я вспомнила: «Ах да, у нас же есть сила тяжести и вращательный момент; они еще долго-долго будут вращать Землю вокруг Солнца».

Попав на представление «Отходя от бога» в Лос-Анджелесе, я был глубоко тронут этой сценой, так же как и той, где Джулия сообщает о реакции родителей на газетное сообщение об ее исцелении:

Первый звонок от матери можно скорее назвать воплем: «Атеистка? АТЕИСТКА?!?!» Затем позвонил отец и заявил: «Ты предала свою семью, свою школу, свой город». Это звучало так, словно я продала государственную тайну русским шпионам. Оба они сказали, что навсегда порывают со мной. Отец сказал: «Я даже не хочу, чтобы ты приходила на мои похороны». Повесив трубку, я подумала: «Интересно, как ты сумеешь меня остановить?»

Джулия Суини может заставить плакать и смеяться одновременно:

Думаю, когда я сказала родителям, что больше не верю в бога, они были слегка разочарованы, но атеистка — это совсем, совсем другое!

В книге «Потеря веры в веру: от священника до атеиста» Дэн Баркер рассказывает о своем постепенном превращении из набожного священника-фундаменталиста и усердного странствующего проповедника в нынешнего убежденного, уверенного в своих силах атеиста. Немаловажно, что, уже став атеистом, Баркер какое-то время продолжал под бременем социальных обязанностей выполнять функции христианского священника; да у него и не было никакой другой профессии. Нынче он знаком со множеством других, находящихся в аналогичной ситуации американских священников, держащих свои мысли в тайне и написавших об этом только ему после выхода в свет его книги. Опасаясь возможной реакции, они не решаются признаться в своем атеизме даже собственным семьям. Баркеру повезло больше. Его родители, испытав вначале глубокое, болезненное потрясение, согласились спокойно выслушать его доводы и со временем сами стали атеистами.

Независимо друг от друга мне написали два профессора одного американского университета: речь шла об их родителях. Один сообщал, что мать постоянно скорбит о его бессмертной душе. Другой писал о своем отце, сожалеющем, что сын вообще появился на свет, — настолько твердо он верит в ожидающие того в аду вечные муки. Оба эти человека — блестяще образованные, уверенные в своих профессиональных знаниях и убеждениях университетские профессора, — по-видимому, обогнали родителей не только в вопросах религии, но и вообще в умственном развитии. Но представьте на их месте менее интеллектуально закаленных людей, хуже подготовленных в плане образования и ведения дискуссий, чем упомянутые профессора или, скажем, Джулия Суини, — представьте, каково им отстаивать свою позицию перед лицом несгибаемых родственников. Могу поспорить, многим из пациентов Джилл Майтон пришлось через это пройти.

Почти в самом начале телефильма Джилл назвала такое религиозное воспитание

формой психического насилия; возвращаясь к сказанному, я спросил: «Вы говорили о религиозном насилии. Что вы можете сказать по поводу насилия при внушении ребенку веры в ад и травмы, получаемой в случае сексуального насилия? Можно ли сравнить причиняемый в этих случаях вред?» Она ответила: «Очень трудный вопрос... Думаю, что между ними существует немало сходства, потому что речь идет о обмане доверия, о лишении ребенка свободы чувствовать себя в мире нормально, легко и свободно... Это одна из форм унижения, в обоих случаях происходит подавление личности ребенка».

В защиту детей

В 1997 году, в самом начале выступления в рамках Оксфордских благотворительных лекций в пользу «Международной амнистии», мой коллега психолог Николас Хамфри, напомнив поговорку «Брань на воротах не виснет, слова — не дела», заявил, что это не всегда так, и в подтверждение своего мнения рассказал о гаитянах — приверженцах вуду, которые иногда умирают от психосоматических последствий ужаса, испытанного при известии о наведенной на них «порче». ²⁰⁹ «Может быть, организации «Международная амнистия», получательнице собранных во время этих лекций средств, стоит начать кампанию против вредоносных выступлений и публикаций?» — предложил он. И затем сам же ответил категорически отрицательно: «Свобода слова слишком драгоценна, чтобы хотя бы помыслить о возведении на ее пути препятствий». Однако в дальнейшем, наперекор своим либеральным убеждениям, он предложил сделать одно важное исключение, а именно — заявил о необходимости цензуры, когда речь идет о

...моральном и религиозном воспитании детей и особенно об образовании, получаемом ребенком дома, где от родителей ожидается — и даже требуется — объяснить детям, что хорошо, а что плохо; что есть истина, а что ложь. Я убежден, что у каждого ребенка есть право на то, чтобы его голову не забивали чужими дурными идеями — вне зависимости от того, кому эти идеи принадлежат. У родителей нет богоданного права оболванивать детей, как им вздумается; они не должны, ограничивать для малышей горизонты знания, воспитывать их в атмосфере догматов и предрассудков или настаивать на неуклонном следовании по узкой колее их собственной веры.

Короче говоря, дети имеют право на защиту своего разума от навязываемой им глупости, и каждый член нашего общества несет за это ответственность. Поэтому следует точно так же не разрешать родителям прививать детям веру в буквальную правоту Библии или в определение судьбы ходом звезд, как не позволяется выбивать малышам зубы, или запирать их в чулан.

Несомненно, столь сильное заявление требует немало дополнительных пояснений и оговорок, что впоследствии и было сделано. Разве не разнятся мнения людей по поводу того, что считать «глупостью»? Разве повозка ортодоксальной науки не опрокидывалась неоднократно у нас на глазах, уча осторожности? Ученые не сомневаются, что убеждение в буквальной правоте Библии и астрологии иначе как глупостью не назовешь, но огромная масса людей считает по-другому, и что же, разве они не имеют права передавать свои убеждения собственным детям? Разве требование обязательного обучения детей наукам менее самонадеянно?

Я благодарен своим родителям за их убежденность в том, что детей надо учить не тому, что думать, а как думать. Если, в достаточной мере ознакомившись с объективными научными фактами, они вырастут и решат, что Библия действительно несет буквальную правду или что на их жизнь влияют Марс и Венера, это их личное дело. Самое важное здесь

— чтобы выбор, какого взгляда придерживаться, делали они сами; чтобы он не был насильно навязан решением родителей. Важность этого становится еще очевиднее, если вспомнить, что нынешние дети — родители будущих поколений, в чьих руках — власть нести в будущее все то, что им внушили в детстве.

По мнению Хамфри, пока ребенок еще мал, уязвим и нуждается в защите, истинно нравственная позиция воспитателя заключается в том, чтобы попытаться как можно лучше угадать, что бы ребенок сам для себя выбрал, если бы возраст ему это позволял. Он трогательно рассказывает о маленькой девочке из племени инков, чьи пятисотлетние останки были найдены вмерзшими в лед в горах Перу в 1995 году. Нашедшие ее тело антропологи полагают, что она оказалась жертвой ритуального жертвоприношения. Хамфри сообщает, что фильм о «снегурочке» показали по американскому телевидению. Зрителям предлагалось

...восхититься духовной силой священников-инков и представить чувства девочки во время последнего пути: гордость и восторг, охватившие ее при известии о том, что на нее пал почетный выбор, она будет священной жертвой. Телефильм, по сути, убеждал зрителей в том, что человеческое жертвоприношение являлось своего рода важным культурным достижением — вот вам еще один перл нерассуждающего преклонения перед культурным многообразием.

Хамфри возмутился, и я вполне разделяю его чувства.

Как у них язык повернулся предположить такое? Как смеют они предлагать нам — сидящим в уютных домах, перед экранами телевизоров зрителям — восторгаться, проигрывая в уме акт ритуального убийства: казни беззащитного ребенка толпой недалеких, напыщенных, суеверных, глупых стариков? Как смеют они призывать нас искать в этом аморальном насилии над беззащитной жертвой что-то положительное?

И опять же, у добропорядочного, либерального читателя могут закрасться сомнения. Конечно, с нашей точки зрения это был жестокий, бессмысленный обряд, но самим инкам так, безусловно, не казалось. С их точки зрения жертвоприношение было нравственным, далеко не бессмысленным действием, оправданным целым набором священных верований. Девчушка, без сомнения, также целиком разделяла религию своего народа. Какое право имеем мы судить священников-инков по законам нашей, а не их собственной, морали и называть их убийцами? Возможно, девочка действительно была до восторга счастлива своей судьбой; возможно, она и вправду верила, что отправляется прямиком в рай в компании ослепительного бога-Солнца. Или, может быть, — и это кажется гораздо более вероятным — она визжала от ужаса.

Хамфри и я вместе с ним пытаемся показать, что вне зависимости от того, добровольно или нет приняла смерть эта девочка, ей, скорее всего, не захотелось бы стать жертвой, зная она известные нам сегодня факты. Представьте на секунду, что ей известна природа Солнца — огромного водородного шара с температурой, превышающей миллион градусов Кельвина, внутри которого происходит термоядерная реакция с образованием гелия; что первоначально, наряду с Землей и другими планетами Солнечной системы, оно образовалось из газового облака... Вряд ли она тогда продолжала бы молиться ему как божеству, и принесение себя в жертву ради того, чтобы его умиловить, тоже выглядело бы совсем по-другому.

Нельзя обвинять священников-инков в невежестве и обзывать их недалекими и напыщенными тоже, пожалуй, нечестно. Но в чем они действительно виновны — так это во внушении своей веры ребенку, ум которого еще не созрел, чтобы решать, поклоняться

солнцу или нет. Хамфри также вменяет в вину создателям телепередачи и нам, зрителям, взгляд на смерть маленькой девочки как на нечто прекрасное — «нечто, обогащающее наше коллективное культурное наследие». Эта тенденция возвеличивать эксцентричные этнические религиозные обряды и оправдывать их жестокость проявляется снова и снова. В добропорядочных либеральных умах она служит источником мучительного внутреннего конфликта: с одной стороны, они терпеть не могут жестокости и страданий, а с другой — пройдя выучку у постмодернистов и релятивистов, считают своим долгом уважать другие культуры не менее собственной. Женское обрезание, несомненно, чудовищно болезненная процедура, лишаящая женщину возможности наслаждаться сексом (в этом, видимо, и заключается ее истинная цель), и одна половина добропорядочного либерального ума желает наложить запрет на этот обряд. Другая же половина «уважает» этнические культуры и полагает, что мы не должны вмешиваться, если им хочется увечить «своих девчушек».²¹⁰ Но дело в том, что «их девчушки» на самом деле — свои собственные девчушки, и никто не имеет права пренебрегать их желаниями. Сложнее найти правильный ответ, если девочка желает подвергнуться обрезанию. Но не передумала ли бы она, знай о жизни столько, сколько знает взрослая, опытная женщина? Хамфри отмечает, что ни одна женщина, обрезание которой в детстве по какой-либо причине не состоялось, не совершает эту операцию добровольно, будучи взрослой.

Коснувшись далее секты амишей и заявленного ими права воспитывать «собственных детей на собственный манер», Хамфри ядовито высмеял энтузиазм, проявляемый нашим обществом в отношении

...сохранения культурного многообразия. Возможно, вы рассуждаете: понятно, что детям амишей, или хасидов, или цыган приходится нелегко, когда родители воспитывают их по своему образу и подобию, но благодаря этому удивительные культурные традиции не угасают. Разве вся наша цивилизация не обеднела бы с их исчезновением? Конечно, жаль, что для поддержания разнообразия приходится жертвовать судьбами отдельных индивидуумов. Но что поделаешь — такую цену нам, как обществу, приходится платить. Только позвольте напомнить, что платить приходится им, а не нам.

Данный вопрос оказался в центре внимания общественности в 1972 году, когда Верховный суд США вынес постановление по памяtnому делу «Висконсин против Йодера», в котором рассматривалось право родителей не пускать детей в школу по причине религиозных убеждений. Амиши живут замкнутыми общинами в разных уголках Америки, разговаривают в основном на архаичном германском диалекте под названием «пенсильванский голландский» и чураются в большей или меньшей степени электричества, двигателей внутреннего сгорания, пуговиц и других проявлений реалий. В этом островке старомодного быта трехвековой давности действительно есть для современного глаза что-то притягательное. Разве не стоит сохранить его ради поддержания разнообразия человечества? А единственный способ его сохранить состоит в том, чтобы позволить амишам воспитывать детей по-своему, оберегая от соблазнов современности. Напрашивается вопрос: а разве дети не должны иметь право голоса в этом вопросе?

Верховный суд вмешался в 1972 году, когда группа родителей-амишей из штата Висконсин забрала своих детей из старших классов школы. Продолжение образования далее определенного возраста противоречит религиозным взглядам амишей, в особенности когда речь идет о научном образовании. Штат Висконсин подал на родителей в суд, утверждая, что детей лишают права на образование. Пройдя через все инстанции, дело дошло до Верховного

суда США, вынесшего неединогласное (6 против 1) решение в пользу родителей.²¹¹ В записанном главным судьей Уорреном Бергером мнении большинства утверждалось следующее:

Как показывает опыт, обязательное школьное образование до шестнадцатилетнего возраста для детей амишей несет в себе вполне реальную угрозу подрыва социального и религиозного быта амишей в том виде, в каком он существует на сегодняшний день; им пришлось бы либо отказаться от своих верований и слиться с окружающим обществом, либо перебраться в другие, более терпимые регионы.

Единственным несогласным был судья Уильям О. Дуглас, который считал, что в данном случае неплохо бы спросить, что думают сами дети. Хотят ли они сами отказаться от дальнейшего образования? Хотят ли провести жизнь в лоне религии амишей? Николас Хамфри пошел бы еще дальше. Даже если, будучи опрошенными, дети проявят желание жить по религии амишей, нельзя ли предположить, что, имея они адекватное представление о других существующих возможностях, выбор оказался бы иным? Если бы их образ жизни имел очевидные преимущества, разве не наблюдали бы мы обилие воспитанных за пределами секты молодых людей, желающих стать ее членами? Судья Дуглас построил свой аргумент несколько иначе. Он заявил, что не понимает, почему родителям дается исключительное право решать, в какой мере они могут лишить своих детей образования, только на основе их религиозных убеждений. Если религия может быть поводом для игнорирования закона, что мешает претендовать на подобное право нерелигиозным убеждениям?

Большинство членов Верховного суда провели параллель с положительными ценностями монашеских братств, существование которых в обществе, возможно, обогащает его. Но, как указывает Хамфри, есть немаловажное различие. Монахи вступают в братство добровольно, по собственному желанию. Дети амишей никогда специально не выбирали амишское воспитание; родившись в этой среде, они не имели выбора.

Есть что-то чудовищно высокомерное и негуманное в принесении любой человеческой личности, а особенно детской, в жертву «культурному многообразию» и сохранению религиозных традиций. Нам замечательно живется в окружении машин, компьютеров, антибиотиков и прививок. А вы — странный маленький народец в шляпах и старомодных брюках, с упряжками лошадей, архаичным диалектом и деревянными туалетами, — вы обогащаете нашу жизнь. Конечно, мы должны разрешить вам удерживать в жизни, устроенной по канонам XVII века, и ваших детей, иначе мы навсегда потеряем что-то ценное: часть замечательного разнообразия человеческой культуры. Крошечная часть моего сознания соглашается с вышесказанным. Но в целом меня от этой картины тошнит.

Скандал на ниве образования

Наш премьер-министр Тони Блэр использовал аргумент «разнообразия» в палате общин, отвечая на требование члена парламента Дженни Тонге объяснить, почему правительство субсидирует школу на северо-востоке Англии, в которой (практически единственный случай в Великобритании) преподают библейский креационизм буквалистского толка. Господин Блэр ответил, что было бы жаль, если бы наша озабоченность по этому поводу помешала создать в стране «как можно более разнообразную систему образования».²¹² Речь в данном случае шла о колледже «Эмма-ньюэл» в городе

211

212

Гейтсхед, входящем в число основанных по инициативе правительства Блэра «городских академий». Богатых спонсоров приглашают внести относительно небольшую сумму (в случае «Эмманьюэла» — 1 миллиона фунтов стерлингов), которая дает право на получение от правительства гораздо большей суммы (10 миллионов на школу плюс бессрочная оплата текущих расходов и зарплаты сотрудникам), а также право контролировать школьную программу, назначать большинство школьных попечителей, устанавливать правила приема и исключения учеников и еще многое другое. Десять процентов бюджета «Эмманьюэла» поступает из кармана сэра Питера Варди, преуспевающего торговца автотранспортом, горящего весьма похвальным желанием дать современным детям образование, которого ему получить не удалось, и менее похвальным — вбить детям в головы собственные религиозные убеждения.²¹³ К сожалению, Варди связался с группой фундаменталистски настроенных, по американскому образцу, учителей во главе с Найджелом Маккуойдом, который одно время работал директором «Эмманьюэла», а ныне возглавляет всю группу школ Варди. Уровень научного образования господина Маккуойда можно определить по его уверенности в том, что мирозданию не более 10 тысяч лет, а также по следующей реплике: «Взглянув на сложность человеческого организма, невозможно поверить, что мы возникли из Большого Взрыва или что мы были обезьянами... Если внушать детям, что их жизнь не имеет цели, что они — просто химические мутации, уверенности в себе у них не прибавится».²¹⁴

Ни один ученый никогда не утверждал, что ребенок — это «химическая мутация». Использование данного выражения в приведенном контексте — невежественная чепуха, аналогичная напечатанному в «Гардиан» 18 апреля 2006 года заявлению главы Церкви христианского быта в восточном Лондоне, район Хакни, «епископа» Вейна Малколма, который «оспаривает научные доказательства эволюции». Насколько Малколму удалось понять оспариваемые им доказательства, можно судить по следующему его утверждению: «Наблюдается отсутствие ископаемых остатков промежуточных стадий эволюции. Если лягушка превратилась в обезьяну, разве не должны мы находить множество ископаемых лягузьян?»

Поскольку господин Маккуойд не является по профессии ученым, думается, будет справедливее обратиться к его начальнику, заведующему отделом естествознания Стивену Лейфилду. 21 сентября 2001 года господин Лейфилд прочитал в колледже «Эмманьюэл» лекцию на тему «Преподавание естествознания: взгляд с библейской точки зрения». Текст лекции был опубликован на христианском веб-сайте (www.christian.org.uk). Однако сегодня вы его там не найдете. Христианский институт удалил ее в тот самый день, когда я позвонил им, чтобы обратить их внимание на напечатанную 18 марта 2002 года в газете «Дейли телеграф» статью, в которой тщательным образом разнес эту лекцию в пух и прах.²¹⁵ Однако в наше время из Интернета трудно удалить что-либо насовсем. Скорость работы поисковых систем частично обеспечивается кэшированием информации, что неизбежно означает сохранение данных в буферной памяти какое-то время после удаления первоисточника. Корреспондент газеты «Индепендент» по религиозным вопросам, расторопный английский журналист Эндрю Браун успел отыскать лекцию Лейфилда и, загрузив ее из буферной памяти Гугла, вывесил, защитив от удаления, на собственном веб-сайте: <http://www.darwinwars.com/lunatic/liars/layfield.html/>. Наблюдательный читатель заметит, что выбор эпитетов в адрес URL сам по себе занимателен. Однако улыбка исчезает, стоит обратиться к содержанию самой лекции.

Кстати, когда кто-то из любопытствующей публики обратился в колледж «Эмманьюэл»

213

214

215

с просьбой объяснить, почему лекцию удалили с веб-сайта, он получил из школы следующий увертливый ответ, записанный тем же Эндрю Брауном:

Колледж «Эмманьюэл» оказался в центре дебатов по поводу преподавания в школе креационизма. В колледж поступило несообразно огромное количество телефонных звонков из различных средств массовой информации. Это отнимает у директора и руководства колледжа весьма много времени. Наши сотрудники имеют множество других обязанностей. Чтобы облегчить им работу, мы временно удалили лекцию Стивена Лейфилда с нашего веб-сайта.

Неудивительно, что школьным должностным лицам приходится тратить много времени на объяснение журналистам своего отношения к преподаванию креационизма. Но зачем тогда удалять с веб-сайта текст лекции, призванной предоставить именно такое объяснение; почему бы не порекомендовать журналистам ознакомиться с ней и сэкономить себе таким образом массу времени? Дело в том, что лекцию заведующего отделом естествознания удалили по другой причине — там было что скрывать. Ниже приводится один из первых абзацев лекции:

Хочу с самого начала заявить, что мы отвергаем, возможно, непреднамеренно распространенное Фрэнсисом Бэконом в XVII веке мнение о том, что существуют «две книги» (то есть «книга природы» и Священное Писание), из которых независимо можно извлекать истинное знание. Мы, напротив, твердо придерживаемся мнения, что Господь говорит со страниц Священного Писания авторитетно и непогрешимо. Каким бы уязвимым, старомодным или наивным ни показалось такое заявление на первый взгляд, особенно современной неверующей аудитории, прикованной к телеэкранам, мы не сомневаемся, что на этом прочном основании можно успешно строить будущее.

Тут надо покрепче ущипнуть себя. Просто необходимо убедиться, что это — не сон. Ведь перед нами не какой-нибудь балаганный проповедник из Алабамы, а глава отдела естествознания финансируемой британским правительством школы — красы и гордости Тони Блэра. В 2004 году господин Блэр, сам будучи набожным христианином, лично провел церемонию открытия очередного пополнения заведения из когорты школ Варди.²¹⁶ Может быть, разнообразие действительно является благом, но такое разнообразие переходит в сумасшествие.

Далее Лейфилд начинает по пунктам сравнивать науку и Священное Писание, каждый раз при возникновении разногласия заключая, что нужно отдать предпочтение мнению Библии. Обратив внимание, что в национальный учебный план нынче включены основы геологии, Лейфилд говорит: «Полагаю, что всем, кто собирается преподавать этот раздел естествознания, будет особенно полезно ознакомиться с исследованиями Уиткома и Морриса по геологии Потопа». Да-да, «геология Потопа» — это именно то, что вы думаете. Речь идет о Ноевом ковчеге. Ноев ковчег! И это вместо того, чтобы поведать детям захватывающую правду о том, что Африка и Южная Америка когда-то были одним континентом, а сейчас расползаются друг от друга с такой же скоростью, с какой у нас растут ногти. Вот вам еще несколько перлов Лейфилда (заведующего отделом естествознания) о том, как теория Всемирного потопа объясняет возникновение объектов, на формирование которых, согласно реальным геологическим данным, потребовались сотни миллионов лет:

В нашей общей системе геофизических знаний необходимо признать историческую подлинность описанного в Книге Бытия (6:10) Всемирного потопа. Если библейское

повествование дошло до нас в целости и приведенные генеалогические перечни (например, Бытие 5, Матфей 1 и Лука 3) достаточно исчерпывающи, то приходится заключить, что эта глобальная катастрофа произошла сравнительно недавно. Ее последствия можно встретить повсюду. Основным подтверждением служат содержащиеся окаменелости осадочные породы, значительные запасы углеводородного топлива (уголь, нефть и газ), а также упоминания Великого потоп в фольклоре различных народов мира. Практическая возможность сооружения ковчега, в котором в течение года, пока не спадет вода, можно содержать представителей различных животных, была замечательно продемонстрирована Джоном Вудморраппом и многими другими.

Такие заявления, по-моему, даже хуже, чем болтовня невежд вроде процитированных выше Найджела Маккуйда и епископа Вейна Малколма, потому что Лейфилд естествознание изучал. Вот еще поразительный пассаж:

Как уже говорилось вначале, христиане не без веских на то оснований считают библейские Ветхий и Новый Заветы надежным источником информации о том, чему следует верить. Это не просто религиозные документы. В них содержится истинное описание истории Земли, и мы не можем позволить себе его игнорировать.

Утверждения о буквальном изложении в Священном Писании геологической истории Земли достаточно, чтобы заставить вздрогнуть любого уважаемого теолога. Мы с моим другом, епископом Оксфордским Ричардом Харрисом, написали Тони Блэру совместное письмо, которое также подписали восемь епископов и девять ведущих ученых.²¹⁷ В число девяти ученых вошли тогдашний президент Королевского научного общества (бывший ранее главным научным советником Тони Блэра), директор Музея естественной истории и, возможно, самое уважаемое лицо Великобритании — сэр Дэвид Аттенборо. Среди епископов были один католический и семь англиканских, все — выдающиеся религиозные деятели из разных уголков Англии. Из администрации премьер-министра мы получили казенный ответ, в котором упоминались демонстрируемые школой хорошие экзаменационные результаты и положительный отзыв официального агентства «Офстед», инспектирующего школы. Похоже, господину Блэру не пришло в голову, что, если инспекторы «Офстеда» пишут хвалебный отчет о школе, глава отдела естествознания которой во всеуслышание заявляет, что Вселенная появилась позже, чем была одомашнена собака, то, возможно, что-то не совсем в порядке со стандартами самой инспекции.

Но, пожалуй, наиболее тревожной частью лекции Стивена Лейфилда оказалось заключение «Что можно сделать», в котором он предлагает стратегии поведения тем из учителей, кто пожелает включить фундаментальное христианство в школьные уроки естествознания. Вот что он, в частности, советует учителям-естественникам:

Не пропускать ни одного случая упоминания или подразумевания в учебниках, экзаменационных вопросах или высказываниях гостей школы мнения об эволюции или колоссальном возрасте Земли (миллионы или миллиарды лет) и вежливо указывать на возможную ошибочность этого мнения. Там, где это возможно, мы должны приводить альтернативное (и всегда лучшее) библейское объяснение обсуждаемых фактов. По ходу лекции мы рассмотрим несколько примеров из физики, химии и биологии.

Остальная часть лекции Лейфилда представляет собой просто-напросто пропагандистское руководство: материалы для религиозных учителей биологии, химии и физики, желающих, не выходя за рамки национальной школьной программы, перевернуть

основанное на фактах научное образование с ног на голову и подменить его Священным Писанием.

Пятнадцатого апреля 2006 года один из самых опытных ведущих радиостанции Би-би-си Джеймс Нотей взял интервью у сэра Питера Варди. Главной темой интервью было проводившееся полицией расследование отвергаемых Варди обвинений в том, что правительство Блэра предлагало состоятельным лицам взятки — дворянские и рыцарские титулы — в обмен на спонсорство школ — «городских академий». Помимо этого Нотей задал Варди вопрос о креационизме, и тот ответил, что категорически отрицает факт преподавания ученикам «Эмманьюэла» креационизма и теории «молодой Земли». А один из выпускников «Эмманьюэла», Питер Френч, с такой же категоричностью заявляет:²¹⁸ «Нас учили, что возраст Земли составляет 6000 лет».²¹⁹ Кто из них прав? Наверняка утверждать мы не можем, но в лекции Стивена Лейфилда стратегия преподавания естествознания очерчена довольно откровенно. Интересно, читал ли Варди безапелляционный манифест Лейфилда? Неужели он на самом деле не в курсе того, чем занимается заведующий отделом естествознания его школы? Питер Варди сколотил состояние, торгуя поддержанными машинами. Но решились бы вы после этого купить у него автомобиль? И продали бы вы ему школу, как это сделал Тони Блэр, за ю процентов от ее реальной стоимости, добавив для круглого счета обязательство оплачивать все текущие расходы? Проявляя снисходительность к Блэру, предположим, что сам он, по крайней мере, текст лекции Лейфилда не читал. А нынче, думаю, было бы слишком наивно надеяться, что он обратит на нее внимание.

Директор Маккуойд выступил с поражающей высокомерным самодовольством защитой позиции школы; ему самому она явно кажется проявлением широты кругозора:

Лучшим примером может служить лекция, которую я читал в одном из старших классов (для 16-17-летних учеников). Один из них, Шакиль, заявил: «Все написанное в Коране — истинная правда». Ему возразила Клэр: «Нет, правда написана в Библии». И мы начали обсуждать, в чем их мнения сходны и в чем кроются разногласия. Мы сделали вывод, что оба они одновременно правы быть не могут. И в конце я сказал: «Извини, Шакиль, но ты ошибаешься, правда — в Библии». А он ответил: «Извините, господин Маккуойд, но это вы ошибаетесь, правда — в Коране». И по окончании лекции они пошли на обед, продолжая обсуждение. Именно к этому мы и стремимся. Мы хотим, чтобы дети осознавали, во что они верят, и умели защитить свою веру».²²⁰

Как трогательно! Шакиль и Клэр рука об руку идут в столовую, продолжая бурно спорить, защищая свои — несовместимые — убеждения. Но что в этом хорошего? Не кажется ли вам, что нарисованная господином Маккуойдом картина довольно прискорбна? Чем, в конце концов, Шакиль и Клэр могут подтвердить состоятельность своих доводов? Какие убедительные факты каждый из них может предложить оппоненту, чтобы дебаты стали полезными и плодотворными? Каждый подросток просто-напросто утверждает, что его или ее священная книга — лучше, вот и все. Насколько нам известно, дальше этого аргумента они не пошли, да дальше пойти и невозможно, если вам внушили, что истина познается из Священного Писания, а не из анализа фактов. Образования Клэр и Шакиль не получили. Совершив по отношению к ним насилие — не физическое, но интеллектуальное, — школа во главе с директором их предала.

218

219

220

И опять — о пробуждении сознания

А вот еще одна трогательная картина. Разыскивая незадолго до Рождества воплощающий праздничное настроение образ, ежедневно читаемая мною газета «Индепендент» напечатала сентиментальную, экуменическую сценку из школьной рождественской пьесы. В подписи к фотографии с гордостью заявлялось, что роли трех волхвов исполняли четырехлетние Шадбриит (сикх), Мушарафф (мусульманин) и Адель (христианка).

Трогательно? Очаровательно? Думаю, ни то и ни другое, скорее — нелепо. Как порядочному человеку может прийти в голову, что на четырехлеток допустимо навешивать ярлыки теологических установок и мировоззрений их родителей? Чтобы понять справедливость моего утверждения, представьте себе аналогичную фотографию со следующей подписью: «Четырехлетние Шадбриит (кейнсианец), Мушарафф (монетарист) и Адель (марксистка)». Вы не сомневаетесь, что в редакцию хлынул бы поток жалоб? Конечно, хлынул бы. Но благодаря странно привилегированному положению религии в данном случае никто и не подумал возмутиться, как никто никогда не возмущается в других подобных ситуациях. Или представьте реакцию на такую подпись: «Четырехлетние Шадбриит (атеист), Мушарафф (агностик) и Адель (светская гуманистка)». В отношении родителей могло бы, пожалуй, начаться расследование с целью проверки их методов воспитания. У нас в Великобритании не существует конституционного отделения церкви от государства, и родители-атеисты, как правило, не желая идти против течения, позволяют школам обучать детей в лоне господствующей религии. На веб-сайте The-Brights.net (результат американской инициативы поменять имеющий негативную окраску термин «атеист» на «Bright» — «способный» аналогично тому, как гомосексуалисты успешно ввели в обиход «геи» — «радостные») в отношении членства детей установлено следующее справедливое правило: «Решение о членстве на сайте имеет право принять только сам ребенок. Ни один молодой человек, которому сказали, что он или она должны обязательно или желательно вступить в *брайты*, НЕ МОЖЕТ вступить в *брайты* ». Попробуйте только представить церковь или мечеть с аналогичными ограничивающими правилами членства. Но разве, по совести, не следовало бы обязать их поступать именно так? Я, кстати, записался в «брайты», отчасти потому, что любопытно проследить, можно ли путем меметического проектирования вживить подобный термин в язык. К сожалению, не знаю (но желал бы узнать), было ли слово «гей» запущено по специально разработанному замыслу или оно привилось случайно.²²¹ Кампания «брайтов», замечу, не имела поначалу большого успеха из-за яростных протестов некоторых атеистов, которые панически боялись, что их обвинят в заносчивости. Движение «Гей-прайд» не страдает подобной ложной скромностью и, возможно, по этой причине добилось большего успеха.

В одной из предыдущих глав я уже говорил в общих чертах о пробуждении сознания, приводя в пример достижения феминисток, благодаря которым мы уже начали вздрагивать, когда кто-то говорит «мужчины доброй воли» вместо «люди доброй воли». Сейчас же я хочу коснуться пробуждения сознания еще в одном вопросе. Думаю, у всех должно возникать неловкое чувство, когда о маленьком ребенке говорят, что он принадлежит к той или иной религии. Малыши еще не доросли до понимания жизни, морали и происхождения Вселенной. От фраз типа «ребенок-христианин» или «ребенок-мусульманин» должно передергивать, как от царапанья ногтем по грифельной доске.

Вот отрывок из передачи ирландской радиостанции KPFT-FM от 3 сентября 2001 года:

Лоялисты пытались помешать школьницам-католичкам пройти в помещение начальной школы Святого Распятия для девочек на улице Ардойне в Северном Белфасте. Офицеры королевской полиции Ольстера и солдаты армии Великобритании были вынуждены разогнать блокировавших вход в школу протестантов. Для беспрепятственного прохода детей в школу пришлось воздвигнуть вдоль дороги заградительные барьеры. Лоялистская толпа улюлюкала и выкрикивала религиозные оскорбления в адрес детей, самым младшим из которых было не больше четырех лет, и сопровождавших их родителей. На подходе к воротам школы в детей и родителей полетели бутылки и камни.

Конечно, порядочный человек не может не возмутиться, читая об испытаниях, выпавших на долю несчастных девчушек. Мне, однако, хотелось бы, чтобы аналогичное возмущение возникало и от самой идеи называть их «школьницами-католичками». (Как я уже указывал в главе 1, «лоялисты» — это сладкоречивый североирландский эвфемизм, обозначающий протестантов, а «националисты» — это католики. Господа, без зазрения совести именующие детей «католиками» и «протестантами», не решаются применять эти ярлыки к взрослым террористам и бунтующим толпам, хотя те этого заслуживают куда в большей степени.)

В нашем обществе, включая его нерелигиозных членов, не встречает возражений возмутительная идея о разумности и целесообразности внушения малолетним детям религиозных взглядов родителей. Никто не возражает против навешивания на детей религиозных ярлыков — «ребенок-католик», «ребенок-протестант», «ребенок-иудей», «ребенок-мусульманин» и тому подобное, — хотя аналогичных нерелигиозных ярлыков нет и в помине: ни «детей-консерваторов», ни «детей-либералов», ни «детей-республиканцев», ни «детей-демократов». Пожалуйста, прошу вас: пробудите свое сознание и каждый раз, когда вы с этим столкнетесь, не упускайте случая вмешаться и поправить говорящего. Ребенок — не христианин, не мусульманин, но сын или дочь родителей-христиан или родителей-мусульман. Такое именование, кстати, — неплохой способ пробудить сознание и у самого ребенка. Услышав, что он или она — «ребенок родителей-мусульман», дитя поймет: религия — это что-то такое, что можно, став взрослым, самостоятельно выбрать или отвергнуть.

Нельзя также не согласиться с пользой сравнительного изучения религий. Мои собственные сомнения, бесспорно, впервые зародились в возрасте примерно девяти лет, когда я узнал (не в школе, но от родителей), что христианская религия, в лоне которой шло мое воспитание, — лишь одна из большого ряда несовместимых друг с другом религиозных систем. Многих сторонников религии смущает это обстоятельство. После вышеупомянутой публикации в «Индепен-дент», где рассказывалось о рождественской пьесе, редакция не получила ни одного письма с протестом против религиозных ярлыков, навешанных на четырехлеток. Точнее, единственный негативный отклик был получен от организации «Кампания за настоящее образование», глава которой, Ник Ситон, заявил: многоконфессиональное религиозное образование очень опасно, потому что «детям в школах нынче внушают, будто все религии имеют одинаковую ценность, и поэтому получается, что их собственная — ничем не лучше других». Все верно, именно это и имеется в виду. Вышеназванному господину есть о чем беспокоиться. В другой раз он же провозгласил: «Нельзя представлять все вероисповедания как одинаково ценные. Каждый имеет право считать, что его вера лучше других, будь то индуизм, иудаизм, мусульмане или христиане, — иначе какой смысл вообще верить во что-либо?».²²²

Вот именно, какой смысл? И как же очевидна нелепость всей ситуации! Эти вероисповедания несовместимы друг с другом. Иначе зачем считать, что твоя вера лучше других? Следовательно, большая часть религий не может быть лучше остальных. Пусть дети изучают различные вероисповедания, замечают их несовместимость и делают из этой несовместимости собственные выводы. Что же касается «истинности» религий, то пусть дети сами решат вопрос, когда подрастут.

Религия как часть литературного наследия

Должен признаться, что даже меня поражает уровень невежества в отношении содержания Библии, проявляемого людьми, получившими образование в более поздние, чем я, десятилетия. А может быть, это не связано со временем. Как рассказал Роберт Хайнд в своей глубокой книге «Почему боги упорствуют», давным-давно, еще в 1954 году, по результатам проведенного в Соединенных Штатах Америки опроса выяснилось следующее. Три четверти католиков и протестантов не могли назвать ни одного ветхозаветного пророка. Более двух третей не знали, кто произнес Нагорную проповедь. Большое число людей считало, что Моисей был одним из двенадцати апостолов Иисуса. Речь идет, повторяю, о Соединенных Штатах — стране гораздо более религиозной, чем большинство других развитых стран мира.

В авторизованной версии Библии короля Якова 1611 года имеются фрагменты, сами по себе являющиеся произведениями поразительной литературной силы, например Песнь Песней и несравненный Екклесиаст (великолепно звучащий, как я слышал, и на языке оригинала). Главная причина, почему необходимо преподавать английскую Библию, заключается в том, что она представляет собой важный литературный памятник. То же можно сказать и о мифах Древней Греции и Древнего Рима, которые мы изучаем без попыток уверовать в их богов. Ниже привожу неполный перечень библейских или восходящих к Библии фраз и выражений, широко встречающихся в современном литературном и разговорном английском языке — от высокой поэзии до затертого уличного штампа, от поговорки до дежурной фразы.

Адамово ребро
Армагеддон
В поте лица
Вавилонское столпотворение
Валаамова ослица
Вернуться на круги своя
Власть предрекающие
Власть тьмы
Внести свою лепту
Во главе угла
Возвращение блудного сына
Волк в овечьей шкуре
Врачу, исцелися сам
Время разбрасывать камни, время собирать камни
Выпить чашу до дна
Всякой твари по паре
Глас вопиющего в пустыне
Гога и Магога
Голгофа
Голубь мира
Грехи молодости

Гроздь гнева
Да минует Меня чаша сия
Дом, построенный на песке
Жнет, где не сеял
Заблудшая овца
Запретный плод
Зарывать талант в землю
Земля обетованная
Змий-искуситель
Золотой телец
Знамение времени
Избиение младенцев
Ищите и обряцете
Каинова печать
Камень преткновения
Камня на камне не оставить
Кесарю — кесарево, Богу — Божье
Книга за семью печатями
Козел отпущения
Колосс на глиняных ногах
Корень зла
Кто не со Мною, тот против Меня
Кто с мечом придет, от меча и погибнет
Краеугольный камень
Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына
Кто не работает, тот не ест
Лествица Иакова
Ложь во спасение
Манна небесная
Мафусаилов век
Мерзость запустения
Метать бисер перед свиньями
Не ведают, что творят
Не от мира сего
Не сотвори себе кумира
Не судите, да не судимы будете
Не хлебом единым
Невзирая на лица
Нет пророка в своем отечестве
Неопалимая купина
Нести свой крест
Ни на йоту не уступить
Ничтоже сумняшеся
Нищие духом
Око за око, зуб за зуб
От лукавого
Отделять плевелы от пшеницы
Перековать мечи на орала
Отряхнуть прах от своих ног
Первым бросить камень
Питаться медом и акридами
Плодитесь и размножайтесь

*Плоть от плоти
По букве и духу
Посыпать голову пеплом
Почивать от трудов праведных
Превращение Савла в Павла
Прилип язык к гортани
Притча во языцех
Продать за чечевичную похлебку
Путеводная звезда
Разве я сторож брату моему?
Святая святых
Скрежет зубовный
Слуга двух господ
Служить мамоне
Смертный грех
Содом и Гоморра
Соль земли
Суббота для человека, а не человек для субботы
Суета сует
Тайна сия велика есть
Терновый венец
Тридцать сребреников
Труба иерихонская
Тьма крошечная
Умывать руки
Фарисейство
Фиговый листок
Фома неверующий
Хлеб насущный
Хляби небесные
Хранить, как зеницу ока 223*

Все вышеперечисленные фразы, идиомы и клише взяты непосредственно из авторизованной Библии короля Якова. Незнание Библии наверняка обеднит представление об английской литературе. И не только о важной и серьезной литературе. Вот забавный стишок, сочиненный лордом-судьей Боуэном:

На праведных лился дождь,
И на неправедных тож.
Но неправедные суше были —
У праведных зонтик стащили.

Трудно оценить по достоинству остроумие господина судьи, если вы не знаете стиха из Евангелия от Матфея (5:45): «...ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». А незнакомого с печальной судьбой Иоанна Крестителя повергнет в недоумение следующая просьба Элизы Дулиттл из «Моей прекрасной леди»:

Мерси, король: я скромна и деликатна, вам скажут люди, Мне нужна лишь Генри Хиггинса голова на блюде!

По моему личному мнению, лучшим английским автором юмористического жанра является П. Г. Вудхауз, и могу поспорить, что на страницах его рассказов можно найти не менее половины перечисленных библейских цитат. (Гугл, кстати, находит их не все — пропускает, например, название короткого рассказа «Тетушка и ленивец», пародирующее стих из Книги Притчей Соломоновых, 6:6.) Язык Вудхауза богат и другими, не вошедшими в мой список и в повседневную речь библейскими фразами. Послушайте, как Берти Вустер воскрешает в памяти состояние жуткого похмелья: «Мне снилось, что какой-то пройдоха вгоняет мне в голову кол — и не простой, как Иаиль, жена Хеверова, а докрасна раскаленный». Берти, кстати, немало гордился своим единственным достижением на научном поприще — полученной за отличное знание Священного Писания наградой.

Сказанное верно не только для английской юмористической прозы, но в еще большей мере — для серьезной литературы. В своем широко известном и очень авторитетном исследовании Насиб Шахин насчитал в текстах Шекспира более 1300 библейских цитат.²²⁴ В опубликованном в Феарфаксе, штат Вирджиния, «Отчете по библейской грамотности» (финансированном тем же пресловутым Фондом Темплтона) приводится множество аналогичных примеров, а также отзывы учителей английской литературы, практически единодушных в том, что знание Библии необходимо для углубленного понимания их предмета.²²⁵ Несомненно, то же можно сказать и о французской, немецкой, русской, итальянской, испанской и других великих европейских литературах. Людям, говорящим по-арабски и по-индийски, знакомство с Кораном или Бхагавад-гитой, по-видимому, не менее необходимо для полного понимания своего литературного наследия. Наконец, для полного наслаждения музыкой Вагнера (о которой кто-то однажды остроумно заметил, что она лучше, чем звучит) нужно уметь отличать одного нордического бога от другого.

Позвольте на этом остановиться. Думаю, я сказал достаточно хотя бы для того, чтобы убедить читателей более старшего поколения в том, что атеистическое мировоззрение не означает исключение Библии и других священных текстов из системы образования. И, конечно же, мы можем сохранять сентиментальную привязанность к культурным и литературным традициям, скажем, иудаизма, англиканства или ислама и даже участвовать в таких религиозных ритуалах, как свадебный и похоронный, не обременяя себя традиционно сопутствующими этим ритуалам суеверными предрассудками. Мы можем отказаться от веры в бога, не порывая с нашим драгоценным культурным наследием.

Глава десятая. Такая нужная ниша?

*Что может потрясти сильнее, чем увиденная
в 100-дюймовый телескоп отдаленная галактика,
уместившаяся на ладони ископаемая окаменелость
возрастом в 100 миллионов лет или изготовленное пятьсот
тысячелетий назад орудие труда, взгляд на невероятную
пространственно-временную бездну Большого каньона или
рассказ ученого, осмелившегося без страха заглянуть в лицо
Вселенной, какой она была в момент рождения! Это и есть
глубочайшее, священное знание.*

Майкл Шермер

«Этой книге удалось заполнить очень нужный пробел». Шутка срabатывает, ибо удается легко уловить оба противоположных смысла фразы. Сначала я думал, что это свежая острота, но затем с удивлением обнаружил: ее уже и раньше наивно использовали издатели. Заглянув на страницу [http:// www.kcl.ac.uk/kis/schools/hums/french/pgr/tqr.html](http://www.kcl.ac.uk/kis/schools/hums/french/pgr/tqr.html), находишь книгу, «заполняющую очень нужный пробел в посвященной движению постструктурализма литературе». Поневоле усмехаешься тому, что эта явно бесполезная книга написана о Мишеле Фуко, Ролане Барте, Юлии Кристевой и других иконах высокой франкоязычной культуры.

Заполняет ли религия «очень нужный пробел»? Часто говорят об имеющейся в сознании нише «под бога»: якобы у людей существует психологическая потребность в боге — воображаемом товарище, отце, старшем брате, исповеднике, душевном друге, которую необходимо удовлетворить вне зависимости от того, существует ли бог на самом деле. Но что, если бог попросту занимает место, которое лучше было бы заполнить чем-то другим? Наукой, например? Искусством? Человеческой дружбой? Гуманизмом? Любовью к этой жизни в реальном мире, а не ожиданием другой, за могильной чертой? Любовью к природе — тем, что великий энтомолог Е. О. Уилсон назвал биофилией?

Были времена, когда религию считали способной выполнять в жизни человека четыре главные функции: объяснение, назидание, утешение и вдохновение. В течение всей истории религия пыталась *объяснить* наше существование и природу Вселенной, в которой мы обитаем. В данной роли в наши дни ее далеко превзошла наука, о чем мы уже говорили в главе 4. Под *назиданием* я имею в виду нравственные правила поведения, и об этом шла речь в главах 6 и 7. Об *утешении* и *вдохновении* до сих пор было сказано немного; давайте поговорим о них в этой последней главе. Разговор об утешении хочется начать с рассмотрения известного феномена детского сознания — «воображаемого друга», который, по моему мнению, сродни религиозным верованиям.

Чудик

Думаю, что Кристофер Робин не верил, что Пятачок и Винни-Пух по-всамделишному разговаривали с ним. А Чудик?

У меня есть тайный спутник, Чудиком зовут его.
Потому я не скучаю, если рядом никого.
Когда я играю в детской и на лестнице сижу —
Он всегда со мною рядом, я всегда за ним слежу.
Мой папа самый лучший, он лучший у меня,
И мама тоже рядом, и вместе мы семья,
А няня — это няня, ее зову я Ня.
Но Чудика не видит никто и никогда.
Чудик рта не закрывает — я учу его словам.
Но порой он подражает скрипу, стукам и шагам.
А порою хочет крикнуть, но не может: в горле ком.
Тогда я спешу на помощь, и мы с ним кричим вдвоем.
Мой папа самый лучший, он лучший у меня,
И мама тоже рядом, и вся моя родня,
А няня — это няня, ее зову я Ня.
Но Чудика не знает никто и никогда.
Мы с Чудиком, как львята, по скверику бежим,
Мы ночью, словно тигры, тихонечко лежим.
Он словно слон спокоен — заплакал бы хоть раз!

(Конечно, если мыло не попадает в глаз.)
Мой папа — это папа, он папа для меня.
И мама — это мама, и вся моя родня.
А няня — это няня, ее зову я Ня.
Но Чудик не сравнится ни с кем и никогда.
Мне дарят шоколадку — я вынужден сказать:
«А можете для друга еще одну мне дать?»
Вот только (из-за зуба!) мой друг с трудом жуёт,
И я его конфеты в свой отправляю рот.
Я папу вижу редко, все время он спешит,
Порой уходит мама, чтобы «отдать визит».
На няню я бываю обижен иногда...
Но Чудик — это Чудик, и он со мной всегда.

А.А.Милн. «Теперь нам уже шесть»²²⁶

Отличается ли воображаемый друг принципиально от других детских фантазий, является ли он более важной иллюзией? Собственный опыт мне тут вряд ли поможет. Подобно многим другим родителям, мама записывала мою детскую болтовню в книжечку. Похоже, что кроме простых «притворств» (я — человечек с луны... акселератор... древний вавилонянин) мне очень нравились «притворства второго порядка» (я — сова, притворяющаяся водяным колесом), иногда — возвратные (я — мальчик, притворяющийся Ричардом). Но я никогда на самом деле не верил, что я — это не я, и это, как мне кажется, справедливо для большинства игр-«притворялок». Но у меня не было Чудика. Если рассказы взрослых о своем детстве правдивы, то по крайней мере некоторые — нормальные дети, имеющие воображаемых друзей, верят в их реальное существование, а кто-то даже четко и ясно видит их воочию. Подозреваю, что детский феномен Чудика может оказаться хорошей моделью для понимания религиозных верований взрослых. Не знаю, занимались ли им с этой точки зрения психологи, но думаю, что здесь можно было бы обнаружить немало интересного. Спутник и самый лучший друг, Чудик на всю жизнь — эта роль богу, безусловно, по силам; это одна из ниш, которая может опустеть, если бога не станет.

Другой ребенок, девочка, рассказывала о «лиловом человечке», которого она видела своими глазами и который, сверкая, с легким звоном появлялся из воздуха. Он частенько навещал ее, особенно когда ей было одиноко, но с возрастом это случалось все реже. Однажды, как раз перед тем, как она начала ходить в детский сад, он появился, как всегда, в сопровождении звонкого звука трубы и сообщил, что больше не придет. Девочка опечалилась, но человечек сказал: она уже почти совсем взрослая и может теперь обойтись без него, а ему нужно помогать другим детям. Он обещал, что появится опять, если понадобится ей очень-очень сильно. Он действительно вернулся к ней много лет спустя, во сне, когда на перепутье жизни ей нужно было принять важное решение. Дверь спальни приоткрылась, и в комнату, толкая перед собой тележку с книгами, вошел... «лиловый человечек». Девушка истолковала это как совет поступить в университет; так она и сделала и впоследствии никогда о сделанном не жалела. Эта история трогает меня почти до слез; на ее примере мне удастся ближе всего подойти к понимаю той утешающей и поддерживающей роли, которую играют вымышленные боги в жизни людей. Пусть это существо — лишь плод воображения, но для ребенка оно совершенно реально, и оно по-настоящему утешает и дает добрые советы. Более того: воображаемые друзья и воображаемые боги посвящают страждущему все свое время и внимание без остатка. И обходятся они гораздо дешевле, чем психиатры и профессиональные консультанты.

Может быть, боги в своей роли утешителей и наставников произошли от чудиков путем «психологического педоморфоза»? Педоморфоз — это сохранение у взрослой особи детских свойств. У китайских мопсов — педоморфные морды: взрослые особи похожи на щенят. В эволюции этот процесс хорошо известен; широко признается его важность при появлении таких присущих современному человеку признаков, как выступающий лоб и короткие челюсти. Эволюционисты сравнивают людей с детенышами обезьян; бесспорно, молодые особи шимпанзе и горилл гораздо больше похожи на людей, чем взрослые обезьяны. Не может ли оказаться, что религии развились путем постепенного, растянутого на многие поколения отодвигания момента расставания детей со своими чудиками — подобно тому как в ходе эволюции у нас замедлились уплощение лба и рост нижней челюсти?

Полагаю, что для полноты картины нужно рассмотреть и обратную возможность. Может быть, не боги произошли от древних чудиков, а чудики являются потомками древних богов? Мне это кажется менее вероятным. Я стал думать об этом во время чтения книги американского психолога Джулиана Джейнса «Происхождение сознания при разрушении двухкамерного рассудка» — произведения, содержание которого по своей странности не уступает названию. Подобные книги, как правило, или полностью бредовы, или абсолютно гениальны, среднего не дано. Возможно — первое, но пока не могу сказать наверняка.

Мыслительный процесс многих людей имеет форму диалога между «собой и другим, находящимся в голове собеседником», пишет Джейнс. Сейчас мы понимаем, что оба «голоса» принадлежат нам самим, а тех, кто с этим не согласен, считают сумасшедшими. В какой-то момент такое случилось с Ивлином Во. Он всегда отличался прямолинейностью и при встрече с одним из друзей заметил: «Давненько тебя не видел; правда, я мало с кем встречался в последнее время, потому что, понимаешь ли, сошел с ума». Оправившись, он сел за роман «Испытание Гилберта Пинфолда», в котором описал свои галлюцинации и разговаривавшие с ним голоса.

Джейнс полагает, что приблизительно до 1000 года до нашей эры большинство людей вообще не догадывались, что второй голос — «голос Гилберта Пинфолда» — принадлежит им самим. Они считали его голосом бога: скажем, Аполлона, или Астарты, или Яхве, или, чаще, какого-нибудь домашнего божества, дающего им советы или приказания. Джейнс даже установил положение «божественных голосов» в полушарии мозга, противоположном управляющему обычной речью. Согласно Джейнсу, «разрушение двухкамерного рассудка» было важнейшим историческим событием. Именно тогда людей осенило, что голоса, казавшиеся им внешними, на самом деле являются внутренними. Джейнс, кроме того, утверждает, что это событие стало отправной точкой в становлении человеческого сознания.

Существует древнеегипетская надпись о боге-творце Птахе, в которой другие боги названы вариациями «голоса» или «языка» Птаха. Современные переводчики отвергают буквальное значение «голос» и интерпретируют других богов как «объективизированные концепции сознания [Птаха]». Не соглашаясь с такими усложненными толкованиями, Джейнс предлагает отнестись к буквальному переводу серьезно — боги были «чужими голосами» в головах людей. Далее Джейнс высказывает предположение о возможном развитии образов этих богов на основе памяти об умерших вождях, продолжающих, образно говоря, управлять своими подданными посредством звучащих у тех в головах воображаемых голосов. Вне зависимости от того, согласны вы с доводами Джейнса или нет, его работа весьма любопытна и заслуживает упоминания в книге о религии.

Вернемся теперь к возможности использования заимствованных у Джейнса соображений для развития идеи об эволюционной связи богов и чудиков. В общих чертах идея состоит в том, что разрушение двойственного рассудка произошло не в один миг, а

постепенно, путем отодвигания момента осознания нереальности голосов все дальше и дальше в детство. В результате этого процесса, который в определенном смысле был противоположен педоморфозу, говорящие внутри нас боги сначала исчезли из взрослого сознания, потом начали отодвигаться все дальше в детство и в настоящее время сохранились лишь в виде чудиков и «лиловых человечков». Недостаток этой теории заключается в том, что она не объясняет современное распространение богов среди взрослого населения.

Возможно, лучше не считать богов предками чудиков или наоборот, а рассматривать тех и других в качестве побочного результата одной и той же психологической предрасположенности. Богов и чудиков роднит способность утешать и помогать оценивать идеи в некоем подобии диалога. Таким образом, мы недалеко ушли от изложенной в главе 5 теории эволюции религии как побочного психологического продукта.

Утешение

Пришло время рассмотреть такую важную функцию бога, как утешение, — а если бога нет, мы должны еще решить сложную гуманистическую проблему, чем его заменить. Многие люди, согласные с тем, что бога, возможно, не существует и что бог не является необходимым условием нравственности, тем не менее выдвигают в качестве козырного аргумента следующий: у людей якобы есть психологическая или эмоциональная *потребность* в боге. Исчезни религия, язвительно интересуются они, что останется умирающим пациентам, рыдающим родственникам усопших, одиноким Элеонарам Ригби, у которых, кроме бога, никого нет?

Первое, что следует сказать, или вовсе не стоит говорить, в ответ на такое утверждение, — это то, что способность религии утешать не делает ее более правдивой. Даже если быть к ней очень снисходительными; даже если доказать, что вера в бога абсолютно необходима для психологического и эмоционального благополучия людей; даже если все атеисты вдруг окажутся безнадежными неврастениками с постоянной невыносимой тревогой за судьбу мироздания и склонностью к самоубийству — ничто из этого ни на йоту не прибавит веса доказательствам существования бога. Все вышеназванное может говорить лишь о пользе самоубеждения в его существовании, пусть на самом деле его и нет. Как я уже упоминал, Дэн Деннет в книге «Разбивая заклятье» проводит различие между верой в бога и верой в веру, то есть убежденностью в том, что верить полезно, даже несмотря на ложность самой веры: «...верую, Господи! помоги моему неверию» (Марк. 9:24)– Верующих, вне зависимости от степени их убежденности, поощряют открыто заявлять о своей вере. Может быть, повторяя одно и то же много раз, действительно возможно уверовать в истинность произносимого. Думаю, у каждого есть знакомые, симпатизирующие религиозной вере и протестующие против нападок на нее, которые, однако, с сожалением признают, что сами этой веры не имеют.

С тех пор как я прочел у Деннета об этом различии, я нередко имел случай его применить. Не будет преувеличением сказать, что большинство знакомых мне атеистов скрывают свои взгляды за фасадом благочестия. Сами они ни во что сверхъестественное не верят, но продолжают испытывать смутную симпатию к иррациональным взглядам. Они верят в веру. Поразительно, как часто люди не видят различия между утверждениями «Х — истинно» и «хотелось бы, чтобы все верили, что Х — истинно». А может, на самом деле они и не совершают этой логической ошибки, а просто считают, что по сравнению с человеческими чувствами правда не так уж важна. Я не хочу умалять роль человеческих эмоций и чувств. Но давайте в каждой дискуссии с самого начала уточнять, о чем пойдет речь: о чувствах или об истине. И то и другое важно, но это разные вещи.

В любом случае мое гипотетическое «признание» о свойствах атеистов, сделанное в начале раздела, не соответствует действительности. Мне не известны факты, которые говорили бы об общей предрасположенности атеистов к печальному, тревожному унынию. Бывают счастливые атеисты и бывают несчастные. Точно так же, как бывают счастливые и несчастные христиане, иудеи, мусульмане, индуисты и буддисты. Возможно, имеется статистическая зависимость между счастьем и верой (или неверием), но, каким бы ни был ее характер, сомневаюсь, что она очень сильна. По-моему, гораздо интереснее задаться вопросом, есть ли у неверующих веские *причины* для уныния.

Завершая книгу, я хочу показать, что, напротив, у отказавшихся от веры в сверхъестественное людей имеется больше шансов вести счастливую полноценную жизнь. Но сначала необходимо рассмотреть претензии религии на роль утешителя верующих.

Согласно «Краткому оксфордскому словарю», «утешение — это избавление от печали или беспокойства». Разделим утешение на два типа:

1. *Непосредственное, физическое утешение*. Застигнутый ночью в горах путник почувствует себя лучше в компании большого, теплого сенбернара, и даже еще лучше, если к его ошейнику будет привязана фляжка с коньяком. Плачущего малыша утешат крепкое объятие и нашептанные на ушко утешительные слова.

2. *Утешение, вызванное открытием нового факта или новым взглядом на знакомые факты*. Вдову погибшего на войне солдата может утешить неожиданное открытие, что она беременна его ребенком или что, умирая, он совершил геройский поступок. Нас может утешить новый взгляд на знакомую ситуацию. Философы говорят, что в смерти старого человека нет ничего особенного. Ребенок, которым он был когда-то, «умер» давным-давно — не в одно мгновение, а день за днем, вырастая во взрослого человека. «Смерть» каждого из отпущенных людям шекспировских семи веков происходит путем медленного перехода в следующий. С этой точки зрения момент испускания стариком послед него вздоха не отличается от происходившего в течение всей жизни поэтапного «умирания».²²⁷ Человеку, с содроганием относящемуся к мысли о собственной смерти, подобная точка зрения может показаться в чем-то утешительной. Может, конечно, и не показаться, но это — просто пример утешения при помощи размышлений. Марк Твен нашел другой способ справиться со страхом смерти: «Я не боюсь исчезнуть. Прежде, чем я родился, меня не было миллиарды и миллиарды лет, и я нисколько от этого не страдал». Это глубокомысленное утверждение не отменяет неизбежного факта нашей смерти. Однако мы можем взглянуть на неизбежность с новой точки зрения и, возможно, найти в этом утешение. Томас Джефферсон тоже не боялся смерти, хотя, по-видимому, не верил в загробную жизнь. По словам Кристофера Хитченса, «на закате жизни Джефферсон неоднократно писал друзьям, что ожидает конца без надежды и без страха. Это утверждение практически равносильно признанию, что он не был христианином».

Стойкие умы вполне могут вынести нелicenseприятное заявление, сделанное Берtrandом Расселом в эссе 1925 года «Во что я верю»:

Думаю, что, когда я умру, я сгнию, и ничего от моего «я» не останется. Я уже не молод и люблю жизнь. Но я бы счел ниже своего достоинства трепетать от страха при мысли о смерти. Счастье не перестает быть счастьем оттого, что оно преходяще, а мысли и любовь не лишаются ценности из-за своей быстротечности. Многие люди держались с достоинством на эшафоте; такая гордость должна научить нас видеть истинное место человека в мире. Даже если ветер, ворвавшийся в распахнутые наукой окна, заставляет нас, привыкших к уютному теплу традиционных «облагораживающих» мифов,

поначалу дрожать, в конце концов свежий воздух приносит бодрость и силу, а открывающиеся перед нами огромные пространства обладают собственным неповторимым великолепием.

Когда я впервые в шестнадцатилетнем возрасте прочитал в школьной библиотеке эссе Рассела, оно произвело на меня огромное впечатление, но затем, с годами, забылось. Возможно, я бессознательно опирался на него, когда написал в 2003 году в «Служителе дьявола»:

Не только одно величие есть в этом взгляде на жизнь, каким бы унылым и холодным он ни казался из-под уютного покрывала невежества. Подставляя лицо крепкому, резкому ветру осмысления — по выражению Иейтса, «вихрям звездных путей», — чувствуешь удивительную свежесть и бодрость.

Каким же образом религия может дать утешение обоих типов по сравнению, например, с наукой? Обратимся к первому типу: вполне возможно, что крепкие, пусть даже иллюзорные, обаяния бога способны утешить не хуже, чем реальная рука друга или сенбернар с фляжкой коньяка на ошейнике. Но и созданные наукой медикаменты, конечно, помогают не хуже, а обычно даже лучше, чем коньяк.

Что касается утешения второго типа, то легко поверить: в данном случае религия бывает чрезвычайно эффективной. Люди, пережившие землетрясение или другое страшное стихийное бедствие, часто рассказывают, как находили утешение в мысли о том, что случившееся — часть неисповедимого плана господня, плана, который в конце концов обязательно приведет к торжеству добра. Для тех, кто боится смерти, искренняя вера в бессмертие души очень утешительна, если, конечно, человек уверен, что не попадет в чистилище или в ад. Ложная вера может утешать не хуже истинной — вплоть до момента разоблачения. Это справедливо и для нерелигиозных убеждений. Уверив неизлечимого больного в непременно выздоровлении, доктор утешит его не меньше, чем действительно идущего на поправку пациента. Искреннюю, безоговорочную веру в загробную жизнь преодолеть еще труднее, чем доверие к обманщику доктору. Ложь доктора откроется с появлением безошибочных симптомов ухудшения, а верующего в жизнь после смерти, возможно, никогда не удастся разубедить до конца.

Согласно опросам, примерно 95 процентов населения США верят в загробную жизнь. Интересно, сколько из них действительно верят в нее в самой глубине души? Если их вера искренна, разве все они не должны были бы вести себя подобно амплфортскому аббату? Когда кардинал Бейзил Хьюм сказал ему, что умирает, аббат радостно воскликнул: «Ах, какая замечательная новость, примите мои поздравления! Как бы мне хотелось отправиться с вами».²²⁸ Похоже, аббат действительно был искренне верующим. Но эта история привлекает внимание именно своей нетипичностью и странностью, вызывая почти такую же веселую реакцию, как и газетная карикатура, изображающая обнаженную девушку с плакатом «Любовь, а не война!», а рядом с ней — прохожего, восклицающего: «Как приятно, когда убеждений не скрывают!» Почему не все христиане и мусульмане реагируют подобным образом на известия о кончине друзей? Почему верующая женщина, услышав от врача, что не протянет и года, не расплывается в улыбке, словно ей предстоит отпуск на Сейшельских островах? «Ах, жду — не дождусь». Почему религиозные посетители не заваливают ее посланиями к усопшим друзьям и знакомым? «Пожалуйста, когда вы увидите дядю Роберта, передайте ему привет...»

Почему верующие не говорят ничего подобного в присутствии умирающего? Уж не потому ли, что в глубине души не верят в то, что утверждают? Но, может, они верят, но боятся самого умирания *Неудивительно, учитывая, что Homo sapiens — это единственный вид, которому не разрешается в случае неизлечимого, мучительного недуга обращаться для безболезненного усыпления к ветеринару. Но почему тогда самые громкие возражения против эвтаназии поступают со стороны религии? Разве с точки зрения амплфортского аббата или «сейшельского отпуска» не логично ожидать менее глубокой привязанности верующих к земной жизни? Тем не менее, как ни странно, встретив яростного противника прекращения жизни из гуманных соображений или яростного противника самоубийства с врачебной помощью, можно биться об заклад, что перед вами — верующий. Вслух такие люди могут заявлять, что любое убийство — грех. Но почему грех, если вы честно считаете, что ускоряете другому дорогу в рай?*

Мое отношение к самоубийству с врачебной помощью, напротив, основано скорее на процитированном выше замечании Марка Твена. «Быть мертвым» ничем не отличается от «быть нерожденным» — «я» окажется в том же состоянии, в каком оно находилось во времена Вильгельма Завоевателя, или динозавров, или трилобитов. Страшного в этом ничего нет. Но процесс умирания, если не повезет, вполне может оказаться болезненным и неприятным, вроде удаления аппендикса; нынче мы привыкли, что от подобных испытаний нас, как правило, защищает общий наркоз. Если ваш домашний питомец умирает в мучениях, а вы не вызываете ветеринара, который даст ему достаточную дозу наркоза, чтобы животное не проснулось, вас обвинят в жестокости. Но если мучаетесь вы сами и врач окажет аналогичную милосердную услугу вам, то его вполне могут обвинить в убийстве. Лично я хотел бы умереть под общим наркозом, какой дают в случае удаления аппендикса. Но, боюсь, мне это не удастся, ибо я имел несчастье родиться представителем вида *Homo sapiens*, а не, скажем, *Canis familiaris* или *Felis catus*, если, конечно, я не перееду в более передовую страну вроде Швейцарии, Нидерландов или в штат Орегон. Почему таких передовых стран немного? В основном из-за религии.

Мне могут возразить, что существует большая разница между расставанием с аппендиксом и расставанием с жизнью. Не думаю: по крайней мере если смерть неизбежна. Разницы также быть не должно, если вы искренне верите в загробную жизнь. Ведь в таком случае смерть для вас — лишь переход от одной жизни к другой. И если этот переход — болезненный, то проходить его без общего наркоза не более разумно, чем удалять без наркоза аппендикс. На первый взгляд кажется, что возражать против эвтаназии и самоубийства с врачебной помощью скорее следовало бы нам — тем, кто считает смерть окончательной, а не переходом к следующей жизни. И тем не менее мы их поддерживаем.²²⁹

Кроме того, как расценить сообщение одной моей знакомой, всю жизнь заведовавшей домом для престарелых, где смерть — постоянная гостья? Согласно ее многолетним наблюдениям, больше всего боятся уходить из жизни верующие. Безусловно, такой вывод требует статистической проверки, но если она не ошиблась, то в чем тут дело? Как ни поверни, не похоже, что религии удастся блестяще справиться с задачей утешения умирающих.²³⁰ Католики, возможно, боятся чистилища. Благочестивый кардинал Хьюм попрощался с другом следующим образом: «Что ж, прощай. Полагаю, встретимся в чистилище». Я же полагаю, что сказано это было стариком не без отблеска иронии в умных, добрых глазах.

Доктрина чистилища позволяет бросить взгляд на абсурдный механизм работы религиозного ума. Чистилище — это что-то вроде небесного острова Эллис²³¹ ", приемная Аида, где собираются души умерших, недостаточно грешные для ада, но тем не менее нуждающиеся в проверке и очистке перед тем, как быть допущенными в «безгрешную» райскую зону. В Средние века церковь за деньги продавала индульгенции. За определенную сумму можно было сократить срок пребывания в чистилище на некоторое число дней; церковь с поразительной самоуверенностью выдавала самые настоящие, снабженные подписью свидетельства с указанием количества выкупленных дней. Похоже, фраза «нечестивые деньги» была изобретена специально для нужд римско-католической церкви. Несомненно, из всех когда-либо придуманных способов облапошивания публики продажа индульгенций была одной из самых удачных находок — средневековый аналог нигерийского инетного мошенничества, только более прибыльный.

Еще в 1903 году папа Пий X выпустил таблицу с указанием количества дней, на которое сокращается срок пребывания в чистилище для разных рангов церковной иерархии: кардиналы получали фору в двести дней, архиепископы — в сто, епископы — только пятьдесят. Но индульгенции к этому времени уже перестали продавать.

Еще в Средние века избавление от чистилища можно было приобрести не только за монеты. Принимались также молитвы: либо собственные, до смерти; либо, после смерти, — других людей, молящихся за усопшего. Молитвы тоже продавались за деньги. Богач мог навечно обеспечить благополучие своей душе. Оксфордский колледж, в котором я учился, Новый колледж, был основан в 1379 году (и был тогда новым). Основал его один из крупнейших филантропов того времени — Уильям Уикем, епископ Уинчестерский. Средневековый епископ мог стать Биллом Гейтсом своего времени, имея в руках аналог информационной супермагистрали для прямой связи с богом, и накопить несметные богатства. Епархия Уикема была весьма обширна, и он использовал свои средства и связи, чтобы основать два замечательных учебных заведения: одно в Уинчестере, другое в Оксфорде. Уикем высоко ценил образование, но, если процитировать официальную историю Нового колледжа, опубликованную ко дню шестисотлетия его основания в 1979 году главной задачей епископа было «внести вклад, который обеспечил бы вознесение молитв об упокоении его души. Он оставил средства на содержание часовни с десятью капелланами, тремя служками и шестнадцатью хористами и распорядился, что в случае уменьшения доходов колледжа эти заведения должны быть закрыты последними». Управление Новым колледжем Уикем поручил совету — выборному органу, непрерывно существующему вот уже 600 лет. Видимо, он рассчитывал, что мы будем молиться за него все эти века.

В наши дни количество капелланов в колледже сократилось до одного,²³¹ служек нет вовсе, а непрерывно поступающий, век за веком, поток молитв за Уикема, томящегося в чистилище, уменьшился до двух в год. Лишь хористы не подвели, и их пение иначе как волшебным не назовешь. Даже мне как члену совета порой неловко, что не все выполнено, как желал усопший. Согласно идеям своего времени, Уикем сделал то же, что делают нынешние богачи, выплачивая огромные средства компаниям, обещающим заморозить тело и оберегать его от землетрясений, гражданских беспорядков, ядерных войн и других неприятностей до тех пор, пока в будущем медицина не научится размораживать людей и вылечивать болезнь, от которой этот человек умирал. Может быть, мы — современные члены совета — нарушаем договор с нашим основателем? Даже если и так, мы далеко не одиноки. Умирая, сотни средневековых завещателей надеялись, что, получив щедрую мзду, их наследники будут молиться за попавшую в чистилище душу. Интересно было бы узнать, какое количество европейских средневековых произведений архитектуры и искусства было

создано лишь с целью оплаты заупокойных молитв и вечного блаженства?

Но что меня больше всего поражает в идее чистилища — это представляемые теологами в ее подтверждение *доказательства*, настолько очевидно неубедительные, что беззаботная уверенность, с которой они преподносятся, кажется от этого еще более комичной. В разделе «Чистилище» Католической энциклопедии есть часть, озаглавленная «Доказательства». Вот в чем состоят главные доказательства существования чистилища. Если бы усопшие просто попадали в рай или ад в зависимости от совершенных в земной жизни грехов, не было бы смысла за них молиться. «Ибо зачем молиться за усопших, если мы не верим в силу молитвы послать утешение тем, на кого еще не обратилась милость Божья?»

Мы же молимся за усопших, верно? Следовательно, чистилище существует, иначе наши молитвы не имели бы смысла. Что и требовалось доказать! Перед нами поистине яркий пример бессмыслицы, которую религиозный рассудок воспринимает как «логическое умозаключение».

Этот поразительный софизм повторяется в более крупном масштабе еще в одной широко распространенной форме утешительного аргумента: в мире непременно должен быть бог, иначе жизнь была бы пустой, лишенной смысла — бесцельным, бесплодным, ничего не значащим существованием. Нужно ли объяснять, что логика здесь вылетает в окно на первом же повороте? Возможно, жизнь *действительно* бесцельна. Возможно, наши молитвы за усопших *действительно* бессмысленны. Принимая в качестве исходной посылки обратное заявление, мы тем самым уже автоматически утверждаем, что положение, которое требовалось доказать, истинно. Мнимый силлогизм, очевидно, замыкается на себя. Жизнь без жены может казаться вдовцу невыносимой, пустой и лишенной смысла, но, к сожалению, к жизни ее это не вернет. Есть что-то инфантильное в ожидании того, что смысл и цель в вашу жизнь обязан внести кто-то другой (родители — когда речь идет о детях, бог — в случае взрослых). Это напоминает инфантилизм отдельных личностей, которые, упав и подвернув лодыжку, начинают искать, кому бы предъявить иск. Кто-то обязан гарантировать мое благополучие, и, значит, кто-то виноват, что я ушибся. Не является ли подобный инфантилизм главной причиной «необходимости» бога? Уж не Чудик ли опять перед нами?

По-настоящему взрослая точка зрения состоит в том, что наша жизнь имеет ровно столько смысла, значения и полноты, сколько мы потрудимся ей придать. А потрудившись, мы в силах сделать свою жизнь поистине замечательной. И если наука способна принести утешение нематериального плана, то это дает повод перейти к последней теме этой книги — вдохновению.

Вдохновение

Поскольку речь пойдет о вопросах вкуса и личных мнений, в качестве способа аргументации, к сожалению, придется вместо логики прибегнуть к риторике. Мне приходилось делать это и раньше, наряду с целым рядом других авторов, таких как Карл Саган в «Голубом пятнышке», Е. О. Уилсон в «Биофилии», Майкл Шермер в «Душе науки» и Пол Курц в «Торжественной клятве». В книге «Расплетая радугу» я пытался показать, как крупно повезло нам, живущим, если вспомнить, что огромное большинство людей, которые потенциально, учитывая лотерею возможных комбинаций ДНК, могли бы появиться на свет, никогда не будут рождены. Для тех из нас, кому повезло попасть в этот мир, я представил относительную краткость нашей жизни в виде тонкого, как лазерный луч, пятнышка, ползущего вдоль гигантской шкалы времени. Погруженное во мрак пространство позади светового пятнышка — это глухое прошлое; темнота впереди — неведомое будущее. Нам

головокружительно повезло оказаться в освещенном промежутке. Как бы мимолетно ни было наше время под солнцем, если мы теряем драгоценные секунды, жалуемся на скуку, пустоту или, как дети, ноем, что «все неинтересно», разве это не оскорбление тех триллионов, которые вообще никогда на свет не появятся? Многие атеисты уже говорили, и гораздо лучше, чем я: достаточно осознать, что эта жизнь — единственная, чтобы она стала более драгоценной. Поэтому атеистическая позиция — более жизнеутверждающая, способствующая улучшению жизни, но без самообмана, без принятия желаемого за действительное и без жалоб на злодейку-судьбу, свойственных тем, кто считает, будто жизнь им что-то должна. Как писала Эмили Дикинсон,

Пройдет — и больше не придет,
Как этим жизнь сладка!

Если бог, уходя, оставит за собой зияющее пустое место, разные люди заполнят его по-разному. Мой личный способ — наука; искренние, упорные попытки узнать правду об окружающем мире. Старания людей понять Вселенную я рассматриваю как задачу по моделированию. Каждый из нас создает в голове модель окружающего мира. Наши далекие предки создали минимальную, простейшую модель мира, достаточную, чтобы выжить в нем. Программное обеспечение для такого имитационного моделирования создавалось и отлаживалось естественным отбором, и лучше всего оно работает в условиях, сходных с условиями жизни наших предков в африканских саваннах, то есть в трехмерном мире, наполненном объектами среднего размера, движущимися друг относительно друга с умеренными скоростями. Проявившуюся способность нашего мозга работать с моделями гораздо более сложными, чем необходимая предкам для выживания примитивно-утилитарная модель, можно рассматривать как неожиданный и приятный сюрприз. Яркие проявления этой способности — наука и искусство. Позвольте напоследок привести еще один пример того, как наука способна высвобождать и укреплять духовные и физические возможности.

Всем паранджам паранджа

Одним из самых печальных зрелищ на улицах современных городов является вид женщин, с головы до ног закутанных в бесформенные черные одеяния, глядящих на мир через крошечную прорезь на уровне глаз. Паранджа — это не только орудие порабощения женщин и сурового подавления их свободы и красоты, не только проявление вопиющей мужской жестокости и трагической женской покорности. Позвольте использовать образ паранджи с узкой щелью для глаз как наглядный символ другого явления.

Наши глаза воспринимают мир в узком диапазоне электромагнитного спектра. Видимый свет — это яркий проблеск в огромном темном спектре электромагнитных волн различной длины: от длинных радиоволн до коротких волн гамма-излучения. Многие даже не догадываются, *насколько* мал этот проблеск; попробую показать это на примере. Представьте себе огромную черную паранджу с обычной узкой прорезью шириной, допустим, дюйм (2,54 см)- Если черная ткань над прорезью — это короткие волны невидимого спектра, а ткань под ней — его длинноволновая часть, то какой длины должна быть вся паранджа, чтобы участок видимых волн в том же масштабе оказался шириной в дюйм? Трудно дать вразумительный ответ, не обращаясь к логарифмической шкале — настолько гигантской оказывается длина. Последнюю главу книги не стоит, пожалуй, забивать логарифмами, но поверьте на слово, это была бы всем паранджам паранджа. Светлое окошечко размером в дюйм ничтожно по сравнению со многими и многими милями черного полотна невидимого спектра: от радиоволн у края подола до гамма-излучения на макушке. И вот что делает для нас наука: она расширяет это окошко, распаивает его так

широко, что стесняющие черные покровы исчезают почти целиком, открывая чувствам просторный, удивительный мир.

При помощи встроенных в оптические телескопы стеклянных линз и зеркал мы наблюдаем за небесами и обнаруживаем звезды, излучающие в узкой полосе волн, воспринимаемых нами как видимый свет. Но другие телескопы «видят» рентгеновские или радиоволны и позволяют получить бесчисленное множество иных карт иного звездного неба. Если говорить о менее грандиозных задачах — фотоаппараты со специальными фильтрами могут «видеть» ультрафиолетовые волны; на сфотографированных таким образом цветах можно различить странные полосы и пятна, «предназначенные» только для глаз насекомых и недоступные невооруженному человеческому взгляду. Доступное глазам насекомых спектральное окно по ширине близко к нашему, но оно слегка сдвинуто к верху паранджи: насекомые не видят красного цвета, но дальше, чем мы, продвигаются во владениях синего — в «ультрафиолетовый сад». ²³²

Метафора распахивающегося узкого окошка справедлива и для других областей науки. Мы обитаем где-то рядом с центром ветвящейся во всех направлениях пещеры Аладдина, наблюдая работу мироздания посредством органов чувств и нервной системы, предназначенных для восприятия и осознания лишь малого количества объектов средней величины, движущихся на средних скоростях. Нам легко оперировать объектами размером от нескольких километров (вид с вершины горы) до примерно десятой доли миллиметра (острие иглы). За этими рамками даже воображению становится неудобно, и приходится прибегать к помощи приборов и математического аппарата, которые мы, к счастью, научились создавать и использовать. Изначально же наше воображение приспособлено работать в крошечном диапазоне размеров, расстояний и скоростей, лежащем посреди гигантского поля возможного: от странного микроскопического квантового мира до колоссальных размеров эйнштейновской космологии.

Как жаль, что наше воображение так плохо приспособлено к восприятию размерностей за пределами узкого ранга повседневных потребностей наших предков. Мы тщимся представить электрон как крошечный шарик, вращающийся по орбите вокруг более крупной группы других шариков — протонов и нейтронов. Но на самом деле они совсем не такие. Электроны не похожи на маленькие шарики. Они вообще не похожи ни на что знакомое нам. Нельзя даже быть уверенным, что понятие «похожести» по-прежнему имеет смысл, когда мы приближаемся к горизонтам известной реальности. Наше воображение еще недостаточно вооружено для проникновения в квантовый мир. В масштабе этого мира все ведет себя не так, как должна вести себя материя по понятиям привычного нам мира, в котором происходила наша эволюция. Точно так же нам непонятно поведение объектов, движущихся на скоростях, приближающихся к скорости света. Здравый смысл отказывается здесь работать, потому что здравый смысл зародился и развился в окружении, где ничто не движется так быстро и не имеет таких малых или таких больших размеров.

Великий биолог Б. С. Холдейн в конце своего знаменитого исследования о «возможных мирах» написал: «Подозреваю, что Вселенная не только необычнее, чем мы предполагаем, но и необычнее, чем мы в состоянии предположить... По-моему, есть многое на свете, что и не снилось и не могло сниться каким бы то ни было мудрецам». Мне, кстати, показалось любопытным предположение о том, что цитируемый Холдейном знаменитый гамлетовский монолог обычно декламируют неправильно. Ударение делают на слове «нашим»:

Есть многое на свете, друг Горацио,

Что и не снилось нашим мудрецам.

Этой цитатой часто пользуются, имея в виду, что Горацио олицетворяет универсальный образ скептиков и рационалистов. Но некоторые специалисты делают ударение на «мудрецах», почти игнорируя «наших». В данном обсуждении это, в общем-то, не так уж и важно, просто вторая трактовка более сходна с «какими бы то ни было мудрецами» Холдейна.

Человек, которому посвящена эта книга, зарабатывал на хлеб, доводя странность науки до комичного. Ниже привожу еще одну цитату из его уже упоминавшегося импровизированного выступления в 1998 году в Кембридже: «То, что мы живем на дне глубокой гравитационной ямы, на поверхности окутанной газовой оболочкой планеты, вращающейся на расстоянии в девяносто миллионов миль вокруг огненного ядерного шара, и считаем, что это нормально, вне всяких сомнений — свидетельство колоссального вывиха нашего восприятия реальности». Другие писатели-фантасты, живописуя чудеса науки, вызывали у читателей преклонение перед таинственным; Дуглас Адаме пробуждал в нас смех (те, кто читал «Автостопом по галактике», вспомнит, например, «двигатель на невероятной тяге»). Возможно, смех является наилучшей реакцией на некоторые особо замысловатые парадоксы современной физики. Альтернативой, как мне иногда кажется, являются рыдания.

Квантовая механика, эта труднодоступная вершина научного прогресса XX века, позволяет делать поразительно успешные предсказания о реальном мире. Ричард Фейнман сравнил их точность с предсказанием расстояния, аналогичного ширине Северной Америки, с точностью до толщины человеческого волоса. То, что на основе квантовой теории делаются такие точные предположения, по-видимому, означает, что она в определенном смысле верна; настолько же, насколько верны другие наши знания, включая даже самые банальные факты. И тем не менее для получения правильных предсказаний в квантовой теории приходится делать настолько странные и таинственные предпосылки, что даже сам великий Фейнман не преминул заметить (существует несколько вариантов этой цитаты, из которых привожу наиболее выразительную): «Если вам кажется, что вы понимаете квантовую теорию... то вы не понимаете квантовую теорию». ²³³

Квантовая теория настолько странна, что физикам приходится прибегать то к одной, то к другой из ее взаимоисключающих «интерпретаций». «Приходится прибегать» в данном случае — верное выражение. В книге «Фабрика реальности» Дэвид Дейч описывает вариант интерпретации квантовой теории, предполагающий существование множества вселенных, возможно, потому, что самым отталкивающим качеством этого варианта является всего лишь его исключительная *расточительность*. В нем предполагается существование колоссального, стремительно увеличивающегося количества параллельных, незаметных друг для друга вселенных, обнаружить которые удастся лишь в отдельных квантово-механических экспериментах. В некоторых из этих вселенных я уже умер. В нескольких из них у вас есть роскошные зеленые усы. И так далее.

Альтернативная «копенгагенская интерпретация» не менее нелепа. Она не так расточительна, но до отчаяния парадоксальна. Эрвин Шрёдингер придумал о ней знаменитую шутку-головоломку про кота. Кот Шрёдингера закрыт в ящике вместе с механизмом, который убьет его в случае выполнения квантово-механического события. Не открыв крышки, мы не знаем, жив кот или мертв. Здравый смысл подсказывает, что он тем не менее должен быть либо жив, либо мертв. «Копенгагенская интерпретация противоречит

здравому смыслу: согласно ей, до того, как мы откроем ящик, все, что там есть, — не более чем вероятность. Как только мы откроем крышку, происходит коллапс волновой функции квантового механизма, он срабатывает в ту или иную сторону, и кот становится либо мертвым, либо живым. До того как произведено наблюдение, он — ни жив ни мертв.

Теория множественных вселенных объясняет происходящее в вышеописанном эксперименте тем, что в некоторых из вселенных кот — мертв, а в некоторых — жив. Оба эти объяснения не имеют смысла с точки зрения человеческой интуиции или здравого смысла. Но самых «крутых» физиков это мало смущает. Главное для них — чтобы работала математика и экспериментально подтверждались предсказания теории. У большинства из нас следовать за ними не хватает храбрости. Чтобы понять, что же происходит «на самом деле», нам никак *не обойтись* без каких-нибудь визуальных примеров. Кстати, насколько мне известно, Шрёдингер придумал мысленный эксперимент с котом именно с целью наглядно продемонстрировать то, что он воспринимал как абсурдность «копенгагенской интерпретации».

Биолог Льюис Волперт считает, что заковыристость современной физики — это еще цветочки. В отличие от технологии, наука, как правило, не церемонится со здравым смыслом.²³⁴ Вот вам один из любимых примеров: каждый раз, когда вы выпиваете стакан воды, существует весьма высокая вероятность того, что по крайней мере одна из проглоченных вами молекул прошла в свое время через мочевого пузыря Оливера Кромвеля. Это лишь простая теория вероятности. Количество молекул в стакане воды неизмеримо больше, чем количество стаканов с водой, которые можно было бы получить, разлив в них всю имеющуюся в мире пресную воду. То есть каждый раз, наполняя стакан, мы имеем в нем довольно представительную выборку существующих в мире молекул воды. Дело тут, конечно, не в Кромвеле и не в мочевых пузырях. Вот сейчас вы и не заметили, что вдохнули тот же атом азота, что когда-то выдохнул третий игуанодон слева от высокого саговника? Разве не прекрасно жить в мире, где такие вещи не только возможны, но вам еще выпала счастливая возможность понять, почему это так? И затем вы можете объяснить это кому-нибудь другому, и с вами согласятся не потому, что это ваше личное мнение или верование, а потому, что, поняв ваши аргументы, их невозможно не принять. Вероятно, объясняя причину, побудившую его написать книгу «Наполненный демонами мир: наука как светоч во тьме», Карл Саган имел в виду именно это: «Не объяснять достижения науки кажется мне противоестественным. Влюбившись, человек хочет прокричать об этом на весь свет. Эта книга — мое личное признание в вечной, страстной любви к науке».

Эволюция сложной жизни, даже само ее возникновение в подчиняющейся законам физики Вселенной, — замечательные и удивительные факты или были бы таковыми, если не учитывать, что способностью удивляться может обладать лишь мозг, который сам появился в результате этого удивительного процесса. То есть с точки зрения антропного принципа, наше существование не должно вызывать удивления. И тем не менее думаю, что выражу мнение всех собратьев по планете, настаивая на том, что факт нашего существования ошеломляюще удивителен.

Только подумайте: на одной, возможно, единственной во Вселенной, планете молекулы, соединяющиеся обычно в объекты, не превышающие по сложности обломок камня, образовали объекты, по размеру сходные с обломками камней, но настолько сложные, что они оказались способны бегать, прыгать, плавать, летать, видеть, слышать, ловить и поедать другие похожие сложные объекты; а некоторые из них научились даже думать, чувствовать и влюбляться друг в друга. Сегодня мы понимаем, как это произошло, но не

понимали до 1859 года.

До 1859 года все это казалось очень и очень и очень странным. Теперь, благодаря Дарвину, это просто очень странно. Ухватившись за края узкой прорези паранджи, Дарвин разорвал ее, и внутрь хлынул такой поток ошеломляюще новых, возвышающих человеческий дух знаний, какого до него человечество, возможно, не знало — сравню с ним разве что сделанное Коперником открытие, что Земля — это не центр мироздания.

Великий философ XX века Людвиг Витгенштейн как-то спросил своего друга: «Почему люди всегда говорят, что было естественно предположить вращение Солнца вокруг Земли, а не Земли вокруг Солнца?» Друг ответил: «Понятно почему — зрительно кажется, что Солнце вращается вокруг Земли». На что Витгенштейн ответил: «Интересно, как бы зрительно выглядело, будто вращается Земля?» Иногда я цитирую это замечание Витгенштейна во время лекций, ожидая услышать смех аудитории. Вместо этого каждый раз — ошеломленная тишина.

В рамках того ограниченного мира, в котором возник и сформировался наш мозг, движение небольших объектов более вероятно, чем движение крупных, которые часто являются фоном для движущихся небольших. При вращении Земли объекты, кажущиеся нам в силу их приближенности более крупными, — горы, деревья, здания, сама земля — движутся, синхронно друг с другом и с наблюдателем, относительно небесных тел, таких как Солнце и звезды. Поэтому наш сформировавшийся в процессе эволюции мозг приписывает движение именно звездам и Солнцу, а не громоздящимся поблизости горам и деревьям.

Хочу теперь немного развить упомянутую выше мысль: причина того, что мы видим мир так, а не иначе, а также того, что одни вещи нам понять гораздо труднее, чем другие, заключается в том, что *наш мозг сам является продуктом эволюции* — бортовым компьютером, возникшим и развившимся, чтобы помочь нам выжить в окружающем мире, — назову его Средним миром, — где объекты, от которых зависит выживание, не слишком велики и не слишком малы; в мире, где вещи либо стоят на месте, либо движутся медленно по сравнению со скоростью света и где очень маловероятные события смело можно считать невозможными. Окошко паранджи нашего сознания такое узкое потому, что для выживания наших предков этого было вполне достаточно.

Наука, вопреки всякой интуиции, учит нас, что твердые и массивные предметы, такие как кристаллы и камни, на самом деле почти целиком состоят из пустоты. Если представить себе ядро атома как муху, сидящую в центре стадиона, то другое ближайшее ядро окажется за пределами стадиона. Получается, что даже самые плотные горные породы «на самом деле» почти целиком — пустота, содержащая лишь крошечные частицы, расположенные друг от друга на таких расстояниях, что по сравнению с ними размеры самих частиц кажутся пренебрежимо малыми. Но почему же тогда камни выглядят и воспринимаются как твердые, сплошные и непроницаемые?

Не буду пытаться угадать, как ответил бы на это Витгенштейн. Я, как эволюционный биолог, сказал бы следующее. Эволюция нашего мозга происходила таким образом, чтобы помочь телу оптимально ориентироваться в мире в том масштабе, в каком наши тела обычно функционируют. Возможность нашего путешествия в мир атомов эволюцией не предусматривалась. Если бы это было не так, то, возможно, наш мозг был бы в состоянии воспринимать пустоты в горных породах. Мы воспринимаем камни на ощупь твердыми и непроницаемыми, потому что наши руки не в состоянии сквозь них проникнуть. Проникнуть сквозь них они не могут не из-за размеров зазоров между составляющими материю частицами, а по причине существования между этими разбросанными в «твердой» материи

частицами силовых полей. Для нашего мозга оказалось полезным *создать* представление о «твердости» и «непроницаемости», потому что, используя эти представления, телу легче двигаться в мире, в котором так называемые твердые» объекты не могут одновременно занимать одно и то же пространство.

Хочу привести по этому поводу небольшое юмористическое отступление из книги Джона Ронсона «Человек, который смотрел на коз»:

Вот вам правдивая история, случившаяся летом 1983 года в городе Арлингтоне, штат Вирджиния. Генерал-майор Альберт Стаббл-байн Третий сидел за столом, уставившись на увешанную огромным количеством медалей стену. Медали эти свидетельствовали о многолетней блестящей карьере генерала — главного начальника американской разведки, в подчинении которого находилось шестнадцать тысяч солдат... Минувя награды, взгляд генерала уперся в стену. Он чувствовал, что что-то нужно сделать, несмотря на то что даже подумать об этом страшно. Мысль сосредоточилась на надвигавшемся выборе. Можно остаться в этом офисе или проследовать в соседний. В этом и заключается выбор — и он его сделал: он идет в соседний офис... Встав из-за стола и обогнув его, генерал пошел. Если хорошенько подумать, рассуждал он, из чего в основном состоят атомы? Из пустоты! Он ускорил шаг. А из чего в основном состою я? — думал он. Из атомов! Он почти перешел на бег. А из чего в основном состоит стена? — думал он дальше. Из атомов! Просто нужно сделать так, чтобы пустые места правильно совпали... И тут генерал Стабблбайн больно стукнулся носом о стену офиса. Черт побери, грустно подумал он. Никак не удастся генералу Стабблбайну пройти сквозь стену. В чем же дело? Может быть, он просто не может достичь необходимого уровня сосредоточения? Генерал не сомневается, что способность проходить сквозь твердые предметы когда-нибудь станет обычным навыком в арсенале психологических технологий. А когда это произойдет, разве слишком наивно было бы предположить, что с этого момента настанет конец войнам? Кому захочется иметь дело с армией, способной на такие штуки?

На веб-сайте организации, которой генерал Стабблбайн нынче, выйдя на пенсию, руководит вместе с женой, его очень удачно описали как «мыслителя, выходящего за обычные рамки». Организация называется «СвободаЗдоровьеСША» и занимается «пищевыми добавками (витаминами, минералами, аминокислотами и тому подобным), травами, гомеопатическими лекарствами, медициной питания и чистыми пищевыми продуктами (не отравленными пестицидами, гербицидами, антибиотиками), поставляемыми без вмешательства корпораций, диктующих вам, какие лекарства и в каких дозах разрешается применять (ограничивающих таким образом с помощью государства вашу свободу)». Упоминание о драгоценных жизненных флюидах, к счастью, отсутствует (см. цитату бригадного генерала Джека Д. Риппера из фильма «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу»).²³⁵

Поскольку наша эволюция протекала в Среднем мире, нам не составляет труда понять идею такого типа: «Если генерал-майор движется со скоростью, характерной для движения большинства генерал-майоров и других объектов Среднего мира, то при ударе его о другой объект Среднего мира вроде стены его движение будет немедленно остановлено довольно болезненным образом». Наш мозг не в состоянии представить, что бы мы чувствовали при переходе, на манер нейтринно, сквозь стену через те пустоты, из которых «на самом деле» состоит стена. Точно так же наше сознание не в состоянии справиться с явлениями, происходящими при движении со скоростями, близкими к скорости света.

Появившейся и возвращенной в Среднем мире интуиции нелегко без специальной тренировки поверить даже заявлению Галилея о том, что, если исключить сопротивление воздуха, брошенные с башни пушечное ядро и перышко упадут на землю одновременно. Причина заключается в том, что в Среднем мире воздушное сопротивление присутствует повсеместно. Если бы мы эволюционировали в вакууме, мы бы *не сомневались*, что перышко и ядро упадут в одно и то же время. Мы — порождения Среднего мира и его обитатели, и это налагает ограничения на возможности нашего воображения. Если у нас нет особо выдающихся способностей или исключительно разностороннего образования, то Средний мир — это все, что доступно нашему взгляду из узкого окошка паранджи.

В определенном смысле нам, животным, приходится выживать не только в Среднем мире, но и в микроскопическом мире атомов и электронов. Сама природа нервных импульсов, посредством которых на физическом уровне осуществляется мышление и воображение, неразрывно связана с микромиром. Но понимание законов микромира не помогло бы нашим диким предкам ни в одном из их занятий, ни в одном из принимаемых ими решений. Будь мы бактериями, постоянно сражающимися с тепловым движением молекул, все обстояло бы по-другому. Но мы, жители Среднего мира, слишком неповоротливы и массивны, чтобы реагировать на броуновское движение. Вот еще пример: на наше существование сильно влияет сила тяжести, а о поверхностном натяжении мы почти не задумываемся. Но для крошечного насекомого приоритеты меняются местами: поверхностное натяжение для него вовсе не является слабенькой и второстепенной силой.

В книге «Творение, или Жизнь и как ее сделать» Стив Гранд довольно едко описывает нашу одержимость материей как таковой. Мы склонны полагать, что только твердые, «материальные» предметы существуют по-настоящему. Электромагнитные волны в вакууме кажутся нам какими-то «нереальными». В Викторианскую эпоху считали, что волны могут существовать только в материальной среде. А поскольку такой среды не знали, то ее изобрели и назвали эфиром. Но «всамделишную» материю нам понимать проще только потому, что для наших предков, эволюционировавших в Среднем мире, представление о плотной материи было полезной для выживания моделью.

С другой стороны, даже для жителей Среднего мира очевидно, что водоворот или смерч — вещь не менее реальная, чем кусок камня, хотя материя, из которой состоит водоворот, постоянно меняется. Среди пустынных равнин Танзании, в тени Ол Доньо Ленгай — священного вулкана масаев, есть большая дюна из выпавшего во время извержения 1969 года пепла. Ее форма определяется ветром, и, что замечательно, *она движется*. Такие дюны называют барханами. Вся дюна целиком ползет по пустыне в западном направлении со скоростью около 17 метров в год. Сохраняя форму полумесяца, она скользит туда, куда нацелены ее рога. Ветер задувает песчинки вверх по пологому склону, а затем они сваливаются с гребня внутрь полумесяца.

Но даже бархан больше похож на «вещь», чем волна. Нам только кажется, что волна движется по морю горизонтально; на самом же деле молекулы воды перемещаются в вертикальном направлении. Аналогично этому, несмотря на то, что звуковые волны движутся от одного собеседника к другому, молекулы воздуха этого не делают — иначе это был бы уже не звук, а ветер. Стив Гранд обращает внимание на то, что мы с вами на самом деле больше похожи на волны, чем на «вещи». Он приглашает читателя вспомнить

...что-нибудь из детства. Какое-нибудь яркое воспоминание, что-нибудь, что вы можете увидеть, почувствовать, может быть, даже различить запах, будто вы все еще находитесь там. Ведь вы были там, верно? Иначе откуда бы вы все это помнили? Но знаете, в чем парадокс? Вас там не было. Ни одного из составляющих сейчас ваше тело

атомов не было там в тот момент... Материя перетекает с места на место и на мгновение собирается вместе, чтобы стать вами. Следовательно, вы — это не то, из чего вы сделаны. И если у вас от этого не пробежал по спине озноб, перечитайте еще раз, потому что это очень важно.

Словами «на самом деле» не следует швыряться направо и налево. Если бы нейтрино имело мозг, возникший и развившийся у его микроскопических предков, оно с уверенностью утверждало бы, что камни «на самом деле» в основном состоят из пустоты. Наш мозг — продукт эволюции предков среднего размера, которые не могли проходить сквозь камни; поэтому для нас «на самом деле» реальна та реальность, в которой камни — твердые объекты. Для любого животного «на самом деле» существует лишь то, что требуется мозгу для помощи своему телу в выживании. А поскольку различные виды живут в разных условиях обитания — в разных мирах, — количество существующих «реальностей» пугающе велико.

То, что мы воспринимаем как реальный мир — это не подлинный реальный мир без прикрас; это модель реального мира, настроенная и отрегулированная при помощи данных, получаемых органами чувств; это модель, организованная таким образом, чтобы с ее помощью можно было успешно взаимодействовать с реальным миром. Особенности модели зависят от того, о каком животном идет речь. Летающему животному требуется модель, значительно отличающаяся от модели бегающего, карабкающегося или плавающего животного. Модель хищника отличается от модели травоядного, хотя их миры неизбежно перекрываются. Мозгу обезьяны необходимо программное обеспечение, способное моделировать трехмерное переплетение стволов и ветвей. А водомерке²³⁶ 3D-программа не нужна, потому что она обитает на поверхности пруда в «Плоском мире» Эдвина Аббота. Моделирующая программа крота приспособлена для жизни под землей. Голый землекоп, скорее всего, пользуется примерно таким же программным обеспечением для моделирования окружающего мира, что и крот. А вот белка, хотя и относится вместе с голым землекопом к отряду грызунов, пользуется моделирующей программой, похожей на обезьянью.

В книге «Слепой часовщик» и других работах я высказывал предположение о том, что летучие мыши, возможно, обладают «цветным» слухом. Для того чтобы передвигаться в трехмерном пространстве и ловить насекомых, летучей мыши, безусловно, необходима модель, аналогичная модели ласточки, которая выполняет очень похожие действия. Тот факт, что для обновления переменных модели летучая мышь использует эхолокацию, а ласточка — отраженный свет, является второстепенным. Я предположил, что летучие мыши используют такие категории, как «красный» или «синий», в качестве внутренних обозначений полезных для них различий в эхосигналах, подобно тому как ласточки используют аналогичные категории для обозначения различий в длинах световых волн. Хочу подчеркнуть, что структура модели определяется тем, как она будет использоваться, а не тем, какие органы чувств задействованы в ее работе. Из примера с летучими мышами можно сделать следующий вывод: общая структура «моделирующей программы» мозга — в отличие от значений ее частных переменных, которые постоянно обновляются на основе данных, поставляемых органами чувств, — это такое же приспособление животного к своему образу жизни, как крылья, лапы или хвост.

В процитированной выше статье о «возможных мирах» Б. С. Холдейн высказал аналогичную мысль о животных, чей мир строится в первую очередь из запахов. Он заметил, что собаки могут различать запах двух очень похожих летучих жирных кислот — каприловой и капроновой, разбавленных к тому же в миллион раз. Единственная разница

между ними заключается в том, что главная молекулярная цепь каприловой кислоты имеет на два атома углерода больше, чем цепь капроновой кислоты. Холдейн полагает, что собака, видимо, в состоянии расположить кислоты в порядке молекулярного веса, подобно тому как человек по звучанию нот может расположить струны пианино в порядке возрастания их длины.

Есть еще одна жирная кислота — каприновая, аналогичная двум вышеупомянутым, за исключением наличия в ее главной цепочке еще двух атомов углерода. Собака, никогда в жизни не встречавшая каприновой кислоты, скорее всего, сумела бы вообразить ее запах, подобно тому как мы, услышав звук трубы, легко можем представить себе тот же самый звук нотой выше. Мне кажется весьма правдоподобным, что собака или носорог способны воспринимать букеты запахов как гармонические сочетания. Возможно, существуют диссонансные аккорды. Но вряд ли мелодии, потому что, в отличие от запахов, мелодии строятся из звуков, начинающихся и заканчивающихся в строго определенное время. Но есть вероятность, что собаки и носороги имеют «цветное» обоняние, подобно тому как у летучих мышей, по моему предположению, может быть «цветной» слух.

Еще раз хочу повторить: ощущения, которые мы называем цветами, — это всего лишь инструменты, используемые нашим мозгом для обозначения важных для нас различий в окружающем мире. Ощущаемые нами оттенки — то, что философы называют «первичными ощущениями», — сами по себе не имеют органической связи со световыми волнами определенной длины. Они — всего лишь внутренние условные обозначения, ярлыки, которыми мозг пользуется при построении модели окружающей реальности; ярлыки, служащие для установления различий, важных для данного вида животных. Для нас или, скажем, для птиц — это световые волны различной длины. В случае летучих мышей, как я предполагаю, это могут быть различия в звукоотражающих свойствах поверхностей, что-нибудь вроде: «красный» — блестящая поверхность, «синий» — бархатная, «зеленый» — шершавая. А для собак и носорогов аналогичную роль вполне могут играть запахи. Возможность понять необычайный мир летучей мыши или носорога, клопа-водомерки или крота, бактерии или жука-короеда — это один из тех даров, которыми наука награждает нас, разрывая паранджу и открывая нашему взору невиданные доселе горизонты.

Метафору Среднего мира — маленького промежуточного диапазона явлений, доступных для обозрения сквозь узкую прорезь паранджи, — можно применить и для других масштабов, других «спектров». Можно, например, представить себе шкалу вероятностей, и снова мы увидим, что нашей интуиции и воображению доступно только узкое ее окошко. На одном конце спектра вероятностей будут находиться события, которые мы считаем невозможными. Чудеса — это исключительно маловероятные события. Статуя мадонны могла бы помахать нам рукой. Атомы, составляющие кристаллическую решетку материала, из которого сделана статуя, вибрируют в различных направлениях. Поскольку их число невообразимо велико и поскольку в их движении нет строго заданного направления, наблюдаемая нами в Среднем мире рука остается неподвижной. Но копошащиеся в руке атомы *могли бы, по воле случая*, вдруг все двинуться одновременно в одном направлении. И еще раз... и еще... И тогда рука шевельнулась бы и мы бы увидели, как она нам машет. Это могло бы случиться, но вероятность такого события настолько мала, что если бы вы начали писать число в момент возникновения Вселенной, то и по сей день не вывели бы достаточно нулей. Способность подсчитать такую вероятность — количественно выразить почти невозможное событие, вместо того чтобы воздеть в отчаянии руки, — это еще один пример раскрепощения наукой человеческого духа.

Эволюция в Среднем мире слабо подготовила нас к оценке крайне маловероятных событий. Но события, кажущиеся невероятными в Среднем мире, оказываются неизбежными

в грандиозных просторах космоса или геологического времени. Наука настужь распаивает окно, через которое мы при выкли воспринимать спектр возможностей. Усиленный знанием и расчетом разум теперь способен заглянуть в те уголки вероятности, которые когда-то казались недоступными или населенными драконами. В главе 4 мы уже воспользовались этой возможностью, рассматривая вероятность зарождения жизни и то, как подобное крайне маловероятное событие тем не менее неизбежно произойдет при наличии достаточного числа планет; мы рассмотрели также возможность существования множества различных вселенных, каждой со своим собственным набором законов и констант, и антропную необходимость нашего нахождения в одном из тех немногих миров, где возможна жизнь.

Как мы должны понимать фразу Холдейна о том, что мир устроен необычнее, чем мы в состоянии предположить? Необычнее, чем возможно предположить *в принципе*. Или всего лишь необычнее, чем мы способны предположить, учитывая ограниченность нашего мозга, взращенного и обученного Средним миром? Сумеет ли мы, терпеливо трудясь, освободиться от ограниченности Среднего мира, сорвать черную паранджу и достичь интуитивного, а не только математического понимания микро- и макромиров и огромных скоростей? Честное слово, не знаю, но я очень счастлив жить в такое время, когда человечество из всех сил стремится достичь границ познаваемого. И что еще лучше — мы можем в конце концов обнаружить, что этих границ не существует вовсе.

Приложение

Краткий перечень полезных адресов для лиц, желающих избавиться от религии и нуждающихся в поддержке

На веб-сайте Фонда поддержки здравого смысла и науки Ричарда Докинза (www.richarddawkins.net) я собираюсь разместить регулярно обновляемую версию этого списка. Хочу принести извинения за то, что список в основном ограничен англоязычными странами.

США

American Atheists
PO Box 5733, Parsippany, NJ 07054-6733
Voicemail: 1-908-276-7300
Fax: 1-908-276-7402
Email: info@atheists.org www.atheists.org

American Humanist Association
1777 T Street, NW, Washington, DC 20009-7125
Telephone: (202) 238-9088
Toll-free: 1-800-837-3792
Fax: (202) 238-9003 www.americanhumanist.org
Atheist Alliance International
PO Box 26867, Los Angeles, CA 90026
Toll-free: 1-866-HERETIC
Email: info@atheistalliance.org www.atheistalliance.org
The Brights
PO Box 163418, Sacramento, CA 95816 USA
Email: the-brights@the-brights.net www.the-brights.net
Center For Inquiry Transnational

Council for Secular Humanism
Campus Freethought Alliance
Center for Inquiry — On Campus
African Americans for Humanism
3965 Rensch Road, Amherst, NY 14228
Telephone: (716) 636-4869
Fax: (716) 636-1733
Email: info@secularhumanism.org www.centerforinquiry.net www.secularhumanism.org
www.campusfreethought.org www.secularhumanism.org/index.php?section=aah&page=index

Freedom From Religion Foundation
PO Box 750, Madison, WI 53701
Telephone: (608) 256-5800
Email: info@ffrf.org www.ffrf.org
Freethought Society of Greater Philadelphia
393

PO Box 242, Pocopson, PA 19366-0242
Telephone: (610) 793-2737
Fax: (610) 793-2569
Email: fsgp@freethought.org www.fsgp.org/

Institute for Humanist Studies
48 Howard St, Albany, NY 12207
Telephone: (518) 432-7820
Fax: (518) 432-7821 www.humaniststudies.org
International Humanist and Ethical Union — USA

Appignani Bioethics Center
PO Box 4104, Grand Central Station, New York, NY 10162
Telephone: (212) 687-3324
Fax: (212) 661-4188

Internet Infidels
PO Box 142, Colorado Springs, CO 80901-0142
Fax: (877) 501-5113 www.infidels.org
James Randi Educational Foundation
201 S.E. 12th St (E. Davie Blvd), Fort Lauderdale, FL 33316-1815
Telephone: (954) 467-1112
Fax: (954) 467-1660

Email: jref@randi.org www.randi.org
Secular Coalition for America
PO Box 53330, Washington, DC 20009-9997
Telephone: (202) 299-1091 www.secular.org
Secular Student Alliance
PO Box 3246, Columbus, OH 43210
Toll-free Voicemail / Fax: 1-877-842-9474
Email: ssa@secularstudents.org www.secularstudents.org

The Skeptics Society
PO Box 338, Altadena, CA 91001
Telephone: (626) 794-3119
Fax: (626) 794-1301
Email: editorial@skeptic.com www.skeptic.com
Society for Humanistic Judaism
28611 W. 12 Mile Rd, Farmington Hills, MI 48334
Telephone: (248) 478-7610

Fax: (248)478-3159
Email: info@shj.org www.shj.org

Великобритания

British Humanist Association
1 Gower Street, London WC1E 6HD
Telephone: 020 7079 3580
Fax: 020 7079 3588
Email: info@humanism.org.uk www.humanism.org.uk

International Humanist and Ethical Union — UK
1 Gower Street, London WC1E 6HD
Telephone: 020 7631 3170
Fax: 020 7631 3171 www.iheu.org/

National Secular Society
25 Red Lion Square, London WC1R 4RL
Tel: 020 7404 3126
Fax: 0870 762 8971 www.secularism.org.uk/

New Humanist
1 Gower Street, London WC1E 6HD
Telephone: 020 7436 1151
Fax: 020 7079 3588
Email: info@newhumanist.org.uk www.newhumanist.org.uk

Rationalist Press Association
1 Gower Street, London WC1E 6HD
Telephone: 020 7436 1151
Fax: 020 7079 3588
Email: info@rationalist.org.uk www.rationalist.org.uk/

South Place Ethical Society (UK)
Conway Hall, Red Lion Square, London WC1R 4RL
Telephone: 020 7242 8037/4
Fax: 020 7242 8036
Email: library@ethicalsoc.org.uk www.ethicalsoc.org.uk

Канада

Humanist Association of Canada
PO Box 8752, Station T, Ottawa, Ontario, K1G 3J1
Telephone: 877-HUMANS-1
Fax: (613) 739-4801
Email: HAC@Humanists.ca <http://hac.humanists.net/>

Австралия

Australian Skeptics
PO Box 268, Roseville, NSW 2069
Telephone: 02 9417 2071

Email: skeptics@bdsn.com.au www.skeptics.com.au

Council of Australian Humanist Societies
GPO Box 1555, Melbourne, Victoria 3001.
Telephone: 613 5974 4096

Email: AMcPhate@bigpond.net.au <http://home.vicnet.net.au/~huma-nist/resources/cahs.html>

Новая Зеландия

New Zealand Skeptics
NZCSICOP Inc.
PO Box 29-492, Christchurch
Email: skeptics@spis.co.nz <http://skeptics.org.nz>
Humanist Society of New Zealand
PO Box 3372, Wellington
Email: jeffhunt90@yahoo.co.nz www.humanist.org.nz/

Индия

Rationalist International
PO Box 9110, New Delhi 110091
Telephone: + 91-11-556 990 12
Email: info@rationalistinternational.net www.rationalistinternational.net/

Мусульманские организации

Apostates of Islam www.apostatesofislam.com/index.htm
Dr Homa Darabi Foundation
(To promote the rights of women and children under Islam)
PO Box 11049, Truckee, CA 96162, USA
Telephone (530) 582 4197
Fax (530) 582 0156
Email: homa@homa.org www.homa.org/

FaithFreedom.org www.faithfreedom.org/index.htm
Institute for the Secularization of Islamic Society
Email: info@SecularIslam.org www.secularislam.org/Default.htm

Использованные и рекомендованные в книге публикации

Adams, D. (2003). The Salmon of Doubt. London: Pan.

Alexander, R. D. and Tinkle, D. W., eds (1981).
Natural Selection and Social Behavior. New York: Chiron Press.

Anon. (1985). Life — How Did It Get Here? By Evolution or by Creation? New York:
Watchtower Bible and Tract Society.

Ashton, J. E, ed. (1999). In Six Days: Why 50 Scientists Choose to Believe in Creation.
Sydney: New Holland.

- Atkins, P. W. (1992). *Creation Revisited*. Oxford: W. H. Freeman.
- Atran, S. (2002). *In Gods We Trust*. Oxford: Oxford University Press.
- Attenborough, D. (1960). *Quest in Paradise*. London: Lutterworth.
- Aunger, R. (2002). *The Electric Meme: A New Theory of How We Think*. New York: Free Press.
- Baggini, J. (2003). *Atheism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Barber, N. (1988). *Lords of the Golden Horn*. London: Arrow.
- Barker, D. (1992). *Losing Faith in Faith*. Madison, WI: Freedom From Religion Foundation.
- Barker, E. (1984). *The Making of a Moonie: Brainwashing or Choice?* Oxford: Blackwell.
- Barrow, J. D. and Tipler, F. J. (1988). *The Anthropic Cosmological Principle*. New York: Oxford University Press.
- Baynes, N. H., ed. (1942). *The Speeches of Adolf Hitler, vol. 1*. Oxford: Oxford University Press.
- Behe, M. J. (1996). *Darwin's Black Box*. New York: Simon & Schuster.
- Beit-Hallahmi, B. and Argyle, M. (1997). *The Psychology of Religious Behaviour, Belief and Experience*. London: Routledge.
- Berlinerblau, J. (2005). *The Secular Bible: Why Nonbelievers Must Take Religion Seriously*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blackmore, S. (1999). *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press.
- Blaker, K., ed. (2003). *The Fundamentals of Extremism: The Christian Right in America*. Plymouth, MI: New Boston.
- Bouquet, A. C. (1956). *Comparative Religion*. Harmondsworth: Penguin.
- Boyd, R. and Richerson, P. J. (1985). *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press.
- Boyer, P. (2001). *Religion Explained*. London: Heinemann.
- Brodie, R. (1996). *Virus of the Mind: The New Science of the Meme*. Seattle: Integral Press.
- Buckman, R. (2000). *Can We Be Good without God?* Toronto: Viking.
- Bullock, A. (1991). *Hitler and Stalin*. London: HarperCollins.
- Bullock, A. (2005). *Hitler: A Study in Tyranny*. London: Penguin.
- Buss, D. M., ed. (2005). *The Handbook of Evolutionary Psychology*. Hoboken, NJ: Wiley.

Cairns-Smith, A. G. (1985). *Seven Clues to the Origin of Life*. Cambridge: Cambridge University Press.

Comins, N. F. (1993). *What if the Moon Didn't Exist?* New York: Harper-Collins.

Coulter, A. (2006). *Godless: The Church of Liberation*. New York: Crown Forum.

Darwin, C. (1859). *On the Origin of Species by Means of Natural Selection*. London: John Murray.

Dawkins, M. Stamp (1980). *Animal Suffering*. London: Chapman & Hall.

Dawkins, R. (1976). *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.

Dawkins, R. (1982). *The Extended Phenotype*. Oxford: W. H. Freeman.

Dawkins, R. (1986). *The Blind Watchmaker*. Harlow: Longman.

Dawkins, R. (1995). *River Out of Eden*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Dawkins, R. (1996). *Climbing Mount Improbable*. New York: Norton.

Dawkins, R. (1998). *Unweaving the Rainbow*. London: Penguin.

Dawkins, R. (2003). *A Devil's Chaplain: Selected Essays*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Dennett, D. (1995). *Darwin's Dangerous Idea*. New York: Simon & Schuster.

Dennett, D. C. (1987). *The Intentional Stance*. Cambridge, MA: MIT Press.

Dennett, D. C. (2003). *Freedom Evolves*. London: Viking.

Dennett, D. C. (2006). *Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon*. London: Viking.

Deutsch, D. (1997). *The Fabric of Reality*. London: Allen Lane.

Distin, K. (2005). *The Selfish Meme: A Critical Reassessment*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dostoevsky, F. (1994). *The Karamazov Brothers*. Oxford: Oxford University Press.

Ehrman, B. D. (2003a). *Lost Christianities: The Battles for Scripture and the Faiths We Never Knew*. Oxford: Oxford University Press.

Ehrman, B. D. (2003b). *Lost Scriptures: Books that Did Not Make It into the New Testament*. Oxford: Oxford University Press.

Ehrman, B. D. (2006). *Whose Word Is It?* London: Continuum.

Fisher, H. (2004). *Why We Love: The Nature and Chemistry of Romantic Love*.

New York: Holt.

Forrest, B. and Gross, P. R. (2004). *Creationism's Trojan Horse: The Wedge of Intelligent Design*. Oxford: Oxford University Press.

Frazer, J. G. (1994). *The Golden Bough*. London: Chancellor Press.

Freeman, C. (2002). *The Closing of the Western Mind*. London: Heinemann.

Galouye, D. F. (1964). *Counterfeit World*. London: Gollancz.

Glover, J. (2006). *Choosing Children*. Oxford: Oxford University Press.

Goodenough, U. (1998). *The Sacred Depths of Nature*. New York: Oxford University Press.

Goodwin, J. (1994). *Price of Honour: Muslim Women Lift the Veil of Silence on the Islamic World*. London: Little, Brown.

Gould, S. J. (1999). *Rocks of Ages: Science and Religion in the Fullness of Life*. New York: Ballantine.

Grafen, A. and Ridley, M., eds (2006). *Richard Dawkins: How a Scientist Changed the Way We Think*. Oxford: Oxford University Press.

Grand, S. (2000). *Creation: Life and How to Make It*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Grayling, A. C. (2003). *What Is Good? The Search for the Best Way to Live*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Gregory, R. L. (1997). *Eye and Brain*. Princeton: Princeton University Press.

Halbental, M. and Margalit, A. (1992). *Idolatry*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Harris, S. (2004). *The End of Faith: Religion, Terror and the Future of Reason*. New York: Norton.

Harris, S. (2006). *Letter to a Christian Nation*. New York: Knopf.

Haught, J. A. (1996). *2000 Years of Disbelief: Famous People with the Courage to Doubt*. Buffalo, NY: Prometheus.

Hauser, M. (2006). *Moral Minds: How Nature Designed our Universal Sense of Right and Wrong*. New York: Ecco.

Hawking, S. (1988). *A Brief History of Time*. London: Bantam.

Henderson, B. (2006). *The Gospel of the Flying Spaghetti Monster*. New York: Villard.

Hinde, R. A. (1999). *Why Gods Persist: A Scientific Approach to Religion*. London: Routledge.

Hinde, R. A. (2002). *Why Good Is Good: The Sources of Morality*. London: Routledge.

- Hitchens, C. (1995). *The Missionary Position: Mother Teresa in Theory and Practice*. London: Verso.
- Hitchens, C. (2005). *Thomas Jefferson: Author of America*. New York: Harper-Collins.
- Hodges, A. (1983). *Alan Turing: The Enigma*. New York: Simon & Schuster.
- Holloway, R. (1999). *Godless Morality: Keeping Religion out of Ethics*. Edinburgh: Canongate.
- Holloway, R. (2001). *Doubts and Loves: What is Left of Christianity*. Edinburgh: Canongate.
- Humphrey, N. (2002). *The Mind Made Flesh: Frontiers of Psychology and Evolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Huxley, A. (2003). *The Perennial Philosophy*. New York: Harper.
- Huxley, A. (2004). *Point Counter Point*. London: Vintage.
- Huxley, T. H. (1871). *Lay Sermons, Addresses and Reviews*. New York: Appleton.
- Huxley, T. H. (1931). *Lectures and Essays*. London: Watts.
- Jacoby, S. (2004). *Freethinkers: A History of American Secularism*. New York: Holt.
- Jammer, M. (2002). *Einstein and Religion*. Princeton: Princeton University Press.
- Jaynes, J. (1976). *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Boston: Houghton Mifflin.
- Juergensmeyer, M. (2000). *Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence*. Berkeley: University of California Press.
- Kennedy, L. (1999). *All in the Mind: A Farewell to God*. London: Hodder & Stoughton.
- Kertzer, D. I. (1998). *The Kidnapping of Edgardo Mortara*. New York: Vintage.
- Kilduff, M. and Javers, R. (1978). *The Suicide Cult*. New York: Bantam.
- Kurtz, P., ed. (2003). *Science and Religion: Are They Compatible?* Amherst, NY: Prometheus.
- Kurtz, P. (2004). *Affirmations: Joyful and Creative Exuberance*. Amherst, NY: Prometheus.
- Kurtz, P. and Madigan, T. J., eds (1994). *Challenges to the Enlightenment: In Defense of Reason and Science*. Amherst, NY: Prometheus.
- Lane, B. (1996). *Killer Cults*. London: Headline.
- Lane Fox, R. (1992). *The Unauthorized Version*. London: Penguin.
- Levitt, N. (1999) *Prometheus Bedeviled*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Loftus, E. and Ketcham, K. (1994). *The Myth of Repressed Memory: False Memories and Allegations of Sexual Abuse*. New York: St Martin's.

McGrath, A. (2004). *Dawkins' God: Genes, Memes and the Meaning of Life*. Oxford: Blackwell.

Mackie, J. L. (1985). *The Miracle of Theism*. Oxford: Clarendon Press.

Medawar, P. B. (1982). *Pluto's Republic*. Oxford: Oxford University Press.

Medawar, P. B. and Medawar, J. S. (1977). *The Life Science: Current Ideas of Biology*. London: Wildwood House.

Miller, Kenneth (1999). *Finding Darwin's God*. New York: HarperCollins.

Mills, D. (2006). *Atheist Universe: The Thinking Person's Answer to Christian Fundamentalism*. Berkeley: Ulysses Books.

Mitford, N. and Waugh, E. (2001). *The Letters of Nancy Mitford and Evelyn Waugh*. New York: Houghton Mifflin.

Mooney, C. (2005). *The Republican War on Science*. Cambridge, MA: Basic Books.

Perica, V. (2002). *Balkan Idols: Religion and Nationalism in Yugoslav States*. New York: Oxford University Press.

Phillips, K. (2006). *American Theocracy*. New York: Viking.

Pinker, S. (1997). *How the Mind Works*. London: Allen Lane.

Pinker, S. (2002). *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. London: Allen Lane.

Plimer, I. (1994). *Telling Lies for God: Reason vs Creationism*. Milsons Point, NSW: Random House.

Polkinghorne, J. (1994). *Science and Christian Belief: Theological Reflections of a Bottom-Up Thinker*. London: SPCK.

Rees, M. (1999). *Just Six Numbers*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Rees, M. (2001). *Our Cosmic Habitat*. London: Weidenfeld & Nicolson.

Reeves, T. C. (1996). *The Empty Church: The Suicide of Liberal Christianity*. New York: Simon & Schuster.

Richerson, P. J. and Boyd, R. (2005). *Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution*. Chicago: University of Chicago Press.

Ridley, Mark (2000). *Mendel's Demon: Gene Justice and the Complexity of Life*. London: Weidenfeld & Nicolson.

- Ridley, Matt (1997). *The Origins of Virtue*. London: Penguin.
- Ronson, J. (2005). *The Men Who Stare at Goats*. New York: Simon & Schuster.
- Ruse, M. (1982). *Darwinism Defended: A Guide to the Evolution Controversies*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Russell, B. (1957). *Why I Am Not a Christian*. London: Routledge.
- Russell, B. (1993). *The Quotable Bertrand Russell*. Amherst, NY: Prometheus.
- Russell, B. (1997a). *The Collected Papers of Bertrand Russell, vol. 2: Last Philosophical Testament, 1943–1968*. London: Routledge.
- Russell, B. (1997b). *Collected Papers, vol. 11*, ed. J. C. Slater and P. Kullner. London: Routledge.
- Russell, B. (1997c). *Religion and Science*. Oxford: Oxford University Press.
- Ruthven, M. (1989). *The Divine Supermarket: Travels in Search of the Soul of America*. London: Chatto & Windus.
- Sagan, C. (1995). *Pale Blue Dot*. London: Headline.
- Sagan, C. (1996). *The Demon-Haunted World: Science as a Candle in the Dark*. London: Headline.
- Scott, E. C. (2004). *Evolution vs. Creationism: An Introduction*. Westport, CT: Greenwood.
- Shennan, S. (2002). *Genes, Memes and Human History*. London: Thames & Hudson.
- Shermer, M. (1997). *Why People Believe Weird Things: Pseudoscience, Superstition and Other Confusions of Our Time*. New York: W. H. Freeman.
- Shermer, M. (1999). *How We Believe: The Search for God in an Age of Science*. New York: W. H. Freeman.
- Shermer, M. (2004). *The Science of Good and Evil: Why People Cheat, Gossip, Care, Share, and Follow the Golden Rule*. New York: Holt.
- Shermer, M. (2005). *Science Friction: Where the Known Meets the Unknown*. New York: Holt.
- Shermer, M. (2006). *The Soul of Science*. Los Angeles: Skeptics Society.
- Silver, L. M. (2006). *Challenging Nature: The Clash of Science and Spirituality at the New Frontiers of Life*. New York: HarperCollins.
- Singer, P. (1990). *Animal Liberation*. London: Jonathan Cape.
- Singer, P. (1994). *Ethics*. Oxford: Oxford University Press.

- Smith, K. (1995). *Ken's Guide to the Bible*. New York: Blast Books.
- Smolin, L. (1997). *The Life of the Cosmos*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Smythies, J. (2006). *Bitter Fruit*. Charleston, SC: Booksurge.
- Spong, J. S. (2005). *The Sins of Scripture*. San Francisco: Harper.
- Stannard, R. (1993). *Doing Away with God? Creation and the Big Bang*. London: Pickering.
- Steer, R. (2003). *Letter to an Influential Atheist*. Carlisle: Authentic Lifestyle Press.
- Stenger, V. J. (2003). *Has Science Found God? The Latest Results in the Search for Purpose in the Universe*. New York: Prometheus.
- Susskind, L. (2006). *The Cosmic Landscape: String Theory and the Illusion of Intelligent Design*. New York: Little, Brown.
- Swinburne, R. (1996). *Is There a God?* Oxford: Oxford University Press.
- Swinburne, R. (2004). *The Existence of God*. Oxford: Oxford University Press.
- Taverne, R. (2005). *The March of Unreason: Science, Democracy and the New Fundamentalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Tiger, L. (1979). *Optimism: The Biology of Hope*. New York: Simon & Schuster.
- Toland, J. (1991). *Adolf Hitler: The Definitive Biography*, New York: Anchor.
- Trivers, R. L. (1985). *Social Evolution*. Menlo Park, CA: Benjamin/Cummings.
- Unwin, S. (2003). *The Probability of God: A Simple Calculation that Proves the Ultimate Truth*. New York: Crown Forum.
- Vermes, G. (2000). *The Changing Faces of Jesus*. London: Allen Lane.
- Ward, K. (1996). *God, Chance and Necessity*. Oxford: Oneworld.
- Warraq, I. (1995). *Why I Am Not a Muslim*. New York: Prometheus.
- Weinberg, S. (1993). *Dreams of a Final Theory*. London: Vintage.
- Wells, G. A. (1986). *Did Jesus Exist?* London: Pemberton.
- When, F. (2004). *How Mumbo-Jumbo Conquered the World: A Short History of Modern Delusions*. London: Fourth Estate.
- Williams, W, ed. (1998). *The Values of Science: Oxford Amnesty Lectures 1997*. Boulder, CO: Westview.
- Wilson, A. N. (1993). *Jesus*. London: Flamingo.

Wilson, A. N. (1999). God's Funeral. London: John Murray.

Wilson, D. S. (2002). Darwin's Cathedral: Evolution, Religion and the Nature of Society. Chicago: University of Chicago Press.

Wilson, E. O. (1984). Biophilia. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Winston, R. (2005). The Story of God. London: Transworld/BBC.

Wolpert, L. (1992). The Unnatural Nature of Science. London: Faber & Faber.

Wolpert, L. (2006). Six Impossible Things Before Breakfast: The Evolutionary Origins of Belief. London: Faber & Faber.

Young, M. and Edis, T., eds (2006). Why Intelligent Design Fails: A Scientific Critique of the New Creationism. New Brunswick: Rutgers University Press.

Спасибо, что скачали книгу в [Библиотеке скептика](#)

[Другие книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)